

ХХІ
стагодзьдзе

б і б л і я т э к а с в а б о д ы

Светлана
**АЛЕ
КСИ
ЕВИЧ**
на Свабодзе

радыё свабода

Светлана Алексиевич на Свабодзе

Светлана
Алексиевич
на Свободзе

Светлана Алексиевич на Свабодзе. (Бібліятэка Свабоды. XXI стагодзьдзе). — Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2016. 744 с. : ил.

Перевод с белорусского

Основатель и координатор серии
Александр Лукашук

Составитель
Сергей Наумчик

Редакторы
Сергей Наумчик,
Микола Романовский,
Сергей Шупа

Художник
Генадзь Мацур

Корректоры
Микола Романовский,
Сергей Шупа

В книге собраны материалы, звучавшие на волнах Радио Свобода, за более чем полтора десятилетия — интервью со Светланой Алексиевич, дискуссии с ее участием, репортажи о встречах с читателями и другие тексты о первом в Беларуси лауреате Нобелевской премии.

Использованы фотографии Владимира Гридина, Богдана Арлова, Александры Дынько, AFP.

© Радыё Свабодная Эўропа / Радыё Свабода, 2016
FOL

ISBN 978-0-929849-81-2

Содержание

Verba et scripta. <i>Александр Лукашук</i>	6
Интервью, дискуссии, репортажи	9
Именной указатель	718
Светлана Алексиевич	732
Summary	733

Verba et scripta

Светлана Алексиевич была против книги из эфира:

«Говорение и текст — это разные вещи. Надо много работать над текстом говорения, чтобы он был равен автору».

Так она ответила на нашу идею собрать под одной обложкой ее слова и слова о ней, которые звучали на Свободе.

Это высказывание писателя о литературе. Текст во время его рождения и есть сам автор, от первой буквы до последней точки, и в этом смысле Алексиевич ничем не отличается от Флобера, Чехова или Быкова.

Отличается ее метод, опасный, как все гениальное, которое выглядит простым. Автор становится невидимым и вездесущим, чистой формой, пространством и временем. Как свидетельствует опыт белорусского писателя Алеся Адамовича, чье влияние Алексиевич вспоминает чаще всего, этот метод лучше всего работает на грани войны и мира — войны и мира со временем, памятью, самим собой.

Адамович любил Алексиевич, ей посвящена его статья о жанре говорения и текста, которая называлась «Как быть гениальным». Автор в этом жанре «сверхлитературы» работает с

тоннами словесной руды, чтобы осталось золото, и так, по Адамовичу, становится конгениален, например, Достоевскому. В самом первом интервью в этой книге, записанном в декабре 1993, Адамович называет работу Алексиевич «лучшим памятником» жизни и страданиям ее героев — через 22 года определение «памятник страданиям и мужеству» будет повторено в решении Нобелевского комитета.

В журналистике, тем более на радио, говорение не становится текстом в смысле Адамовича — оно сразу текст. Это текст текущих событий, реакции на них, эмоциональной аргументации, переходных смыслов, близкого контекста, одномоментной реальности — иными словами, процесса, который называют дыханием, бытием, шумом жизни. В нобелевском свете, однако, повседневность превращается в историю, где все дороги ведут в Стокгольм.

Культуры не бывает без авторитетов. Если писатель, Нобелевский лауреат, за или против чего-либо, нельзя не прислушиваться. Мы не стали публиковать уже подготовленную рукопись, но отпечатали один экземпляр и передали его Светлане перед вылетом в Стокгольм на церемонию — просто как наш подарок.

А подарок от Светланы мы получили за несколько дней до Нового года:

«Хочу сказать спасибо за книгу. И признаться, что даже я, человек постоянно работающий с материалом повседневности, суеты и мусора жизни, не сразу поверила в вашу идею. А идея оказалась работающая, и дело даже не во мне, а в том, что останется документ, документ времени, который чем дальше, тем больше будет интересен».

Светлана писала, что читала книгу «со странным чувством, будто это писал другой человек, живущий в другой стране. Не я писала».

«Не я» здесь означает, вероятно, впечатление от самой себя в зеркале своего же жанра: автор стал героем. А замечание «не во мне дело» ставит жанр выше автора — но это все же только часть дела.

В нобелевской лекции Алексиевич сказала про себя «я человек-ухо». Читатели этой книги убедятся, что не в меньшей степени она — человек-голос.

Голос глубокий, живой, упрямый, несогласный, противоречивый, жесткий, верный только себе и своему таланту. Голос мирового диапазона и нобелевского класса.

Наш голос.

*Александр Лукашук,
Радыё Свабода*

**Интервью,
дискуссии,
репортажи**

**Алесь Адамович:
«Не будет большего памятника,
чем книга Светланы»**

8 декабря 1993

Александр Лукашук, Москва

Лукашук: В середине 1980-х вы ввели в оборот понятие, которое вызвало многочисленные споры. Это понятие было «сверхлитература». Одним из ее проявлений стало требование мыслить всегда как всё человечество, как *Homo sapiens*. Среди тех, кто работал в этом жанре или кого критики относили к этой сверхлитературе, была и ваша последовательница, в некотором смысле ученица Светлана Алексиевич со своими книгами о муках, о людях войны, о наших нынешних делах. И вот сегодня в Минске идет суд фактически над литературным произведением и над писателем. Может быть, дело в том, что сверхлитература действительно виновата перед литературой, нельзя живых реальных людей вводить в художественное произведение?

Адамович: Я знаю ситуацию в Беларуси, отвратительная просто ситуация, которую создали — она не сама возникла — создали вокруг Светланы, ее книг. Я мог бы обращаться к политикам бело-

русским, людям государственным, и призывать их к какой-то честности, вообще к государственному эгоизму — не позорьтесь вы на весь мир! Не выставляйте вы себя дикарями, каких нет уже в Европе. Нет таких дикарей, какими выглядите вы, когда вы допускаете то, что происходит в Беларуси. Но не хочется мне к ним обращаться, потому что я знаю, во что превращается сейчас политическая Беларусь. Я знаю, что в Беларуси очень на меня обиделись определенные люди, когда я сказал эти слова: «Вандея перестройки». Нашли исторические детали, уточнили, что такое «Вандея», ссылаются на Солженицына, оказывается, «Вандея» — это хорошо. «Вандея» эта оскорбляет весь белорусский народ.

Если ту статью мою почитать, то конкретный разговор идет о Соколове, Павлове, Антоновиче, о вот этой компании, которая от имени Беларуси всю политику строила. При чем здесь белорусский народ? Но если оскорбляет вот этих людей нынешних, и теперь снова всплывает эта «Вандея», ну тогда я «Вандею» оставляю в стороне, а скажу еще слово, может, более обидное: Парагвай. Что такое Парагвай был после войны? Туда все нацисты побежали, по крысиным норам побежали спасаться от демократических сил, которые пришли в Европу. Что произошло после этого путча Хасбулатова-Руцкого? Все побежали в Минск, в Борисов. Тогда можно сказать — Парагвай. Но ведь это не Беларусь Парагвай, а те политические деятели, которые превращают Беларусь в пристанище этой шушеры красно-коричневой. И когда происходит то, что вокруг Алексиевич — тогда

понятно, это все связано. Если атмосфера такая, что туда бегут.

Я не хочу к ним обращаться. Это бесполезно обращаться к Антоновичу, к людям, которые не глупее нас и знают, чего они хотят. Они найдут на твои аргументы тридцать, сто других аргументов. Я хотел бы обратиться к этим несчастным матерям погибших афганцев.

Не позволяйте, чтобы над вами издевались. Произдевались над вашими детьми, сейчас над вами. Я не знаю большего, и будет ли лучший памятник всем вашим сыновьям, чем вот эта книга Светланы. Я когда читал о матерях, воспоминания матерей, рассказы, я думаю, это самое сильное, что за последние двадцать лет я читал. Именно рассказы матерей о своих детях, о том, как они узнали о погибших детях, как они получали гроб, где даже не ребенок, а неизвестно кого прислали. О том, как они ходят на кладбище, как они помнят своих детей. Нет и не будет этим ребятам, которые погибли в Афганистане, большего памятника, чем их собственные рассказы, воспоминания о своих детях. И то, что Светлана эти воспоминания записала, что их читают во всем мире — это память о ваших детях, через это они хоть будут жить!

Эти страшные люди, которые сейчас эксплуатируют ваши чувства, они послали их туда и убили. Хочется думать, что все-таки сами, не могу упрекнуть ни одну мать, ни одну женщину, которая там присутствовала на этом суде, потому что я понимаю, как можно человека в таком состоянии заставить делать то, что он не хотел бы. Я на себе это ощутил. На первом съезде, помню, выступил,

когда был первый Съезд народных депутатов, и стал говорить о том, что армию превратили в нечто страшное для солдата, что это колхоз, где солдат становится предметом эксплуатации, ему ничего не платят, он бесправный, хуже колхозника. Я то говорил, что болело всем. И вдруг получил письмо — тут же хотели меня в суд передать за то, что оскорбил генералов и полковников. Это меня ничуть не заботило. Но я получил одно письмо, страшное письмо, от женщины-матери, которая меня проклинала за то, что я вот унижаю ее сына, потому что он солдат, и так далее. Что я мог? Я мог только мучительно страдать и переживать, что какая-то добрая женщина вот эти страшные слова мне пишет, не понимая того, что я как раз хотел выйти и сказать, что ее сына вот эта дедовщина, эта армия наша страшная превратила просто в раба.

Ну так я представляю, что там этим женщинам внушили, что они слышали, что им говорят о Светлане, о ее книгах. И мне очень хотелось бы, чтобы те матери, которые потеряли своих детей, которые понимают, что эта книга — самый большой памятник их детям, их мукам материнским, их память там вся собрана. И даже если они там не участвовали, все равно это память и их тоже. Чтобы вот эти другие матери вступились за Светлану. Чтобы они сказали свое слово в защиту книги, которая ради их сыновей сделана.

**Василь Быков:
Попытка Алексиевич осмыслить
нравственные проблемы афганской
войны вызвала бешеный отпор**

12 декабря 1993
Александр Лукашук, Минск

Из интервью с Василем Быковым.

Лукашук: Как вы оцениваете то, что происходит в Беларуси с литературой, я имею в виду конкретное литературное произведение Светланы Алексиевич — «Цинковые мальчишки»?

Быков: То, что происходит в Беларуси, имеет конкретную привязку и к творчеству Алексиевич, и к Минску. Я имею в виду вот это недавнее судебное разбирательство. Но вообще это характерно для посткоммунистической ментальности. И главное здесь, как я уже говорил, концентрируется именно в неопределенности осмысления всей этой афганской авантюры как явления — социального, психологического.

А главное, может быть, как идейного явления в нашей истории. Потому что дальше осознания того, что эта война несправедлива, что с ней надо было кончать, что и сделал Горбачев, выведя оттуда войска, наша общественная мысль не пошла. На том она и остановилась. Она остановилась на этом, хотя мы, человечество, наш народ оказались перед сотнями тысяч участников этой авантюры. Авантюра сама по себе закончилась там, оставив

после себя более миллиона, около двух миллионов смертей афганцев, массу уничтоженных кишлаков, полей, культурных центров и религиозных центров тоже. Все это осталось позади. Но люди, которые все это устроили, — они здесь. Какое должно быть у нас к ним отношение? Хотя бы морально, какое отношение? У общества на это нет ответа.

Так вот, Алексиевич сделала попытку в жанре литературы осмыслить каким-то образом некие начала этой проблемы. И сразу же это вызвало бешеный отпор. Прежде всего со стороны тех, кого легче всего было использовать — матерей жертв. Матерей не тех людей, которые там убивали и живут сейчас среди нас, а тех, которые сами погибли там. Это, конечно, было очень просто, это — самое легкое решение. И оно было найдено и применено у нас в Беларуси. Именно против этого произведения «Цинковые мальчики», против его автора Светланы Алексиевич и против попытки осмыслить все-таки роль наших людей (в данном случае — людей из нашей нации, из белорусской) в этой войне — восстали матери, женщины. И, конечно, как средство были использованы судебные разборы.

Кто из белорусских писателей получит Нобелевскую премию

5 июля 1998

Сергей Дубовец, Вильнюс

Из передачи «Острая брама. Белорусский культурный контекст XX века».

Дубовец: Белорусская интеллигенция изболелась по Нобелевской премии. Об этом говорят, мечтают, верят в счастливое вознаграждение как в панацею от национального вырождения. Все эти, на первый взгляд, бессмысленные мечтания уже сами по себе есть жизнь культуры, которая нащупывает свою новую постсоветскую иерархию.

На Нобелевскую премию выдвигают, о ней ходатайствуют, за нее соревнуются. И все это происходит преимущественно тайно или совсем тайно. Потому что такие правила диктует сам институт Нобелевской премии, которая назначается в результате сложной системы кулуарного лоббирования. Секретность приводит к тому, что в разных кругах белорусской элиты вынашиваются насчет Нобеля свои «виды», о которых за пределами такого круга не знает никто. Таким образом, в Беларуси может одновременно вызреть несколько кандидатов в разных номинациях, а самое назначение окажется, как всегда, неожиданным. Момент мафиозности в эти закулисные игры привносит размер премии — больше миллиона долларов. Легко можно представить, что для кого-то это вполне себе бизнес.

В националистических кругах Нобеля связывают прежде всего с литературой и чаще всего называют имя Василя Быкова. Но и тут, оказывается, не все однозначно и «единогласно». Скажем, я был убежден, что вся наша элита надеется на присуждение премии Быкову и как может лоббирует эту идею еще со времен Брежнева (когда Быкову, говорили, дали Ленинскую премию якобы затем, чтобы он не получил Нобеля), а может, и раньше.

И вот года три назад в зимней Варшаве я разговариваю с одним белорусским оппозиционным профессором и говорю ему, что неплохо было бы, чтобы наша оппозиция использовала свои международные связи для лоббирования Василя Быкова на премию. Профессор задумался и ответил, что Быков, конечно, хороший писатель, но он старый, а у нас есть более молодые, которые о войне пишут лучше него.

Ответ профессора я расценил как неосведомленность. Мол, не знает человек литературы — какие такие молодые у нас пишут лучше Быкова и тем более о войне?

Тот разговор с профессором я все время вспоминал почти как анекдот. Пока не понял, что ошибался тогда не профессор, а я сам. И в то время, когда мы говорим о кандидатуре Василя Быкова, у него, оказывается, есть в Беларуси совершенно реальный конкурент.

Совсем недавно я понял, что профессор имел в виду Светлану Алексиевич. Она ведь и моложе, и тоже пишет о войне. Ее произведения широко переводятся в мире. Недостатка внимания со стороны прессы она не испытывает, да и о ее кандида-

туре на Нобеля уже приходилось слышать не раз. А если учесть, что премия, как правило, бывает неожиданной... Выходит, БНФ-овский профессор уже три года назад знал, кого ему нужно лоббировать на шведскую премию.

Лично я ничего не имею против Светланы Алексиевич. И если бы звезды стали для нее удачно, стоило бы искренне порадоваться за писательницу, которая пишет по-русски. Но не за Беларусь.

Потому что, парадоксальным образом, такая премия могла бы стать последним гвоздем в гроб белорусского языка, который после такого признания русскоязычной литературы в Беларуси вряд ли уже вернулся бы к полноценному социальному существованию. Возможно, он бы получил статус ирландского языка, на котором еще говорят крестьяне в стране, где семеро англоязычных писателей носят звание лауреатов Нобеля.

Справедливо было бы, если бы русскоязычные писатели представлялись в мире как русские. К сожалению, пока это не так. И в том не вина писателей, а беда стран, подорванных двухсотлетней российской оккупацией.

Оппозиция «Белобог — Чернобог» у Купалы трансформировалась в аллитерацию Александра Лукашука «Нобель — Чернобыль». Само слово «Нобель» с этого момента стало белорусским. Станет ли оно для нашей культуры судьбоносным?

Лукашук: Нобелевская премия для Беларуси — как Чернобыль наоборот. Ее излучение пронизало бы жизнь нации на поколения вперед и осветило бы на поколения назад. В этом свете открылась

бы — и так обрела бытие — вся Беларусь, прошлая и будущая, для мира и для себя самой. Сбылась бы метафора Купалы о «месте почести между народами». С нобелевского пьедестала заговорила бы вся наша задушенная, замученная, расстрелянная в XX веке литература и язык. Она бы воскресла, как Христос после снятия с креста.

То, что я сказал, — аргументы слабости. Внешнее признание — подтверждение сущностного характера бытия, его ценности — нужно тем, кто сомневается в себе. Белорусы сомневаются. Лично для меня это был бы самый счастливый день в жизни. Только слабые знают, что такое победа.

Арлов: Я считаю, что наибольшую вероятность получить Нобелевскую премию в современной Беларуси имеет писатель, и мы знаем имя этого писателя. Если присуждение ему Нобелевской премии состоится, например, в этом году, то мой прогноз таков. Во-первых, наконец среди богатых белорусов появится писатель, достигший богатства не торговлей — например, водкой или совестью, — а литературным трудом. Во-вторых, человек, занимающий пост президента страны, не поздравит нобелевский лауреат. В-третьих, государственные издательства Беларуси не закидают нобелевского лауреата предложениями о новых изданиях его книг. В-четвертых, Министерство образования не порекомендует преподавателям родного языка обязательно провести специальный урок, посвященный новому нобелевскому лауреату. В-пятых, если читатели захотят встретиться с лауреатом, выяснится, что для этого нужно письменное разрешение «вертикали» или,

например, БПСМ (пропрезидентский Белорусский патриотический союз молодежи, существовал с 1997 до 2002. — РС). Можно прогнозировать также определенные шаги со стороны налоговой инспекции. Но в конце концов такая реакция будет иметь несомненный положительный эффект. Короче, я мечтаю, что в XXI в. Беларусь вступит со своим первым нобелевским лауреатом, потому что на следующее столетие у нас планируются новые.

Пазьняк: Нобелевская, как и всякая премия, которая отмечает талант и интеллект, способствует формированию умной элиты общества. А в обществе уровень умной элиты — это самое важное. Потеря такой элиты, или ее перерождение, или понижение уровня ведет к болезням общества, таким, как тоталитаризм, саморазрушение, утрата ориентиров, что может кончиться национальной катастрофой.

Существование премии для элиты и для элитарных достижений нужно только приветствовать. С другой стороны, ситуация с присуждением таких премий не может быть полностью объективной. Здесь вмешиваются политические, географические и другие традиционные факторы. Кроме того, общество тоже должно быть активным.

Интеллектуальный уровень белорусской элиты — гуманитарной, научной, технической — очень высокий. Но общество не умеет им воспользоваться, не умеет его выявить, представить и даже уважать. Не находится активных людей, чтобы организовать подготовку и представить Василя Быкова на Нобелевскую премию. Само по себе такое не делается, а писатель и его твор-

чество достойны премии Нобеля. Общество не сумело даже защитить великого писателя от лужанковского оккупационного режима. И это в значительной степени взяло на себя международное сообщество.

Так что ум в обществе должен быть активным. Если этого не будет, то не произойдет и его полной реализации. Будут потери. Может быть, как и в примере с Беларусью, высокий интеллектуальный уровень, но это пропадает впустую или используется другими, не на пользу нации.

«Книга Алексиевич — едва ли не самое глубокое осмысление трагедии мальчиков, которым повезло не оказаться в цинке»

15 февраля 1999
Сергей Наумчик, Прага

В Беларуси отмечают десятую годовщину завершения вывода советских войск из Афганистана.

В декабрьскую ночь 1979-го с витебского аэродрома поднялась в воздух самая первая эскадрилья транспортной дивизии, которая привезла в Афганистан первые советские десантные подразделения. Уже через несколько дней самолеты вернулись с первыми цинковыми гробами.

Ленин, чье учение было каноническим для того поколения, которому довелось воевать в Афганистане, писал о войнах справедливых и несправедливых. Советская война в Афганистане не была справедливой даже по ленинской теории.

Диссиденту Владимиру Буковскому в начале 1990-х годов удалось на несколько недель получить доступ к архиву Генерального секретаря ЦК КПСС, который сейчас называется президентским архивом. В своей книге «Московский процесс» Буковский приводит воспоминания участников штурма дворца тогдашнего главы Афганистана Амина.

Штурм начался с артиллерийского обстрела, потом спецгруппа ворвалась во дворец, забрасывая в каждую комнату гранаты и поливая все вокруг огнем из автоматов. Когда добрались до комнат Амина, увидели, что он держит на руках шестилетнего сына, а рядом был старший сын-подросток. Мгновенно расправившись с главой Афганистана, офицеры КГБ разрядили свои автоматы и в его детей. Так началась афганская война.

Дети Амина не успели заплакать, но другие миллионы афганских детей оплакали смерть своих отцов и матерей. В Советском Союзе оплакивать близких пришлось родителям — средний возраст погибших советских военнослужащих не превышал двадцати лет. Согласно официальной статистике, на территории бывшего Советского Союза — свыше тринадцати тысяч могил тех, кто не вернулся живым с той войны. Есть все основания полагать, что цифра занижена, поскольку количество жертв с афганской стороны достигает — по афганским сведениям — около миллиона человек. Очевидно, точные цифры уже не будут известны никогда.

Вашингтонский политолог Пол Гобл в комментарии к сегодняшнему юбилею замечает, что три фактора — вывод войск, признание, что советская интервенция не пользовалась поддержкой местного населения, и обнародование зверств в отношении мирных жителей, — рельефно выявили античеловечность советской системы. И это отыграло важную роль в ее окончательном уничтожении.

Беларусь афганская война не обошла стороной. Сотни могил едва ли не во всех районах Беларуси, выступление депутата-афганца против академика Сахарова на первом съезде, — и книжка Светланы Алексиевич, которая на сегодняшний день представляет собой едва ли не самое глубокое осмысление трагедии мальчишков, которым повезло не оказаться в цинке.

Та война была бессмысленна для всех. И, может, единственный ее смысл для белорусов — научить, что борьба за чужие интересы счастья не приносит.

Гомельская областная библиотека отказалась организовать встречу с писательницей Светланой Алексиевич

4 марта 1999

Казимир Яновский, Гомель

Гомельская областная библиотека отказалась организовать встречу своих читателей с писательницей Светланой Алексиевич, которая приехала в этот город, чтобы встретиться с героями своей будущей книги.

Сообщу слушателям *Радыё Свабода*, что первой Светлана Алексиевич записала историю жизни и любви учительницы-пенсионерки, которая в молодые годы вышла замуж за инвалида, родила ему троих детей и чувствовала себя счастливой и нужной любимому человеку долгие годы. Эта любовь дает силы женщине и теперь, когда любимого человека уже не стало.

Я поинтересовался у писательницы — что это будет за книга, как она соотносится с предыдущими — «Последними свидетелями», «Цинковыми мальчиками», «Чернобыльской молитвой», которые критики называют энциклопедией всех советских поколений.

Алексиевич: «Когда последняя книга — “Чернобыльская молитва” — была уже написана, и я думала: что должно быть дальше, то решила, что цикл мой должен быть завершён ещё двумя книгами. И этот цикл как бы называется “Человек

знакомый”. Потом я начну второй — “Человек незнакомый”, человек других отношений с миром. Мы люди эпохи войн, революций, развалов, и другого опыта не имеем. Мы люди культуры борьбы, культуры войны, скажем так — противостояния и разрушения. Но все же, несмотря на все эти ужасы, которые почему-то бесконечно ширятся, человек создан не только для того, чтобы закрыть дзот, подняться на крышу реактора, покончить жизнь самоубийством, из-за того что идея погибла. Наверное, Божий замысел другой. И, конечно же, у каждого из нас есть в жизни такие воспоминания, которые он вспомнит в свой последний час. Он наверняка вспомнит что-то личное, частное, если хотите — ночное. Как бы ночной человек. Новая книга будет называться “Чудный олень вечной охоты”. Как сказал Александр Грин, счастье, любовь — это чудный олень вечной охоты. Человек гонится за ним. Так что шестая книга продолжит мою летопись о нашем человеке наших поколений. Но у нас, славян, почему-то грустно все получается. Почему-то мы никак не можем быть счастливы. Поэтому книга — это опять рассказ о людях, но через них личные истории, через любовь, которую они пережили, через то, что они поняли в жизни».

Светлана Алексиевич признается, что очень часто заставляет себя ездить, чтобы не стать «кабинетным ученым» или таким «западным» писателем, которого на Западе печатают, но который давно забыл, что творится в его собственном доме. В этой связи я спрашиваю у писательницы — по-

чему именно Гомельщина, так сказать, выбрана в качестве объекта исследования?

Алексиевич: «Я работала здесь, когда писала книгу “Чернобыльская молитва”. Раньше — тоже, работая над первой книгой “У войны не женское лицо”, делала тут записи. Во-вторых, Гомельщина для меня — это что-то особенное. Мой отец родом из Петриковского района, из села Комаровичи. После войны он был директором во многих школах на Гомельщине, а в Ветковском районе в деревне Присно я вообще пошла в школу и надеюсь, что там еще живет моя первая учительница, которую я очень любила. В Копаткевичах Петриковского района я окончила среднюю школу. Хорошая для меня поездка».

Добавлю, что областная библиотека отказалась организовать встречу своих читателей с писательницей, чьи книги изданы в 19 странах мира.

«Мужское воинственное стадное сознание, подчиненное какому-то вожаку, отучило от индивидуальной ответственности»

3 июня 1999

Валентина Аксак, Минск

В Минске начался Первый всебелорусский форум «Женщина. Планета. Будущее». Около двухсот делегатов из разных регионов Беларуси, а также около ста гостей из России, Польши, Украины, Молдовы участвуют в этом мероприятии. Оно организовано Всебелорусским женским фондом св. Евфросинии Полоцкой при поддержке двух украинских неправительственных женских организаций и трех российских.

Такая широкая представительность форума обусловлена целями организаторов — пробудить женщину к социальной, гражданской, духовной, интеллектуальной активности и заставить общество принять общественную женскую работу.

«Мужское сознание зашло в тупик, и мир наказан за то, что отказался от женской энергии», — сказала на открытии форума председатель его оргкомитета знаменитая писательница Светлана Алексиевич.

И в этой связи она высказала свое видение причин неслыханной трагедии на Немиге. Мужское воинственное стадное сознание, подчиненное какому-то вожаку, отучило от индивидуальной

ответственности за свои действия. А всего-то и нужно было в тот страшный момент — отступить назад, то есть вместо инстинкта стада «Делай как все!» — принять личную ответственность за себя и того, кто рядом, считает Светлана Алексиевич.

В Хельсинки состоялась презентация книги Светланы Алексиевич

26 апреля 2000

Якуб Лопатка, Хельсинки

Вчера в Хельсинки состоялась презентация книги Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва». Интерес к событию проявили практически все крупнейшие газеты Хельсинки и Финляндии, а также финское телевидение.

Сегодня в прессе появились материалы, посвященные публикации «Чернобыльской молитвы» на финском языке. В газетах подробно излагается содержание книги и описываются последствия Чернобыля для Беларуси.

Огромная статья в газете Helsingin Sanomat начинается словами: «О нас, белорусах, в мире узнали только после Чернобыля. Чернобыль стал нашим окном в Европу. Мы одновременно и его жертвы, и его жрецы. Говорить об этом просто страшно».

Комментируя это высказывание, газета пишет, что долгое время Беларусь не считалась главной жертвой Чернобыля. А книга Алексиевич помогает нам пробиться через нагромождения лжи и молчания вокруг ситуации в Беларуси после Чернобыля. Далее сообщается, что «Чернобыльская молитва» переведена на 20 языков, между тем как у себя на родине она фактически запрещена.

Морально-этический вопрос «забыть или помнить» для Светланы Алексиевич решается просто: помнить. Переводчик и литератор Роберт Коломайнен сказал: «Эта книга для нас стала настоящим открытием. Мы знали о Чернобыле, мы даже знали немного о положении в Беларуси, но все это не то. Знать можно и таблицу умножения, но ощутить это, пропустить через собственные чувства — это совсем другое дело».

Кроме вчерашней пресс-конференции, Светлана Алексиевич сегодня вечером будет говорить в городском парке «Эспланада» на «Дне книги и розы», в русском клубе при Институте исторических исследований Хельсинкского университета, а также в Национальном финском ПЕН-центре.

В четверг она выступала в музее Ленина в Тампере, а в пятницу — в городской библиотеке города Пори. Писательница, как отмечает Helsingin Sanomat, стремится пробудить homo sovieticus от десятилетий гипнотического сна.

«Я не порываю связи с родиной»

14 сентября 2000

Анна Соусь, Минск

На следующей неделе писательница Светлана Алексиевич покинет родину и два года будет жить сначала в Италии, а потом во Франции. Вчера прошла последняя встреча писательницы с общественностью Беларуси. Во время встречи состоялась презентация белорусского издания «Чернобыльской молитвы». Таким образом, Беларусь стала семнадцатой страной мира, где напечатана «Чернобыльская молитва».

Через неделю Светлана Алексиевич покинет Беларусь. Она едет по приглашению и на стипендию европарламентской писательской организации. Примерно год Светлана Алексиевич будет жить в Италии (во Флоренции), а потом еще год — во Франции.

Ее последняя встреча с общественностью состоялась в рамках международной конференции «Разрушенный XX век: Хроника будущего», которую организовал международный женский фонд имени Преподобной Евфросинии Полоцкой. На вечере презентовали белорусское издание «Чернобыльской молитвы».

Впервые эта книга издана на белорусском языке. «Чернобыльская молитва» напечатана на средства Представительства ООН в Беларуси, а также при участии литературно-художественного фонда

«Гронка». Тираж небольшой — всего 1500 экземпляров, часть из них будет бесплатно передана белорусским библиотекам.

Во время вечера Светлана Алексиевич рассказала нашему радио, что планирует в Италии завершить работу над своей книгой о любви «Чудный олень вечной охоты»:

«Я не порываю связи с родиной, буду сюда приезжать, потому что долго без своей страны жить не могу», — отметила Светлана Алексиевич.

По мнению писательницы, в Беларуси настало время покидать баррикады, потому что это все — отражение «культуры войны». «Я не говорю, что надо дать этой провинциальной диктатуре делать с нами все что угодно, — считает Алексиевич, — но все время оставаться на баррикадах нельзя». По ее мнению, сейчас для Беларуси главная проблема — это проблема оппозиции, проблема элиты.

На днях Алексиевич вернулась из Токио, где при ее участии японской телекомпанией NHK была снята художественно-документальная лента «Маленький человек и великая Утопия». Это 75-минутный фильм о писательнице и героях ее произведений. «Мы выбрали по два-три героя из каждой моей книги, проехали по всей бывшей стране-утопии, снимали в Беларуси, Украине, России», — рассказала Светлана Алексиевич. Эта лента скоро будет демонстрироваться на японском телевидении. Что касается Беларуси, то Светлана Алексиевич сейчас и не надеется, что фильм «Маленький человек и великая Утопия» в ближайшее время может быть показан на родине.

«Женщине не место на баррикадах»

18 июня 2001

Валентина Аксак, Минск

В Минске прошла конференция, организованная Всебелорусском женским фондом Преподобной Евфросинии Полоцкой.

Вначале разговор пошел в привычном для женских мероприятий русле: возможности и формы реализации социально-педагогического и психологического влияния женских организаций на формирование гуманистических начал в обществе.

... Естественно, понемногу разговор перешел на актуальный для Беларуси вопрос создания в обществе таких возможностей. Повернул тему в это русло единственный в зале мужчина — юрист Георгий Куневич.

Доля женщин среди электората составляет около 53%. И они не только выбирают будущее своим детям, но и стремятся влиять на выбор мужчин. О чем особенно ярко свидетельствует половой состав групп независимых наблюдателей на предстоящих президентских выборах. По данным организаторов конференции, женщин-наблюдателей будет больше половины.

Свидетельством роста внимания белорусских женщин к президентским выборам стало присутствие на конференции известной писательницы Светланы Алексиевич, которая с прошлой осени

живет в Италии и которой принадлежит высказывание, что женщине, тем более творческой, не место на баррикадах.

Алексиевич: «Я просто думаю, что у женщин другая баррикада. Я против той формы баррикады, когда это ненависть — все равно, или со знаком плюс, или со знаком минус. Потому что агрессивной энергии и так много в нашем обществе.

Я считаю, что женщина должна отстаивать наше достоинство, нашу жизнь, наше будущее, но своими женскими средствами. Вот что я имела в виду. Я не говорила, что давайте оставим все как есть и подчинимся этому. Я говорила, что время требует своих форм противостояния, и тут женщины имеют огромный опыт», — сказала Светлана Алексиевич.

« Митинг из отдельного человека делает массу»

18 октября 2002

Елена Панкратова, Минск

В минском музее Янки Купалы белорусские интеллектуалы встречались со Светланой Алексиевич.

Светлана Алексиевич приехала в Беларусь недели на три. За это время она предполагает посетить Москву и Варшаву, где будет решать вопрос экранизации некоторых своих книг.

Как рассказывает писательница, ее ранние произведения сейчас широко переиздаются на Западе. Читатели той самой Италии, где она сейчас живет и работает, а также Франции очень активно возвращаются к переосмыслению коммунистической идеи, бывшего советского опыта. Они отказываются от прежних упрощенных клише, но задают себе вопрос: что же это за кровавая социальная конструкция, которая время от времени так магически влечет к себе людей и при этом никак не может осуществиться?

Алексиевич: «В одной из рецензий я прочитала, что они воспринимают меня как хроникера судьбы маленького человека и великой Утопии. В той же Италии, где очень сильная коммунистическая оппозиция, где она спрятана, мимикрирована, идеалы и опыт этой утопии очень интересны. Когда смотришь на нашу жизнь оттуда, то

видишь, что нам не хватает мужества оценить то, что сейчас происходит.

Мы все время в системе мифологем вращаемся и пользуемся старыми ответами. Баррикады нам кажутся высшей формой противостояния. А на самом деле это другой мир. И, как прозвучало в ходе круглого стола, и демократия, и диктатура — это уже технологии управления массовым сознанием. Поэтому нам надо всем становиться хотя бы профессионалами».

В ходе сегодняшнего круглого стола «Интеллектуалы: искушения молчания», на котором председательствовала Светлана Алексиевич, белорусская творческая элита стремилась понять, почему раньше в условиях тотальной несвободы художники, пусть на эзоповом языке, давали искренние ответы на вопросы, кто они и где они. Сегодня, как рассказали участники круглого стола, да и сама писательница, чувствуется ностальгия по таким людям.

Алексиевич: «Я думаю, что единственная возможность сейчас создать некую ситуацию политическую, интеллектуальную — это не митинг. Митинг из отдельного человека делает массу. А у нас уже есть такой цементный монолит. Я думаю, что именно те ценности частной жизни, к которым пришел Запад, есть этапы нашего движения».

Как считают участники сегодняшнего круглого стола, новые ценности, идеи в обществе могут возникнуть только тогда, когда люди по-настоящему основательно осознают смысл таких будничных сегодня слов, как «демократия», «история», «культура», «нация».

«Мир сегодня настолько неожиданный, что прогнозировать его невозможно»

31 декабря 2002

Юрий Дракохруст, Прага

В передаче «Пражский акцент» итоги года обсуждают писательница Светлана Алексиевич, главный редактор журнала АРСНЕ Валерий Булгаков и директор Радыё Свабода Александр Лукашук.

Дракохруст: Нападение на Америку 11 сентября в прошлом году изменило мир. За несколько дней до этого произошло событие, которое имело не менее важное значение для Беларуси — 9 сентября в прошлом году начался второй президентский срок Александра Лукашенко. В этих событиях-символах, как в своеобразном коде ДНК, было зашифровано дальнейшее развитие, отдаленные, в том числе и совсем не политические, последствия. Как в этом году раскрывались смыслы, заложенные в этих событиях? Г-жа Алексиевич, вам слово.

Алексиевич: Действительно, 11 сентября, а еще раньше Чернобыль, стали границами, знаками другого мира, в котором мы оказались. Мы ориентируемся еще по прежним вехам, а это уже совсем другой мир. Зло появилось под новыми масками, в новой одежде, к чему мы оказались совсем не готовы. То, как мы вели себя после Чернобыля, как мир ведет себя после 11 сентября, свидетельствует о том, что мы остались в кругу прежних

представлений и ценностей. А это совсем другой мир, который, конечно же, грозит нам новыми катастрофами. Это зло не только дальше наших знаний, но и дальше нашей фантазии.

На этом фоне то, что происходит в нашей маленькой Беларуси, с трудом вписывается в новый контекст. Как ни печально нам это констатировать, мы стали опоздавшей нацией. Мы все еще сталкиваемся со старыми проблемами тоталитаризма, тоталитаризма не техногенного, который угрожает миру, а совсем примитивного, провинциального, который парализует интеллектуальную силу нации и массовое сознание. Это — непосильное бремя для нашего народа.

Дракохруст: Г-н Лукашук, на ваш взгляд, как в течение этого года разворачивались те знаки, которые появились в жизни мира и Беларуси в прошлом году? Я имею в виду 11 сентября и 9 сентября 2001 года.

Лукашук: Я думаю, что переизбрание Александра Лукашенко на второй срок ничего не изменило для Беларуси. Можно было ожидать, что он будет держаться за власть, добиваться ее легальными и нелегальными способами и в конце концов удержит ее. А вот то, что произошло в Америке, существенно повлияло на мир. После испытания 11 сентября Америка ясно проявилась как единственная сверхдержава. Это показало и отстранение от власти режима талибов, и восстановление нового Афганистана, и поведение Америки в отношении Ирака. Сейчас не ждут, пока, как говорится, гром грянет, а начинают принимать превентивные меры. И вот это имеет непосредственное

значение для Беларуси. В этом году я участвовал в конференции в Вашингтоне «Беларусь: недостающее звено в “цепи зла”», на которой выступал сенатор Джон Маккейн. Он сказал: «Впервые за всю современную историю существования Беларуси в качестве суверенного государства действия преступного правительства этой страны угрожают безопасности США. Правительство Лукашенко поставило современные противоздушные вооружения стране, с которой США, скорее всего, придется вести войну. И эти вооружения могут и будут использоваться Ираком для уничтожения американских пилотов. В данном случае справедливо сказать, что друг нашего врага — наш враг».

Дракохруст: Нынешний год стал годом дальнейшего объединения Европы, саммиты НАТО в Праге и Евросоюза в Копенгагене стали заметными вехами на этом пути. А что Беларусь? Стала она ближе к Европе? Или эта «невидимая стена» поднялась не только на Буге, но и в душах людей, обозначая ту самую границу цивилизаций, о которой писал Хантингтон, а еще раньше Киплинг — «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись»? Г-н Лукашук, как вы полагаете?

Лукашук: Я могу процитировать депутата немецкого бундестага Элизабет Шредтер, которая много лет занималась белорусскими проблемами. В недавнем интервью нашему радио она назвала «мифом» представление о том, что якобы у белорусов есть иная ментальность, отличающаяся от европейской. Процитирую также опять сенатора Маккейна: «Белорусы стали заложниками прежней поддержки Москвой режима Лукашенко».

Историки могут спорить, что больше повлияло на формирование белорусского национального сознания: сосуществование с партнерами в Великом Княжестве Литовском или последствия веков агрессий и оккупаций. Но поскольку власть в Беларуси мало изменилась с тех пор, когда она составляла часть Советского Союза, винить в сегодняшних проблемах нужно не национальную культуру, не менталитет, а историю российской поддержки минской тирании».

Дракохруст: Именно в этом году социологи, в том числе и официальные, отмечали рост проевропейских настроений в Беларуси. Г-жа Алексиевич, на ваш взгляд, что это означает?

Алексиевич: В ваших первом и этом вопросах есть определенная доля романтизма, за который мы очень дорого заплатили в последние десять лет. Мы не любили и не любим иметь дело с жесткой и совсем не приятной действительностью. То, что мы крестьянская нация, то, что мы потеряли много времени в истории и эти потери сейчас накопились, то, что мы имеем травмированное массовое сознание. Вы вспомните, что пережили наши люди за последние пятьдесят лет: Сталина, лагеря, войны, Чернобыль, развал империи. Эта империя, кровавая и страшная, была все же обжита людьми, и вот все это обрушилось. То, о чем сейчас сказал Александр Лукашук, что во всем виновата российская политика, или главным образом она — я думаю, что это верхний слой. Мы иногда удовлетворяемся такими объяснениями, боясь додумать вещи до конца, до понимания,

что проблема — в нас самих. Поэтому у нас такая власть, такая зависимость.

Один мой зарубежный друг сказал мне: «Вы удивительная страна. Вы больше говорите о прошлом, чем о будущем. Вы придумываете себе прошлое. Это ваша способность или выжить, или спрятаться».

Думаю, что наши нынешние догадки не совсем уместны, поскольку мы моделируем все по нынешнему состоянию. Но мир настолько неожиданный сегодня, что прогнозировать его практически невозможно. Поэтому и наши вопросы, и наши ответы немного наивны.

Дракохруст: Но вернемся к белорусско-российским отношениям. Г-жа Алексиевич, в нынешнем белорусско-российском конфликте вы лично увидели чистую политику — или некую метафизику?

Алексиевич: Надо было выбирать. Это то, чего больше всего боится белорус. В общем, слабый человек больше всего боится выбирать и узнать правду. А это прозвучало настолько жестко и прагматично, что стало понятно, что нужно выбирать. Я хочу заметить, что наш народ не думает о России как о чем-то чужом, другом, он чувствует родство с Россией. Конфликт с Россией, неприятие России существует только в головах интеллектуалов. В глубине народа агрессии к России нет. Насчет тех белорусско-российских разборок, которые происходили, я думаю, что это сведение счетов экономических элит. Я не хочу сказать, что весь наш капитал с одной и другой стороны — преступен, но в нем действительно много людей с варварской

мощью и неясным происхождением капитала. Народ от этих разборок стоял в стороне.

В общем, самое неприятное, что все, о чем мы говорим и пишем, чего хочет наша элита и наша оппозиция — народ стоит в стороне от всего этого. Так же как он стоит в стороне и от того, что делает власть. Но власть имеет рычаги управления, у оппозиции, интеллектуалов этих рычагов нет, они выброшены на обочину и абсолютно маргинальны.

Общество деморализовано и депрессивно. Но меня действительно удивило нарастание проевропейских настроений в обществе при антизападной политике власти. Это единственное, что дает мне надежду. Возможно, причина здесь — в приходе нового поколения. Эти люди ездят, смотрят интернет и вообще не хотят жить на обочине цивилизации и романтично цитировать Богушевича или Купалу — «людьми зваться». Они не хотят быть маргиналами в мире. Но пока старшее поколение им этого шанса не дает. Значит, у них надежда только на самих себя.

Лукашук: Политически мы много говорили о белорусско-российском конфликте. Очевидна несовместимость президента Путина и главы Беларуси.

Светлана Алексиевич говорила, что белорусское общество стоит в стороне от этих процессов. На политическом языке это называется отсутствием демократии, авторитарным режимом. Г-жа Алексиевич немного раньше говорила о невозможности предсказывать, как могут разворачиваться события. Я хочу напомнить, что с точки

зрения политической истории ничего нового не произошло в этом смысле. До интернета было изобретение Гутенберга, появление электричества, железной дороги, самолетов.

Одно наблюдение, очень хорошо известное политологам. Ни одна демократия не воевала с другой демократией. Отсюда вывод: направление, в котором может и будет развиваться современный мир, который хочет избежать самоуничтожения и войны, — это демократия, это единственная гарантия мира.

Алексиевич: Я сначала отвечу Александру Лукашуку. Я принципиально не согласна с тем, что в мире ничего не изменилось. Все изменилось катастрофически. Я где-то читала, что когда изобрели порох и поставили на вооружение, то солдаты, привыкшие воевать кинжалами, отказались иметь дело с мясниками, и все погибли.

Примерно то же самое чувствуется сейчас в мире — беспомощность людей перед мясниками. Тот же интернет требует уже другого человека, из других, так сказать, запчастей культуры. Даже нашей биологии уже не хватает для этого. И мы будем делать вид, что ничего в мире не изменилось. Мы так и останемся на выселках цивилизации и не выполним своей роли элиты.

Что касается народа, то я бы хотела получить ответ на вопрос, куда делась энергия нашей нации, почему за последние десять лет она вообще ушла в песок. Почему нас так мало, почему на площади нас вообще почти нет? Значит, площадь уже не место решения политических проблем, значит, все эти революционные запалы, которые бросает

часто наша оппозиция — это не работает. Это другой мир, и не надо прятаться в иллюзии.

Тишина и одиночество в обществе — оттого, что люди поняли бессилие всех этих форм. Дело не только в том, что они угнетены бедностью и борьбой за выживание — это поверхностное объяснение. Происходит некий экзистенциальный кризис. Люди погружены в одиночество.

Булгаков: Я хотел бы подискутировать с г-жой Алексиевич насчет пассивности белорусского народа. Дело в том, что белорусский народ — это не есть какое-то цельное явление, белорусский народ одновременно не является полным синонимом населения Республики Беларусь. Белорусский народ — это более специфическое понятие.

Дракохруст: А кто определяет, кто из белорусского населения входит в народ? Вы лично?

Булгаков: История нашей части Европы состоит из драматического процесса превращения этнической общности в национальную. Поляк — это не тот, кто имеет польскую кровь, а тот, кто говорит по-польски и является носителем польской культуры. Тот, кто по крови белорус, кто рожден белорусом, еще должен сделать над собой усилия, чтобы считаться представителем этой нации, а не этого этноса.

Алексиевич: Мы заложники заложников. Нам приходится тратить много энергии на культуру борьбы, на баррикаду. Но я давно поняла, что баррикада — очень опасное место, и не только для художника, но и для человека вообще. Если уж мы оказались на баррикаде, то нужно не захлебнуться страстями и помнить, что на баррикаде очень

трудно остаться человеком. Я также считаю очень опасным делом искать белоруса среди народа. Мне ближе Диоген, который днем с фонарем искал человека. Давайте искать человека.

Лукашук: Мне кажется, что мы преувеличиваем значение любых событий, которые происходят во время нашей жизни. Нам кажется, например, что предыдущая война была самая ужасная, какая могла быть, что Чернобыль или взрыв ядерной бомбы — это самое ужасное, что может случиться. История свидетельствует, что то, что современникам кажется самым страшным, следующими поколениями так не воспринимается.

Г-жа Алексиевич говорила об иллюзиях, в которых живут люди, которым она явно симпатизирует: это интеллектуальная элита, интеллигенция. Тогда получается, что те люди, которые победили, то есть Лукашенко и команда — они живут без иллюзий и поэтому они победители? Ничего себе победители, которые оказались в тюрьме и не могут выехать на Запад из своей страны.

Мне кажется, что в прошлом году в Беларуси было две очень существенные победы. Первая — это то, что удалось отстоять от разрушения Куропаты. И вторая — это то, что, благодаря неутомимым усилиям людей, которых было мало (но мало — это тоже неоднозначное понятие), больше не было политически мотивированных исчезновений людей.

Мужество идеализма

25 июня 2003

Радыё Свабода

В Минске десятки тысяч людей пришли на похороны Василя Быкова. Слово на прощание от Светланы Алексиевич.

Алексиевич: Очень тяжело говорить сейчас, потому что еще несколько недель назад я слышала живой голос Василя Владимировича. И мы говорили обо всем, но не о том, о чем хочется говорить сейчас. А сейчас хочется говорить о том, что мы все не успели сказать ему: и он был далеко от нас, и мы были заняты — собой и этим ужасным временем. Я имею в виду прежде всего то, что происходит у нас в Беларуси.

Я не успела сказать ему о том, что я его очень люблю. В это тяжелое время он спас достоинство всех нас, наше национальное достоинство. Во многих странах я слышала: «Где вы, где этот белорусский народ, где этот белорусский язык, белорусская элита?». Однако при этом всегда звучало рефреном: «Но у вас есть Быков». Что-то для нас всех сошлось в этой личности, хотя казалось, что мы имеем дело с народом и временем, когда нет никаких апостолов, праведников, проповедников. Нет, как выясняется, есть. У нас был этот человек.

Мы любили его, и мы верим, что будет какое-то другое будущее. И его неумная искренность — роскошь для нынешнего времени, его

неспособность к любому компромиссу — это то, что останется с нами вместе с его книгами, вместе с его догадками и предостережениями. Останется личность — личность искренняя, идеалистичная. У него было мужество идеализма. И это очень важно, что он сделал это именно сейчас, именно сегодня.

Кто из белорусских писателей может претендовать на Нобеля?

31 мая 2004

Из онлайн-конференции на сайте Радыё Свабода с писателем Владимиром Арловым.

«Кто из белорусских писателей или поэтов, после смерти Василя Быкова, мог бы претендовать на Нобелевскую премию? Игорь Сасим, Бобруйск».

Арлов: Светлана Алексиевич, Рыгор Бородулин, Алесь Рязанов (перечисляю по алфавиту).

«Может, нам всем нужно помолчать и приставить ухо к улице?»

22 ноября 2004

Юрий Дракохруст, Прага

Что засвидетельствовали о белорусском народе прошедшие выборы в Палату представителей и референдум, в результате которого отменено ограничение на два срока, в течение которых одно и то же лицо может занимать пост президента Беларуси? Будет ли Беларусь когда-нибудь в Европе? Куда власть собирается вести Беларусь дальше? Вообще, кто кого ведет — власть ведет народ или народ ведет власть? Эти темы обсуждают в «Пражском акценте» писательница Светлана Алексиевич, главный редактор журнала ARCHE Валерий Булгаков и редактор газеты «Советская Белоруссия» Павел Якубович.

Дракохруст: После референдума и выборов прошло больше месяца. Власть считает, что одержала на выборах сокрушительную победу, оппозиция говорит об огромных фальсификациях. Но тут стоит сказать, что, во-первых, даже по данным экзит-пола литовского филиала института Гэллапа Лукашенко на референдуме получил 48% — почти половину, а во-вторых, реакция белорусского общества на официальные результаты голосования отличалась от реакции, скажем, сербов в 2000-м или грузин в нынешнем году.

Иными словами, темой нашей беседы не является наличие или отсутствие фальсификаций во время октябрьского голосования. Что засвидетельствовала нынешняя электоральная кампания, что в результате ее узнали о белорусском народе лично вы? Г-жа Алексиевич, вам слово.

Алексиевич: Я должна признать, что то, что мы все чувствуем — я назову это левой интеллигенцией, как это принято на Западе — мы все чувствуем поражение. Можно говорить о фальсификациях. Разумеется, была монополия на информацию, было зомбирование — я помню, Павел Изотович, как в каждый дом приносили бесплатный номер газеты, посвященный президенту. Разумеется, это тотальное преследование любого инакомыслия, было закрыто как минимум 20 газет, 56 общественных организаций.

Но вместе с тем я должна признать, что это победа Лукашенко, как бы мы себя ни утешали. Самое печальное, что мы не знали собственный народ, мы бежали где-то впереди его и оглядывались то на Запад, то на Россию, а не на собственный народ. А он оказался вот такой, и он слушает этого человека, он выбирает этого человека, он заложник этого человека.

Дракохруст: Г-н Булгаков, вы вряд ли будете позиционировать себя как левого интеллигента, но как вы отвечаете на этот вопрос: что вы узнали о белорусском народе во время нынешней электоральной кампании?

Булгаков: Я бы резко не выделял из белорусского народа такие его части, как власть и оппози-

ция. Г-жа Алексиевич эти два явления затронула в своем высказывании.

Результаты этой электоральной кампании свидетельствуют, что власть расценивает победу на референдуме как свое большое достижение, а оппозиция оказалась в состоянии растерянности. Что касается простого, рядового обывателя, то он не склонен был гиперболизировать значение этого мероприятия для своего будущего и будущего всей страны.

Мне кажется, расценивать это событие как одностороннюю победу власти тоже можно с большой долей условности. Оно, с одной стороны, в краткосрочной перспективе действительно увеличило мощь государственной машины, но эта мощь все больше и больше завязывается на одном человеке. Насколько такая система, завязанная на одном человеке, может быть стабильной, может среагировать на вызовы времени в недалеком будущем — вопрос остается открытым.

Что касается оппозиции, то для меня, например, ясно, что если президентские выборы 2006 года будут вестись такими же методами, то результаты президентской кампании для оппозиционного лагеря будут примерно такие же, как и в этом году. Кажется, настало время при обсуждении, например, единого демкандидата на выборы 2006 года выдвигать какие-то провокационные, непредвиденные инициативы. Почему бы не сделать единым кандидатом Павла Шеремета, Александра Старикевича или Андрея Дынько? Мне кажется, любой из этих людей мог бы далеко опередить по успешности на выборах 2006 года любого из

традиционных лидеров оппозиции, которые уже набили оскомину.

Что касается белорусского народа, то результаты референдума и парламентских выборов засвидетельствовали зачаточное состояние гражданского общества. Собственно говоря, в политике власть может заходить настолько далеко, насколько позволяет гражданское общество. Последние десять лет экспансии власти вширь и вглубь свидетельствуют о том, что это зачаточное гражданское общество позволяет власти осуществлять эту экспансию в любом направлении.

Дракохруст: Г-н Якубович, а как бы вы ответили на этот вопрос — что вы узнали о белорусском народе в результате голосования 17 октября?

Якубович: Я с интересом прослушал г-на Булгакова. Забавно у нас происходит, когда наша элита, левая или правая, рассматривает процесс жизни как некую электоральную деятельность. Если поставить Шеремета, будет ли это лучше, чем единый кандидат от «Пятерки плюс»? Мне кажется, что это немного смешно, поскольку к серьезным основам жизни, которыми живет народ, как я позволю себе сказать, не имеет никакого отношения, сделают ли наши технологи ставку на Шеремета или на Старикевича. Они, помимо прочего, просто малоизвестные личности, но дело не только в этом. Они неизвестны как люди, которые могут что-то предложить обществу, кроме набора банальностей, которые показывали свою несостоятельность последние десять лет.

Вообще, мне кажется, «брожение умов», в том числе и электоральное, которое способно повли-

ять на выборы того или другого депутата (мы, видимо, больше говорим о прошедших парламентских выборах), так вот, «брожение умов» начинается с урчания пустых желудков.

В Беларуси сегодня уровень жизни достаточный для того, чтобы население это оценило. А о каких-то серьезных политических катаклизмах могут думать только самые большие оптимисты. Люди пошли голосовать в немалом, а говоря откровенно — в рекордном количестве, чтобы выразить свое отношение к президенту Александру Григорьевичу Лукашенко. Из анализа почты, которая приходит в нашу газету, следует, что люди восприняли ситуацию очень просто — могут снять с работы Лукашенко. И люди пришли, чтобы выразить свое отношение к этому, чтобы сказать: «Нет, мы за Лукашенко».

Дракохруст: На этой неделе на открытии первой сессии Палаты представителей нового созыва с программной речью выступил Александр Лукашенко. Эта речь — своеобразная программа действий до 2006 года и даже на более длительный период. Куда глава государства не собирается вести страну, свой народ, из его выступления более или менее понятно: «Старые установки типа “догнать”, “перегнать”, “усвоить цивилизованный опыт” — эти понятия мы уже отвергли, и возврата к ним не будет». А что будет? Как вы из этого выступления поняли — куда, к какой модели общественной жизни Александр Лукашенко собирается вести белорусов? Г-н Якубович, вам слово.

Якубович: Мне не совсем понятна постановка вопроса — куда поведет Лукашенко народ? Бушу

ведь никто не задает вопрос, куда он поведет народ. Есть какие-то законы развития, есть жизненный контекст, контекст политический. Но в своей программной речи президент обратился к тем основам жизни, которые действительно беспокоят каждого белоруса, если только он не энтузиаст политики и живет не только абстрактными политическими представлениями. Лукашенко заявил о том, что следующий год будет годом, когда государство очень серьезно обратится к проблемам социальной политики: дорог, школы, заработной платы, медицины, к проблеме деbüroкратизации, к расширению возможности людей проявить деловую инициативу.

Разумеется, над всем этим можно пренебрежительно поулыбаться, мол, что это за мелочи, почему именно об этом нужно говорить. Но надо вспомнить, что в первой предвыборной программе президента в 1994 году говорилось — отведем народ от пропасти. И тогда это было актуально. Сейчас так вопрос не стоит. И те усилия государства, которые направлены на реальное улучшение жизни, в том числе в определенных сегментах — и на усиление государственного контроля, регулирования, а в других сегментах — и на защиту гражданина от чрезмерного государственного влияния — видимо, пришло время для решения этих задач. И я полагаю, что все это послужит укреплению белорусской государственности и белорусского государства. Это задача самого ближайшего времени.

Слова отчета о том, что мы отвергли призывы «догнать и перегнать», нужно понимать в кон-

тексте работы, которую делает государство для общего улучшения благосостояния белорусских людей. Я прошу простить мне эти канцеляризмы, но иногда иначе и не скажешь. Получается ли у государства улучшить благосостояние людей? Да, получается. Устраивают ли нас, избирателей, темпы этого улучшения? Разумеется, нет. Если мы сравним нашу жизнь с российской, можно испытать определенное удовлетворение. Если мы будем сравнивать наше благосостояние с Польшей, разумеется, это нас удовлетворять не может. Поэтому государство сегодня вынуждено обратиться к социальной сфере. Полагаю, что основная масса населения оценит эти усилия и будет в этом смысле солидарна с властью.

Дракохруст: Г-жа Алексиевич, мы сейчас больше говорили о том, что Лукашенко хочет вести белорусов туда или сюда. Здесь вспоминается фраза Мао Цзэдуна «Народ — это чистый лист бумаги, на котором можно писать самые красивые иероглифы». Но можно вспомнить и мнение знаменитого психолога Карла Юнга — «Диктатор всегда ведом». Что больше подходит к нынешней белорусской ситуации? Иными словами: Лукашенко ведет белорусов — или белорусы ведут Лукашенко?

Алексиевич: Я бы хотела вначале ответить на тот вопрос, что система завязана на одном человеке и поэтому она недолговечна. Мы знаем Кубу, знаем эпоху Сталина. Пятьдесят лет для человеческой жизни — это очень долговечно. Тут особых иллюзий не остается.

В чем я вижу опасность того, что происходит, именно опасность, ведь мы и без того уже опоздавшая нация? Человек, который ведет и которого ведут — один, тут как раз взаимный процесс. Я думаю, что Лукашенко, когда пришел к власти, мог пойти в разные стороны, поскольку это человек власти, его главная страсть — власть. Но наконец он вылепился в ту форму, в то чудовище, которое родила ностальгия и растерянность народа, запуганного крестьянского народа.

То, о чем говорил Павел Изотович, напомнило мне переписку писателя Федора Абрамова и Александра Твардовского. Абрамов пожаловался, почему «Новый мир» не говорит о его новом романе «Дом», когда вокруг столько рецензий. А Твардовский ответил: «Представьте себе, если бы в повести Толстого “Казачьи” все герои были на уровне казаков. Это невозможно. А у Вас все на уровне казаков», — писал Твардовский.

Вот у нас все и происходит «на уровне казаков», то есть — на уровне самого примитивного, маленького человека. Я не хочу его обидеть, но диктатура маленького человека — это самое ужасное, что происходит сегодня, особенно в нашей стране. Удивительно, когда люди, которые отвечают за формирование массового сознания, рассуждают на уровне казаков, на уровне моего соседа в деревне Петра Сильвестровича. Это говорит о том, что именно один человек, собрав и аккумулировав процессы, которые формировали сознание в советские годы, законсервировал это детское крестьянское сознание. Простите меня, Павел, но только с народом-ребенком можно разговаривать

на таком уровне: «Давайте строить бани, дороги, снимем плохого председателя». Это просто катастрофа, если говорить с точки зрения нашего движения вперед. Разумеется, оно происходит помимо нашей воли, есть метафизические силы, но мне не нравится ни разделение на власть и народ, ни разделение на оппозицию и народ, узаконенное Лукашенко.

Оппозиция стала объектом насмешек, но я бы хотела сказать именно белорусам: «Не играйте в эти игры, потому что оппозиция такая, которую вы родили. Вы передоверили честь и достоинство нации кучке людей. Они вот такие, возможно, в чем-то наивные, возможно, не всегда представляют себе реальные процессы. Но они такие, какие мы есть». Сегодня нас не спасут ни дороги, ни дворцы — нам когда-нибудь будет стыдно за это время. Мы все то ли растерялись, то ли решили переждать. Мы потеряли этот шанс, который история нам случайно подарила. Может, потому и потеряли.

Дракохруст: Г-н Якубович, я даю вам слово для ответа.

Якубович: Нет, у меня есть вопрос. Я высоко ценю литературную и общественную деятельность Светланы. И я бы хотел услышать от нее — что нас спасет? Разумеется, не стоит сводить мое мнение к тому, что надо только строить дороги и спортивные сооружения — это часть хозяйственной жизни и не более того. Если планка разговора поднимается до философских высот, я бы хотел спросить — а что спасет? Я услышал, что не надо смеяться над оппозицией — она, мол, такая

детская, наивная и растерянная потому, что такой сделал ее народ. Вообще, ни над кем не надо смеяться — ни над оппозицией, ни над соседом Светланы Петром Сильвестровичем, ни над Павлом Изотовичем. Но я бы хотел узнать — что же нас спасет, Светлана?

Алексиевич: Не надо тут ничего придумывать. Достаточно цивилизованного опыта в мире. Нас спасет, как бы это вас, Павел Изотович, ни удивило, человеческое достоинство, для которого есть единственная форма — демократия, а не авторитаризм. Как вы можете объяснить мне, почему закрыт ЕГУ — единственный серьезный университет, который вписывал нас в контекст идей, которые сегодня бродят в мире? Как вы можете объяснить закрытие Лицея? Как это можете объяснить вы, достаточно умный человек, который приспособился к этому времени? Вы, разумеется, как-то сейчас мне это объясните, но когда вы останетесь один на один с собой, как вы себе это объясните?

Всем нам будет потом неудобно и стыдно за то, что мы так или иначе этому способствовали, то ли недоделав что-то, то ли служа этой конформистской идее. Это большое заблуждение, что мы, белорусы, более-менее сытно пережили это промежуточное время. Придет время, и мы окажемся позади всех — это совершенно очевидно. Вы думаете, тарелка борща — это достаточно? Можно, конечно, каждый день усыплять людей этой тарелкой борща, этими дожинками, пожинками, такими провинциальными спектаклями. Но история — это нечто совсем другое. Она уходит у нас сквозь пальцы, Павел Изотович.

Якубович: Светлана, разумеется, мне трудно ответить, и мне странно, что вопрос обращен ко мне, почему закрыто одно учебное заведение и открыто другое. Видимо, наш разговор должен затронуть более серьезные вещи, чем тарелка борща как альтернатива ЕГУ или «Дожинки» как альтернатива Лицею.

В соседней России, где уровень демократии был чрезвычайно высок, и это было замечено всеми, сейчас происходят процессы, как мне кажется, гораздо более угрожающие, чем те, что происходят в Беларуси. На мой взгляд, это говорит о том, что речь идет о каких-то фундаментальных вещах, характерных для славянских стран. Может быть, то спокойствие в Беларуси, то строительство, то моральное состояние, которое мы замечаем и у оппозиции, и у власти — может, это характерно для исторического контекста, может, это серьезнее, чем какие-то события конкретной жизни?

Дракохруст: Г-н Якубович, и вы, и глава государства апеллируете к интересам простого человека. Как бы вы объяснили этому самому простому человеку, каков смысл решения о запрете вывоза детей за границу на оздоровление? Неужели там, на этом Западе, все так ужасно, что достаточно белорусскому ребенку увидеть это даже краем глаза, чтобы отравиться?

Якубович: Я могу поделиться собственным ощущением. Зная Александра Григорьевича, я полагаю, что имелось в виду совсем не то, что белорусские дети, как во времена наполеоновских войн российские солдаты, увидев Париж, принесли на Родину какие-то идеи, несовместимые с

традиционной жизнью. Речь идет о гораздо более простых вещах, что вообще характерно для интерпретации действий власти и слов президента. У нас иногда простые вещи интерпретируют как очень сложные философские узлы.

С отправкой детей на оздоровление за границу сложилась не очень хорошая ситуация. С этого большого проекта кормится очень много людей и организаций, далеко не самых прозрачных, эту сферу постоянно сотрясают скандалы. Речь шла о более строгом подходе государства к самой проблеме. Надо, чтобы отправкой людей на оздоровление за границу занимались не люди, которые делают из этого бизнес, а люди, ответственные во всех смыслах. Я вижу смысл слов президента именно в этом. Не надо интерпретировать это как приказ никого не пускать и поставить стену за Брестом. Президент — человек практичный. Он хочет, чтобы этот проект был под контролем государства и чтобы этим занимались люди ответственные.

Дракохруст: Г-жа Алексиевич, мы услышали, как эти слова главы государства понимает Павел Якубович. А как их понимаете вы?

Алексиевич: Я опять вспоминаю незабвенного Василя Быкова. Помните его роман «Знак беды», когда идет война, а главный герой дешево покупает один инструмент, другой, и думает — пусть этот ужасный, огромный мир гремит вокруг, а я тут переживу. И мы знаем, чем это кончается. Действия власти мне напоминают что-то похожее. Мне кажется, что это связано с отмежеванностью от мира и с почти патологической необразован-

ностью. С огромной интуицией, разумеется, но и с огромной необразованностью. Мне всегда жаль, что там нет советников с современным мышлением, поскольку при таком доверии народа можно было бы многое сделать.

Если говорить о стабильности, то самое стабильное место в мире — это тюрьма. Это то, что с нами и происходит — тюремное сознание, тюремная пайка, опять же самые честные люди — это надзиратели. Это мышление вчерашнего и позавчерашнего дня. Представьте себе, каким этот человек выйдет из тюрьмы, с этой тарелкой борща, с тотальной, как ему кажется, защищенностью. Этот человек будет неспособен к будущему, это ребенок, он выйдет в огромный мир, который от его закрывали, которого его приучали бояться, так как надзиратели сами понятия не имели об этом мире. У этого мира есть свои кризисы, проблемы, но это — человеческий мир, это мир искреннего поиска, искренних заблуждений. Но это не тюрьма, это не аквариум, не закрытое пространство, в которое мы все глубже погружаемся, да еще мы, интеллектуалы, иногда находим этому оправдание, потому что мы и в этом времени, и в этом процессе тем или иным образом участвуем.

Дракохруст: Г-жа Алексиевич, а может, этими своими изоляционистскими шагами власть отвечает пожеланиям, стремлениям белорусов, может, они просто боятся по крайней мере того же Запада, да и Востока теперь, хотят отделить, оградить себя от непонятного, угрожающего внешнего мира? И, может быть, в известном смысле власть просто ретранслирует этот страх?

Алексиевич: Это бесспорно. Я повторяюсь, Лукашенко есть и будет таким, каким хочет народ. У него чутье невероятное, и в этом он намного впереди нас. Никто не будет подозревать меня в любви к нынешней власти, но я могу сказать, что именно эта личность сохранила независимость Беларуси, дала экономическую стабильность, он смикшировал эти жесткие постсоветские процессы. Возможно, он исправил ошибку, когда все постсоветское пространство бросилось в этот американский вариант капитализма, который не подходит ни славянской ментальности, ни славянской истории, когда не был использован скандинавский опыт социал-демократии, что, на мой взгляд, было бы в наибольшей степени наше.

Но если мы возьмем образ народа как ребенка, о чем постоянно говорит наш лидер, так вот этот ребенок раньше или позже должен выйти в люди, в этот огромный мир. Мы же, белорусы, маленькая кучка — 10 миллионов человек, не можем быть отдельно от остального мира. Не надо себя утешать, ребенок должен вырасти и вступить в этот огромный мир. Пора нам расти, хватит и власти, и народу лелеять это детское сознание, этот страх, хотя бы ради того, что больше всего культивируется в нашем обществе — хотя бы ради детей.

Дракохруст: Белорусские выборы и референдум вызвали резкую реакцию правительств стран Евросоюза и США. В США принят «Акт о демократии для Беларуси», президент Буш подписал его после голосования 17 октября, новую, более жесткую политику вырабатывает Евросоюз. Белорусские власти могут считать такой подход не-

справедливым, но это факт. Белорусская власть надеется, что это кольцо изоляции наконец ослабнет, что Запад убедится, что подобная политика бесплодна — или белорусская власть готова существовать в таком кольце изоляции, а может, даже считать его полезным? Г-н Булгаков, как вы полагаете?

Булгаков: Я в продолжение дискуссии не согласился бы с г-жой Алексиевич насчет доморощенного изоляционизма белорусов. Здесь есть два измерения этой проблемы. Первое — это прагматичный выбор и экономические мотивы поведения белорусов. Белорусы — уникальный народ на западе СНГ, так как, по статистике, минимум 40% белорусов в течение последних десяти лет выезжали в страны Восточной и Западной Европы. По сравнению с белорусами россияне и украинцы выезжают вдвое, а то и втрое реже, что, в принципе, свидетельствует о динамизме, прагматизме и энергии рядового белоруса. С другой стороны — существует культурная картина мира, где действительно пределы аутентичного собственного освоенного культурного пространства кончаются за Брестом, и мир, который начинается за Брестом, подчиняется иному типу рациональности, что, безусловно, рядового белоруса каким-то образом отпугивает. Поэтому не все так однозначно.

Якубович: Я с интересом выслушал мнения Валерия. Мне они кажутся глубокими и реалистичными. Когда говорят, что белорус — это маленький ребенок, из которого любой властитель может, как из пластилина, лепить то, что ему хочется, — это, разумеется, упрощение. Белорусы действительно

люди очень прагматичные, люди очень адаптированные к реальной жизни, и люди, которые понимают, что к чему. Действительно, вряд ли у нас найдется молодой человек, который не был бы в Германии, Италии, не говоря уже о Польше и Литве. Люди имеют возможность сравнивать. Вместе с тем в Беларуси не случайно основная масса населения поддерживает действия власти и философию власти. Об этом говорят все статистические данные из любых источников.

Очевидно, что Европа была бы не против ограничить себя Бугом, теми историческими границами, которые существовали до Второй мировой войны, а точнее — теми, которые существовали последние лет 600. По-прежнему Польша чувствует себя последним рубежом западной цивилизации, и вряд ли она видит Беларусь в составе европейской семьи. Меня в последнее время повеселила позиция министра культуры Латвии Хелены Демаковой, ее инициатива готовить руководящие кадры для будущей Беларуси.

Я чувствую здесь некий «трамвайный синдром», мол, мы последние вскочили в трамвай и не пускаем других, толкаем их. Не слишком рады были Беларуси в Европе и в начале 90-х годов, не слишком рады и сейчас. И поэтому, когда влиятельные лица из Евросоюза говорят, что люди из Беларуси, России, Украины могут думать о вступлении в Евросоюз в неопределенном будущем, то это не случайно.

Вместе с тем никто не одобряет политику изоляционизма. Эту ситуацию никак не назовешь хорошей. Но говорить, что в этом виновата власть —

это будет упрощением. Остается надеяться, что на западе и на востоке от Беларуси ситуация будет меняться. Ситуация не забетонирована.

Алексиевич: Да, белорусы много ездят, я знаю эти цифры, белорусы много пользуются интернетом. И белорусы голосуют за Лукашенко — добавлю я. Давайте кончать с этим заискиванием перед своим народом, которое уже привело русскую интеллигенцию от народничества к 1917 году. Не надо искать врагов в тенденциях, которые набирают силу на Западе. Такое отношение к ним — это болезнь провинциальности. Это действительно болезнь, когда мы варимся в собственном соку, с утра до вечера говорим о Путине и о Лукашенко, а не говорим об истории.

Не Европа нас не приняла. Я много ездила во времена, когда был Шушкевич. Европа тогда повернулась к Беларуси, достаточно вспомнить визит Клинтона, его встречу с Зеноном Пазыняком. Европа не отталкивала нас, возможно, она перепутала нас с Прибалтикой или совместила в своем представлении. Но мы оказались другими, мы оказались между. Европа нас примет, и не надо говорить, что она нас не принимает. Но она, разумеется, не примет нас такими, какие мы есть сейчас. Сейчас нет надежды на Россию. Тут я впервые должна согласиться с Павлом Изотовичем. Что там варится в этом российском котле — неизвестно. Последние события говорят о том, что в чем-то повторяется наш белорусский вариант.

Мы живем действительно на фоне мирового кризиса, когда ни Америке, ни миру до нас нет дела, поскольку мир сам погружается в страх. Я

недавно в течение месяца была в России, Испании, Швейцарии и Франции, и во всех этих странах в метро в каждом вагоне стояли полицейские. И я поняла, что мир стал маленьким. Но мы не отгородимся от этого мира.

Нужны идеи. Но чем больше я слушаю и говорю, тем больше слышу одно и то же — или иллюзии, или утешения, или конформизм. Может, нам всем нужно помолчать и приставить ухо к улице?

«Мы будем пытаться выживать, жить»

5 января 2005

Юрий Дракохруст, Прага

Писательница Светлана Алексиевич считает, что 2005 год будет временем глубинных процессов в белорусском обществе, годом накопления страха у власти и скрытого, подпольного протеста в обществе.

Алексиевич: Я считаю, что год не принесет каких-то особых изменений, мне кажется, что будут происходить процессы накопления. С одной стороны — накопление страха у власти. А с другой стороны, как это ни странно сегодня звучит, потому что чаще сегодня говорится, что мы все боимся, подушкой телефон накрываем, тем не менее в обществе будет нарастать противостояние, противостояние подпольного человека или партизанского человека, если исходить из белорусского исторического опыта. Потому что власть, мне кажется, делает ошибки. Там были умные люди, но сейчас власть их выбрасывает. Это достаточно самоубийственный путь — при том, что выборы через полтора года.

Я считаю, что вот эта тотальная «зачистка» всех организаций, в каком-то смысле оппозиционных — это опасно даже для власти. Я не ее сторонник, но я могу сказать, что если бы там оставались умные люди, они бы сказали, что оппозиционная печать, гражданское общество все же были под

контролем этой власти. Для власти они были своеобразным термометром, можно было измерять температуру в обществе. Сегодня, абсолютно зачистив всю территорию, власть, в отличие от того, что она думает, полностью потеряла контроль над происходящими событиями. Она будет питаться сама собой и не будет знать, что происходит там, под ней. А там будет нарастать противостояние прежде всего номенклатурной части.

Что касается общества в целом, то мы можем ожидать, что через год эти процессы выйдут на поверхность, как говорил Велимир Хлебников, «из сумерек количества в мир качества». Я полагаю, что, загнав этого подпольного человека в себя, власть во время выборов и встретится с этим подпольным белорусским человеком, партизаном. Невозможно сегодня отгородиться от мира и считать, что ты живешь нигде, что ты отгородишь человека от всего, что происходит вокруг, от Украины, от России, от Франции. Если все будет загнано на собственную территорию человека и он останется один на один с бюллетенем, он сделает неожиданный выбор.

Но сегодня идет процесс накопления, я не ожидаю никаких перемен, вернее, перемены могут быть в этих самоубийственных действиях власти. Она будет это все зачищать, подчищать, а мы будем пытаться выживать, жить.

«Энергия просветительская, энергия политическая ушла из наших книг»

3 марта 2005

Инна Студинская, Минск

3 марта — Международный день мира для писателя. Праздник этот учрежден 48-м конгрессом международного ПЕН-клуба, состоявшимся в январе 1986 года. Писательница Светлана Алексиевич считает, что в День мира для писателя всем — и литераторам, и читателям — надо задуматься, что с нами со всеми происходит.

Алексиевич: «Я думаю, мы должны быть разочарованы тем, что с нами происходит. Не только с нами в Беларуси, а вообще, со всем миром. Еще лет двадцать назад, когда началась перестройка, пала Берлинская стена, возникли метафоры каких-то перемен. Казалось, будет новый мир. И вот что произошло за эти двадцать лет: войны повсюду. Мир опять стал говорить языком войны. И мы пошли как бы не в XXI век, а назад. Думаю, в этот день всем нам — и писателям, и читателям — надо подумать о том, что что-то с нами происходит. Я много езжу по миру, и я вижу эту растерянность и у простых людей, и у интеллектуалов — будущее опять невозможно прогнозировать...»

Белорусским писателем приходится постоянно отстаивать свои мнения, свои убеждения, свои права. И, как это ни парадоксально, отстаивать даже свое имущество, построенное на писатель-

ские средства — Дом литератора. Не первый год идет борьба за здание, и сейчас у писателей отнимают последнее. Почему белорусским писателям постоянно приходится бороться?

Алексиевич: «Я думаю, мы просто законсервировались. Оказалось, что мы так заражены этим микробом советским, что парализованы им. И я бы не говорила только о здании Союза писателей, которое у нас забирают несправедливо. Это свидетельствует о том, что власть не считается с нами, мы ей не нужны. Это еще свидетельствует и о другом: энергия доверия, энергия просветительская, энергия политическая — она ушла из этого здания, она ушла, наверное, из наших слов, из наших книг. Мы перестали быть, как раньше — церковью, парламентом, важным для людей словом. Думаю, здесь наши потери».

«История не любит переписываний, и потом она отомстит за это»

9 мая 2005

Юрий Дракохруст, Прага

9 мая исполняется 60 лет победе государств антигитлеровской коалиции над фашистской Германией. В нашем цикле «Беларусь на войне» мы пытаемся еще раз вспомнить перевернутые страницы истории. Почему и через 60 лет после окончания Второй мировой войны она продолжает вызывать сильнейшие эмоции и чувства, причем не только в Беларуси? Какую роль играет память о войне в деле построения белорусской нации? Укрепляет ли культурную, духовную связь Беларуси с Россией уверенность белорусов, что они победили во Второй мировой войне? На эти темы в цикле передач «Белорусы на войне» рассуждают: из Минска — философ, культуролог Игорь Бобков, из Парижа — писательница Светлана Алексиевич.

Дракохруст: Одна из книг Светланы Алексиевич называется «У войны не женское лицо». Эта и другие книги писательницы — свидетельство, утверждение, что у войны вообще не человеческое лицо, это нечеловеческое, безумное дело. Почему же люди, народы настолько высоко ставят ценность военного героизма, военных побед? Если это всеобщее безумие, то что тут, собственно, героизировать?

Бобков: Прежде всего, само понятие военного героизма вызывает вопрос. Дело в том, что геро-

изм — это жертва жизнью за Родину, за общество, в конце концов — за свободу, и это является индивидуальным действием. А война — это всегда массовая, коллективная акция, в которой индивидуальное действие «тонет» в массе поступков. В этом смысле война обесценивает индивидуальность и личность. Героизм, жертвенность, мужество — мне кажется, что эти вещи возникают не благодаря войне, а скорее вопреки ей, как попытка отгородить, отвоевать территорию личного, территорию, где жизнь все еще имеет цену. Хотя и доказать ценность жизни можно только свободно пожертвовав ей, отказавшись от нее таким парадоксальным образом.

Проблема в том, что война стремится присвоить себе героизм, сделать его своим оправданием и использовать как индивидуальную мотивацию, т.е. создать такой миф войны, в котором героизм является коллективной нормой. То, что делал Василь Быков в своей «окопной правде» — он отнимал героизм у военного мифа и возвращал его личности, показывая экзистенциальную неоднозначность героизма.

Дракохруст: Г-жа Светлана, мы начали разговор с ваших произведений; как бы вы могли ответить на вопрос, почему люди так превозносят военные подвиги? Люди настолько несовершенны, что тысячелетиями героизируют «безумие»?

Алексиевич: Я начну с того, что отвечу, почему я написала эти книги. Я написала их в знак протеста против этой героизации войны. Я родилась в Украине, где служил отец, но выросла в белорусском селе. Я помню, что там практиче-

ски не было мужчин. В книгах я читала о войне с мужского голоса, а в жизни я слышала о другой войне. Я считаю, что сокровенный смысл войны не разгадан нами до конца. Мы все участвуем в этой культуре, мы накапливаем ее, даже сейчас, в начале XXI века, когда повсюду идут войны: Чечня, Ирак, Афганистан, недавно — Югославия. Человечеству никак не выскочить из этого круга, ни демократическому государству, ни авторитарному, никому. Мы еще люди этого мировоззрения, люди эпохи войн и революций.

Что касается героизма, то героизм как таковой — не предмет моих книг и моего интереса. Я занимаюсь исследованием человеческого духа, человеческих чувств. Я исследую, что человек находит в этом безумии, когда он может убить другого, когда даже обязан убить ради чего-то. Меня интересует то, что происходит не на территории государства, а на территории человеческой души, что человек узнает о самом себе, что он с этим знанием потом делает, и что это знание спустя много лет делает со всеми нами.

Дракохруст: Мой следующий вопрос касается как раз того, «что это знание спустя много лет делает со всеми нами». Почему в Беларуси тема последней войны до сих пор вызывает бурную реакцию? Стоит сказать, что и не только в Беларуси, в ходе последних выборов во Франции, когда во второй тур выборов внезапно вышел правый радикал Жан-Мари Ле Пен, испуганная власть, забыв и об евроинтеграции, и о политкорректности, начала говорить: Ширак — наследник Сопrotивления, Ле Пен — наследник Виши. Дело тут не в

том, кто на самом деле чей наследник, дело в том, что и до сих пор это работает, оппозиция «друг — враг» 60-летней давности в народном сознании актуальна и до сих пор. Почему?

Алексиевич: Я думаю, что мы у себя дома, в Беларуси, не решили проблему конца XIX — начала XX века. Поскольку у нас нет таких сильных исторических опор, вокруг которых можно было бы собрать нацию, сконструировать ее, то ради хороших, я бы сказала, романтических целей пытаются где придумать, где переписать прошлое. Это не всегда соответствует истине. Что касается войны, то я читала и польских, и наших историков, и мне кажется это переписыванием истории, переписыванием ради высокой цели — сделать нацию. Но я думаю, что история не любит таких переписываний, и потом она отомстит за это. Это опасный путь, и по нему не стоит идти. А поскольку у нас в последнее столетие было мало таких исторических событий, по которым можно было бы развернуть борьбу за самих себя, то, видимо, поэтому война стала в эпицентре этой борьбы.

Дракохруст: Г-н Бобков, а как вы думаете, почему оппозиция «друг — враг» 60-летней давности в белорусском обществе до сих пор актуальна? Скажем, никто не ссылается и не апеллирует к оппозициям времен гражданской войны. А вот к той войне... Она жива, она в некотором смысле продолжается.

Бобков: Я тут, может быть, не согласился бы с таким тезисом, что она живая. Мне кажется, что ситуация как раз обратная. Дело в том, что белорусские власти, реанимируя советское наследство,

просто не могли пройти мимо Великой Отечественной войны, и для меня интересно не то, что они к ней обратились, а то, почему так поздно обратились, почему это произошло не в середине или в конце 1990-х годов. Почему именно сейчас эта тема старой войны возвращается в культуру? Мне кажется, не потому, что она актуальна и вызывает сильные эмоции, как раз наоборот — потому что война оторвалась от реальности и стала таким пустым знаком, чистым мифом. Те реальные люди, которые помнили войну, которые могли сравнить этот пустой миф со своим опытом, они, к сожалению, все больше уходят. И именно потому, что война стала таким чистым мифом, она теперь безопасна и с ней можно делать все что угодно. Война, именно Великая Отечественная, а не Вторая мировая, будет выступать способом самолегитимации власти.

Дракохруст: Игорь, вы воспользовались словом «миф». Но миф — это не только и не столько неправда, это элемент, опора коллективной идентичности, то, что вызывает сильные эмоции, что имеет сильный мобилизационный потенциал. Вот вы сказали, что войну начали использовать только сейчас. Но мы помним, как в 1995 году накануне парламентских выборов и языкового референдума БТ показало «Детей лжи» Азарёнка, где кадры нынешних оппозиционных митингов шли рядом с хроникой коллаборационных манифестаций времен войны. И это действовало. Почему это действует?

Бобков: Дело в том, что тогда власти работали «внутри» военного мифа. Сам выбор между колла-

борацией и позицией на советской стороне — это внутренний выбор белоруса, и эксплуатировалось то, что нужно было делать правильный выбор. Сегодня же власти играют с военным мифом как с определенной целостностью, как с одним из универсальных событий XX века, в котором принимали участие белорусы как сообщество. Мне кажется, что этот внутренний аспект выбора будет понемногу уходить, а акцент будет смещаться как раз на эту целостность.

Я, по крайней мере в Минске, не видел, чтобы тема войны вызывала что-либо, кроме эмоциональной усталости. Все это скорее воспринимается как устаревшее занудство, чем провоцирует какие-то эмоции, как это было еще в середине 1990-х, о чем вы вспоминали.

Дракохруст: Г-жа Алексиевич, вы сказали, что пишете о войне не в пространстве государства, а в пространстве человеческой души. При этом вы отметили, что тайна войны еще не разгадана. Но, может быть, ее и невозможно понять, оставаясь в пространстве души одного человека? В продолжение нашей беседы я позволю себе две цитаты. Одна — знаменитая фраза госсекретаря США времен Рейгана Александра Хейга: «Есть вещи поважнее, чем мир». И вторая — из книги русского философа Николая Бердяева, написанной во время Первой мировой войны: война «дает мужественное чувство истории. Пацифизм есть отрицание самостоятельности исторической действительности... “Идея” моего народа не есть единственная, имеющая право на существование... Война не есть борьба за моральную правду и

справедливость...», это борьба «за онтологическую силу наций и государств». А на ваш взгляд, есть ли «вещи поважнее, чем мир», и действительно ли «пацифизм есть отрицание самостоятельности исторической действительности»?

Алексиевич: То, о чем вы говорите вот этими цитатами, принадлежит все же эпохе, которая предшествовала новейшей. Тогда было немного другое оружие и немного другой человек. Я думаю, что эти формулировки подходили к прошлому, хотя мы до сих пор пытаемся ими пользоваться. Но необходимость нового мировоззрения абсолютно очевидна. За несколько лет жизни во Франции я поняла, что произошло с французами в 1940-е годы: у них был шок после Первой мировой войны, после которой они для себя решили, что нет ничего выше человеческой жизни. Мы их судили с совершенно иной точки зрения.

Я вот сейчас слышала Игоря, он пытается посмотреть на эту большúю историю с точки зрения белоруса. Я как литератор хочу посмотреть на нее с двух сторон. Во-первых, с точки зрения человека, который живет сегодня и сейчас, в конкретном времени, во-вторых, с точки зрения людей, живших тогда, то есть советских людей. Я уверяю вас, что тогда не было такого разделения: «Я белорус, я украинец, я татарин, я еврей», это было на втором плане. Они чувствовали себя советскими людьми, нравится нам это или нет, историю уже не расколоть.

А вторая точка зрения, которая меня интересует, это то, что называется подсветка вечностью, вечный человек на вечной земле, как говорила

Ахматова, «голый человек на голой земле». Я думаю, что сегодня набирает силу пацифистское мировоззрение, несмотря на то, что вокруг столько войн. Я бы хотела заметить, что не только российская или белорусская власть хочет использовать миф войны в своих целях. То, что было здесь во Франции в прошлом году, на юбилей высадки в Нормандии — ни Беларуси, ни России и не снилась такая помпезность и такой пафос. За нами гораздо больше крови, больше жертв. Не будем даже говорить о том, что мы хотели сделать лицо Победы красивым, а оно ужасно. Но когда смотришь хронику тех лет, как бессмысленно гибли американские солдаты, как они во время высадки шли по воде и штабелями падали в эту воду, как сегодня все говорят о бездарных американских генералах — везде то же самое.

Мы живем в мире, который становится все более общим, а мы еще пытаемся вырастить что-то на нашей отдельной делянке. Может, что-то и вырастет. Но возникла проблема стойкости человека. Я вас уверяю, что идей нет нигде в мире. Их не было и в 1990-х годах, тысячелетний советский Рейх развалился случайно, и случайные люди случайно оказались наверху. Они не знали, что с этим делать. У них не было и нет идей. Но повторюсь — их нет нигде в мире, все пытаются за что-то ухватиться, ухватиться за человеческую стойкость, потому что не может же идея быть биоконфортной и биоживотной.

Бобков: Мне бы хотелось согласиться с г-жой Светланой, что самое время белорусским интеллектуалам выходить за пределы белорусскости, за

пределы национального нарратива, национальных интересов, потому что чувствуется, что мир настолько быстро и глубоко глобализировался, что многие вещи невозможно увидеть и продумать из перспективы чисто белорусской. Так, например, было с войной в Ираке: когда по всему миру шли пацифистские демонстрации, в Беларуси было абсолютно тихо. Эта национальная перспектива привела к пугливому отказу от участия в серьезной дискуссии, происходившей в мире.

Что касается вопроса, насколько война может рассматриваться как вещь трансцендентная, трансперсональная, насколько война может быть онтологичной, быть выражением воли к власти, а народы — инструментами этой воли. Мне кажется, что такое выведение войны в трансценденцию — это опять-таки романтический миф. Существование в истории невозможно не только без воли, но и без, скажем, рационального действия. И все эти военные мифы носят скорее компенсационный характер в нашем безнадежно рационалистическом обществе.

Дракохруст: Игорь, в продолжение вашей последней мысли. Вы раньше сказали, что не так уж этот миф в Беларуси и работает, хотя власть почему-то упорно эксплуатирует чувства, связанные именно с той войной. Но, возможно, сами по себе эти чувства вполне естественны, потому что они основаны на том, что тогда белорусы были не только объектом насилия, не только объектом истории, но и ее субъектом, причем субъектом-победителем. И эта историческая субъектность (по Бердяеву — онтологичная, бытийная сила) —

для белорусов ценность, от которой белорусы не хотят отказываться?

Бобков: Я думаю, что Вторая мировая война, Великая Отечественная война, вообще опыт советскости, несмотря на всю немного глумливую риторику 1990-х годов — это универсальный опыт для белорусов. В принципе, советская цивилизация — это одна из версий проекта Просвещения, который пыталась реализовать Восточная Европа. Неудача этого проекта объясняется скорее в терминах европейской периферии, чем какого-то большого идеологического противостояния. В Беларуси, когда она в начале 1990-х снова всплыла на поверхность истории, поиски такой точки соотнесенности, в сопоставлении с которой право Беларуси быть на поверхности истории было бы вполне легитимным, неизбежно приводили именно к этому опыту Великой Отечественной войны и к мифу Победы. Здесь я полностью с вами соглашусь. Единственное, хочу добавить — миф войны, миф Победы идут рядом с мифом стабильности, мифом о том, что белорусы заслужили право жить в мире и стабильности.

Алексиевич: Когда я слышу это, когда читаю наши газеты и вижу, как идет подготовка к большому юбилею, то меня удивляет наша власть. Удивляет, насколько она не смотрит дальше одного шага вперед. Ведь для нее этот миф, которым она пользуется, довольно опасен. Игорь пытается отстраниться от него, а зря, на мой взгляд. Ведь единственное время, когда можно было говорить о белорусском народе, когда он был, когда он почувствовал себя народом — это было как раз время

Великой Отечественной войны. Тогда мы действительно могли говорить, что мы нация.

Я опрашивала тысячи людей и слышала от них, что это было действительно народное движение. Всем бы нам опереться на это прошлое и эти ценности, чтобы создать этот народ, который все время распадается на Западную и Восточную Беларусь, на сторонников Пазыняка и Лукашенко.

Но я соглашусь, что есть и элемент усталости. Слишком долго открывалась эта чакра, это тоже опасно. Нет какой-то энергии, которая нужна и власти, которая не понимает, что делать, и тем, кто ей противостоит, это электричество уже оттуда не исходит. Это было время духовное, высокое, хотя и страшно кровавое. Оттуда можно извлечь то, что тогда мы были мы.

Что касается меня, то для меня нет ничего выше, чем человеческая жизнь в нормальных условиях, я не могу сказать, что человеческой жизнью можно жертвовать ради чего-то, для меня человек — превыше всего, потому что он — замысел Божий. Но, как говорил Игорь, мы живем в реальном мире и реальном времени, из него не выскочить, и надо жить по его законам. Не надо поддаваться гипнозу любимых идей, надо идти с открытыми глазами к действительности.

Дракохруст: Г-жа Алексиевич, вы сказали, что именно в войну белорусы почувствовали себя народом, почувствовали себя нацией. Но в то время стороной войны была не Беларусь как таковая, а Советский Союз, частью которого Беларусь тогда была. На ваш взгляд, в какой степени уверенность белорусов в том, что они победили в той войне,

что советская сторона была их стороной, а немецкая — враждебной стороной, насколько это укрепляет или поддерживает их связь, связь с Россией или, скажем шире, — с русским культурным, духовным и даже политическим пространством? И наоборот — насколько путь в Европу требует иного взгляда на Вторую мировую войну и роль в ней белорусов?

Алексиевич: Любой белорус вам скажет, что в годы войны погиб каждый четвертый белорус. Не каждый четвертый советский человек, а каждый четвертый белорус. Отделение очевидно в общем пейзаже этой чудовищной борьбы. Скажут так: «Победили мы, советские, но погиб каждый четвертый белорус». Так что белорусы в связи с войной чувствуют себя отдельно белорусами. Что касается отдельного текста, который мы все пытаемся написать, хотя для него нет ни алфавита, ни языка, то я считаю, что это уже опоздавшая идея. Все больше укрепляется понимание, что мир един, что отдельность существует только для того, чтобы обжить это пространство, потому что размеры всего мира выше человека. Мир един и очень мал, и нашему желанию отделиться от России в культурном плане предопределено неизбежное поражение, оторвать и разделить славянские народы невозможно.

Что же касается нашего пути в Европу — не знаю. Для общественного сознания, для людей в любом городке и деревне в Беларуси даже Польша и Чехия гораздо дальше, чем Россия. Это скорее культивируется в сознании интеллигентов как форма противостояния. Но нельзя две тысячи лет

вычеркивать из этого культурного, почти генетического сознания. Я не разделяю этих идей, мне даже неинтересно думать в эту сторону, потому что этому суждено историческое поражение.

Бобков: Я думаю, что в белорусской культуре очень рано возник свой собственный миф о войне, который был частью общего мифа, мы помним это шутовское название «Беларусьфильма» — «Партизанфильм». Машина культуры работала достаточно интенсивно, чтобы выгородить свою территорию, свое пространство, свои эмоции, тексты и идеи. Я не вижу связи мифа войны с Россией. С советским проектом — да, безусловно, с советской цивилизацией, может, даже с идеей коммунизма, но не с собственно Россией. Это большой парадокс, но у России у самой колоссальные проблемы с «приватизацией» всей этой советской мифологии.

Что касается схемы «между Европой и Россией», то мне она кажется устаревшей. В сегодняшней глобальной ситуации противопоставления Европы и России быть просто не может. Если говорить о постепенном угасании Запада (я думаю, буквально в течение десяти-двадцати лет мы будем иметь совсем другую конфигурацию центров силы в мире), то разница между европейским проектом и восточноевропейским или российским по сравнению с этими новыми конфигурациями будет выглядеть настолько мелкой, что строить на этом свою идентичность и свою долгосрочную стратегию бессмысленно. Нам просто надо забыть о старых схемах и смотреть в будущее.

Алексиевич:

«Сначала — демократическое государство, потом — национальное».

Буравкин: «Это будет трагедия.

Демократия добьет белорусский язык».

24 августа 2005

Юрий Дракохруст, Прага

Проект радиостанции «Немецкая волна» начать вещание на Беларусь на русском языке, поддержанный Еврокомиссией, породил в Беларуси горячую дискуссию, которая вышла далеко за пределы собственно решения зарубежной радиостанции. Спор — о месте белорусского языка в обществе, о его роли в создании нации. Насколько уместны и корректны расчеты инициаторов проекта? Почему позиция Евросоюза в вопросе вещания на Беларусь отличается от языковой политики внутри самого Союза? Является ли белорусский язык единственным фундаментом национальной консолидации? Над этими темами в «Пражском акценте» размышляют писатели Светлана Алексиевич и Геннадий Буравкин.

Дракохруст: Тема языка вещания новой белорусской программы «Немецкой волны» разбудила немалые страсти. Жесткая полемика идет на газетных страницах и на интернет-форумах, собираются подписи под петицией, политолог Виталий Силицкий и ряд политиков и деятелей культуры призвали к бойкоту новой радиопрограммы, дру-

зья становятся если не врагами, то яркими противниками. Как видно, решение «Немецкой волны» и Еврокомиссии затронуло болезненную точку общества, разбередило острую проблему, которая возникла очень давно и никуда не исчезла. Стоит сказать, что, в отличие от прежних случаев, когда возникали подобные споры, власть на этот раз, что называется, молчит как рыба, дискуссия идет между людьми и изданиями демократических взглядов. Явление это с политической точки зрения бесполезное, но, в конце концов, оно свидетельствует о том, что некоторые вещи в этой среде за десятилетие не были договорены и выяснены. Попробуем некоторые из них договорить сегодня.

Г-н Буравкин, сторонники русскоязычного вещания ссылаются на данные опросов и социологических исследований. Согласно им, несмотря на наличие образованных городских культурных кругов, в массе своей белорусскоязычные в Беларуси имеют низкое образование, пожилой возраст, живут в деревне, в большей степени склонны поддерживать Лукашенко, авторитаризм, более ориентированы на Россию. Обратные характеристики в большей степени, подчеркиваю — в масштабе всего общества, свойственны русскоязычной общине. Но именно на горожан, образованных людей, на молодежь новый информационный проект «Немецкой волны» и рассчитан. Так, может, выбрав русский язык, его инициаторы были правы?

Буравкин: Я думаю, что те данные, на которые вы ссылаетесь, мягко говоря, некорректны. Берется количественная масса, без учета качественных показателей. И я не слишком склонен

«отдавать» второй части молодежь и тем более городскую интеллигенцию. Я не согласен с тем, что молодежь абсолютно привержена русскоязычию. Мы видим по политическим демонстрациям и по другим показателям, что у молодежи больше просыпается и проявляется интерес к своему родному, исконно историческому, в том числе и к белорусскому языку.

Но бесспорно, что русификация, которая не то что десятилетиями, но веками велась на нашей родной земле, она ведь принесла плоды. И более того, если в эту русификацию включился сегодняшний режим, включился настолько нагло, как не было и в советские времена, то бесследно это проходить не может. И поэтому этот слой русскоязычной симпатии к СМИ — он есть, учитывать его необходимо.

Другое дело, что в этой ситуации с «Немецкой волной», которая, на мой взгляд, иногда чересчур драматизируется, западные журналисты и тем более политики не очень хорошо представляют себе ситуацию в Беларуси и не очень хорошо осознают то, что скрыто, что неочевидно. Ведь русификация — это один из показателей сегодняшнего диктаторского режима, при помощи русификации делается много вещей недемократического порядка.

А если с этой «Немецкой волной» так получается, что вроде бы идет поддержка русификации (я не считаю, что это так, но так получается в понимании многих), то для меня это тоже вопрос — о чем думают на Западе те, кто хочет демократии для Беларуси? О чем думают политики, которые говорят, что они не хотят исчезновения Беларуси

с политической карты мира, а хотят развития суверенной демократической Беларуси, а значит, и развития белорусской культуры — а она, как показывает мировой опыт, наиболее ясно и неповторимо может выразить себя на своем родном языке, который есть, который живет? А вот как она живет, в каких условиях — это другой вопрос. И «Немецкая волна», мне кажется, к сожалению, не очень продуманно принимала решение.

Дракохруст: Г-жа Алексиевич, нынешняя языковая ситуация не является результатом совсем уже естественного развития, в значительной степени это результат многолетней целенаправленной политики. Так вот, не считаете ли вы, что создание такой русскоязычной программы для Беларуси — это сознательно или бессознательно шаг в русле той же политики, еще одна горсть земли в могилу белорусского языка и культуры?

Алексиевич: Вы знаете, я немного следила за дискуссией и была удивлена ее романтизмом и агрессивностью одновременно. Мне кажется, что за этим стоит эхо энергии событий в Украине. Я еще раз поняла, что мы за 20 лет ничему не научились — все то же самое. Нас ничему не научил даже опыт поражений 90-х годов, когда мы имели такую сильную фигуру, как Пазыняк.

Поставив демократию сзади, а язык спереди, мы проиграли даже в то время, когда был большой запас веры в людях, когда была очень сильная волна антикоммунизма. И меня удивляет, что выводы не сделаны, и это заставляет думать: в национальном крыле нет политиков, я слышу голоса культурологов, а не реальных политиков. Они не

представляют реальный народ, они представляют собственную мечту о народе.

А совпадение интересов власти и того, что открылось вокруг этой ситуации, — я считаю, что это поверхностное мнение. Печально признавать, но сегодня, когда читаешь всю эту дискуссию, понимаешь, что единственный реальный политик в белорусском пространстве — это Лукашенко. Другое дело — с каким знаком. Но этот человек имеет дело с реальным народом, с реальной ситуацией, с реальным временем.

Нет у нас того народа, о котором говорил Геннадий Николаевич. Наш народ в основном русского сознания. Я много ездила по Беларуси и убедилась, что те люди, о которых мы говорим, есть только под крышей АРСНЕ или «Нашей Нівы», может, в студенческих общежитиях, но не вся даже молодежь такая. И я хочу повторить, что нас не должен парализовать опыт Украины, пусть он не дает излишних надежд. У нас совсем другая, более жесткая ситуация. И я думаю, что в этой ситуации Deutsche Welle и те, кто давал деньги на эту программу, если они выиграли тендер, приняли очень точное, прагматичное решение. Сегодня на белорусском языке очень мало людей в Беларуси слушает программы. Власть сделала все, чтобы маргинализировать белорусский язык и людей, которые его культивируют. Поэтому было принято решение — охватить как можно бóльшую часть людей. Это очень правильное решение, потому что, если мы не пустим демократию впереди языка, мы опять погибнем.

Дракохруст: Аргументы противников русскоязычного вещания «Немецкой волны» основаны на силлогизме. Условие демократического развития страны — национальная консолидация. Национальная консолидация, согласно им, может быть основана только на своем, родном, национальном языке. Вещание по-русски, особенно из Европы, подрывает позиции этого языка, а значит, национальное единство, а значит, и демократическую перспективу. Г-жа Алексиевич, вы с этим не согласны?

Алексиевич: Я абсолютно с этим не согласна. Надо разделять две задачи: демократическое государство и национальное государство. И это не только две разные задачи, но и два этапа — сначала демократическое государство. Если бы мы это сказали в 1990 году, мы бы имели демократию, а потом и белорусский лицей, и белорусский университет, и белорусское студенчество, и белорусский детсад.

Мне кажется, что нынешняя дискуссия демонстрирует одну из травм, которую дает культурологическое, клубное мышление, когда маленькая группа лиц, консолидированная вокруг очень красивой и искренней идеи, нравится самой себе. Они настолько влюблены сами в себя, что давно не видят, что происходит на улице, и дальше студенческих общежитий не выходят. Я в отчаянии это говорю, потому что услышать то же самое через двадцать лет — это чувство полного поражения.

А что касается Запада, то представьте себе такую картину — тяжело болеет близкий нам человек. Мы, родные, жалеем его, поправляем подушечки, успокаиваем его. Приходит врач, который

жестко разбирается в ситуации: это сделать, это уколоть, это резать. И его решение приводит нас в ужас. Сегодня мир достаточно жесток и прагматичен. И такое эмоциональное причитание очень свойственно нашей культуре, но я могу сказать — посмотрите, что делается в мире. В XXI веке формировать нацию — задача очень сложная и романтическая, но учитесь чему-то на уроках прошлого.

Буравкин: Я хотел бы возразить или поспорить со Светланой по некоторым позициям, хотя некоторые ее утверждения я принимаю, и, как это ни горько, но они имеют основание. Но мне кажется, что ее утверждение, что нужно разделять — или демократия, или язык, — это то трагическое убеждение, которое и привело к тому, что сегодня есть в Беларуси, и может привести к тому, что, не дай бог, может произойти в будущем. Если это политика реальная и если это политика мудрая, не сегодняшняя прагматичная, как мы любим говорить, а мудрая, не только для сегодняшнего поколения, мы не должны разделять в национальном государстве вопрос демократии и вопрос языка. И то, что их разделили в 90-е годы некоторые политики с одной стороны и с другой стороны — это их больша́я, а может, даже и трагическая ошибка. Но давайте же мы ошибки будем исправлять, а не загонять еще глубже.

Давайте не будем отрывать понятие демократии от понятия национального достоинства, национальной истории, в конце концов — от понятия национальной идеи. И тут вопросы языка — что бы там ни говорили, никуда от этого

не денешся — они очень острые, потому что они очень тонкие.

И Запад должен помогать все-таки лучшим силам, тем, которые, так сказать, есть. И Запад не должен говорить, что нет проблемы языка. Есть проблема языка. Какая прагматика, простите? Это прагматика рыночная и недалёковидная, когда оказывается, что деньги на русскоязычный проект есть, а на белорусскоязычный, как сказал г-н. Вик, нет. Простите, но речь идет, видимо, не о деньгах. Я понимаю реалии, но меня тревожит то, что при этом отбрасывается и игнорируется то, что у каждого народа очень дорогое. Светлана сослалась на революцию, будем называть ее так, в Украине. Правильно! В тех событиях, которые произошли в Украине, имел значение национальный вопрос, имел значение язык, хотя там огромная масса русскоязычных людей. И если та же «Немецкая волна» ведет передачи на Украину по-украински, то почему она не может вести передачи на Беларусь по-белорусски, понимая, что если мы говорим о будущем Беларуси, то это будущее обязательно будет связано с белорусским языком? А если они это отвергают, простите, я не очень верю в искренность их демократических побуждений.

Дракохруст: Г-н Буравкин, мы уже частично начали говорить о проблеме, которая, так выглядит, является ключевой во всем этом разговоре. Андрей Дынько в своем письме на сайт «Наше мнение» пишет: «Может ли быть русскоязычный текст основой национального дискурса — это еще нужно доказать». О том же пишет и Виталий Силицкий: «Вопрос в том, будет ли русскоязычный

белорусский национализм иметь продолжение сам по себе. Ну, исчезнет белорусский язык, где вы найдете, где вырастите новых Быковых, Арловых, Хоменко, Хадановичей? А если не вырастите, то чем их замените?». Действительно, в этом ключ — возможен ли русскоязычный белорусский национальный проект, или, может, он уже существует?

Буравкин: Это для меня очень тонкий вопрос, потому что — что такое национальный проект? Я абсолютно верю в то, что в Беларуси могут быть талантливые творцы, которые пишут по-русски. Я это не отвергаю и имею этому доказательства. Другое дело — я считаю, что выявить наиболее полно, глубоко и тонко душу народа, простите за такие громкие слова, в Беларуси можно только на родном, материнском языке, потому что язык несет в себе такие незаметные, неочевидные глубины, которых не несет в себе никакая другая интеллектуальная субстанция. Поэтому, действительно, если народ рождает таких гениев, как Быков в прозе, Бородулин в поэзии, этот народ имеет право иметь культуру на своем языке, он еще не исчерпал себя в своем языке. А государство, и даже международное сообщество, подталкивает его: «Да бросьте вы этот белорусский язык, пусть будет колбаса». К этому все сводится.

Я хочу вернуться к этому тезису — сначала демократия, потом язык. При таком развитии событий, как у нас, это будет трагедия, и не только для Беларуси, но и для демократии, когда белорусский язык уничтожит именно демократия, добьет белорусский язык именно демократия.

Я тоже человек эмоциональный и не хочу сказать, что владею истиной, но с большой тревогой и опаской отношусь, когда такие тонкие вещи, как язык, национальный характер, менталитет, национальная идея хотят решать очень просто, не в самых лучших традициях жесткого рынка.

Дракохруст: Г-жа Алексиевич, а вы кем чувствуете себя — просто талантливым русскоязычным писателем или представителем русскоязычного белорусского национального? И как вы себя определяете в рамках этой дилеммы — язык или колбаса? Вы на стороне колбасы?

Алексиевич: Я бы хотела сказать, что меня удивило эта эмоциональность заклинания. Я представляю разговоры, которые ведутся в наших национальных кругах, что демократия — это колбаса. Мол, западные люди ничего не понимают и предлагают нам колбасу. Да не колбасу. Дело в том, что демократический опыт очень широк. То, что происходит у нас, происходит в половине африканских государств. Я недавно была в Сараево, полгода назад — в Стране Басков, те же самые проблемы. Поверьте, у западных людей достаточно большой опыт, и им есть что с чем сравнивать. Нам кажется, что то, что случается с нами, случается только с нами, что русские — оккупанты, что русский язык — оккупационный. Все это не так.

Только под крышей ARCHE — я беру ARCHE как метафору национальных мечтаний — представляют русский язык как язык оккупантов. Народ так не думает. Скорее у него в глубине памяти есть негативное отношение к польскому языку и к

полякам. Есть один проект — демократический. А его составляющая — национальный проект.

Что касается вопроса ко мне лично, то тут я отвечаю немного с иронией — о себе нельзя говорить иначе. У меня есть свой русскоязычный национальный проект. Вчера я получила книгу из Японии — это моя 84-я книга в мире. 84 книги, изданные на 36 языках, на которых я говорю о Беларуси. О нас мало знают, что-то слышали о Лукашенко, и все. Нужно быть немного трезвее и скромнее, не надо этих заклинаний — «не будет языка». Кто сказал, что демократический проект уничтожает язык? Почему нужно так фаталистично настраиваться, что придут демократы и уничтожат язык? Если мы так себя настраиваем, если перед выборами показываем народу, насколько мы узкие, насколько мы маленький клуб, мы становимся от него все дальше и дальше.

Мы не говорим о том, как он живет, как он унижен — мы все сводим к языку, к трем-четырем знакам, очень точным, но понятным узкому кругу интеллигенции.

Геннадий Николаевич, я уверяю вас, давайте выйдем на улицу в Гродно или где-нибудь и повторим этот наш разговор, который абсолютно нормален, если вы говорите с Бородулиным или с Дынько, но это будет китайская грамота для нашего мужика. А вот Лукашенко говорит на языке, понятном для него.

Буравкин: Светлана, я хочу сказать, что мы действительно перебарщиваем в этом споре — и те, и другие, и вы тоже перебарщиваете. Вы мне говорите, что если мы выйдем в Гродно и будем

разговаривать о Бородулине или о Дынько, это для многих гродненцев будет китайской грамотой. Но, простите, китайской грамотой будет и для Франции и Италии, где вы живете, разговор о многих писателях, даже очень талантливых. Мы говорим о другом — не о культурном уровне, не о традициях демократии и культуры, а о белорусской проблеме, которой нет, к счастью или к сожалению, во многих странах мира — такой острой и такой насущной: культура национального языка, культура национальной идентификации. Эта проблема есть, и делать вид в конкретных политических решениях, что этой проблемы нет, и не учитывать ее — нельзя.

Вы, Светлана, очень верно сказали, что нельзя исключать из понятия демократии такую составляющую, как язык. Здесь я полностью согласен, хотя раньше вы сказали, что сначала демократия, потом язык. В серьезной, тонкой политике, как вы знаете, мелочи играют бóльшую роль, чем какие-то генеральные линии и планы, потому что в мелочах выявляется суть политики. А насчет того, что Запад очень демократичный, очень мудрый и очень умный, я бы не спешил так говорить. Я тоже немножко знаю зарубежье, меньше, чем вы, но знаю, и я помню, как этот Запад относился к приходу Гитлера и к тому, что он творил на Западе. И у меня очень большое опасение, что уроки из истории и Запад не слишком хорошо извлек.

Дракохруст: Г-жа Светлана, несколько участников дискуссии вспоминали, что в июне Евросоюз ввел еще один официальный язык — язык, на котором в обязательном порядке выпускаются все

документы Союза, все форумы обеспечиваются переводчиками на этот язык и так далее. Этот новый язык — ирландский, на котором в самой Ирландии говорит небольшая часть населения. Но это знак уважения к национальной идентичности ирландцев, здесь соображения прагматики не приводятся. А в отношении вещания на Беларусь — именно они и перевешивают. Почему?

Алексиевич: Я думаю, что речь здесь идет не о двойном стандарте, хотя я согласна с Геннадием Николаевичем, что идеализировать Запад не нужно, и я его не идеализирую. Не следует забывать, что здесь построено сбалансированное общество, которое способно на такие вещи. А у нас речь идет о борьбе, и, в частности, о предвыборной борьбе.

Последняя диктатура Европы — она как бельмо на глазу для всего Евросоюза, и надо что-то делать. Внутренних, собственных сил у белорусов нет — значит, им надо помогать. Как? Принимается очень жесткое, прагматичное решение — вовлечь как можно больше людей, так как, будем честными — хотя многие во время переписи говорили, что их родной язык — белорусский, на нем очень мало людей говорят дома. А если и говорят, то это в основном пролукашенковская деревня. А надо охватить как можно больше людей. Нет здесь никакого унижения или двойного стандарта.

Если вам признаются в любви, разве вам важно, на каком языке — на белорусском или на русском? Или важно то, что признаются? И вот я признаюсь в любви к Беларуси на русском языке.

Дракохруст: Г-н Буравкин, а как вы думаете, почему Евросоюз выражает уважение даже к почти умершему ирландскому языку, но прагматично подходит к белорусской языковой ситуации?

Буравкин: Я хотел бы согласиться со Светланой, что, по-видимому, действительно в этом решении перевешивали задачи сегодняшнего дня, может, даже та самая президентская кампания, которую Александр Григорьевич, как он сам недавно признался, начал с 2001 года и ведет каждый день. Может быть, это действительно сыграло роль. Единственно, что мы все время говорим об этих знаменитых прагматиках, но я сомневаюсь как раз в их прагматизме, ведь слушают «Немецкую волну» не более 10% людей. Наивные люди те, кто думает, что таким образом они могут противостоять абсолютно оголтелой и наглой пропаганде, которая льется из радио и телевидения. Вы, Юрий, сказали, что в отношении языка, который почти не живой, был сделан жест уважения, — и я думаю, что серьезные политики, когда они принимали решение, они должны были понять, что жесты уважения имеют в политике очень большое значение, такой жест — это знак понимания тех проблем, которые не сегодня и не завтра будут решены.

Я приведу как пример посла Соединенных Штатов Джорджа Крола. Сейчас на официальных мероприятиях он единственный среди дипломатов и политиков, кто повсюду подчеркнуто выступает по-белорусски. Это уникальный, блестящий, прекрасный жест уважения к белорусскому народу. А если поддерживают наших чиновников, которые

сознательно, демонстративно чуждаются языка, если они не стесняются утверждать, что этот язык не стоит их высоких голов и гибких языков, то опять же — это вопрос политики.

Данута Бичель: «Нет Беларуси без белорусского языка»

13 сентября 2005

Радыё Свабода

Новая передача серии «Частный дневник». Записями своих мыслей прошлой недели со слушателями Свободы делится поэтесса Данута Бичель, которая живет в Гродно.

Бичель: Слушаю утром *Радыё Свабода*. Писательница Светлана Алексиевич объясняется в любви к Беларуси на русском языке. Как сильно нужно любить, чтобы, став писательницей, не знать языка.

Нет Беларуси без белорусского языка. Беларусь — это белорусский язык. Его не вычислишь в процентах употребления, как зерно, как деньги. Язык — это душа, а душа — маленькая. Но без души человек — не человек, а дьявол.

«У нас страна белорусов, которые не знают, что они белорусы»

29 января 2006

Юрий Дракохруст, Прага

Появилась ли в Беларуси персональная и программная альтернатива Александру Лукашенко? Почему наиболее серьезными оппонентами действующему президенту стали в той или иной степени национально ориентированные политики? Превращается ли нынешняя избирательная кампания в столкновение Польши и России? Эти вопросы обсуждают в «Пражском акценте» философ Валентин Акудович и писатели Светлана Алексиевич и Владимир Некляев.

Дракохруст: На основании выступлений, интервью, заявлений претендентов на роль кандидата в президенты, на основании хода сбора подписей за них — можно ли сказать, что появилась достойная альтернатива или даже альтернативы Александру Лукашенко — альтернативы как личности и альтернативы программные — другого пути страны? Г-н Акудович, по вашим наблюдениям, увидело ли белорусское общество ответ на вопрос «Кто, если не он»?

Акудович: Только безумный оптимист может говорить, что мы уже имеем сегодня альтернативную Александру Лукашенко политическую фигуру. Но вместе с тем у меня с каждым днем креп-

нет смутное предчувствие, что потенциал этой альтернативы есть у Александра Милинкевича.

Возможно, таким же неясным предчувствием руководствовались и делегаты Конгресса демократических сил, когда в качестве единого кандидата выбрали не кого-то из политических «зубров» — не Лебедько, Калякина или Шушкевича, а мало кому известного Милинкевича. И похоже, что они не ошиблись. Не прошло и полгода, а этого долгового человека из Гродно уже принимали на высшем политическом уровне в ряде соседних стран.

Однако не будем спешить с выводами. Выборы как раз и покажут, прав ли тот, кто предчувствует потенциал общенационального лидера в Александре Милинкевиче. Но не в том смысле, что он победит на выборах — кто победит, правдами и неправдами, всем хорошо известно.

Выборы могут помочь Милинкевичу раскрыть весь свой политический потенциал. А если он после 19 марта не уйдет в политическую тень, как Гончарик когда-то, то белорусское общество, возможно, наконец получит столь долгожданную альтернативу Александру Лукашенко.

Дракохруст: Г-жа Светлана, несколько месяцев назад вы участвовали в нашем «Пражском акценте» с Геннадием Буравкиным, и тогда вы говорили, что никаких альтернатив Лукашенко и близко нет. Какие у вас впечатления сейчас?

Алексиевич: Я уже около двух месяцев в Беларуси, немного ездила по деревням, по небольшим городам, на днях вернулась из Могилева. Вот мы сидим в Могилеве в зале, человек сто, и на стене висит портрет Милинкевича.

И я смотрю на эти добрые лица, пришла хорошая публика с уже забытыми лицами — учителя, местная интеллигенция, и на стене висит этот портрет. И у меня ощущение, что я то ли в Польше, то ли в Чехии. Я вижу, что появилось достойное, нормальное человеческое лицо. Оно соответствует и времени, и драматическим событиям, которые у нас произойдут независимо от того, сменится эта власть или останется. В его пластике, забытой у нас интеллигентности для меня есть определенная надежда.

Я слышала аудиторию и видела, что наработано уже белорусское пространство, ко мне подходили молодые люди, они рассказывали мне, как они искали следы восстания Калиновского. Они все говорят по-белорусски.

Видно, что растет эта масса людей. И появляется это лицо, на котором фокусируются ожидания лучшей части общества. Ждало общество Лукашенко — оно его и получило. А сейчас общество полно новых ожиданий, еще не осмысленных, скрытых. Но эта фигура есть.

Я не знаю, произойдет ли это чудо сейчас, я в этом как-то мало уверена. Хотя я разговаривала с украинскими интеллектуалами, они за месяц до революции говорили, что не верят в ее возможность. Но вдруг возникает какой-то новый химический элемент. Мы для этого работаем, думаем — вдруг это произойдет. Но фигура эта есть.

Дракохруст: Г-н Некляев, и г-жа Светлана, и г-н Акудович говорят об альтернативе только в лице Александра Милинкевича. Вы член штаба другого

кандидата — Александра Козулина. Создает ли он настоящую альтернативу Александру Лукашенко?

Некляев: Во-первых, я хочу поддержать Светлану в том, что нельзя допускать безверия в победу, которое царит сейчас у большинства наших людей. Светлана кстати вспомнила пример Украины, я там тоже недавно был — и действительно, никто до того, как это произошло, не верил, что такое может быть. По менталитету украинцы очень на нас похожи, и рассуждения были такие же: «Ай, никогда у нас уже ничего не будет, так мы и помрем на этом пограничье». Нет, произошло.

Любая альтернатива если не достойна, то во всяком случае лучше того, что мы имеем. По сути, для избирателя любая программа в устах претендентов лишена смысла, потому что она ничем не наполнена. По сути, есть не программы, а ожидания определенных социальных групп, в том числе и интеллигенции.

Как раз неактивное участие интеллигенции в политических пертурбациях последнего времени меня настораживает больше всего.

Я не в штабе Козулина, но действительно в группе, которая его поддерживает. Почему? Почему я не у Милинкевича? А что мне делать у Милинкевича? Он белорус натуральный, в отличие от большинства наших политиков, которые политически белорусы. Они и говорят по-белорусски только на трибунах.

Белорусскость — это бренд, это единственное, что можно противопоставить Лукашенко. Его нельзя переиграть ни в экономическом, ни в по-

литическом плане, поэтому они все становятся на эту самую белорусскость.

Козулин — это тоже не натуральный белорус, но он к тому движется. И не влиять в этот момент на человека с перспективой было бы ошибкой.

Лично он мне немного напоминает Геннадия Карпенко, с которым я в свое время близко дружил, и мои отношения с Карпенко привели, скажем, к появлению Молодечненского фестиваля народной музыкальной культуры.

Все говорят — «единый кандидат, единый кандидат». Я всегда был за широкий политический спектр в Беларуси. Я тоже надеюсь на чудо вроде украинского, но политика единого кандидата на прошлых выборах привела к тому, к чему привела. И в чем так радикально изменилась ситуация, что та же самая политика через пять лет приведет к другому, если не будет не только альтернативы Лукашенко, но и альтернативы среди тех людей, которые выдвигают себя сегодня кандидатами в президенты?

Дракохруст: Г-н Некляев уже начал разговор о программах кандидатов. Тут вспоминается известный анекдот: «Кто такой зануда? Это человек, который на вопрос “как дела?” начинает рассказывать, как его дела». Действительно, иногда избиратели говорят о кандидатах: «А какая программа у Милинкевича, какая программа у Козулина? Я ее не знаю». Хотя если в ответ услышат, что кандидат намерен снизить, скажем, подоходный налог на 10%, снизить на 3% ставку рефинансирования, привлечь инвестиции, то скажут: «Да нет, это не то». А что — то, что люди имеют в виду, когда го-

ворят о программе? И есть ли программы в этом народном смысле у претендентов на роль кандидата в президенты?

Алексиевич: Я думаю, это плохо, что мы не вкладываем в программу тот смысл, который вкладывают в европейских странах. Но, видимо, нужно согласиться, что мы находимся в промежуточном состоянии строительства новой жизни. Мы больше доверяем харизме, носителю наших предчувствий.

Что у людей связано с Милинкевичем, когда информация доходит до них? Я заметила, что белорусское телевидение поступает довольно грамотно с точки зрения власти — не называет имен. Люди, особенно в деревнях, просто не знают, что есть такой человек, как он выглядит, какие у него качества.

Для наших людей человеческие качества кандидата значат больше, чем его программа. Наш избиратель еще политический младенец.

Для людей, которые отдадут свои голоса за Милинкевича — а их будет немало — он воплощает идею другой жизни на славянском, иррациональном уровне. Эта его интеллигентность конфликтует с тем, что мы имеем сегодня в нашей действующей власти — в нашем обществе тотальной посредственности сверху донизу. Если видеть этих людей власти, просто поражаешься, как эта серость порождает себя и генерирует.

С Милинкевичем люди связывают то, что мы откроемся миру, что будет не стыдно ни за то, как человек говорит, ни за то, как он смотрит. Это воплощение наших надежд.

Стыдно за свой страх, которым проникнуто общество, стыдно за свой стыд, стыдно за униженность своей жизни. Накопился большой запас психологических ожиданий. И нужна фигура, которая сделает этот эмоциональный прорыв.

Дракохруст: Из слов г-жи Светланы следует, что когда люди говорят о программе, они имеют в виду какое-то послание кандидата в президенты. Скажем, у Лукашенко в 1994 году таким посланием было — «Отомстим и накажем воров и коррупционеров», путинское послание в 2000 году укладывалось в емкое — «Мочить в сортире». Г-н Некляев, вы могли бы сказать, какое послание в этом смысле у Александра Козулина?

Некляев: Все на поверхности будто бы лежит. Мы сейчас то же самое говорим, что говорили и на прошлых выборах, и на позапрошлых. Народ не ждет никаких экономических посланий. Я имею в виду именно народ, тех людей, которые изо дня в день думают, как прожить. Он сам знает, что если он не засеет поле, не зарежет курицу, то, кто бы там какую экономику ему ни обещал, он будет голодным. Поэтому, конечно, ожидается некое духовное послание. Из моих встреч с простыми людьми следует, что им надоело жить в мире невнятно.

Правда, сегодняшнее наше внятное существование, — лучше бы его не было, каждому нормальному человеку за такое «внятное» существование стыдно.

И это при том мы живем невнятно, что Беларусь — это совсем не маленькая страна, как о ней иногда говорят. Вон Литва, Латвия, Эстония — действительно страны небольшие, но они

существуют в мире внятно, и прежде всего эта внятность исходит из того, что они несут в себе национального.

Когда начинаешь говорить о национальном на уровне истеблишмента, слышишь, что это, мол, неперспективно, особенно что касается белорусского, что это все грохнетя, что будет царить какое-то глобальное нечто. Но если так задумываться, то оно все вместе взятое неперспективно, потому что когда-нибудь под погасшим солнышком все закончится. Но из этого не следует, что человечество будет хотеть перестать жить. И из этого не следует, что человек, которому в данный момент хочется быть национальным, хочется быть внятным, расхочет этого потому, что это когда-то в далеком будущем кончится.

И вот Козулин при соответствующей корректировке как раз вот эту внятность мог бы высказать. Он, как и Милинкевич, еще немного странноват для большинства людей. «Откуда такой взялся?» — о нем спрашивают. А он похож на этих людей, он и на встречах сбивается так же, как и те, с кем он встречается. Но видно, что он хочет вместе со всеми этими людьми стать внятным. Я думаю, что это основное, что он на сегодняшний день в себе несет.

Дракохруст: Валентин, у Владимира сейчас прозвучала фраза «Мы говорили это и на прошлых выборах, и на позапрошлых», а люди, мол, заняты своими курами и не поднимают глаза вверх. Но мы помним даже по новейшей белорусской истории, как, скажем, люди в 1994 году объединились вокруг определенной фигуры — хорошей

или плохой — неважно, но они в определенной степени оторвались тогда от своих кур.

Или взять позапрошлогодний опыт Украины, когда около миллиона человек стояли на майданах по всей стране. Тут дело, видимо, в своеобразном «золотом ключике» — если его найдешь, то он раскрывает души людей и они отрываются от своих кур. Увидели ли вы, г-н Валентин, в руках у какого-то кандидата такой «золотой ключик»?

Акудович: Я немного дистанцируюсь от этой известной мысли, что есть где-то какое-то словечко «сезам», его только надо найти — и двери откроются. Я думаю, что все наоборот — если ситуация дозревает, тогда уже не важно, какое словечко, слоган, лозунг прозвучит. Мне приходится достаточно много встречаться с иностранными друзьями, у которых это уже произошло. Они почему-то все время делают акцент на этом, словаки говорят об одном лозунге, сербы — о другом. Я не верю, что проблема в каком-то «ключике».

Нужен прежде всего «замок», куда вставить тот «ключик». Если замок не висит, то носи тот «ключик» в кармане и звени им сколько угодно.

И поэтому вопрос скорее в том, когда в Беларуси созреет эта критическая масса, и тогда может прозвучать что угодно, и люди выйдут. И выходили мы и по 20, и по 50, и по 100 тысяч, и несущественно, под какими словами, и, возможно, несущественно даже, под каким флагом.

Я пока не вижу этого вызревания.

Оно существует, тут я согласен с Владимиром и Светланой, оно идет в кругах интеллигенции, в общественном смысле активных людей. Но пока,

мне кажется, это очень мало. Другое дело, что наш опыт действительно показывает, что большие сдвиги происходили неожиданно.

И поэтому остается надеяться, что эти процессы, которые происходят, нам просто невидимы. Нам очень трудно оценивать, что на самом деле происходит в Беларуси, потому что мы находимся под крышкой диктатуры. Там что-то варится, что-то бурлит, но мы не можем видеть, потому что мы накрыты репрессивным режимом, режимом страха. Мне страшно интересно было бы узнать, что там сварилось.

Дракохруст: Владимир, как вы уже говорили, иногда можно услышать мнения о том, что национальная интеллигенция в Беларуси изолирована со своими разговорами о языке и культуре, которые народу абсолютно неинтересны. Но когда доходит, так сказать, до дела, то выясняется, что ожидания той части общества, которая не удовлетворена существующим положением, сейчас фокусируются или на людях с четкой национальной ориентированностью, таких, как Александр Милинкевич, или на таких, как Александр Козулин, ищущих этой ориентированности — хотя сам он и не принадлежит к этому кругу и сам по-белорусски не говорит, но вокруг него стоят такие люди, как Владимир Некляев, Нил Гилевич, Алесь Пашкевич, Ольга Ипатова. Почему? Почему так получается, что альтернатива оказывается связана с этой самой национальной идеей?

Некляев: Я категорически не согласен с тем, что сейчас сказал мой уважаемый друг Валентин, что ему все равно, под каким мы флагом выходили

на улицы вместе с тысячными толпами. А мне не все равно.

С моего балкона был когда-то виден бело-красно-белый флаг, который тогда реял над резиденцией президента. Я выходил с кофейком и сигареткой на балкон, и у меня, простите, вместе с этим флагом реяла душа. Как только перевесили, я там ни разу не сидел, не курил и не взлетел. Если у человека это есть — это есть, если нет — то нет, и никому тут ничего не докажешь.

На онлайн-конференции на Свободе у Зенона Пазыняка спросили, что бы он сделал в первую очередь, если бы стал президентом. Он ответил — сразу поменял бы национальную символику. Политически и экономически как будто не с этого надо начинать, но вот тут я полностью на его стороне. Если этого нет, то я не понимаю, ради чего все остальное.

Лукашенко на сегодня стал прежде всего препятствием в духовной жизни страны. Ведь как бы она развивалась экономически, если бы был не он, а кто-то другой? Думаю, что примерно так же, может, чуть более рыночно. Но при любом другом у нас бы была другая духовная жизнь. В этом и проблема.

Акудович: Мой любимый поэт, дорогой мой друг Владимир Некляев немножко не так прочитал мою реплику. Я не меньше, чем он и кто угодно, ангажирован и в нашу символику, и в белорусскость. Я говорил, что когда люди выходили массово на улицы, они выходили не как мы с Некляевым — под определенный флаг, они выхо-

дили потому, что была энергетика и потребность в переменах.

Дракохруст: Валентин, у вас в свое время была знаменитая статья «Без нас», где вы с горечью описали глубокую изоляцию национальной интеллигенции. Так почему же в конце концов на альтернативной стороне лидерами оказываются люди все же национально ориентированные?

Акудович: Мало кто замечает, что за 15 лет независимости белорусы уже почти оформились как нация. А не замечают это прежде всего потому, что путь нациетворения виделся и видится многим совсем другим — а именно этнолингвистическим, через охват всего общества национальной культурой, белорусским языком, собственной историей и т.п.

Однако получилось все совсем иначе. Белорусы незаметно для себя начинают сплываться в нацию на социальных основаниях — то есть: свое государство, свои законы, свой государственный строй и т.д.

Но отчего тогда даже у национально не ангажированных политических лидеров очевиден акцент на собственно национальное, как, скажем, у г-на Козулина? Дело в том, что национально сформированный человек, на каких бы основаниях он ни формировался, начинает понимать значение универсальных ценностей. А значит, он постепенно осознает, что собственно белорусское, каким бы маргинальным сегодня оно ни было — это одна из тех универсальных ценностей, которая незримо связывает нашу страну в одно целое.

Белорусскость сегодня находится в маргинальном состоянии, но это — центростремительная маргиналия. Вынь ее полностью — и все посыплется.

И поэтому чуткие, умные люди, как в случае с Козулиным, первое, что делают, если сами не являются внутри национальными в плане собственно белорусского — они окружают себя людьми с ясной национальной ангажированностью, как Ипатова, Некляев и т.п.

Дракохруст: Г-жа Светлана, опять же возвращаясь к вашей полемики с Геннадием Буравкиным в «Пражском акценте». Вы тогда говорили, что национально ориентированная интеллигенция — это такие мечтатели, их мир — это, так сказать, узенькое пространство вокруг редакций «Нашей Нівы» и АРСНЕ, а вокруг, говорили вы, живет совсем другое общество, чуждое этим идеям.

Но теперь вы сами говорите, что на острие ожиданий оказался Милинкевич — человек именно этих идей. Почему?

Алексиевич: Не совсем точно передан смысл того, что я хотела сказать тогда. Как я поняла, и в разных изданиях его тоже неправильно поняли. Я не говорила, что есть искренние белорусы вокруг АРСНЕ, «Нашей Нівы», вокруг каких-то лидеров, таких, как Акудович. Я говорила, что большая часть Беларуси еще говорит по-русски. Дело не в языке или не только в языке. Не важно, на каком языке происходит созревание нации, созревание вообще человеческого сознания, равного тому, что происходит в мире.

И если речь шла о вещанин из Германии, я тогда сказала, что очень умный шаг, чтобы оно было на русском языке, потому что до выборов осталось немного времени (выяснилось, что его еще меньше), и давайте ангажируем эту часть людей.

Что касается нации, то она действительно за это время явно собирается, и это происходит не только по внутренним, но и по внешним причинам. Другого стержня, кроме национального, на сегодняшний момент развития человечества нет. Я бы не сказала, что это маргинальная интеллигенция и что эти ценности маргинальны. Мы уже привыкли так думать и принижать себя. Они еще не артикулированы и происходят на подсознательном уровне.

Один немецкий философ говорил, что есть анонимные христиане — люди, которые не знают, что они христиане. У нас страна белорусов, которые не знают, что они белорусы. Я это могу сказать и о себе.

Эта власть закрыта от мира, мир не принимает эту власть, но люди ездят, смотрят. Пусть они таскают ящики с продуктами или вещами, которые они продают, но они видят, как огромен мир. И они видят, что этот мир сегодня имеет проблемы, и они решаются через осмысление, кто ты есть: итальянец — это итальянец, француз — это француз, поляк — это поляк.

Люди видят, что войны, которые идут сегодня и которые иногда называют терроризмом, связаны с глубокими национальными проблемами. Восточный мир не хочет жить, как американцы или

европейцы, он не хочет жить на этих скоростях, так быстро терять ценности.

У нас страх выживания, а там страх потери себя, потери своего мира. И за что человек может ухватиться? В экзистенциальном смысле — за дом, но когда он выходит из него, он может ухватиться за какое-то сообщество. Без этой точки это будет или комфортное животное, или потерянная песчинка.

Иного пути нет. Просто когда я об этом говорю, я говорю на другом уровне и на русском языке, поэтому как-то иначе прочитывается мой текст.

Дракохруст: Г-жа Светлана, вы говорите, что есть большое количество белорусов, которые говорят по-русски. Так почему в результате спонтанной конкуренции в оппозиционном лагере на первые места вышли люди, один из которых сам говорит по-белорусски, а другой, если сам и не говорит, то окружает себя людьми из этого круга?

Алексиевич: Люди, которые выезжают — я много видела по всему миру белорусов, русских, украинцев, — они уезжают космополитами. Но потом у них появляются или самовары, или слущкий пояс — человек хочет за что-то зацепиться, осмыслить, кто он. Мы рыскали по этому постсоветскому пространству, как ни одна нация, мы были ничейными. Но смотрим — там живут украинцы, там молдаване, там русские. А кто мы? Другой энергетики нет.

Валентин верно заметил, что можно услышать энергетику пространства мира, только если ты на чем-то стоишь.

И несмотря на то, что национальное не артикулируется властью, не артикулируется культурой, которая сегодня раздроблена, люди артикулируют это на подсознательном уровне.

Люди умнее и писателей, и политиков. Наше общество умнее нашей власти и нашей культуры.

Дракохруст: Ну, мы все же обратимся к представителям культуры. Я попрошу вас сказать, как вы оцениваете то, что инициативная группа Зенона Пазыняка отказалась сдавать подписи в ЦИК? Это означает, что лидер БНФ прекратил борьбу за пост президента?

Акудович: Во-первых, этого все ждали, все знали, что так оно и будет. Очевидно, что у БНФ сейчас очень малый ресурс в самых разных плоскостях, тем более если национально ангажированные получили менее радикального лидера — Милинкевича. То, что случилось, и должно было случиться, а во-вторых, так будет и к лучшему.

Алексиевич: Я даже удивлена такому трезвому решению. Я не знаю, какими мотивами он руководствовался, но для меня это был какой-то знак того, что пришло время новых интеллектуальных вызовов в обществе, и национальная идея из стадии романтики переходит в стадию реализации. Понадобился новый лидер, который сохраняет эту мягкую белорусскую ментальность и вместе с тем достаточно конкретен в своем видении.

Единственное, что меня огорчает, и я думаю, что это огорчит значительную часть нашего общества — это то, что Милинкевич такого польского типа, а с этим связаны исторические обиды и сложности, которые связывают нас с польским

обществом и католицизмом. Я боюсь, что это в определенной степени ему помешает.

У Пазьняка в свое время это тоже было. Но когда было время революции, разрушения, нужны были такие фигуры, как Пазьняк. А теперь наступает время строительства. И появляются другие фигуры. И слава богу, что старые фигуры достойно уходят в историю.

Некляев: Ну что тут, собственно говоря, комментировать? Все сказал Валентин, и Светлана тоже правильно сказала. Зенон Станиславович как политик сейчас вынужден играть в предложенных ему условиях. Он не мог не включиться в эту предвыборную президентскую кампанию и не мог не выйти из нее.

Дракохруст: На этой неделе произошло, возможно, случайное, но символическое совпадение. В то время как Александр Лукашенко в Санкт-Петербурге вел переговоры с Владимиром Путиным и председательствовал на саммите Евроазиатского экономического сообщества, Александр Милинкевич выступал с трибуны польского Сейма и пожимал руку польскому президенту Леху Качинскому.

Вместе с тем, скажем, Александр Козулин во время онлайн-конференции на Свободе заявил: «Не секрет, что проект “единого” — проамериканский и прозападный. А я выступаю за сбалансированную политику Беларуси как с Россией, так и с Европой и Америкой. И я не один в нашей стране».

Можно ли сказать, что эта кампания, как это не раз было в белорусской истории, превращается в состязание двух больших белорусских культур-

ных и ментальных магнитов — России и Польши, как те западный и восточный ученые в купаловских «Тутэйшых», которые постоянно появляются с разных сторон сцены и задают своеобразный контекст происходящему?

Владимир, считаете ли вы, что кампания получается такая: Россия против Польши?

Некляев: Тут не только Россия против Польши. Наша кампания, как и предыдущая, получается такая, что все против всех. Если у каждого из кандидатов спросить: «Если ты не победишь, то что лучше — чтобы победил твой демократический конкурент или чтобы остался Лукашенко?», — то, я клянусь, каждый скажет — пусть лучше останется Лукашенко.

Ко мне уже сколько народу цеплялось — как это ты, Некляев, у Козулина? Давай мне все рассказывать, что Козулин — не только проект лукашенковской власти, но и кремлевский проект, мол, все там уже давно договорено, что наступает «час X» и Лукашенко меняют на Козулина. Так я говорю — если так, то я просто дурак, если не пойду к Козулину, если запрограммировано, что он будет у власти.

Что касается противостояния Запада и Востока и ближе — России и Польши. Есть миниатюра у Янки Брыля, когда ему один поляк, причем интеллигентный, образованный поляк, профессор, говорил, когда еще только началась наша как будто независимость: «Что-то вы там заигрываете с Россией, так вы играйте не с ней, а с нами, мы, поляки, вам больше дадим демократии».

Говорить о русской стороне, как там мыслится о Беларуси, нечего — мы для них «испорченные русские», которых нужно «отремонтировать». И, конечно, без этой внятности, внятности исторической, без восстановления этого достоинства ничего не будет. Мы забыли и в человеческих отношениях, и в отношениях групповых об этом слове — достоинство. А оно, по-моему, вообще ключевое в человеческом существовании.

Акудович: Когда-то я писал, что Россия — не на восток от Беларуси, а Восток Беларуси. Это значит, что Россия определенным своим контуром, как и Европа, естественно находится внутри нашей собственной самости.

В разные исторические эпохи на наших землях доминировала то Европа, то Россия, и всяко для нас было не очень хорошо. Сейчас у нас снова очень опасный дисбаланс в сторону России. Еще немного — и наш родной корабль может опрокинуться.

Поэтому с какой бы позиции следующий президент ни пришел к власти, с какой бы программой он ни пришел к власти — он в реальной политике будет вынужден быть прозападным, чтобы хотя бы выправить этот дисбаланс.

С опорой на одну Россию белорусы никогда счастливой жизни не построят. Но не построят ее и только на Европе. Нам одинаково нужны и Европа, и Россия. И не из каких-то внешних соображений, а потому, что мы внутри себя — и Европа, и Россия. Это сочетание и дает эффект Беларуси и белорусов.

Алексиевич: Я когда узнала об этой поездке Милинкевича, я была удивлена. По моим убеждениям, это была ошибка. Понятно, почему она была сделана. Сделать украинскую революцию помогли антирусские настроения, которые очень сильны в украинском народе. У меня отец белорус, а мать украинка, и я знаю, как сильно в Украине не любят «москалей». Это огромная энергия, и это в некотором смысле помогло сделать революцию.

Но белорусы другие люди, здесь такой антирусскости нет. В 1994 году в деревне мне один старик сказал, что будет голосовать только за Лукашенко, а не за Пазыняка или Шушкевича. Я его спросила: «Почему?» Он ответил: «Потому что те смотрят на Польшу, на католицизм. А если для россиян мы младший брат, то для поляков мы быдло». И мне кажется, что это ошибка политика, который только начинает свою политическую карьеру — так обозначать наш исторический вариант. Действительно, должно быть равновесие. И я думаю, что такая демонстрация приверженности ошибочна.

В конце концов, положение Польши в Европе достаточно маргинальное. Ее любят как идею, а не как страну. Поляки достаточно сложно относятся к самой Беларуси. Это конфликт, который нас ждет впереди — через десять-двадцать лет.

У меня было ощущение политической некорректности и неточности.

Светлана Алексиевич награждена премией Общества американских критиков

6 марта 2006

Сергей Наумчик, Прага

Писательница Светлана Алексиевич награждена премией американского общества National Book Critics Circle (NBCC) за книгу «Голоса из Чернобыля». Премия не имеет денежного эквивалента, но это одна из наиболее престижных литературных наград в мире англоязычной литературы.

Алексиевич: Для меня очень существенно, что эта книга о Чернобыле награждена и замечена, — в американском издании она называется «Голоса из Чернобыля», — но в целом отмечен как уникальный проект, который я пишу уже тридцать лет. Он состоит из пяти книг — «Маленький человек и великая Утопия». То есть о магии этой утопии, об этом великом обмане рассказывают и сами свидетели, и сами творцы, и палачи, и жертвы. И я надеюсь, что больше людей прочтает, узнает, для меня это тоже очень важно. Особенно сейчас, когда наша маленькая страна занимает особое место в сознании Европы и мира, со своей бедой, со своей невозможностью преодолеть эту беду. Мне кажется очень важным, когда отдается предпочтение автору «отсюда», его голосу.

Моя профессия — додумывать вещи честно до конца

8 марта 2006

Сергей Наумчик, Прага

На веб-сайте Радыё Свабода состоялась онлайн-конференция с писательницей Светланой Алексиевич. Несколько дней пользователи сайта задавали вопросы, приходили вопросы и в ходе конференции. Устные ответы писательницы заняли несколько часов и прозвучали в эфире Радыё Свабода.

Уважаемая 2-жа Алексиевич! Как Вы относитесь к биографии Лукашенко, которую издал Федута? Это литература, политиканство или лизоблюдство? Нечто подобное издал Зенькович о главе российского сената Миронове. Может, вам пришло время написать о «homo sovieticus»? Савва Курлович.

Алексиевич: То, что я пишу — это и есть история этого гомо-советикуса, история этого типажа. Советский человек, как он жил и как он исчезает. Все пять книг, которые я написала, и две книги, которые я сейчас пишу, они об этом. Но этот феномен я исследую не только на белорусском материале. Книгу Александра Федуты я читала. Я вообще очень хорошо отношусь к Саше Федуте, считаю, что это очень хороший, образованный журналист, с хорошим слогом, и мне всегда его интересно читать, и говорить с ним, и слушать его мнение. Что

касается этой книги, мне кажется, она слишком большая. Это пространство требовало немножко других навыков, может быть, которых не было у автора, таких писательских, журналистских. И самое главное, чего мне там не хватило — как вот действует этот механизм, как человек становится царем... Как, например, из пробующего стать демократом Ельцина получился царь Борис. Как из директора совхоза, которого выбрасывает наверх, тоже получается такой царек? И не отслежена психология массового сознания, почему это поддержку в народе получило... Просто прослежена вся эта мифология, которая ходит, и какие-то факты... Но факты фактами, из них всегда надо достать некий смысл, некую философию... Вот мне этой цельности в Сашиной книге не хватило. Но все равно, она делает очень важную работу. Я думаю, пусть люди читают, пусть думают...

Г-жа Алексиевич! Скажу честно, я никогда не входил в круг поклонников вашего творчества. Возможно, потому, что чувствуется скрытая отрицательная энергия от Вас и Ваших книг к белорусскости, к Беларуси. Тем не менее, что дает Вам основания считать себя белорусской писательницей? Бенедикт.

Алексиевич: Я часто слышу такое мнение, особенно от молодежи. Я думаю, это идет от ощущения слабости, от нежелания понять, в каком современном мире мы живем.

Почему я пишу на русском языке? Потому что я создаю хронику утопии. Утопия говорила на русском языке. Вот эта огромная страна, вот этот страшный эксперимент, этот великий обман...

его язык был русский. Поэтому написать свою хронику на белорусском языке — это была бы не точная историческая правда.

Почему я считаю себя белорусским писателем? Вы знаете, я себя считаю вообще писателем. Я не отказываюсь от того, что я белорусский писатель. Я не отказываюсь от того, что я человек мира. Я не отказываюсь от того, что я воспитана больше на русской культуре, на русских идеях. Например, я не могла бы написать чернобыльскую книгу без Федорова, Достоевского, Циолковского.

Постановка вопроса для сегодняшнего времени довольно странная, я бы даже сказала — устаревшая. Я жила два с половиной года в Париже. И достаточно просто пожить там месяц и увидеть: вот ведут детей в детский садик, из них 40% — черные или желтые. Ведут детей в школу — 60% черные или желтые. Уже появилось даже в Германии такое понятие, как «конституционный патриотизм», то есть мы понимаем, что со временем Европа будет жить в мире, где, может, полгорода, треть города Берлина будут составлять люди совершенно разных культур — арабские, китайские районы. Это уже факт нашей жизни, факт будущего.

Мы — опоздавшая нация. Мы решаем проблемы прошлого. И мы еще проблему языка вводим как главную. Она действительно для нас главная, но я еще раз хочу сказать: матрицу прошлого все в меньшей степени можно накладывать на матрицу будущей нашей жизни. Будущее абсолютно непрогнозируемо. Я, например, говорила с немецкими интеллектуалами и французскими. Они не подозревали, и только теперь, после недав-

них беспорядков во Франции, стали всерьез это обсуждать, что нет уже французской Франции. Она другая. И будущее какое-то другое.

Добавим к этому: мир существует в огромном противостоянии к мощной американской масс-культуре, американскому кино, американской музыке.

Вот если посмотреть на мир с точки зрения Бога: существует ли для Него отдельно русский, белорус, китаец? Для него есть человек. Поэтому я, написав книгу о Чернобыле, отмечала: идя по мертвой, зараженной радиацией земле, ты ощущаешь себя не русской, белорусской, француженкой, ты чувствуешь себя представителем биовида. Ты чувствуешь себя совершенно одиноким в этом огромном мире, о котором мы думаем, что мы им владеем, и который мы совершенно не контролируем.

Там земля очень быстро забывает человека. Там трава уже по плечи оленям. Или видишь яблоневые сады, заросшие березами. Это другой мир. Вот такие наивные, интеллектуально подростковые вопросы... я знаю их эмоциональность. Я знаю, чем они продиктованы. Но мы все-таки живем уже в совершенно новом мире.

Недавно перечитывал Вашу «Чернобыльскую молитву». Признаться, просто катились слезы. Просто склоняю перед Вами, Светлана, голову. Пережить столько такого, пропустить через себя — не представляю, как такое возможно, особенно женщине. Расскажите, пожалуйста, о своем опыте писания этой книги (или оставьте интер-

нет-ссылку, если это уже есть где-то более полно). Спасибо. Аlesia.

Алексиевич: Об этом, конечно, можно больше узнать из моих интервью, которые есть на моем сайте www.alexievich.info. Там было много достаточно пространных интервью. Но когда спрашивают, как я это пережила, я против того, чтобы очень преувеличивать особенности писательской профессии.

Когда у меня умирала сестра в 35 лет от рака, сама будучи врачом, я видела, что такое хирург-онколог, который каждый день видит детские слезы, материнские слезы и склоняется над этой человеческой материей, которую он хочет поправить. Я думаю, что они переживают не меньше, чем писатели.

Мы живем. И мужества нужно всем сегодня для жизни. Требуется мужество не только, чтобы пережить это, а мужество для того, чтобы понять это.

В работе над книгой «Чернобыльская молитва» мне больше сил и мужества понадобилось, чтобы это понять. Не просто записать страдания человеческие (я не коллекционирую человеческие страдания и ужас). Для меня было важно достать человеческий дух, понять эту тайну. Чернобыль — это прежде всего тайна, которая перебросила нас в совершенно новую реальность.

Мы живем в Беларуси и в этом мире, не совсем понимая, что с нами произошло. Хотя потом эти башни, рухнувшие в Нью-Йорке, новые войны, которые идут на Востоке и которые называются как-то непонятно — терроризм. Все это говорит

о новых противостояниях и новых вызовах. Чернобыль все это начинал.

Ездить, собирать, думать было очень тяжело, но я это делала десять лет. Люди тогда были потрясены случившимся. Самое трудное было понять и вырваться из этих цепких и хищных объятий времени, подняться над материалом.

Уважаемая Светлана! Давно слежу за Вашим творчеством и общественной позицией. Искреннее спасибо Вам за все Ваши произведения. Простите бедняге Чергинцу и кучке с ним... Жду Вашей новой книги. Я не знаю, о чем она, но уверена в одном — это будет мудрая Книга. Скажите, над какой темой Вы сейчас работаете? Спасибо!
Ирина Лавровская. Брест.

Алексиевич: Я сейчас работаю над второй частью «Зачарованных смертью». Это книга о том, что с нами произошло за двадцать лет, чем мы отличаемся от тех, кем мы были в 1985–1995 годах — во время надежд, время перестройки, время подаренного нам историей государства, как будто отдельного (а собственно, мы оказались неспособны воспользоваться этой свободой, тут же ее отдали в руки первого же попавшегося, того, кто готов был ее схватить и обмануть наши ожидания), — и о тех, какие мы сейчас — 1995–2005 годы.

Почему мы стали циничными, почему мы стали разочарованными, почему доллар победил нас и сломал скорее, чем это даже сделали сталинские лагеря? Сталинские лагеря все-таки пережили, а доллар не пережили. С чем это связано в человеческой природе, в искушении материальном, чего

не знала наша культура... Я в одном интервью цитировала художника Илью Кабакова, который сказал, что раньше мы боролись с чудовищем, и это делало маленького человека большим. Чудовище — это монстр.

И вот мы победили это чудовище. Оглянулись — и оказалось, что нам нужно жить с крысами, с социальными страхами, с монстрами, которые живут в человеческой природе. Жить с этими монстриками, со страхом, который живет в нашем подсознании. Этого опыта ни в нашей культуре, ни в русской культуре нет. Мы были странами, которые всегда выживали, у нас сильна философия выживания, философия борьбы, философия страдания.

А философии жизни у нас нет. И поэтому мы оказались выброшены в совершенно новое пространство, мы оказались беспомощны, и поэтому мы хватаемся за какие-то материальные вещи и не имеем иммунитета ко всему этому. Я пытаюсь в этом разобраться — что с нами произошло.

Уже лет десять я пишу книгу — у меня впереди еще седьмая книга. Шестая книга — это книга о любви, каждый рассказывает свою историю любви и жизни. И через это показано, что мы понимаем под счастьем, как мы живем, что нам нравится, что мы любим, о чем мы тоскуем. Мы действительно вступили в новое время, когда каждый человек задумался, что есть его собственная жизнь, а не только строительство чего-то большого. Уже все эти идеи не прививаются. Все эти национальные русские идеи или еще какие-то. Мы уже учимся жить без великих событий и без великих идей.

Мне кажется, что это будет еще один взгляд на то, что с нами происходит сейчас. Вот это две работы, которые я делаю. И сама стараюсь понять что-то в нашей жизни, и слушаю десятки и сотни людей, и делаю из этих хоров книгу, которая была бы образом нас сегодняшних — образом времени.

Каков Ваш прогноз относительно предстоящих выборов? Есть ли, по Вашему мнению, у Беларуси шанс обрести нового президента уже этой весной? Спасибо, Николай.

Алексиевич: Я бы хотела, чтобы наша жизнь изменилась. Чтобы мы — и страна, и наш народ — заимели какой-то другой символ, какую-то другую фигуру, чтобы открылись другие горизонты, и мы действительно вошли бы, как это сейчас говорят, в цивилизованный мир... Но я боюсь, что у нас нет, как мне кажется, внутренних сил победить ситуацию, и это прежде всего, поскольку власть сильная. И наглая, скажем так.

Я уже говорила, что Кучма не стрелял в собственный народ. А Каримов — стрелял. И давайте подумаем, какая власть у нас? Например, насколько я слышала, вот на этом последнем «большом собрании», там говорили, что будут с автоматом защищать эту власть. Собственно — защищать одного человека. А не то, что хочет народ.

Конечно, хотелось бы надеяться, но думаю, что сегодня я не вижу оснований для оптимизма, потому что работает один аргумент очень мощный. Надо отдать должное Лукашенко.

Я понимаю, что диктаторы — люди принципиально не образованные. И принципиально бес-

культурные. Иначе они не были бы диктаторами. Но благодаря своей интуиции он задействовал мощный, скажем так, социальный фактор.

Большой процент людей в этом обществе устраивает то, что происходит в стране. То есть они могут где-то зарабатывать, дети сельские могут где-то учиться, для них есть какая-то квота в вузах, есть еще бесплатное какое-то образование, есть бесплатное здравоохранение. То есть он задействовал ресурс социализма. Вот это то, что в близлежащих к нам странах потеряно — там человек из военного социализма сразу был выброшен в дикий рынок, и человек оказался одинок и растерян. Лукашенко интуитивно какие-то вещи смикшировал. И потому, не нужно отрицать, он задействовал много факторов, которые важны в переходный период от социализма к капитализму. И я думаю, что на сегодняшний момент для большинства людей он какая-то фигура. Все понимают, что она уже переходная. Уже на третьем сроке все это понимают. Но, по-моему, у него еще есть время. Психологическое время в части умов в нашей стране.

И я боюсь, что пока перемен не будет.

Здравствуйте, г-жа Светлана! Во-первых, спасибо Вам, что вы есть у нас. Во-вторых: как Вы относитесь к сегодняшнему празднику — Дню женщин 8 марта?

Алексиевич: Я его понимаю как праздник весны, хотя в Беларуси еще зима. Во всяком случае, из моего окна я вижу замерзшую речку, покры-

тую белым снегом, и на этом белом снегу сидят белые чайки.

Здравствуйте, Светлана, я слышала, Вы получили грант со шведской стороны, чтобы иметь возможность работать в Швеции какое-то время. Если это так, если собираетесь приехать, в каком городе будете жить и какое время? Спасибо! С уважением, Юлия.

Алексиевич: Я буду жить в Гетеборге два года. Но я никогда не живу все время за границей. И когда я жила в Италии, во Франции и в Германии, я всегда через три-четыре месяца приезжаю домой, много езжу и по Беларуси, и по России, была и в Грузии, и в Украине, и в Литве. Я живу в своем мире, со своими людьми, поскольку я об этом пишу.

Я не позволяю себе остановиться на одном месте не только потому, что тут опасно жить — никто тут нет бегают за мной с автоматом Калашникова. Но не печатают. Не дают выступать. Вот поехали мы в Могилев с Володей Арловым — в библиотеке не разрешили, в книжном магазине не разрешили, в школе не разрешили, потому что есть какой-то приказ, подписанный министром образования, допускать к публике только членов союза Чергинца.

Это не главное. Главное — написать вещь, которая объяснила бы и первой сформулировала бы то, над чем люди думают, чем мучаются, в потемках ходят, но еще пока не догадываются. Вот это, я считаю, то, в чем задача писателя — первому о чем-то догадаться, первому о чем-то сказать. Это

гораздо важнее лично для меня, чем я была бы просто на площади и говорила.

Я считаю, что мои книги сделают больше, если я сделаю эту работу. Другое дело, что для этого мне нужна и тишина, и какое-то душевное равновесие. Хирург же не может делать операцию, когда вокруг него работают репродукторы и произносятся речи. Есть свое пространство работы, я его очень оберегаю. И ищу эти слова, некий смысл, который нам нужно сегодня найти и обрести.

Потому что даже если власть поменяется, у нас все равно будет очень много проблем. У каждого из нас и у нас всех вместе, потому что мы еще по-прежнему нация потенциала и надежд. Не надо обольщаться. У нас еще долгий путь.

(По-украински) Хочу передать привет из Ивано-Франковска и пожелать выдержки, силы, оптимизма и победы!!!

Алексиевич: Я бы хотела на это ответить, потому что где-то года два или три назад японское телевидение снимало обо мне фильм, и я была в Ивано-Франковске, потому что я там родилась, в этом городе, я была там в монастыре, где когда-то настоятельница меня спасла от смерти.

Я была дочерью советского офицера. Мой отец женился на украинке, а отец — белорус с Полесья. Я родилась в Ивано-Франковске. И я умирала, поскольку советские войска боролись с «бандеровцами», и нельзя было ничего купить. Я умирала от рахита. Тогда мой отец, товарищи как-то перебросили его через стену монастыря, подошел к настоятельнице, стал перед ней на колени и ска-

зал: «Я советский офицер, вы можете меня убить, можете меня ненавидеть, но вы же верите в Бога, вы могли бы спасти моего ребенка. Моя жена — украинка». Настоятельница сказала, что пусть твоя жена приходит каждый день, и она будет получать козьего молока. «Но ты больше не приходи в этот дом. Мы не любим вас, но ребенка мы не можем не спасти». Поэтому для меня Ивано-Франковск — это особое место.

Вы очень симпатичная женщина. Что Вы цените в мужчинах?

Алексиевич: В мужчинах я ценю честность и ум. Это и есть человеческая сила. С возрастом стала еще ценить человеческую доброту, мягкость. Это почему-то становится уже роскошью в нашем современном скоростном мире.

Что бы Вас заставило выйти на площадь с протестом?

Алексиевич: По природе своей я человек одинокого труда, человек думания. Моя профессия, я считаю, — додумывать вещи до конца. Вот моя профессия. Я плохо себя представляю с мегафоном на улице, хотя я уважаю этих людей и понимаю, что такая форма протеста сегодня возможна. Но я против революций, против энергии толпы. Мне кажется, что сегодня эта форма противостояния уже в прошлом. Толпизм, и эта энергия... Эти методы, во всяком случае, я психологически не приемлю. Для меня бунт — это всегда страшно. Революция — это всегда страшно, конечно. Она бывает такая красивая, как в Грузии или в Ук-

раине, это было очень красиво. Но никогда нет уверенности, что это обойдется без крови. И я не думаю, что я могла бы кого-то позвать на улицу и самой пойти на улицу. Я все-таки за просветительство. За работу, которую надо делать вместе со временем.

Вы издали прекрасную книгу о тех, кто пытался или совершил суицид. Вопрос не провокационный: у Вас были когда-нибудь такие мысли?

Алексиевич: Дело в том, что сейчас я пишу вторую часть этой книги: «Зачарованные смертью». Пишу о том, что теперь происходит и почему. Это книга, ее вторая часть, о том, что с нами произошло за двадцать лет.

Моя книга не о самоубийстве. Это не моя тема. Моя книга о людях, которые кончали самоубийством на развале империи — тот же маршал Ахромеев, та же писательница Юлия Друнина или защитник Брестской крепости Тимерян Зинатов. То есть люди, которые не могли расстаться с идеей, как бабочки в цементе. Они влипли туда и не смогли отделиться.

Это крушение империи они восприняли как крушение собственного «Я», собственной жизни. Я в своей хронике «Голоса Утопии» — то есть маленький человек и великая утопия — исследую нашу историю, которую рассказывает сам маленький человек. Я занималась временем распада: что происходило с этим маленьким человеком во время распада.

Я сама познала такие настроения только в детстве, поскольку, наверное, самые одинокие времена в нашей жизни — это времена детства.

А так, у меня прадед, дед, родители — сельские учителя. Я надеюсь, что меня не настолько легко сломать в этой жизни. Я надеюсь, у меня есть генетическое равновесие, и я очень дорожу им. Не хотела бы его потерять.

Здравствуйте, Светлана. Какие главные проблемы сегодняшней белорусской литературы? Спасибо.

Алексиевич: Проблема белорусской литературы в том, что нет белорусской литературы. Мы имеем сегодня растерянное, депрессивное общество и растерянных писателей. Некоторые молодые писатели еще пытаются что-то сказать, но это больше похоже на литературные игры или на иллюстрацию национальных идей. Писатели более старших поколений, они глухо замолчали. Тот инструмент, который был наработан — в прежнем противостоянии, в советской ситуации — сегодня не работает, потому что сегодня противостояния сместились больше в экзистенциальную сторону. У нас остановлено историческое время. Можно сказать, что Беларусь — это музей. Поедешь в Украину — там совсем другие процессы. Там есть движение. У нас время остановлено властью.

Но в то же время, когда я говорю с людьми, я вижу, что общество и люди отдельные умнее и своей элиты, и своей власти. Я думаю, что это внушает надежду в том плане, что мы нация потенци-

ала. Этот потенциал накапливается и укрепляется. Рано или поздно он как-то прорвется.

Главная проблема в литературе — это то, что нет новых идей. Национально ориентированные, жестко ориентированные люди и группы, они тоже, к сожалению, не могут представить новых идей. Мне нравится журнал *ARCHE* и газета «Наша Ніва», а особенно их перепечатки из польской, чешской периодики, философской мысли. Они пытаются нащупать для нас какие-то идеи и пути, но эта работа идет слабо. Во всяком случае, литературного эквивалента мы пока не имеем.

Самая сильная вещь, которую я прочла, лет семь лет назад, это была повесть «Любить ночь — право крыс» Юрия Станкевича.

Светлана, каково ваше отношение к ситуации с двумя писательскими союзами в Беларуси?

Алексиевич: Очень хорошо сказал писатель Анатолий Кудравец во время одного из судебных заседаний. Он сказал, что в 1937 году, когда из 500 членов Союза писателей осталось нерепрессированных, непосаженных, нерасстрелянных всего 12 человек, здания у них никто не забрал. Здание сохранилось. Сегодня мы имеем торжество хама, разгул культурного бандитизма, который стал уже почти бытовым явлением нашей жизни. Самое потрясающее, что все с этим смирились и сжились. Этот факт нашего бессилия тоже очень показательный.

Конечно, если им не нравится «оппозиционный» союз писателей, они создают свой союз писателей, при том, что ни один серьезный, большой

писатель туда не вошел. Напринимали туда людей из регионов почти в приказном порядке, каких-то чиновников. Это полный произвол. Единственно, что может быть нам поддержкой и утешением, — время не остановить. Споры царя и людей искусства известно чем кончатся — победой людей искусства. Время не остановить. Но надо признать, что сегодня мы на руинах.

Мы должны просто делать свое дело. Только таким образом мы можем сохранить и себя, и вообще этот союз. Он есть, он существует. Есть общее понимание. Есть общая связка честных и талантливых людей. Это должно нас укреплять. Мы это переживем. Рано или поздно это кончится.

Добрый день, г-жа Алексиевич. Я был на одном из заседаний суда над Вами и Вашей книгой «Цинковые мальчишки», когда матери посчитали себя и своих детей оскорбленными и подали, полагаю, не по своей инициативе, на Вас в суд. Тогда Вас защищала «Лига прав человека» и в частности — ее руководитель Евгений Новиков, который сегодня известен как один из одиозных защитников подлого режима. И когда Вы говорите «Все так эфемерно... занимаясь много лет документом чувств, я знаю то, как они движутся... Каждый раз другой мир...», то не смогли бы Вы объяснить, в чем сходство в действиях и поведении тех женщин и Е. Новикова, какими чувствами они руководствовались и в чем разница, если она есть? Спасибо. Лявон С.

Алексиевич: Я пошла тогда в суд над книгой ради матерей. Мне хотелось им что-то объяснить, я думала, им можно что-то объяснить. Я помнила

женщину, которая хоронила сына, и вот такой маленький гроб стоял в маленькой однокомнатной квартире, она в безумии стучала в него, говорила — «Ты ли, ты ли там, сынок? Гроб такой маленький, а ты такой большой...» Кричала мне — «Расскажи, расскажи, как он там столярничал на даче генеральской, стрелять не научили, отправили... и за два месяца убили». А потом я вижу ее в суде. Говорю: «Что вы здесь делаете?». Она отвечает: «Мне нужен сын-герой, а не убийца, как ты написала». Ну, это ей уже, конечно, объяснили. И меня поразило, когда в зал суда вошел священник отец Виталий и попытался сказать — «Матери, не безумствуйте! Ведь там тоже афганские матери плачут», — и они бросились срывать с него крест. Я поняла, что индустрия советского патриотизма очень исковеркала душу. Я поняла, как тяжело мы больны, какое тяжелое общество. Что остается после Утопии? Не только плохие дороги, плохие ботинки или плохие зубные врачи — остается развращенный человек. Вот это мы и имеем. Вот почему и приходят потом к власти такие люди, как Лукашенко, почему мы топчемся на месте и никуда не можем прорваться.

А что касается Новикова, вы знаете, я даже как-то включила телевизор и посмотрела на это лицо... Я увидела, как даже поменялось лицо у человека. Я думаю, это человеческий тип, похожий на Лукашенко. Эти люди, которые могли бы стать и демократами, или коммунистами, или диктаторами, — им нужна сама власть. Их интересует только это. И они могут стать всем чем угодно.

Новиков — это анекдотический клон Лукашенко, но порода — та же.

В Беларуси книги Алексиевич не печатаются давно — уже 12 лет (если не считать книги, изданной частным образом Сергеем Законниковым). А в Украине ваши книги печатаются? Почему не в Беларуси?

Алексиевич: В Украине перевели «Чернобыльскую молитву», в Литве перевели. Книги выходят постоянно в России. И сейчас одно из московских издательств будет публиковать томик за томиком все мои книги, всю мою хронику.

В Беларуси — нет, ни одно издательство, ни зависимое, ни независимое, за это не берется. Хотя я думаю, что сегодня пришло время серьезных книг, поскольку мы сначала думали, что свобода — это такой праздник, что все у нас получится, как у всех. Это не получилось, стало понятным, что чужие идеи так быстро не приживаются, что мы другие, что мы еще ко многим вещам не готовы и не понимаем их.

Ну и что, что мы пользуемся словами «демократия», «либерализм», «лидер» — это просто слова, они еще ничем не наполнены, это еще не оплачено золотым запасом генетических или каких-то психологических и интеллектуальных приобретений. И поэтому я думаю, что мы пока можем уповать на время, и в каждом человеке в одиночестве проходит большая работа. И очень жалко, что писатели самоустранились от этой работы. И не только потому, что нам мало где можно говорить и писать,

но еще и потому, что нам мало чего можно сказать. Мы уже отвыкли от серьезного разговора.

Все эти постмодернистские игры, все эти копания в себе, в собственных сексуальных проблемах и комплексах — это все имеет право на существование. Но когда это делает писатель где-нибудь в Европе, это еще понятно. А у нас от этой работы, я бы сказала, нечестно устранился.

Люди хотят читать и хотят серьезного разговора. Я, во всяком случае, пытаюсь не давать себе спуску, хотя я тоже человек, я тоже устаю, у меня есть биофизика и свои пределы. Но это моя профессия — додумывать вещи честно до конца. Хотя иногда оказываешься мишенью между двух баррикад — тебя не любят и национальные движения, тебя не любит и Лукашенко с его властью. Но жизнь такая маленькая, что не хочется играть во все эти игры, хочется быть просто честным человеком, которому интересно жить.

1. Светлана, сегодня часто услышишь слово «глобализация». Вы, полагаю, имеете свой, как всегда, особый взгляд на вещи, поэтому хотел бы услышать, связываете ли Вы Чернобыль и последствия с глобализованным миром и где наше спасение? 2. Вы ведете постоянный диалог с читателями, общественными активистами. А какие у Вас отношения с «зелеными», вообще экологическим движением? Насколько популярны Вы именно в этих кругах (имею в виду мировой контекст)? 3. Какие опасности для Беларуси Вам видятся четко с точки зрения ее экологического состояния? Конечно, помимо последствий Чернобыля. Спасибо!

Алексиевич: Я очень много выступала на разных экологических конгрессах, симпозиумах, встречалась с «зелеными»... И были диалоги с философами на эту тему. Но я бы не могла сказать, что в «зеленом» движении есть прорывы — тоже какое-то топтание на месте, но что касается Беларуси и России — есть какое-то антиатомное движение... В Беларуси, по-моему, это все в таком зачаточном состоянии... Общество остановлено в своем самосознании, в своем развитии...

И когда я бываю в чернобыльской зоне, меня больше всего поражает, что никто не объединяется! Даже матери умирающих, больных детей — и то не объединяются! То есть мы находимся еще на другом уровне сознания. У нас, прежде всего, нет гражданского общества, нет свободного общества. В каждом человеке нет той территории личности, на которой могут идеи свободы, идеи гражданского общества работать. Ценности собственной жизни нет... Такое ощущение, что будто кончилась большая война. И такая цена жизни своей.

Только-только начинает что-то появляться в людях. Они начинают немного ездить, что-то смотреть, несмотря на то, что жизнь как бы под мощным гнѐтом и контролем. И все же люди начинают понимать, что можно жизнь построить иначе, можно крышу покрыть металлической черепицей, можно детей выучить в другом месте... Это только-только начинается. Ну, а в общественной жизни полностью зачистка произведена.

Власть защищает саму себя. Вернее, власть персонифицирована в одном человеке, который защищает самого себя и держит общество в по-

стоянной истерии, говоря, что общество в опасности. А никакой опасности нет! Опасность только у одного человека.

И никакие «заговоры» не надо открывать. Если и существует «заговор» — то это «заговор» честных и совестливых людей. Вот это единственный заговор, который существует в этой стране. Но эти люди сегодня достаточно растеряны и в бессилии. Пока трудно говорить о том, чтобы здесь какие-то идеи работали. К сожалению, очень часто наша ситуация напоминает грубый анекдот: если бы Чернобыль случился у папуасов, то весь мир бы об этом знал, кроме самих папуасов. Что-то похожее с нами.

Уважаемая Светлана, как вам кажется, почему у Лукашенко такая ненависть к древнему белорусскому языку и культуре? Или это его уровень образования мешает ему, или что-то другое? Кастусь Дубок, Торонто.

Алексиевич: Понимаете, я уже сказала, что диктаторы — принципиально некультурные люди, они на этом стоят.

Если в нем был бы тот инструмент внутренний, который есть у Милинкевича, который как бы представляет белорусскую идею, — это был бы даже физически другой человек. У него был бы другой словарь, у него была бы другая пластика, у него были бы другие представления совершенно.

Но Лукашенко — это человек из советского времени, слепленный крепко советским временем, с сильной жаждой власти, и он, конечно, хочет

остаться в истории. Но он уже использовал весь свой потенциал. Ему не с чем двигаться.

А взять вот это новое, перехватить ту же белорусскую идею, или взять вокруг себя интеллектуалов каких-то, людей с мыслями о будущем, с идеей будущего — у него уже нет этих антенн. И, я думаю, он уже ходит по кругу и нацию водит по кругу. И это понятно, почему. У него уже нет этих возможностей. Потому что он ограничен этим своим временем и своим одиночеством, я бы сказала.

Почему-то мне представляется, что это очень одинокий человек. Человек, который является фанатиком — любви, власти или еще чего-то — как всякий фанат, такой человек очень одинок. Такой человек очень опасен для себя, а уж тем более, когда он у власти.

1. Цитирую Вас, Светлана: «Поэтому сегодняшний мир оказался не менее страшным. И человек по-прежнему в нем одинок. И по-прежнему не знает, как жить». И еще цитата: «...весь мир — во всяком случае, европейский — живет при самой страшной диктатуре — диктатуре маленького человека». Знаете ли Вы, Светлана, как жить? И что нужно сделать для того, чтобы маленький человек увидел в себе задатки человека большого и стал им? У Вас есть такой рецепт? 2. Была ли у Вас в юности цель стать писателем или все получилось спонтанно? И кем была бы Светлана Алексиевич сейчас, не уедь она в 1973 г. из Березы в Минск? Николай Синкевич, «Маяк».

Алексиевич: Насчет рецептов «Как жить?» — думаю, прошло то время, когда писатели знали больше других. Сегодня каждый человек так поумнел, что писателю трудно сказать ответ, и можно говорить только о своем собственном пути. Я поездила по миру и могу сказать, что в Европе, в демократической части, действительно демократия — это жизнь, устроенная для среднего человека. Он хочет сначала, чтобы у него была машина, дом, а потом уже — книги, которые он понимает... Не надо себя утешать, как мы это делали в советское время, что мы самая читающая публика. Ничего подобного. Я думаю, 70 процентов людей всегда хотели читать Маринину, Дашкову (беру их как символ) — и совсем не хотели читать Достоевского, Василя Быкова, или Кузьму Чорного... Демократия — тоже своего рода ловушка. Но другое дело, что это ловушка, в которой существует выбор. Но я думаю, еще весь XXI век будет веком «маленького человека». И он выбирает себе подобное — посмотрите на лидеров стран сегодня. Это представители «маленького человека». Ну, а у нас уже диктатура «маленького человека» в самой примитивной стадии.

Что касается моего писательства? Не знаю... Мои родители говорили, что как я только научилась писать, говорила, что буду писательницей... Я не думаю, что так это серьезно было, но я всегда хотела писать. Но разве писательство — профессия? Это мой способ понять, зачем я, зачем все, что вокруг меня. Это мой способ жизни, скажем так. Я не строю из себя мессию. Мне просто интересно

жить, интересны люди, интересно их понимать, интересно искать слова...

Если бы Вы выбрали сегодня, то куда бы пошли учиться: опять на журфак БГУ или куда-нибудь так?

Алексиевич: Мои родители были сельскими учителями, у них не было много денег, нас было трое детей, и навряд ли они могли меня еще куда-то послать, где бы я могла учиться — им это было непосильно.

Мой принцип — учиться надо у личности. Личностей таких на нашем журфаке, конечно, нет. Там есть хорошие преподаватели, но личностей нет. Хотя я помню Ариадну Апелинскую. Она вела историю русской журналистики и не была очень сильным преподавателем, но что-то было в ней такое тургеневское, что-то аристократическое в ее образе, которое говорило о той уничтоженной жизни, которую мы не застали. Вот таких людей надо искать. И все время надо учиться у книг, у жизни, у разговоров. Боже мой, а с нашими белорусскими старухами, со стариками как интересно говорить! Я лично живу по принципу, как у Швейка — и занялся я, извините за выражение, самообразованием.

Как Вы считаете, почему многим женщинам нравится наш президент? Дело во внешности или в гипнотический харизме его личности? Общеизвестно, что женщины «любят ушами», и то, о чем говорит Лукашенко, уже, видимо, не имеет никакого смысла...

Алексиевич: Я думаю, что мы считываем информацию не только из слов, мы считываем ее и еще на каком-то другом уровне, может быть, еще не до конца обнаруженном наукой. Я думаю, что здесь все дело в энергетике, для меня лично. Поэтому если Вы будете вдумываться в то, что произносится, об этом нельзя говорить серьезно, это не поддается никакой логике — это шаманство. Но та мощная энергетика, которая от этого идет... Нация неоформленная, люди уставшие от этой энергетически мощной коммунистической идеи, от этой мощной обработки. Они привыкли, что на них все время что-то давило, что-то их направляло. И вдруг они оказались выброшены в пять газет и в пять разных правд. Это совершенно непонятный мир, и они не знали, как им в нем ориентироваться. Мы же крестьянская страна. И вдруг появляется человек с такой мощной энергетикой. Я думаю, дело в этом. А женщины более эмоционально подвержены этому.

В скольких странах, на каких языках и сколько Ваших книг издано?

Алексиевич: У меня есть сайт www.alexievich.info. Там на сегодняшний момент, по-моему, 87 книг. Это около 25 стран. В некоторых странах все пять книг вышли, а в некоторых странах — две-три книги. Это и Китай, и Вьетнам, и вся Европа, и Япония. А в этом году, по-моему, выйдет еще девять книг.

Наумчик: Мы завершаем нашу веб-конференцию. Всем спасибо за вопросы. Приносим извине-

ния слушателям, на чьи вопросы Светлана Алексиевич не успела ответить.

Алексиевич: Спасибо всем. Я всегда ценю человеческий разговор, человеческую искренность. Мне не нужно и не интересно, когда мне говорят только хорошее. Конечно, слова благодарности — это прекрасно, но мне всегда интересна живая жизнь. Оно и вульгарная, и злая, и теплая, и прекрасная — это интересно. Хороший разговор — он еще раз подтверждает мое давнее убеждение, что люди, общество у нас интереснее и элиты, и власти. И это внушает надежду.

«С Чернобылем белорусам жить вечно»

23 апреля 2006

Юрий Дракохруст, Прага

Стал ли Чернобыль для белорусов национальной травмой такого же масштаба, как для евреев — Холокост, или для армян — геноцид 1915 года? Чем отличается сознание жителей чернобыльской зоны от сознания белорусов остальной части страны? Нужно ли белорусам забыть Чернобыль, чтобы жить дальше? Эти вопросы в «Пражском акценте» обсуждают писательница Светлана Алексиевич, председатель фонда «Детям Чернобыля» Геннадий Грушевой и руководитель Центра социологических и политических исследований БГУ Давид Ротман.

Дракохруст: Беларусь в своей истории пережила чудовищные гуманитарные катастрофы — войны и эпидемии. Как воспринимают люди Чернобыль — как еще одну катастрофу в ряду прочих или как нечто исключительное? Светлана Алексиевич, как вы считаете?

Алексиевич: Я считаю, что Чернобыль — одно из главных событий XX века, несмотря на войны и революции. Но если говорить исключительно о нашей географии — Украина, Беларусь — те, кто больше всего пострадал от Чернобыля, — то мы не поняли, что с нами произошло. Это происходит, но это не осмыслено. Молчат наши пи-

сатели, молчат наши философы. Я много думала над тем — почему?

Считаю, что одна из причин — в том, что совпали две катастрофы. Спустя несколько лет после Чернобыля произошла катастрофа социальная, когда огромная империя Утопии, социалистический материк ушел в небытие, на осколках империи что-то происходит, и люди заняты прежде всего этим. Потому что это понятно, это укладывается в традиции культуры, культуры военной, исторической, революционной, культуры борьбы. Наша культура на этом основана. А вот другая, космическая катастрофа, произошедшая на глазах этого поколения, она не осознана. Не осмыслена по той причине, что, во-первых, ее заслонила первая катастрофа, а во-вторых — человеческая культура вообще не была готова к чернобыльской катастрофе. Это абсолютно новая реальность, это другие маски зла, другой облик смерти. Чернобыль уничтожил понятия пространства и времени. Это все не укладывается в этот короткий промежуток времени, где человек и без того получает огромное количество шоков. Поскольку с Чернобылем белорусам жить вечно, его осмысление у нас только впереди, он для нас еще только начинается.

Дракохруст: Геннадий Грушевой, мой вопрос не столько о том, как осмысливают Чернобыль интеллектуалы, писатели, гуманитарии, а о том, чем стал Чернобыль для простых людей, которые стали жертвами катастрофы. Как они встраивают Чернобыль в свою историческую память? Чернобыль для них — еще одна «война», еще одна

«эпидемия», или это взгляд в бездну, в которую не смотрел никто и никогда?

Грушевой: Я совершенно согласен со Светланой в том, что Чернобыль — это событие вроде Холокоста или ГУЛАГа, если смотреть в XX век. Вопрос, который вы задали — что это означает для белорусского народа — он волнует меня уже много лет. Вначале казалось, что действительно что-то такое способно пробудить народ, какие-то способности разбудить, которых еще не было у этого народа, подтолкнуть его к действиям, которые он последние сто, двести или триста лет еще никогда не делал. Но шаг за шагом я вынужден был убедиться в том что — да, Чернобыль напугал бóльшую часть белорусского народа, может, даже и весь народ, но он не дал впечатления того ужаса, который создает шок в сознании народа, после которого идет новое качество жизни, открываются какие-то такие перспективы и горизонты, которых не было раньше. Вот этого не произошло. Тряхнуло немного, конечно, и очень серьезно. Но почему-то это через 3–5 лет ушло. Я задавался вопросом — что, почему? Это исключительная особенность белорусского народа? А если бы это было в другой стране? Если бы это случилось, например, где-то в Европе? Так же было бы, как и у нас?

Мне кажется, что этот ужас, эту катастрофу белорусский народ уже пережил, причем так пережил, что прийти в себя он ещё до сих пор не может. Это произошло во времена войны. Почему так много людей в чернобыльских регионах, когда мы начинали это дело, сравнивали ее с войной? Мол, да нет, да что вы, детки, да все хорошо, лишь бы

не было войны. Мне кажется, что в генах двух поколений белорусского народа так глубоко засело это потрясение от войны, он так раздавлен этой войной, что Чернобыль до такого уровня не поднял его сознание, до такого уровня его не потряс. Гены не пускают, нет возможности воспринять это так глубоко, как это вошло в сознание и даже в какие-то жизненные ценности, как то, что случилось во время войны. И кроме того, что сказала Светлана — это, бесспорно, то же самое. Народ в войну не победил. Он принес главные жертвы, а победила система. Вот та система, которая создала ГУЛАГ, где ГУЛАГ является главным механизмом управления государством и обществом. И вот эта же система победила опять в Беларуси после Чернобыля. Поэтому Чернобыль вписывается в эту систему и не дает возможности двигаться этому народу вперед. Мне кажется, что главная причина в этом, это мое личное мнение, конечно.

Тем не менее я вижу, насколько амбивалентно сознание простых белорусов. С одной стороны, они видят происходящее, ощущают себя жертвами, а с другой — они ищут, как использовать для себя то, что мир обратил внимание на это, что люди готовы помогать. Люди забывают непосредственно о трагедии, о своей ответственности за нее, а ищут пути, как заработать себе что-то, пользуясь этой трагедией. Люди других стран, мне кажется, более глубоко воспринимают то, что произошло в 1986 году, чем сами белорусы.

Дракохруст: Г-жа Светлана, г-н Геннадий уже провел эту аналогию между Чернобылем и Холокостом. Такие катастрофы, как Холокост евреев

или геноцид армян в 1915 году, врезались в национальное сознание этих народов. И даже на сегодняшние проблемы, скажем, евреи и армяне смотрят через призму тех своих катастроф. Можно ли сказать, что для белорусов Чернобыль стал такой же катастрофой, которая кардинально изменила их сознание?

Алексиевич: Я хотела бы вначале продолжить то, что сказал Геннадий. Я вспоминаю, как присутствовала при эвакуации одной деревни. И вот мы стоим с полковником, который руководит эвакуацией, подбегают солдаты и говорят, что одна старуха не хочет выходить из своего дома. Мы подходим к этому дому, стоит бабка со своим котом, держит икону в руках, и она, увидев меня, единственную женщину среди мужчин, говорит: «Деточка моя, ну разве это война? Я ведь пережила войну, тогда стреляют, бомбят, чужие солдаты, а тут солнышко светит, солдаты свои, птицы летают, даже мышку сегодня маленькую видела. Почему я должна уходить? Разве это война?»

Вот это культура войны, культура нашего сознания. И ни я, ни этот полковник, ни ученый, который подошел позже, не могли ответить на вопрос этой старухи. Только потом я поняла, что эта бабка сформулировала главный вопрос, который появился в этом послечернобыльском мире. Да, это война, но совсем другая. И люди не в состоянии ее осмыслить, у них нет этого инструмента. Мы останавливаем свое осмысление на уровне страданий. Вот это и есть наша работа — культура причитания. Но интеллектуальная работа не

сделана, не сделана ни обществом, ни отдельными интеллектуалами.

Чернобыль дальше Холокоста. Почему? Потому что он открывает бездну уничтожения. Это уничтожение даже не отдельной нации, это уничтожение прежнего представления о мире. Это все взорвано, стало очевидно, что это путь к самоубийству, что человек поставил себя в этом мире не на то место. Человек уничтожает себя, дерево, птицу, все окружающие биологические виды. Холокост — это огромная трагедия, это трагедия не только еврейского народа, это трагедия мировой культуры. Но Чернобыль еще дальше. Эта война идет каждый день, она убивает нас этими малыми дозами, убивает вода, земля, еда.

Я помню, самое паразитальное впечатление, которое у меня было в зоне, это то, что этим ликвидаторам выдавали автоматы. Смерть повсюду, смерть в новом облике, нельзя лежать, сидеть на земле, нельзя долго у дерева стоять, счетчик щелкает, а человек ходит с автоматом. Были там летчики, прилетевшие из Афгана. Они говорят: «Что мы здесь делаем, с пулеметами на борту? Мы получаем дозы и больше ничего». В кого они должны были там стрелять?

На моих глазах рушилась культура войны, культура прежнего мира, дочернобыльский человек превращался в чернобыльского. А поскольку у нас сегодня система закрытая, система авторитарная, то мы совершаем преступление и против собственного народа, и против человечества. Почему? Мы стали гигантской чернобыльской лабораторией. Но мы эти знания прячем и от себя, и от

собственного народа. То, что с нами произошло, то, чем станет Чернобыль для нас и для всего человечества, это будет осмыслено, но для этого, может быть, понадобится еще десять-двадцать лет.

Дракохруст: Давид Ротман, я знаю, что вы проводили специальные социологические исследования массового сознания жителей пострадавших от Чернобыля регионов. Какие особенности имеет сознание людей, которые там живут?

Ротман: Тут ситуация очень интересная и неоднозначная. Мы проводили исследования и двадцать лет назад, потом солидное исследование проводили в 1990 году, а сейчас попытались опросить те же категории людей в тех же населенных пунктах, что и двадцать лет назад. Эта работа делалась в Черниговской области Украины, Гомельской области Беларуси и Брянской области России. Из наших опросов следует, что для Беларуси это была трагедия всей страны, для России и Украины это была трагедия, которая затронула отдельные регионы.

Вторая особенность — это то, что чернобыльская катастрофа отличается от любой другой, скажем, от Холокоста или геноцида армян, тем, что в 1986 году авария была для людей виртуальной. Нельзя было ничего ни почувствовать, ни увидеть.

Мы также изучали письма, которые люди писали своим родным 26–27 апреля 1986 года. Они просто начали чувствовать себя плохо. Виртуальность этой катастрофы не изменила сразу сознание людей, но уже потом, когда людям начали объяснять, что и как произошло, они начали чувствовать себя морально угнетенными.

Что касается других, незараженных регионов Беларуси, то здесь мы отмечаем сочувствие и в то же время страх того, что это может распространиться и на них. В этом отличие. В зараженных регионах Чернобыль напрямую отразился на здоровье людей, и там — это ощущение реальной угрозы. В другом случае — это чувство возможной в будущем угрозы, угрозы здоровью своему и своих детей.

Дракохруст: Г-н Геннадий, Светлана Алексиевич в нашем разговоре несколько раз повторила, что чернобыльская катастрофа белорусами не осмыслена. Но я позволю себе такую, может, немного дерзкую аналогию. Психиатры советуют людям, которые пережили тяжелую психическую травму, не фиксироваться на ней, в некотором смысле забыть ее, выбросить ее из своего сознания, потому что иначе эта травма «сожрет» психику. Уместен ли подобный совет белорусской нации относительно Чернобыля? Может, Чернобыль надо забыть, чтобы жить дальше?

Грушевой: Замечание очень верное. Скажу даже больше, я согласен с тем, что подобная реакция как раз и наблюдается в чернобыльских регионах, но она наблюдается не на саму ситуацию трагедии. Для того чтобы реагировать так, как вы говорите, нужно эту трагедию осмыслить, нужно эту беду пропустить внутрь и начать жить рядом с ней. А если человек ее наблюдает, о ней слышит, но ее не переживает, то ему абсолютно не нужно вот так реагировать на сам источник этой опасности. Он реагирует на то, что он слышит, что более или менее доступно его сознанию.

И такая реакция действительно произошла, но это была реакция на то, что попытались сделать люди. Немного таких людей нашлось в Беларуси, которые смогли вот так почувствовать и увидеть, что такое Чернобыль в перспективе столетий, судьбы всей нации, всего человечества. И когда эти люди начали очень громко кричать, начали очень тихо убеждать, обращаться к массе людей с тем, чтобы они открыли глаза, открыли уши, начали работать над тем, чтобы осмыслить, понять, что происходит — вот тогда и началась та реакция отторжения, о которой вы говорите. Я думаю, что большинство жителей Беларуси таким образом отреагировало и реагирует на те призывы, которые как раз требуют от этих людей, как я уже сказал, изменений не только в поведении, но и в мышлении. А жизнь затягивает. Эта ответственность — очень тяжелый груз, он как раз и препятствует более или менее комфортной жизни.

За эти годы произошло не забывание Чернобыля, а произошло отторжение от той открытости, от тех людей, которые пытаются объяснить смысл этой катастрофы, хотя таких людей немного, и самое главное — большинство этих людей не нашли простых и ясных ответов на те вопросы, которые возникали у белорусского народа. Народ запутался, потому что одни ученые говорили одно, другие — другое, политики звали в одну сторону, какие-то практики — в другую. И эта запутанность еще больше облегчила принятие вот того внутреннего состояния, которое, как вы говорите, сегодня просто спасает большинство людей от такого психологического стресса. Но я считаю, что

все же пока мы не переживем такой стресс, мы не спасем ни самих себя, ни своих потомков от последствий чернобыльской катастрофы.

Дракохруст: Г-н Ротман, вы говорили, что несколько раз делали исследования в чернобыльских регионах. По вашим исследованиям, произошло ли в сознании тех, кого вы опрашивали, «забывание» Чернобыля, как это было после многих белорусских войн и моров — произошло то, что произошло, надо жить дальше?

Ротман: Во-первых, я скажу, что согласен с Геннадием Грушевым. Во-вторых, если это попытаться искусственно заблокировать и забыть, то тогда люди перестанут мобилизовывать себя на сопротивление этой трагедии. А определенные изменения с течением времени безусловно произошли, они просто не могли не произойти. Результаты исследований показывают, что если раньше жители чернобыльских регионов эту проблему ставили на первое место, то теперь она стоит в одном ряду с проблемами, которые возникают в жизни граждан нашей страны. Произошло определенное «выравнивание» этой проблемы, хотя она по-прежнему остается.

Другое дело, что в оценках своего жизненного состояния люди стали немного оптимистичнее. Это в большей степени касается граждан нашей страны — это показал последний опрос, чем тех, кто живет в российских и украинских чернобыльских регионах. И это я объясняю тем, о чем уже говорил — что тут трагедия для всего белорусского народа, а для России и Украины это трагедия отдельных регионов.

Дракохруст: Г-н Ротман, а как за эти годы в чернобыльских регионах изменилось отношение людей, их надежда на государство?

Ротман: Теперь люди в гораздо большей степени, чем раньше, говорят, что они хотят сами искать пути для решения собственных проблем. Пятнадцать-двадцать лет назад в основном была надежда на помощь государства, такая потребительская позиция. А теперь эта позиция стала постепенно уходить, в опросах она наблюдается гораздо реже. И это необычное и интересное явление.

Алексиевич: Во-первых, я хотела бы еще сделать несколько замечаний по поводу того, что происходило с людьми в первые годы. Я думаю, что наша наука остается в плену старых методологий. Чтобы новое услышать, нужно по-новому спросить. Если у тебя нет этих новых антенн, то ты и не услышишь ничего.

Я помню человека в отчаянии, я искала его для своей книги. Люди рассказывали, как хоронили землю в земле, я никогда не забуду картины, как идет бабка, несет кринку молока, а рядом идет солдат — они идут хоронить молоко, как мыли крыши, как надо было иначе варить исконную еду — картошку, как детей водили в школу только по асфальту, а на лес им можно было только смотреть. Я не думаю, что такие вещи можно забыть, не думаю, что это не должно остаться в архиве человечества.

Просто наша наука — она дочернобыльская, она хочет разговаривать о Чернобыле дочернобыльским языком. И вот этот наглый оптимизм

нашей власти — наглый, потому что интеллектуально не продуманный, преступный, поскольку любая диктатура — вещь примитивная, это парализует всех. Все добывают оптимизм, чтобы человек пережил, но не во имя будущего.

Если мы это не осмыслим — это просто катастрофа. И дело не в том, что люди забывают. А что им думать? Бытовое сознание отражает лишь то, до чего способны дойти люди, чья профессия — думать, предлагать нации ответы, ставить поновому вопросы. Этого мы не делаем. И эти спокойные рассуждения: «Да, люди забыли, да, надо забыть». Я считаю — ни один интеллектуал такой мысли себе позволить не может. Это все равно как если вы больны раком или СПИДом. Как вы можете забыть, что вы больны? Это преступление, и прежде всего перед самим собой. Больна наша земля, вода, больны наши дети, каждый день в Беларуси умирают от последствий Чернобыля два ликвидатора и один ребенок. А вы говорите — забыть Чернобыль. Это пошлость, которая пронизывает наше общество. Мы остановились в историческом времени, и все — соучастники этого. Я считаю, что это абсолютно безответственные для интеллектуала ответы. Я же не землю копаю, в конце концов. Мая профессия — додумывать вещи до конца. Я думаю, что это к нам вернется, Чернобыль у нас не позади, а впереди, и мы соучастники всего этого.

Дракохруст: Г-жа Светлана, у меня к вам такой вопрос — насчет прогресса, взгляда белорусов на прогресс после Чернобыля. Мне тут вспоминаются строки Павлюка Труса: «Край болот, о

край, когда ж ты станешь краем фабрик дымных и машин». Это стремление к индустриализации, к прогрессу было, как минимум, не только данью коммунистической идеологии. Стоит вспомнить, что белорусы исторически недавно стали индустриальной нацией — только в 1973 году количество детей, родившихся в городах, превысило количество детей, которые родились в деревне. И при этом индустриальном драйве — насколько они готовы принять этот тезис, что прогресс — это угроза?

Алексиевич: Мы, разумеется, опоздавшая нация, мы до сих пор молимся на те идеи, от которых мир уже отказался, и тешим себя надеждами, которые мир уже испробовал и с которыми расстался. Мир понял, что главный продукт цивилизаций — это катастрофы. Постепенно, понемногу вырабатывается альтернативное мышление — с другими источниками энергии, с другим отношением ко всему живому, с другими понятиями права и ответственности. У нас об этом даже и вопрос не стоит.

А мы решаем старые проблемы — проблемы выживания, проблемы борьбы. Геннадий точно сказал, что ценность жизни у нас по-прежнему — это дорогой ковер и хорошая машина, а не сама жизнь. У нас ценности эпохи нищеты, эпохи варварских страданий. Но невольно — и тут действительно можно подумать о Небесном дирижере — невольно мы оказываемся выброшенными в будущее. Мы абсолютно к этому не подготовлены, ведь наша философия — не дальше собственного гнезда, и топор, лопата и лошадь — это ежеднев-

ные спутники не менее чем половины нашего населения, а значит, и нашего сознания.

Я назвала свою книгу «Хроника будущего». Если люди будут идти таким путем, если то, что с ними произошло, не будет осмыслено, то будет то, что мы все видели, как эти самоселы опять косили литовкой, сидели при лучине, по следу зверя гадали о погоде. Время укусило свой хвост.

Но я думаю, что мы стали жителями гигантской чернобыльской лаборатории. Белорусы не зря говорят о себе, что они люди — «черные ящики». Как есть в самолете «черные ящики», по которым потом исследуют ход и причины катастрофы, так вот мы нация — «черный ящик».

Люди, может, это не осознают, особенно если их спровоцировать на это неосознание. Чтобы сделать эту работу с чернобыльским мышлением, нужно быть свободным человеком, нужно иметь внутри себя территорию этой свободы. Сегодня мы этого не имеем. Но думаю, что мы все же первыми осознали, что будущее — не такое, о котором говорили герои Чехова, что через сто лет жизнь будет красивой и человек будет прекрасным. Через сто лет — Чернобыль, ГУЛАГ и все остальное, что с нами произошло. Мы учим другой мир, как не надо жить. Это наша судьба. Это ловушка нашей культуры, но у меня есть надежда, что Чернобыль должен освободить человека. Нам дано это испытание, чтобы мы его прошли. Непонятно, почему первыми должны это пройти мы — наименее подготовленные к этому. Может, потому, что мы такая невинная, детская нация, может, поэтому нам дано такое испытание.

Чернобыль для нас — это действительно Чернобыльский шлях, это очень долгий путь. Все эти наши политические баталии, все эти сувенирные лица, появляющиеся на нашей земле, со знаком плюс или минус — с точки зрения радионуклидов, которые живут тысячи лет, все это пыль и никчемность. Но мы должны начать эту интеллектуальную работу. Может, хотя бы собирать мифы, знания, настоящую правду. Это очень долгий путь. Чернобыль — это наша судьба.

«В то время, когда вы погибаете, они делают ремонт, покупают новую машину»

8 декабря 2006

Экс-кандидат в президенты Александр Козулин был арестован 25 марта 2006 года во время массового шествия против фальсификации выборов, затем был осужден на пять с половиной лет. В колонии «Витьба-3» объявил голодовку.

Алексиевич: Козулин пошел дальше нас всех, он хочет пойти до конца. Я думаю, что он — последний представитель советского идеализма. Его представление о борьбе, о формах борьбы — они питаются идеалами прошлого. И я бы хотела сказать, что это трагедия — и нашего движения, и лично Александра Владиславовича. И я бы хотела ему сказать, что время совсем другое. Меняются способы борьбы. Сегодня мужество нужно для того, чтобы раньше других что-то сформулировать, понять, родить идеи. Время Стеньки Разина, время уличных героев — оно прошло.

Я не хочу принизить подвиги тех людей, которые вышли на наш белорусский Майдан, питаюсь отблесками украинского пожара. Но я думаю, что сегодня нужны другие методы, методы постепенного строительства — партий, сопротивления, идей.

Козулин ворвался на политическую сцену, для меня он был противовесом нашей плебейской

власти, ее примитивности. Таких людей, как Козулин, очень немного. Я хотела бы сказать Александру Владиславовичу — не надо отчаиваться. Его шаг продиктован отчаянием, что нельзя сломать эту стену, что люди молчат, что в то время, когда вы погибаете, они делают ремонт, строят дома, покупают новую машину.

Поскольку каналы информации закрыты, монополизированы — его тихий подвиг не будет известен. Это должно быть зрелищем, а зрелище закрыто. То, что ему кажется, что он прокричит миру — это будет задушенный крик, его не услышат.

Сегодня нужно иное мужество, мужество выйти, мужество прийти к людям и потом собрать какую-то свою команду и постепенно подтачивать это. Это — не личное самого Лукашенко, это сидит в каждом человеке. Революцию надо сделать в голове каждого человека.

Я живу в том самом доме, в том самом подъезде, где Козулин. И я часто видела его счастливым: две красивые дочери, его жена — было видно, что там любовь, всегда было радостно их видеть. Может, герои революции, которая у нас все никак не произойдет, со мной не согласятся, и, может, Александр Владиславович со мной не согласится, но я скажу: маленькая жизнь, ваша личная жизнь, жизнь ваших детей — выше тех целей, которые вы ставите. Не надо смертью окупать новые идеи. Только жизнью. Возвращайтесь к жизни! Отчаяние нам не помощник.

Александр Козулин прекратил голодовку, которая длилась 52 дня, 11 декабря 2006 года.

«Я не русская писательница»

31 мая 2007

Елена Струве, Минск

Писательница Светлана Алексиевич, которая в последнее время живет и работает в шведском Гетеборге, приехала в Минск на каникулы. Здесь она собирается продолжить работу над книгой «Чудный олень вечной охоты» и завершить книгу «Время second-hand». Писательница хочет встретиться с некоторыми героями своих будущих произведений и записать их исповеди. Сегодня у Светланы Алексиевич день рождения. Его она собирается встретить в своем деревенском доме, в узком кругу близких людей. Мы беседуем о таком событии, как день рождения. Правильно ли поздравлять с этим человека, который к своему рождению в принципе не имеет никакого отношения? Как относится Светлана Алексиевич к празднованию этого события и к нынешней конкретной дате?

Алексиевич: В нескольких поколениях я дочь сельских учителей. Я очень благодарна этой своей культурной генетике. Я имею такую деревенскую трезвость по отношению к себе, ко всем моим датам, успехам, славе. Это не является моей гордостью и это не трогает меня ни на грамм. Мне все интересно на уровне какой-то радости, которую я проживаю лично. Что касается этого дня... Ну,

существуют формы, традиции. Даже время люди придумали. Ведь времени нет — есть некое космическое существование. Не так ли? А день рождения — ну просто хорошо, что каким-то образом ты появился на свет. С годами только становится грустно, что жизнь так быстро проходит.

Струве: Что вам не нравится в этот день?

Алексиевич: Когда мне мои сверстники начинают говорить, что в «нашем возрасте» нужно то-то, и что «главное здоровье»... Я думаю: «Боже мой, тут сейчас столько открывается разных удивительных вещей. Я вот недавно приехала из Лапландии, где поражают и пейзажи, и олени, которые тысячами идут вверх в горы. Ты столько проживаешь и открываешь за короткое время, а тебе говорят: ну, здоровья... Мне всегда хочется услышать неожиданное слово, хочется встретить неожиданного человека. Мне азартно жить».

Струве: Во время нынешнего посещения Беларуси вы собираетесь встретиться с людьми, которые идут на такой азартный шаг, как изменение лица, тела...

Алексиевич: Да, один из кусков книги будет об этом.

Струве: Не как писательницу — вас интересует эта проблема?

Алексиевич: Я это никак к себе не применяла. У меня такой проблемы не было. Однако это интересно... Ну, например, нос я бы себе поправила. Тем более, глядя на моего старого отца, я представляю, что этот нос будет и у меня всю жизнь расти... *(смеется)* ...Но если серьезно... Я встречала в Москве одну женщину, модного фотографа, и

она говорила, что кое-что поменяла с помощью хирурга. У нее был дефект уха и такой длинный, с горбинкой, нос. И она рассказала, что ей сделали «модный нос». Оказывается, есть такое понятие — модный нос. И тогда я подумала, что в этом есть резон, если человек относится к публичной профессии. Я поняла, что у людей сегодня какие-то другие представления о проблемах тела, чем раньше. Моральные, человеческие, эстетические.

Струве: С чем это связано?

Алексиевич: Это связано с отношением к жизни. Человек уже не собирается зависеть от того, что ему дано Творцом. Когда-то Фрейд сказал: «Нос — это судьба». Однако теперь ты и это можешь изменить. Человек сам берет на себя миссию творца, начинается какое-то другое творчество. Я вчера сидела в очереди к зубному врачу. Это все были женщины за пятьдесят. Именно для них, для их понимания жизни проблема красоты стоит очень жестко. Они сознают, что им нужны биологические подпорки. Меняется продолжительность жизни, ты живешь дольше, но у тебя нет зубов...

Струве: Как вы относитесь к «биологическим подпоркам»?

Алексиевич: Я хорошо отношусь к этому, к тому, что человек продолжает себе жизнь. С точки зрения древних римлян мы живем очень много. Не исключено, что человек будет жить двести лет. В связи с увеличением продолжительности жизни появляются неожиданные проблемы — старые люди. Когда вы ходите по европейским улицам, то старых людей больше остальных. Эти люди бы-

стро изменяют мир, систему ценностей, поскольку в той же Европе они не являются какими-то «овощами», каким-то придатком к жизни детей. Чего нельзя сказать о половине людей на постсоветском пространстве. В принципе, и здесь человек придет к другому осмыслению своей жизни. Должна быть собственная жизнь с каким-то собственным праздником, смысла которого мы до сих пор не поняли.

Струве: В течение тридцати лет вы записываете исповеди бывших советских людей, и эти исповеди «маленьких людей», по вашим словам, составляют биографию империи или биографию утопии. Новая книга «Время second-hand» — это продолжение темы?

Алексиевич: Когда-то у меня была книга о самоубийцах «Зачарованные смертью». О том, как многие люди искренне верили в вечную идею социализма и как в своем большевистском варианте вечная идея оказалась очень кровавой и трагичной для них. Там было семнадцать историй. Сейчас для «Времени second-hand» я оставила десять самых показательных историй. Добавляю раздел, о чем мы думали и мечтали с 1986 по 1996 и о чем — в 1996–2006. И это совмещение дает основания для осмысления, что с нами произошло, почему вместо больших идей пришел гедонизм, то есть тяга людей к комфорту? Вульгарен ли наш период, или мы возвращаемся к какой-то норме? Все это очень серьезные вопросы. У меня в книге об этом рассуждают десятки и даже сотни людей.

Струве: Вы долго пишете свои книги?

Алексиевич: Печатать, как на станке, всё новые истории — бессмысленно. Я долго работаю над книгами. Например, историю любви «Чудный олень вечной охоты» пишу более десяти лет. У меня будет сто рассказов о любви. Надо к себе прислушаться, что ты должен сказать.

Струве: Наверное, это сложно — сказать свое слово о любви?

Алексиевич: С любовью все сложно. Сам опыт экзистенциального очень сложный. Ведь у меня же не просто любовь. Сейчас этих любовных рассказов — все способы, разные романтические истории — множество на книжных полках.

Я хочу дальше продолжить свои исследования. Каждый из нас ставит перед собой этот вопрос — самый таинственный, самый коренной вопрос жизни: «Зачем?». С одной стороны, любовь «дана нам в утешенье», чтобы было не страшно умереть, а с другой стороны, дает смысл нашей жизни, потому что человек имеет какую-то бóльшую миссию, чем только признать себя частью биологической цепочки — родить детей, продолжить свой род. Когда наши люди решат материальные вопросы, наедятся, для них эти вопросы станут очень серьезными, потому что они главные в жизни.

Впереди у меня эта книга и еще книга о старости. Я хочу многое выяснить о своем поколении и о себе и пройти с этим до конца.

Струве: Как скоро вы планируете завершить книгу о любви?

Алексиевич: Еще где-то год нужен для этого. Дело не в том, чтобы собрать материал, нужно со-

брать философию. Смысл серьезного писателя в том, чтобы что-то услышать на улице. Флобер сказал, что он человек-перо. Я человек-уши. Мое ухо на улице. Я считаю, что писатель должен первым сформулировать какие-то вещи, которые находятся в воздухе. Первым сказать об этом.

Струве: Насколько важна для вас политическая жизнь?

Алексиевич: Я постоянно участвую в политической жизни. Скорее символически. Однако вы всегда можете узнать о моей позиции. Из-за этого я живу в Европе, я имею в виду, из-за конфликтов с властью. Однако для меня как для художника — это не главное. Я надеюсь, что своими книгами я это сформулирую. У нас нет идей, работают какие-то старые идеи культуры выживания. Культура борьбы уже не может целиком заполнить современного человека. Перед человеком открылись совсем другие горизонты, и он вступил в совершенно другое пространство жизни. Эти новые люди только появляются у нас.

Есть и люди, которые «чарка-шкварка». У меня дом в деревне. Недавно там появился такой маленький бизнесмен, он обманывает людей, спаивает их. Он очень просто решает свои проблемы: мешок муки или чего-то другого. Он понимает, что вокруг нет личностей, а есть культура выживания, крестьянская такая хитрость. Надо было выжить этим людям на болоте. Поэтому я с грустью слушаю наших политиков, то, что было недавно на Конгрессе демократических сил. Вместо распределения власти надо думать, где мы и к какому человеку мы сегодня выходим. Этот человек

стал более агрессивным. Потому что он ничего не понимает в расслоении общества, в открывающихся возможностях — все есть, а ты ничего не можешь. И надо этому какой-то смысл придать, чтобы не было простой сытости животного. Вот с чем нужно выходить к людям.

Струве: Для западноевропейского читателя вы — белорусская писательница, которая представляет посткоммунистическую Восточную Европу...

Алексиевич: Человек с востока... Ведь я не занимаюсь исключительно белорусской историей, а занимаюсь биографией империи, биографией Утопии. Эта империя говорила по-русски и затрагивала большие пространства, однако с точки зрения ментального, биофизического видения мира, потому что есть и такое видение, я, конечно, не русский писатель. У меня много такого белорусского видения.

Струве: В Беларуси вас не издают больше десяти лет. И представители национальной оппозиции не считают вас белорусской писательницей. Ваше творчество для них космополитично. Вам это обидно?

Алексиевич: Я думаю, что со временем я буду принадлежать к этому белорусскому пространству... Если литература будет вообще кого-то интересовать. Я понимаю, что нации нужно определиться. И это очень непросто делать в XXI веке. Работа сложная и борьба сложная. С одной стороны, американская массовая культура, с другой — русское влияние. После Чернобыля, когда ты чувствуешь себя биовидом, который может

просто так исчезнуть, я думаю, что национальный взгляд должен быть более гибким и широким. Национальность — это не только то, что ты говоришь по-белорусски и ругаешь Лукашенко...

«Кубой в Европе уже нельзя быть»

8 июля 2007

Юрий Дракохруст, Прага

Что будет после Лукашенко? Можно ли выстроить нацию на ценностях, общих с другой нацией? Есть ли в Беларуси общие социальные институты, на которых можно строить гражданскую нацию? Эти темы в передаче «Пражский акцент» Радьё Свабода обсуждают писательница Светлана Алексиевич, редактор газеты «Советская Белоруссия — Беларусь сегодня» Павел Якубович и бывший посол Беларуси в Германии Петр Садовский.

Дракохруст: В этом году Беларусь в 11-й раз праздновала День независимости 3 июля. Эта дата — повод поговорить о в чем-то странной природе той государственной, а может, даже и национальной идеологии, которую прививает белорусам действующая власть. Дело тут не только в том, правильная она или нет, а в том, почему она вообще работает.

Обычно национальная идентичность — нечто по определению уникальное и особое, и строится на таких же уникальных, особых ценностях, исторических и культурных событиях: французы празднуют годовщину своей Французской революции, американцы — провозглашения своей независимости от Британской империи и так далее.

Вместе с тем, по официальной версии, исторический и культурный фундамент нынешней бе-

лорусской национальной независимости — не отдельный белорусский, а совместный с другими народами, прежде всего русским. Советская власть? Так она и была властью совместного государства. Великая Отечественная война? Так Отечеством тогда был Советский Союз. Можно ли построить прочную национальную идентичность на таком фундаменте? Г-н Якубович, как вы считаете?

Якубович: Я полагаю, что чем меньше общественное мнение будет рассуждать о национальной идентичности, тем, возможно, быстрее Беларусь выйдет из глубокого кризиса, который достался в наследство и еще не преодолен. И мне кажется, что нет ничего страшного в том, чтобы больше думать о том, что объединяет, а не разъединяет.

Стоит ли сегодня думать о том, что Великая Отечественная или Вторая мировая война происходила в Беларуси таким образом, как она происходила, некоторые говорят даже о гражданской войне? Это тема для исследователей, но если эти страсти переносятся на людей, живущих достаточно тяжелой жизнью, ни к чему хорошему это не ведет.

Мне кажется, что в Беларуси спокойно вызревает какая-то хорошая идея, хотя я и не люблю слово «национальная идея». Особенно это видно у молодежи, которая уже абсолютно уверенно считает, что Минск — это столица их родной страны, а Москва, как и Варшава — это столицы соседних государств, что мы часть Европы и так далее.

Дракохруст: Г-н Якубович, извините, я вас перебиваю. Вы говорите немного как пропагандист. Я ухвачусь за ваши последние слова, когда вы гово-

рите, что молодежь представляет, что Минск — это столица своей страны, а Москва — это столица другой страны. Почему? Почему это другая страна, если по официальной государственной идеологии эти две столицы ничего не разделяет?

Якубович: Почему? Тут я с вами, Юрий, не согласен абсолютно. Минск — это столица Беларуси, а Москва — столица России. Это данность, и если смотреть на это спокойно, то какое тут противоречие и к чему тут цепляться, как вы сказали?

Есть люди, которые ментальным образом еще с Советским Союзом расстаться не могут. Но для большинства, которое пятнадцать лет живет в суверенном государстве, это уже не проблема. А следующее поколение вообще об этом вряд ли будет рассуждать. Другое дело, какие конфигурации будут выстраиваться в будущем — будет это союз или что-то другое. Никто не исключает, что Беларусь спустя какое-то время может быть в Евросоюзе. Но в любом случае, я сегодня знаю немного людей, которые путают столицы наших государств. И я говорю это не как пропагандист, а как самый простой обыватель.

Дракохруст: Петр Садовский, Павел Якубович сказал, что это не проблема, но, на мой взгляд, проблема здесь заключается в том, почему это перестало быть проблемой. И почему это перестало быть проблемой на той почве, которая на первый взгляд кажется довольно шаткой. Такая модель государственной идеологии, как в Беларуси, имеет место разве что в непризнанном Приднестровье, трудно привести другой пример. Так почему же это работает, почему, как сказал г-н Якубович,

люди все же представляют, что Минск — это столица наша, а Москва, при всей любви или других чувствах к ней — не наша. Почему?

Садовский: Я тут где-то не согласен с Павлом, в чем-то хотелось бы поспорить. Когда мы говорим о типах государственных идеологий, нам не обойти такие понятия, как креольство, конституционный патриотизм, господствующая культура. Я не знаю, можно ли отрезать прошлое от сегодняшнего дня, как частично делает Павел. Я не знаю, можно ли построить устойчивую модель государства без институтов гражданского общества, которые могут быть выстроены с опорой на прошлое, на историю. Я не знаю страны, даже креольской, которая бы построила удачное, устойчивое государство, отбросив старую историю и культуру.

В Европе мы говорим о постнациональной эпохе, но когда проект европейской Конституции был торпедирован Францией и Голландией, дискуссии шли по всей Европе. И председатель немецкого парламента, бундестага, критикуется за его тезис о «господствующей культуре» (*Leitkultur*), которая должна быть в Германии. Немцы спорят с понятием «конституционный патриотизм».

Есть такая страна, как Израиль, не имеющая ни Конституции, ни устоявшихся границ. Она реализовалась идеологически во времени, а не в пространстве. И сейчас борются диаспористы с сионистами. По крайней мере четыре миллиона евреев, живущих в США, считают, что они продолжают мессианскую идею, что избранный народ должен быть гумусом для развития других цивилизаций.

Если отвечать прямо на ваш вопрос, можно ли построить прочную идентичность на таком фундаменте, стоит перечислить, из чего состоит у нас этот фундамент. Это идеология православного христианства, идеология изоляционизма, какой-то фобии по отношению к Западу. Надо также говорить о социальном государстве, и о корпоративном государстве, и о мифах, на которых держится эта система. Вы спрашиваете, почему она держится. Держится на хорошей пропаганде и на пока что прочном фундаменте, который существовал благодаря хорошим ценам на энергоносители.

Чтобы закончить ответ на этот вопрос, я скажу, что мне впервые за последние двенадцать лет стало тревожно. Я пенсионер, и мне хватает с женой пенсии на три недели только поесть и заплатить за квартиру. Мы сейчас начали налаживать отношения с третьим миром, наконец заговорили о настоящей экономии и диверсификации поставок энергоносителей, говорим о «Белой Руси» и «За независимую Беларусь». Наше руководство ищет.

Я сегодня не хочу по-белорусски критиковать Лукашенко, я хочу, чтобы мы в каком-то консенсусе пытались найти ответ на тот вопрос, который вы, Юрий, задали.

Дракохруст: Светлана Алексиевич, во время всех последних кризисов в белорусско-российских отношениях россияне рассуждали примерно так: «Белорусы ведь такие, как мы, у них и идеология держится на том, что у нас общее. Прикроем крапичик, и будут они нашими». И каждый раз россияне с этими рассуждениями горят синим пламенем. Почему?

Алексиевич: Я не думаю, что российские политики и культурологи неправы в этих своих рассуждениях. У них будет шанс, и нет здесь, в стране, внутреннего противостояния. Я не сторонница Лукашенко, но Беларусь, как ни странно, держится на нем да еще на иллюзиях и надеждах молодежи. Но наша власть построена на старой советской, славянской харизматичности лидера. Он мало симпатичен нам, интеллигенции, но он аккумулирует крестьянскую боязнь прогресса, перемен и вместе с тем такую крестьянскую трезвость.

Власть малокультурна, а сегодня даже на интуиции сильного лидера нельзя долго удержаться. Процессы глобализации, религиозного противостояния нарастают, и Беларусь должна к чему-то примкнуть. Кубой в Европе уже нельзя быть.

И я думаю, что вот эта идеология, о которой говорил Павел, это очень странная вещь. Он один из идеологов сегодняшнего времени, и его слова меня еще раз убедили, насколько наша власть не готова к новому времени. Идет вульгарный период: люди наедаются, делают евроремонт, путешествуют и спешат это делать, как бывшие голодные дикари, у которых в мозгах сидит, что это скоро может кончиться. И вот этот животный период надо же как-то идеологически прикрыть. Чем? Власть ведь не задействовала интеллектуальный потенциал нации. Если дать свободу дискуссии, свободу идеологическую, что-то созрело бы в обществе. Ничего этого не делается, а вместо этого начинается старое советское кликушество: вот у нас была война.

Теперь я много езжу по России и по Беларуси. Граница есть, но власть — советская, народ — советский, и все атрибуты советского мышления. Это работает и с российской, и с белорусской стороны. Просто там интеллектуальный потенциал другой и деньги другие. Пока это немного прикрито: там — нефтедолларами, здесь — колхозной хитростью. Но за это придется отвечать. Долго это промежуточное состояние не продержится. И не будет белорусского государства. Что это за идеология — давайте накормим и напоим людей? Простите, но это же не животноводческая ферма.

Якубович: Я с глубоким уважением отношусь к мнениям Светланы и Петра. Но в чем предмет спора? Государство должно заботиться обо всем: и о том, чтобы люди были обуты и сыты, точнее, люди сами должны себя одевать и кормить, а государство должно создавать условия, чтобы это было. Если люди стали жить немного лучше, чем раньше, то это очевидно.

Стали жить лучше, какое-то спокойствие у людей, у молодежи есть альтернатива — работать в Беларуси или в Польше или в Ирландии, учиться в БГУ или в Варшавском университете. Если такая ситуация есть в стране, это уже неплохо. Можно считать власть некультурной. Но есть разные люди и в политике, и в экономике, и в административных органах.

Я со Светланой не совсем соглашусь. Когда едешь по России и по Беларуси, можно увидеть много разного. Но делать из этого вывод, что Беларусь превращается в животноводческую ферму — это слишком.

Мне самому не слишком нравятся некоторые атрибуты нашей идеологической работы, слишком прямолинейные плакаты, которые висят на улицах, упрощенные схемы идеологической работы. Иногда действия пропагандистов власти просто пыль стряхивают с работ 1970-х годов.

Но относительно оппозиции говорить о каком-то социальном и общественном креативе вообще не приходится. Иногда там просто «Менская газета» 1941 года. Только меняй фамилии, а содержание — то же самое пещерное. Хотя есть и интересные люди, и интересные идеи.

Но не стоит говорить, что все в действиях власти базируется на советском опыте. Вот я недавно опубликовал статью о том, что в Гомеле нашли место захоронения жертв сталинских репрессий 1937 года. Почему это надо замалчивать? Мне это совершенно непонятно. Некоторые люди во власти сразу говорят — это против коммунизма, а коммунизм — это... Мы, сегодняшние люди, граждане Беларуси, говорим, что хотим взять из советской эпохи нечто позитивное. Оно действительно там было. Но мы должны с отвращением отказаться от того бесчеловечного, что происходило в 1930-е, отчасти в 1920-е и 1940-е годы. И вот тогда появится какое-то взаимопонимание.

Дракохруст: Существуют две модели построения нации: на культурно-этническом единстве — немецкая модель, и на гражданско-политическом единстве — французская модель. Едва ли не самым ярким примером последней модели являются Соединенные Штаты Америки, там этнического единства как такового нет, а язык — совместный

с бывшей метрополией. Но есть то, что называют «гражданской религией» американцев. Кстати, амбициозным, хотя и неудачным, проектом построения гражданской нации была идея советского народа.

Нынешняя белорусская власть культурно-этнический проект построения нации отвергает. Как мы слышали от Павла Якубовича, власть сводит культурно-этнический проект к опыту коллаборации времен войны. Это означает, что выбор делается в пользу модели гражданской нации. Но ведь для построения гражданской нации нужны сильные, уважаемые общественные институты, которые и могут объединить людей в сообщество, и объединяют, скажем, в тех же США. Есть ли в Беларуси, у белорусов такие институты, на которых можно утвердить гражданскую нацию? Г-н Садовский, как вы считаете?

Садовский: Я начал бы ответ с парадоксальной поговорки: чтобы экономить воду, ее нужно больше пить. Люди охотно пьют кока-колу, пиво и водку. Но чтобы сделать 1 литр пива, нужно потратить 7 литров воды, на кока-колу — 4, а на биотопливо этанол — 4650 литров воды. Мы говорим о экономических и социальных успехах, о простой, повседневной жизни, которая устраивает обывателя, а обыватели составляют в любой стране процентов 75, думают 10–15 процентов, активно работает 4 процента людей. Я считаю, что нам лучше оперировать европейскими примерами, вот даже и Павел говорит, что мы — Европа.

Вы, Юрий, несколько раз использовали термин «общественные институты» и упоминали Соеди-

ненные Штаты. Я повторюсь, что не знаю нации, государства, где общественные институты были бы построены без национальной идеи. Правда, сейчас это уже как будто немодно, говорят, что национальная идея кончилась в XX веке. Но мы — недостроенная нация, и наш президент — зеркало этого. Он имеет успех, потому что отражает состояние электората. Но очевидно, что нужно уже пойти вперед.

Если посмотреть на европейские страны, такие, скажем, как Германия, то мы видим, что в эпоху глобализации становится актуальным патриотизм, и не только конституционный, но и национальный. Я как германист могу сказать, что если бы немцы не были нацией в привычном смысле, они бы все свои инвестиции вывезли туда, где дешевая рабочая сила, и безработица в Германии была бы еще больше, чем сейчас. В последние два года безработица уменьшается. И это в значительной степени результат того, что немецкие предприниматели, которые будто бы полностью вросли в глобализацию, ведут себя как патриоты, думают не только о своих доходах, а о том, как занять работой своих земляков.

Посмотрите на поведение немецких энергетических концернов относительно Франции, Италии, России, балтийских стран. Они ведут себя патриотично. Креольская нация такого не сделает. Если вы посмотрите на Латинскую Америку, то увидите, что там нет стержневой национальной идеи и многие страны остаются банановыми республиками.

Дракохруст: Г-жа Алексиевич, вы уже назвали один институт, на котором сейчас пытаются построить белорусскую нацию. Это президент, причем не должность президента, а конкретная личность, которая эту должность занимает — Александр Лукашенко. В определенном смысле власть строит белорусскую нацию как народ Лукашенко. Пока эта модель как-то работает. Что будет, когда он уйдет — так или иначе? Не получится ли так, что не только политическая система, но и национальное единство может пошатнуться и даже рассыпаться, если оно держится только на этом стержне?

Алексиевич: Феномен Лукашенко держится не только на его личных качествах. И единственное, в чем я согласна с Павлом, что оппозиция у нас слабая и плохо учится, она не живет в мире современных вызовов. Надо отдать должное Лукашенко, что он учится быстро, он то, что Аристотель называл политическим животным. И тут мы все потерпели поражение. Он интуицией парализовал собственный народ, навязал ему нижний уровень, уровень потребления. Нацию нивелировали до вульгарного уровня потребления, того, о чем весь мир криком кричит, что это путь в пустоту. А у нас это еще называется прогрессом.

Лукашенко смикшировал переход в это новое, непонятное, страшное пространство, и его личные качества совпали со временем. Он дал ощущение, что ничего в мире не изменилось. Петр уже говорил, что это было за чужой счет, но советскость в нем — это то, на чем держится и сам он, и иллюзии народа.

У меня есть дом в деревне, чтобы жить среди нормальных людей, а не на писательских дачах. И там один крестьянин мне сказал: «А вот уйдет Лукашенко, и будет ведь ужасно, будет ведь хаос». И я увидела, чего боятся люди, чего боится номенклатура, которая, возможно, и ненавидит его, поскольку он унижает ее и держит в страхе, чего боятся крестьяне, которые получают мизерные зарплаты, но ведь хочешь — две коровы держи, хочешь — десять. Они боятся, они предчувствуют тот хаос, который придет. Ведь подавлена всякая сила сопротивления, сила идеи, сила альтернативы. Остается то, что есть у молодежи. Павел говорил, что люди, особенно молодежь, ощущают себя в отдельном государстве, что мы тут — белорусы, а там — русские. Это как в России. На чем держится сегодня российское антизападничество, особенно среди молодежи? На обиде — обманул Запад, не поддержал, не принял на равных. На чем держится ощущение, что мы белорусы? На обиде на русских: они богатые, а мы... Обида — это плохой фундамент. Неспособность меняться порождает жертву, а это очень агрессивное существо. И я думаю, что нас ждут очень тяжелые времена. И они будут.

Дракохруст: Г-н Якубович, для вас этот вопрос, возможно, деликатный, но каков ваш ответ на него? Не получится ли так, что когда Лукашенко раньше или позже, по тем или иным причинам уйдет, то белорусское государство уйдет вместе с ним?

Якубович: Светлана существенно подняла планку разговора. Я с ней во многом согласен, но

хочу кое-что уточнить. Десять лет назад я брал большое интервью у Александра Григорьевича Лукашенко. И он тогда сказал: «Я в чем-то понимаю канцлера Льва Сапегу. Передо мной стоят в определенном смысле те же проблемы». И действительно, у Беларуси во многом проблемы те же, что были у ВКЛ. Светлана говорит об обидах. Я бы не стал переводить их в эмоциональную плоскость. Но ведь действительно в январе этого года нашу страну — и левых, и правых, и православных, и католиков — «Газпром», как бронированный кулак, пытался поставить на колени. Причем очень прагматично: или сдавайте вашу промышленность нашим предпринимателям, или мы отключаем вам газ. Слава богу, в ответ эти люди получили твердую и холодную негибимость, хотя, разумеется, ни проблема не решена, ни более широкий вопрос исторического выбора.

Запад так же холодно отнесся к этой ситуации, мол, вы там близки друг к другу, так и решайте свои дела, а мы с забора посмотрим, чем это все закончится. Это первое мое уточнение. Второе — по поводу русского князя Ивана Калиты. Он в истории остался неоднозначной фигурой, но, на мой взгляд, главное в его деятельности было не то, что он присоединил несколько княжеств к своему Московскому, а то, что сохранил государственность и воспитал у людей, особенно у молодежи, полное отсутствие страха перед Ордой. И поэтому, когда он умер, появились и Сергей Радонежский, и Дмитрий Донской.

Мне кажется, главная заслуга Александра Григорьевича Лукашенко в том, что он сохранил

Республику Беларусь, сохранил человеческий, духовный потенциал, из которого все потом сойдется: и гражданское общество, и уверенность, что мы белорусы и Москва для нас — столица очень дружественного государства, но не более того. Так, как и Варшава. Что мы — часть Европы. Но этот период надо пережить.

Светлана как крупный литератор высказала то, что волнует нас всех — нас ждут тяжелые времена. И, готовясь к этим временам, необходимо внутренне консолидироваться. И то, что такая консолидация есть, на мой взгляд, — главная заслуга Лукашенко и времени Лукашенко, при всех экстравагантностях пропаганды, неловкости литераторов и композиторов, отсутствии общенациональных дискуссий. Я, кстати, за них. Польша своим «круглым столом» показала, как это важно. Но самое главное, что вырастает новый народ.

Дракохруст: Петр Садовский, а вы согласны с такой оптимистичной оценкой? А не может ли получиться наоборот, что система, построенная на одной личности, может рассыпаться после ее ухода? И не такой цветущий сад останется после нее, как обрисовал нам Павел Якубович, а пустыня?

Садовский: Мне кажется, что Павел все же не говорил о цветущем саде. А что касается вашего вопроса, то мне кажется, что ничего страшного не будет. Мы просто вернемся в какой-нибудь 1990–1991 год и будем жалеть о потерянном времени. Но наше сожаление, а также вид цветущего сада или развалин будет зависеть от того, как долго мы будем жить так, как живем, как сумеет

вырасти бизнес, и не только крупный, а тот, что в деревнях и райцентрах.

Я думаю, что после ухода нашего президента будет развал маленького Советского Союза. Ничего страшного не будет. Мы должны понимать то, что по-русски называется «привходящие обстоятельства».

Мы вот смотрим на Россию и завидуем ей. Но пусть Россия скажет спасибо Соединенным Штатам за то, что они воюют на нефтеносном Востоке. Россияне понимают, что когда-то это закончится, и дай бог им свои бешеные доллары разместить как надо. И мы ведь точно так же. Имеем российский рынок, который пока кое-что у нас покупает, и мы двенадцать лет тут немножко жировали. Все зависит от этих внешних обстоятельств.

Дракохруст: Г-н Садовский, я бы хотел поговорить как раз о том «жировании», о котором вы сказали.

Садовский: Ну, жирование очень относительное.

Дракохруст: Да, но многие экономисты говорят теперь о настоящем потребительском буме, который наблюдается в Беларуси, свидетельство чему — значительный рост покупки автомашин и невероятный рост цен на недвижимость, особенно в столице.

И это при том, что именно власть после бело-русско-российской нефтегазовой войны криком кричит о том, что надо готовиться к худшим временам, затягивать пояса, свидетельство чему, например, декрет Лукашенко об экономии. А народ будто не слышит, будто сам себе говорит: «Ничего,

наш “батька” все равно как-нибудь выкрутится». И продолжает покупать-покупать-покупать. Не создает ли это действительно психологическую ловушку и для власти, и для народа? И чем эта ловушка может закончиться?

Садовский: Мне кажется, что ответ тут очень простой и тайны тут никакой нет. Есть исследования о потребительских бумагах. Скажем, в Германии такой бум наблюдался во времена Аденауэра и Эрхарда. В странах переходного периода такие бумы наблюдаются, если есть тревога и неуверенность в экономическом развитии страны.

Если бы была открытая экономика, если бы был свободный бизнес, люди бы понесли свои деньги не в банки, а покупали бы акции и ценные бумаги, о чем Станислав Богданкевич говорит уже десять лет. Люди бы не покупали вторую машину, третий мобильник, вторую квартиру. Люди действительно боятся, я тут со Светланой абсолютно согласен, люди не знают, что будет завтра. Ведь что из того, что люди несут деньги в банки?

Я сам в банке полтора года работал и знаю. Если предприятие получает деньги не за счет продажи акций, а берет кредит, дорожает производство, растут цены.

На сегодняшний день потребительский бум, о котором вы, Юрий, говорите, это своеобразная форма сбережения, люди вкладывают деньги в машину, в квартиру, в телевизор. Не все люди понимают, что те высокие зарплаты, которые мы получали последние годы, — они не заработаны. Особенно это понятно, если посмотреть на инфляцию, на рентабельность предприятий, на вливание

в них денег. Это незаработанные зарплаты. И люди спешат их потратить на всякий случай, чтобы на черный день не остаться без ничего.

Ловушка тут такая, что синекура однажды кончится, и придется жить по средствам, будут доезжать автомашины, дорабатывать стиральные машины. И все начнется сначала.

Дракохруст: Г-н Якубович, а как бы вы охарактеризовали этот интересный феномен? На ваш взгляд, в чем его причина, кроме, разумеется, роста жизненного уровня: недоверие к государству, о котором говорил г-н Садовский, или, наоборот, — избыточное доверие?

Якубович: Вообще говоря, это вопрос интерпретации. Можно зайти сегодня в любой магазин в Вильнюсе, типа «Акрополиса», и увидеть огромное количество людей, которые покупают, причем это не белорусы, а литовцы. Но при этом нельзя сказать, что литовцы, согласно схеме Петра, так боятся завтрашнего дня. Люди хотят жить сегодня и сейчас, и если есть возможность купить машину, то ее покупают.

С одной стороны, люди стали жить немного лучше. Я, Юрий, не говорил ни о садах цветущих, ни о буме безумном, которого нет. Есть тяжелая жизнь, и не зря появляются директивы, напоминающие — не расслабляйтесь, мы очень бедное государство.

Но есть элемент и того, о чем вы, Юрий, сказали. Многие люди не очень критично относятся к оценке своих перспектив, и есть такое гражданское иждивенчество: мол, есть президент, который знает, как будет сегодня, завтра и послезавтра.

И хотя президент все время говорит, что нужно рассчитывать на себя, а государство сделает то, что оно может сделать, вера в вождя — это часть нашей ментальности.

Этом не ловушка в том смысле, что ее кто-то искусственно создает. Но человек должен знать, что лучшие инвестиции — это инвестиции в детей, в образование, в недвижимость, чтобы не ждать, когда исполкомовская очередь подойдет, а самому думать. Надежда на вождя — это ментальная искривленность, рудимент социалистического прошлого, а не нечто, навязываемое пропагандой.

И я считаю, что общество, которое всерьез размышляет о будущем, должно понимать, что будущее зависит, как пишут в наших газетах, от того, как каждый конкретный человек это будущее себе представляет.

Дракохруст: Г-жа Алексиевич, а у вас как у «конкретного человека» какой взгляд на эту проблему?

Алексиевич: Я это вижу немного иначе. Я думаю, что мы — не отдельные люди и не все тут зависит от местных условий. Сегодня только в странах ислама еще работает энергия религии. А в остальном мире закончилось время великой истории. Люди разочаровались во всех идеях и в мистических смыслах. И белорусы — опоздавшая нация, с недостроенным государством — уходят из большой истории в свою маленькую историю и говорят: «Чума на оба ваши дома! Есть сегодня и сейчас, и я хочу жить сегодня». Это мы, наивные шестидесятники, думали, что развалится все это и люди бросятся каяться, строить государство, учиться свободе, а они бросились учиться жить.

Они, как дети, все пробуют. Мне приходилось встречаться с российскими олигархами — Березовским и Абрамовичем. И казалось бы — люди все имеют, но даже они хвастаются тем, что приобрели, люди, которые менее богаты, хвастаются чуть меньшими яхтами.

Мы, белорусы, еще такое недосформированное тело, а тебя выбрасывают во взрослую жизнь. На какое-то время авторитарный лидер якобы защитил общество, сделал такую смесь тюрьмы и детского сада.

Но во всем мире происходит, а у нас, на неподготовленной почве, это быстрее и ужаснее — диктатура маленького человека, который хочет вкусно есть и мало работать. В своем доме я попробовала поменять газовую плиту. Так это два дня нужно сидеть на телефоне, десять девушек отвечают вам, но на самом деле никто ни за что не отвечает. И, может, через месяц к вам кто-то приедет. Они получают новые заработки, наверное, уже ездят на каких-то подержанных машинах с Запада, но умение работать — все то же. Их научили только хотеть.

Лидер сам не подозревает, какая опасность, прежде всего для него и для народа — диктатура маленького человека, диктатура его любви. Но когда он будет разочарован, когда это все ему не дадут, а он только вошел во вкус — какой страшной будет его ненависть. И нечего умиляться этим детским садом, который хочет жить. Мы — как дети, и это очень страшно для всех нас.

«Время Лукашенко закончилось»

22 августа 2007

Сергей Наумчик, Прага

На веб-сайте Радыё Свабода состоялась онлайн-конференция с писательницей Светланой Алексиевич.

Г-жа Светлана, вы написали сценарий для документального фильма об одном из лидеров КПЗБ Николае Орехво, вышел он в конце 80-х. Могли бы вы рассказать о том, как возник фильм, какое впечатление на вас произвел Орехво и есть ли возможность сегодня посмотреть этот фильм. Спасибо, Виктор.

Алексиевич: Это был такой фильм «Эти непонятные старые люди». На самом деле это был удивительный человек, Орехво, я его еще застала, и он как никто дал мне понять трагедию коммунистической веры. Потому что все думают, что это бандиты, как писал когда-то Пазыняк, «Ленин был сифилитик» — это примитивные представления, я считаю... Это красивая была идея, и туда ушло очень много красивых людей. И вот один из них был Орехво.

Он рассказал мне, как он пришел к этой идее и чем это кончилось. Его посадили, за ним посадили его жену, а потом он мне рассказывает, что во время войны его отпустили на фронт. Он вернулся с фронта уже с орденами и медалями, его вызывают в КГБ и говорят: «Мы возвращаем

вам ваш партийный билет». Он говорит: «Я был просто счастлив». Они сказали: «Жену вашу мы вам вернуть не можем, но мы вам возвращаем ваш партбилет». И он опять говорит: «Я был счастлив». Я говорю: «Разве вы не любили свою жену, она была что, просто партийный товарищ?» Он говорит: «Как вы можете так думать! Моя жена была очень красива, я никогда потом не смог полюбить», и показывает мне ее фото. Я говорю: «Так как вы могли так сказать, что вы были счастливы, если они убили вашу жену?» А он говорит: «Как вы не понимаете, они же вернули мне билет!» — «Но ведь они убили вашу жену!» И тут он мне в такой ярости говорит: «Нас нельзя судить по законам логики, нас надо судить по законам веры!» И тогда я поняла, какая это была религия для этих людей. Я даже не знаю, где теперь этот фильм...

Уважаемая Светлана Александровна, вы, конечно, хороший публицист, даже я бы назвал вас летописцем. Но меня очень возмущает ваше отношение к белорусскому языку. Почему американские послы учат белорусский язык? Один даже давал интервью для Радио Свобода на белорусском языке. Почему вы так презираете белорусский язык? Согласен с вами, что Беларусь — это ферма во главе с Начальником-«батькой». Но почему вы так пренебрежительно относитесь к белорусской оппозиции? Во время НЛП на ТВ работать трудно. Считаете ли вы, что в Беларуси прежде всего «психологическое состояние сталинизма»? Напишите книгу-летопись — Хроника современного сталинизма. Спасибо. Валерий Грицук.

Алексиевич: Эта агрессивность — она немного запоздала, еще двадцать лет назад таких было много, а сейчас мы имеем дело с таким «аборигеном» этой идеи агрессивности...

Знаете, такой патриотизм, который стоит обычно за такой идеей — это желание избежать какой-то ответственности. Ответственности за то, что времена меняются, и все намного сложнее, чем нам кажется. И вам, автору вопроса, кажется, что если бы все люди говорили по-белорусски, то решились бы все проблемы — совсем нет.

И я совсем не презираю белорусский язык, просто я его не знаю настолько хорошо, чтобы на нем писать — я думаю, говорю по-русски, я бы сказала, что я человек и белорусской, и русской культуры, и то, чем я занимаюсь, эта моя идея жизни — написать автобиографию империи, сделать семь книг, сто лет советской и постсоветской истории, была такая мощная идея, которая всегда будет. Это у нас все в прошлом, а в Италии и Франции я видела эти демонстрации и видела, насколько популярны эти идеи — может, и у нас еще начнутся эти троцкистские кружки, уже в России это начинается — с левой идеей люди не так быстро попрощаются, когда они еще ходили в ослиной шкуре, они мечтали о братстве и равенстве...

Поэтому представить себе, что мир такой простой, я не могу — я хочу создать себе представление, как это было, как это завладело людьми, как они в это верили, как идея зачихала — и это все будет рассказывать сам маленький человек: как он вышел оттуда, что было потом, какие точки опоры он искал, за что он цеплялся, к чему при-

ходил, какой смысл он искал в этом маленьком куске времени, который нам отведен на Земле...

Так вот, Утопия говорила по-русски — я не смогла бы сделать свой, как сейчас модно говорить, «художественный проект» на белорусском языке, это была бы неправда. Когда-то, когда я написала «У войны не женское лицо», человек с таким же мировоззрением и с такой же агрессивностью спросил у меня: а почему у вас там есть даже цыганка, русских много, татарки, почему только белорусских женщин не брали — я тогда сказала, что война на самом деле была Великая Отечественная, там были разные, не только белорусские женщины, и в этой утопии участвовало огромное пространство, огромное количество людей, огромный национальный котел...

И так сложилась моя жизнь, хотя я дочь сельских учителей — мать украинка, отец белорус — что у нас дома был русский язык, и я рада, что я воспитана в русской культуре с ее объемом, ее мировоззрением, ее философичностью, с ее Достоевским, Толстым, Чеховым, Розановым, это мои любимые авторы, и Герцен мой любимый автор — без этой культуры я была бы не я, я бы не видела мир таким, каким вижу сейчас. И белорусский язык я люблю, люблю свою страну — я много раз могла остаться за границей, у меня были такие возможности и есть и теперь, но я никогда этого не сделаю. Я хочу жить дома, в Беларуси, я люблю эту географию, люблю этого человека, но у меня другой язык любви, а совсем не такой механистичный...

Вот если бы я начала говорить на какой-то кальке, как большинство оппозиции говорит, то я бы уже была патриоткой отечества... Знаете, на таком уровне меня уже проблемы не интересуют, меня интересуют проблемы, как действительно что-то сформулировать и понять в этом быстро меняющемся мире...

Вы говорите, что я плохо отношусь к оппозиции — нет, я плохо отношусь к такому схоластическому мышлению, к такой советской антисоветскости, к такому лукашенковскому антилукашенству, когда все примитивно и просто. Я вижу мир иначе — для меня все таинственно, непонятно, и свою работу как писателя я понимаю так: искренне додумывать вещи до конца. Вот это моя профессия.

Г-жа Алексиевич, какой вы нашли Беларусь в этот свой проезд? Что изменилось в лучшую сторону, а что — в худшую?

Алексиевич: Это очень интересный вопрос, на который я пытаюсь сама себе ответить — во мне происходит какая-то работа, осмысление... Я уже говорила, что я делаю сейчас новую книгу, «Время second-hand. Частные подробности одного ритуала». Это о том, что мы были за люди в этой страшной коммунистической системе-утопии и куда мы вышли. Почему вы вышли в какую-то пустоту, где не за что ухватиться? Единственное, за что можно ухватиться — за национальную идею, да и то это оказалось не самым прочным фундаментом.

И этот мой проезд утвердил меня в таких мыслях, что мы живем во время катастрофы гран-

диозных проектов. Я не имею уже в виду такие проекты XX века, как коммунизм и фашизм, эти «мощные» энергии, которые отошли уже в историю. Мы еще пользуемся этими словами, можно говорить о каких-то признаках тоталитарности, но о могучей державе нельзя говорить, это уже другое общество, атомизированное, рассыпавшееся, это невозможно.

Катастрофа проекта в чем? Мы видим это по всему миру. Например, в культуре борьбы. Мир стоит на культуре борьбы, и мы видим, что даже такие большие страны, как Америка, терпят поражение. Вот эта культура борьбы терпит сегодня поражение, потому что ни иракская проблема не решена, ни афганская не решена с позиции силы — ясно, что так их решить нельзя. Другое — революция оранжевая в Украине столкнулась с массой проблем, киргизская революция тюльпанов тоже. Стало понятно, что мир вступил в какую-то новую фазу, где борьба приобретает какие-то новые формы.

И вот когда я ходила по современному Минску и ездила по Беларуси, я поняла, что сегодня не выведешь людей на улицу — это иллюзия. Это просто действуют шестеренки каких-то политических технологий, но они крутятся уже вхолостую. Я бы даже сказала, что туристические бюро, строительные магазины, супермаркеты делают сегодня намного больше работы, чем оппозиция.

Я была в одной деревне — когда-то это была типичная колхозная советская деревня — без заборов, какие-то хозяева крепкие были, но всегда было немного грустное зрелище, хотя у нас в Бе-

ларуси не так, как в России, здесь лучше. Вдруг я приезжаю — половина села это какие-то дома, которые я видела только в Литве или в Польше: заборы, деревья, мостовая, какие-то доски сделаны красиво, черепицей покрыты крыши вместо этого шифера, о котором уже все знают, что он опасен для человека, какие-то цветы совсем другие — и я подумала, надо познакомиться с хозяевами. Я поговорила с одним, с другим — один был в Чехии, второй в Словакии, третий в Польше, четвертый даже в Париже — какая-то родственница вышла туда замуж... И они видели другую жизнь.

И вот она, оппозиция: люди хотят жить по-другому. То есть наращивается другое пространство достоинства, другого понимания жизни, а не так, как мы думали раньше — сядет в кресло кто-то другой, и будет совсем другая страна. Да не будет! Надо настроиться на долгий путь. И я вижу, что несмотря на застывшее время, на эту политическую власть, которая остановила время в нашей стране, все равно маленький человек сам ищет выхода, и к счастью — находит его. Он на самом деле учится другой жизни. Я обрадовалась: это свидетельствует о том, что если наверху «крыша» сменится, то будут люди, с которыми можно будет делать эту другую жизнь. Вот это мое ощущение.

Вы занимались темой Чернобыля. Какое ваше отношение к решению строить в Беларуси АЭС?

Алексиевич: Я думаю, что это просто катастрофа. Я виню в этом прежде всего нашу культуру — не только власти, Лукашенко, а прежде всего нашу культуру. Мы не рассказали так о Чер-

нобыле нашему, белорусскому человеку — во всем мире больше понимают, что такое Чернобыль, как в том анекдоте: «Если бы Чернобыль взорвался у папуасов, об этом знал бы весь мир, кроме самих папуасов» — это жестоко, но это, к сожалению, так — а в Беларуси, которая настолько пострадала, нет ни настоящего экологического движения, ни противоатомного движения, нет сильных чернобыльских союзов — все позволили себя раздавить.

И то, что сегодня на этом уровне политического мышления появляется такая идея... Ведь что такое атомная станция? Это высокие технологии. Деньги обеспечиваются валютным запасом. Высокие технологии должны быть обеспечены как минимум сознательной политической властью, технологической культурой, кадрами, подготовкой массового сознания... В Чернобыле люди работали и шутили: наша сковородка, наша кастрюлька... За этим жаргоном стояла разница, разрыв между современным человеком и этими новыми технологиями. В выходные они ехали к своим матерям и работали вилами и лопатами на огороде, а потом возвращались и рассуждали так же — сковородка, нажмем ту кнопку, ту...

Беларусь, которая сегодня оказалась на технологических задворках, надо себе честно это представить — ведь мы не можем дать миру конкурентоспособные компьютеры, фотоаппараты — в лучшем случае «Милавица» может лифчики продать, да и то благодаря тому, что это натуральный хлопок, или деревянную мебель немцы у нас якобы покупают, сделанную из чистого дерева, но по их образцам... И рядом с этим такая идея — это еще

раз свидетельствует о безответственности власти и о том, что урок Чернобыля не прочитан.

И это прежде всего наша вина, вина нашей культуры. Я не помню спектаклей выдающихся об этом, книг таких об этом, я знаю только политические акции протеста и чернобыльские фонды — вот единственное, что отвечало на то, что произошло. Все остальное не переработано культурой, которой эта очень серьезная, философская, техническая проблема оказалась не под силу. Мы оказались не равны проблеме, возникшей перед нами, а чиновники есть чиновники, они не обязательно должны быть философами.

Вы много времени живете на Западе. Как там воспринимают белорусов? Или мы просто потерялись в общем потоке пост-гомосоветикус?

Алексиевич: Знаете, если я отвечу на этот вопрос, на меня можно будет обидеться, или обидеться на людей на Западе, но это — люди с другим чувством общего достоинства, с другим пониманием цели и смысла жизни, качества жизни, уважения к самому себе... Там мир вращается вокруг того, что уважают тебя как человека и уважают все, что твое — твое имущество и т. д. Поэтому с точки зрения западного человека Лукашенко, что происходит с людьми, что один человек парализовал общество, что куда-то исчезла интеллигенция, даже чиновник, который тоже опора государства, что все унижены и все с этим мирятся — все будут однажды в недоумении, как сегодня люди старшего возраста вспоминают, как Брежнев выстул с вставной челюстью и какую чушь он

нес, а масса людей на съездах стояли, хлопали в ладоши — так мы со временем будем униженно выглядеть. Поэтому им трудно нас любить. Они все время в недоумении: что это за люди? Почему они с этим согласны?

Но когда я встречаюсь с людьми, которые ездили в Чернобыль, которые помогают, имеют какие-то проекты, сотрудничают с нашими организациями, учреждениями, они говорят, что мы мягкий, добрый, сердечный народ... Это личный контакт. А контакт с историей, давней или современной, вызывает у западного человека недоумение. У них политические проблемы уже на другом уровне. Проблемы человеческого достоинства, включая материальное, они лишены — ты там должен бороться за себя, иначе жизнь бросит тебя на дно — ты не умрешь от голода, но будешь унижен. Но там у человека есть шанс, он свободно идет, включает телевизор и не думает, где он, в каком веке, где он оказался — это то, что я чувствую, когда слышу по телевидению наших политиков. Некоторых из них я знаю, это достойные люди, но то, что они сегодня говорят — это ниже их... Это вызывает недоумение, как можно так унижить и остановить нацию с ее культурой.

Светлана, если бы вы встретились с Лукашенко, что бы вы ему сказали?

Алексиевич: Я бы ему сказала, что его время прошло. Я не могу думать, что все, что он сделал, можно полностью вычеркнуть — наверное, многие процессы уникального перехода от социализма к капитализму, к которому все, к сожалению,

нию, идут — лучше бы мы шли к социал-демократии — у него не хватило культуры человеческой и политической пойти к социал-демократии. А такой шанс у него был. Ведь у нас это не социал-демократия, а социализм в его наихудшем варианте, такая смесь тюрьмы и детского сада, как я уже говорила. Возможно, он смикшировал этот переход. У нас нет такого жесткого расслоения, как в России, еще не все до конца разграблено, но сейчас, я думаю, мы будем откупаться за газ, и в результате все будет продано, разграблено, окажется даже не у белорусских олигархов, а у российских, это, к сожалению, печальная история. Цель человека — власть, и он будет за нее платить. Все же, я думаю, история по-разному будет относиться к нему, какие-то вещи она поставит ему в заслугу... Это трагическая фигура. Если бы у него теперь хватило мужества уйти, он бы остался в истории, и я убеждена, что мнения о нем разделились бы. Но я думаю, что этого не произойдет. Однако его время кончилось.

Над чем вы сейчас работаете? Будем надеяться, что ваши книги можно будет купить не только в Мюнхене и Стокгольме, но и в Минске.

Алексиевич: К сожалению, мои книги здесь уже не выходят, сколько Лукашенко у власти — какой-то параллельный процесс получается. Они выходят в России, в издательстве «Время» издали коллекцию всех моих книг, четыре книги в новом, дополненном варианте, и они каким-то образом попадают сюда, я их видела иногда и в супермаркетах, только они почему-то очень дорогие — видно,

российская цена переводится сюда, поскольку супермаркеты здесь российские, и иногда привозят торговцы.

То есть книги есть, и как бы их нет. Вот недавно я получила премию, тоже купила и привезла несколько тысяч книг. Но сейчас, к сожалению, я нахожусь в каком-то неафишированном черном списке, который есть у всех чиновников, занимающихся культурой, и я не могу, например, предложить свои книги Национальной библиотеке, как это было раньше, за свои деньги, или отдать их в школы, клубы — я могу их только отдать в руки людям, которые будут читать и давать другим.

Я принадлежу к таким людям, которые считают, что надо спокойно делать свое дело. Это как у апостола Павла: бывают такие времена, когда моих проповедей не слышат, но горе мне, если бы я их не говорил. Вот это мое отношение к жизни. И сейчас я делаю две работы. Одна книга — это «Чудный олень вечной охоты», это история любви, которую я делаю уже больше десяти лет, но это очень сложно сделать...

И вторая, которую я хочу сделать раньше — это «Время second-hand». Эта книга о том, в каком мире мы оказались, чего мы хотели двадцать лет назад, на что мы надеялись, о чем мечтали, что произошло и какие мы сейчас. Я пытаюсь проанализировать — мне кажется, пришло время сформулировать, найти какие-то ответы, объективно начать обдумывать свое прошлое, проговаривать его, а не просто сказать — вот, коммунизм — это страшная, темная страница нашей истории, отвернуться и идти дальше. Нет, ничего не получится.

Это надо продумать, проговорить... Вот сейчас я делаю эту работу.

А почему second-hand? Потому что мы никуда не прорвались... Это, конечно, ситуация постмодерна в мире — никаких новых идей, мы живем в мире копий — своих, чужих... Это сегодня в нашем обществе, в российском обществе, и даже в мире — я довольно долгое время за границей, семь лет в четырех странах — конечно, мир занят поиском какой-то новой идеи, какого-то нового мировоззрения.

Вопрос через SMS: Вы написали не одну книгу. Каждая, несмотря на непростой путь к читателю, получала широкую известность у нас в Беларуси и за ее пределами. Какое из ваших произведений наиболее любимо вами? Большое спасибо за неприкрытую правду в «Чернобыльской молитве». Виктор Акуленко. Брагин.

Алексиевич: Я не могу сказать, какую книгу я люблю больше всего. Я об этом тоже задумывалась недавно. Несколько лет ушло у меня на то, что я дополняла книги, потому что «У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики», да и «Чернобыльская молитва», и «Последние свидетели» — все книги имели большие архивы. То есть книга попадала к людям, они мне что-то писали, менялось время за двадцать лет, люди что-то передумывали... Документ — не такая застывшая, неподвижная форма, что это раз и навсегда, как трамвайный билет или паспорт — хотя и в паспорте кое-что можно поменять. Поэтому пока человек

жив, документ меняется — его отношение, его ощущение, и время как-то представляется иначе...

Я когда работала над всеми этими книгами, то каждый раз была заново влюблена в каждую книгу, ее героев, ее идею. Наверное, любимые — «У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики»... Я не в книгу влюблена, а в путь, когда какие-то вещи удастся глубже понять, лучше сформулировать, больше догадаться о чем-то в человеке.

Не знаю, я люблю скорее путь книг в себе, как они отзываются в людях — вот это отражение. И люблю, когда они нужны, даже сегодня, несмотря на то, что людям не нужны проповедники, святые, потому что такое сегодня время — каждый сам себе проповедник и учитель. Нельзя даже понять, у чего или у кого люди учатся — супермаркет их учит, или там Маркес, или Янка Купала, не знаю... Сложно что-то сделать со словами — они какие-то несильные, из них исчезает энергия, электричество... Но когда получаешь такой вопрос, то думаешь, что пишешь не зря.

Светлана, приветствую. Ваши книги всегда непростые, они бьют по самым болезненным точкам. А какая книга создавалась тяжелее всего? Искреннее спасибо за вашу работу. Настя.

Алексиевич: И сейчас тяжело новая книга пишется, «Время second-hand», о тех двадцати годах, которые мы прожили после катастрофы, после освобождения, но труднее всего мне давалась, конечно, «Чернобыльская молитва». Потому что мой жанр, в котором я работаю, связан не с тем, чтобы переработать огромное количество материала, я

не создаю коллекцию ужасов — нажми кнопку телевизора, и ужасов будет более чем достаточно, будет ужасно выходить на улицу и вечером не захочется слушать музыку...

Материал — это одно, хотя это тяжелая шахтерская работа. Самое главное — создать концепцию, философию, представить какой-то новый взгляд на вещи. Чернобыль был какой-то тайной, я сразу это для себя определила с первых поездок. Здесь была и метафизика, и какая-то новая философия — мы заглянули дальше всех, человечество не было в этом пространстве, и патриархальная нация столкнулась с совершенно новыми вызовами, к которым даже супердержавы не были готовы — и вдруг белорусский и украинский крестьянин оказались с этим один на один и все постигали сами.

И у меня не было традиции, на которую опереться. Когда я писала о войне, то боже мой — сколько люди живут, столько они воюют... Есть целая традиция, «культура войны», как о ней писать... Если ты даже пишешь иначе, то ты от чего-то отталкиваешься... По чернобыльской теме я писала книгу лет десять-одиннадцать, и сложность была именно в этом — найти какие-то новые тексты, собрать их, услышать их, а для этого нужно было выйти на новое доверие к жизни, потому что в культуре этого не было...

И это очень тяжелая работа, мы делали ее вместе с моими героями, потому что я искала человека потрясенного — не просто того, кто вскочил на биологический конвейер и его понесло — или несчастье, или война... Мне нужен был маленький

философ, и на самом деле они в те дни были потрясены — они думали, пошли в церкви, пытались на что-то опереться. Очень интересно было разговаривать со стариками — я вдруг увидела, что с ними разговаривать интереснее, чем с учеными, генералами, потому что что-то в этой крестьянской культуры есть настроенное на выживание — то, чего в современной цивилизации нет. На многие вопросы нужно было ответить или, по крайней мере, попытаться ответить, вот я и пыталась.

Хорошего дня! Уважаемая Светлана, по вашему мнению, какая все-таки основная причина непечатания ваших книг в Беларуси. Благодарю. С уважением, Антось.

Алексиевич: Любой тоталитарный режим — это, конечно, примитивная система. Снизу доверху подбирается очень примитивная власть, основанная на боязни и на иерархии подчинения. Никто ничего не берет на себя. Возникают странные фигуры. Кто такой наш министр культуры? Если посмотришь — строитель с виду. Лица министров, самого президента говорят о воздухе культуры, культуре страны, общества. Культура — это какие-то ожидания, какие-то события... Этого нет, разве что молодежь сама что-то выдает... А так — это какая-то машина по какому-то советскому клише. Телевидение — полная идеологическая машина. Кажется, будто делают какие-то книги, какое-то кино, какие-то премьеры — но будто мы существуем в каком-то вакууме... Нет событий, людей, фигур, мыслей, идей... Если вы идете в бело-

русское кино, вы заранее по названию знаете, что это за конструкция — такой советский слепок...

Это самое страшное, что произошло — в школе, образовании, культуре, обществе — исчезло какое-то движение, ничего не происходит... В Москве, наоборот, виден какой-то прорыв — там какие-то сайты, какие-то идеи, какие-то люди... Чувствуется — у них уже другое образование... У нас есть тоже сайт «Новая Европа» — вроде его делают в ЕГУ, там уже другой взгляд.

Это интересно, но этого очень мало. Культурная жизнь парализована, и любой текст, который не укладывается в это маленькое мировосприятие, конечно же, кажется оппозиционным, страшным. Но я считаю, что главное — написать. Если книга сделана, это уже форма информации и какой-то ее работы в мире... Главное — сделать эту работу в себе.

Создаются и разрушаются государства, обесцениваются деньги и забываются герои, а что, на ваш взгляд, главное в жизни? Назовите пять книг, которые, на ваш взгляд, должен прочитать каждый. Николай.

Алексиевич: Я могу сказать, кого я читаю — Достоевский, Герцен, Розанов, Чехов, Мамардашвили. Это фигуры, к которым я время от времени возвращаюсь, и они чистят мое мировоззрение и намечают какие-то нити в пути, когда ты за что-то цепляешься, заходишь в те закоулки, что-то обдумываешь, куда-то идешь. Но на самом деле в такое время, время разрушения, постмодерн, когда сознательно выбираются копии и говорят, что это

якобы сознательно — в принципе, нет ничего другого, поэтому мы пытаемся найти какие-то точки опоры, но это не только у нас, а везде.

А что касается смысла жизни, то это для меня, вы знаете, какой-то вопрос, на который нет ответа. Я часто, когда завершаю книгу, думаю — так плачем, так страдаем, а зачем это все? Не забуду женщину в книге «У войны не женское лицо» — какой у нее потрясающий рассказ о смерти, о жизни, о том, как они оказались в окружении — молодые ребята, и она одна девушка среди них, и они утром решают, что в плен они не сдадутся. И один подходит к ней и говорит: «А ты бабу пробовала?» А до войны было такое пирожное «баба», и она говорит — пробовала... А он говорит: «Дура ты, вот утром погибнем и так и не узнаем, что это такое...» И действительно, из них всего несколько человек прорвалось, этот парень тоже погиб... И у нее столько подробностей, вот ты родился, и все использование твоей жизни — упасть со связкой гранат под танк... Да, какая-то идея, родина — но человек в такие минуты вообще думает о Божественном замысле: зачем все это?

И вдруг я прихожу к этой женщине, которая потом мне все это рассказала, и она мне говорит: а вы в совете ветеранов спросили? А у вас есть разрешение на публикацию? Мало того, когда я ей прислала то, что я выбрала для книги, этот рассказ о бабе она вычеркнула, и там были такие восклицательные знаки — это я тебе рассказала, чтобы ты поплакала со мной, а писать нужно совсем другое... Я думаю, что столько страданий, заглядывание в такие бездны, а человек этим не

пользуется — это не делает его ни свободным, ни счастливым...

У нее я не нашла того, что есть в «Записках у изголовья» Сэй-Сёнагон, японской писательницы — тысячу лет назад написанных придворной дамой. Вот там есть такой легкий ветерок: от нее уходят любовники, а она говорит: вот пройдет время, и не будет этого чудесного тела, этого багряного плаща... Потом она сидит и думает, какие вещи ей больше всего нравятся — как лодка плывет по реке, как птица вдруг пролетает... Вот это схватить для меня сегодня важно, этот человек во времени — или во Второй мировой войне, или в Чернобыле, или на обломках империи...

И вместе с тем для меня главный смысл как для писательницы — схватить вот это вечное, этот багряный плащ, это молодое тело, эта лодка, форма, придуманная человеком... Об этом догадались греки, они говорили: «мастерство жизни». Не праздник жизни, по Хемингуэю, это немного упрощено, грубо, а вот это мастерство жизни...

Я недавно разговаривала со своей подружкой, она читала какую-то старую книгу и говорит: боже, как мы огрубели, сколько нужно всего возвращать сегодня в литературе! Мы знаем цвета — красный, черный, желтый, а раньше греки знали «цвет больной обезьяны», «цвет лосося», «цвет солнца, гаснущего ночью» — масса вещей, которые мы потеряли по дороге цивилизации... И в чем сложность этой книги о любви: в этом сюжете нет ничего нового, он, она, то ли приходит кто-то еще, то ли вообще эта сущность, которая называется любовью, приходит и неожиданно уходит... Вот

сделать новую инсценировку, вернуть этот «цвет лосося» и «цвет больной обезьяны», вот в этом писательский и человеческий смысл, потому что рядом идет собственная жизнь.

Г-жа Алексиевич, мне нравится ваше творчество. Несколько лет назад я попал в театр в Брюсселе. Со мной был Томаш Саевич («Польское Радио»). Была постановка по вашей книге «Чернобыльская молитва». Спектакль меня очень тронул, хотя был по-французски. Когда в театре узнали, что я из Беларуси, то разговор и застолье продолжались до 4 утра. В фойе театра были фотографии из чернобыльской зоны — старые бабушки с дедушками, брошенные дома. Я спросил у руководителя театра, что его вдохновило сделать такой спектакль? Ответ был такой: само произведение и знакомство с автором. Может, у вас были еще какие-то интересные встречи за границей? С уважением, Николай Романов. Антверпен, Бельгия.

Алексиевич: Дело в том, что в мире все мои книги имеют театральные, киноварианты, и особенно «Чернобыльская молитва» — как ни одна из моих книг она прошла по миру, было очень много ее театральных постановок, и в каждой стране было свое прочтение... Во Франции больше всего идут спектакли, там даже в Бордо был фестиваль, где со всей Франции привезли 12 спектаклей по «Чернобыльской молитве», и это было очень интересно... Я думала, почему именно чернобыльская книга имела такой массовый отклик и настолько заинтересовала европейских интеллектуалов...

У меня были дискуссии с Полем Вирильо, которого называют «философом Апокалипсиса», и у нас были такие дебаты на сцене, где собиралось по 600–700 человек, и даже фильм существует с нашим диалогом... Меня удивляло, что в зале было много молодых людей, были интересные вопросы...

Я думаю, что «Чернобыльская молитва» — на самом деле хроника будущего. Она вышла за пределы опыта какой-то одной системы, одной ментальности, хотя тема войны тоже выходит за эти пределы, чтобы книга была не местного потребления, книга должна выйти на тот пункт интеллектуального накопления, который существует в мире, чтобы это было интересно всем, а не только на «деревенском выгоне». Иначе не стоит писать — почему я настолько долго пишу свои книги. Я могла бы сделать десять таких книг, как «У войны не женское лицо», я ведь уже достаточный профессионал, и не писать книгу 7–10 лет... Но я хочу, чтобы каждая книга была совсем другая, я должна вырваться с нею в совершенно другое пространство, а не повторить саму себя, то, что я умею делать.

А в Чернобыле западная публика, западные интеллектуалы находят ответы на эти страхи будущего, они становятся общими — уже нельзя как раньше, когда война шла в Европе или в Советском Союзе, а кто-то отсиживался в Америке или в Австралии, сегодня это невозможно. То есть страх — это новая, повсеместная культура. Я однажды в течение месяца была в четырех странах: во Франции полицейские бросались к каждому пакету в

метро, в Испании как раз взрывы случились, в Москве у меня десять раз проверили паспорт... Вот эта культура страха, в которой мы живем, она охватила весь мир, и о страхе говорят больше, чем о любви. И, безусловно, в чернобыльской книге есть это противостояние: к чему идет прогресс, что прогресс — это форма новой войны, — все воюют с природой и в результате гибнут...

Добрый день. Ваши книги несут в себе боль человека. Вы ее пропускаете через себя. Что вам помогает в этом: внутренние ресурсы, вера, уверенность в том, что это необходимо людям? Что люди должны понять, для чего невыносимая боль ваших книг? Спасибо.

Алексиевич: Знаете, в нашей семье была такая трагедия — когда умерла моя сестра. Ей было 35 лет, она очень быстро сгорела, за четыре месяца от страшной формы рака. И я тогда вплотную соприкоснулась с врачами-онкологами. И после того, что я видела (я практически не выходила из этого госпиталя), когда, например, привозят ребенка, ему делают операцию, но у него нет шансов, и я помню врачей, профессора Екатерину Вишневскую, Галину Константиновну Тагрунскую, — никогда я теперь не скажу, что мы, писатели, больше всех несем чью-то боль, что мы больше всех нагружены этой тяжестью мира, трагичностью человеческого существования... Никогда я себе этого не позволю, потому что когда я видела, как работают эти люди, как эти врачи возвращаются после операции, с какими лицами, и как они потом должны говорить что-то этому ребенку, его родителям...

Я не думаю, что я больше пережила и передумала — хотя я была на войне, пережила суды над своими книгами, и пережила всякого рода угрозы и конфликты с властью. Это все же можно в какой-то степени перевести в интеллектуальную сторону. И в то время я бы не сказала, что такие книги легко писать и что это мне просто дается. Вовсе нет.

Ну вот, например. Я в Афганистане, вокруг одни мужики, ко мне приставлен какой-то подполковник, мы на какой-то выставке современного оружия, которое они захватили у моджахедов. Оружие показывают западным корреспондентам, чтобы сказать, что Америка помогает моджахедам. И действительно, по-своему красивое современное оружие. Как раз тогда умерла моя сестра, и я думала — если бы все эти интеллектуальные усилия, пошедшие на оружие, направить на спасение людей, а не на убийство — может, моя сестра была бы жива? И вот я подхожу к такой мине, она как новогодняя игрушка, мне говорят, что это мина итальянская. Я говорю: «Как новогодняя игрушка!» А офицер рядом со мной говорит: «Если на нее наступить — от человека остается полведра мяса». Через день или два он мне звонит в отель (это был отель Генштаба в Кабуле) и говорит: «Хотите увидеть, что от парней осталось, которые проехали по такой мине?» — «А что?» — «Ложками с брони сгребают». На улице жара 40 градусов. Идти или нет? Но я же воспитана в традициях русской культуры — идти до конца. «Ты должен идти до конца», как говорил Алесь Адамович, мой учитель, мой любимый белорусский писатель. И

я еду. И вижу весь этот ужас, что, действительно, сгребают по песку, чтобы хоть что-то отослать матери вместе с одеждой. И нечего делать из себя героиню — я теряю сознание, то ли от того, что я увидела, то ли от потрясенности этой человеческой бессмысленностью — что мы делаем в этих чужих песках? А где-нибудь в Рязани сидит эта бабушка и не знает, что уже тут ей собирают... Или жара? Я не знаю.

Потом я возвращаюсь домой, и мне нужно все эти диалоги снять с кассеты... И вот — должна ли я это делать или нет, до какого предела идти? Все эти картины — передо мной. Нет, это не легкая работа. Но я думаю, что вообще жизнь сама по себе — трагичная. И это надо себе спокойно представлять. Трагичная хотя бы потому, что, как Нагибин писал на высоте влюбленности в своих дневниках — «Боже, как страшно от одной мысли, что этот мир нужно покинуть...» Так что я не думаю, что мне труднее жить, чем всем остальным. Думать, может, труднее.

Г-жа Алексиевич, что для вас было самым положительным и самым неприемлемым в СССР? Спасибо. Виктор.

Алексиевич: Знаете, на этот вопрос в новой книге очень хорошо отвечает одна из моих героинь. Она говорит: вот я была как бабочка в цементе — было ощущение оторванности жизни, вырванности из какого-то мирового контекста... Я, например, до сих пор жалею, что я не знаю много языков, потому что если бы иначе сложилось время, если бы я сегодня училась, я бы, конечно,

выучила больше языков, открыла для себя философов намного раньше, что пришлось делать довольно поздно, потому что это все было закрыто... Теперь, когда это даже переводится на русский язык, то очень фрагментарно, в зависимости от каких-то интересов... И приходится некоторые вещи додумывать интуитивно.

Я и теперь еще не знаю хорошо ни одного языка, и если я живу в какой-то стране, то многие вещи я схватываю интуитивно, выискиваю информацию из пейзажей, намеков, из архитектуры... Это более сложная работа, а потом читаешь какого-то философа, и понимаешь, что этот же путь можно было пройти быстрее и раньше... И вот этот аквариум — это было самое угнетающее.

Я помню и свою журналистскую работу в газетах — вечное ощущение «кота в ловушке», что ты не можешь — то, что мне было интересно, было не нужно. Думаю, в этом трагедия нашей литературы, деревенской, как ее называли, и военной литературы, потому что там все время присутствовала сначала «война-идея», это сталинское отношение, потом начала пробиваться правда о войне, такое народное отношение «война-беда», но мы так и не поднялись до того, что еще Анри Барбюс делал, когда писал свои книги о Первой мировой войне — «война-безумие», экзистенциальные проблемы. Не то, сколько стоила война, какой страшный Сталин, а вообще, как человек делает вызов Богу, убивает другого человека в таком количестве, как он остается наедине с этим чувством, с этой мыслью. Я к этому сумела пробиться только благодаря женскому отношению к

войне и благодаря тому, что я сама была в Афганистане («Цинковые мальчики»), видела, как это происходит, но это было уже очень поздно, мне было тридцать с чем-то, около сорока... И я сумела каким-то образом взять эту мировую культуру...

Мы были закрыты, я чувствовала унижение как интеллект, как человек, у которого не было этого выхода... Я помню, когда я хотела прочитать Ницше и Фрейд, в студенческие времена, я пошла в деканат за какой-то бумажкой — я должна была получить разрешение, мне ее не дали. То есть я не смогла понятным для них образом объяснить, зачем мне Ницше и Фрейд, им было это непонятно. Мы должны были учить, когда газета «Правда» выходила, когда там что... Я сказала, что это нужно мне для понимания мира. Кроме ужаса — я была неплохой студенткой — я ничего не видела в глазах своего декана Булацкого...

Наумчик: Завершаем нашу онлайн-конференцию. Ваше, г-жа Светлана, впечатление от вопросов и ваши пожелания слушателям и посетителям веб-сайта Свободы.

Алексиевич: Как-то маловато злых вопросов, а может, люди поняли, что агрессия — не лучшая форма познания мира и познания человека, который говорит на Свободе. Нормальные вопросы, люди хотят понять мир, докопаться до силы слова, до смысла слова.

Я думаю, что сегодня очень важно для всех нас сохранить душевное спокойствие. Сохранить это желание работы, не устать, не разочароваться, не махнуть рукой, не поддаться, когда ты видишь, что человек превращается то в комфортное жи-

вотное, то в агрессивное животное. Все равно цепляться за лучшее — то, что есть у тебя в жизни, то, что ты прочитал, те вещи, о существовании которых ты догадываешься. Жизнь наша не дает много поводов очень радоваться жизни — но у нас другого времени не будет. И даже более того, судя по той ситуации, в которой мы сейчас живем в Беларуси — думаю, что наша жизнь будет ухудшаться. Наша власть должна будет отвечать за эти пропуски, потери исторического времени. А власть никогда не расплачивается одна, расплачивается каждый из нас, каждый человек.

Но все равно — эти 70–80 лет жизни — это все, что у нас есть. И греки правы: все же надо учиться мастерству жизни. Если мы будем ценить себя, своих близких, ценить людей и радоваться жизни — как-то это будет отражаться и на всем остальном, и сделает гораздо больше, чем просто политические атаки, на которые уже в обществе нет энергии. Поэтому каждый должен сделать эту маленькую работу в самом себе, и тогда, может быть, будет то, чего мы так хотим.

Известных писателей выбросили из школьной программы

31 августа 2007

Валентина Аксак, Минск

С нового учебного года белорусские школьники не будут изучать произведения Геннадия Буравкина, Ольги Ипатовой, Сергея Законникова, Светланы Алексиевич, Анатоля Сыса, Владимира Некляева, Леонида Дранько-Майсюка, Владимира Арлова и многих других современных писателей.

Их место в только что выпущенной Министерством образования программе по белорусской литературе заняли имена писателей, неизвестных читателям, зато хорошо известных государственным чиновникам.

«Россия пошла по китайскому пути, вот мы и будем Тибетом при этом “Китае”»

4 января 2008

Юрий Дракохруст, Прага

Что готовит нам 2008 год? Что вы прогнозируете, чего боитесь, опасаетесь и на что надеетесь в следующем году?

Алексиевич: Я ехала сейчас в такси, и там по радио всех пугали Крысой, что она не ко всем будет дружелюбна. Я сама родилась в год Крысы, так что надеюсь, что она меня пожалеет.

Для себя я хотела бы закончить новую книгу «Время second-hand. Конец красного человека». В ней я размышляю над вашими, Юрий, сегодняшними вопросами.

Чего я боюсь? Я боюсь того, что рано или поздно эта наша белорусская резервация будет подавлена Россией и войдет в этот мощный поток. Я сейчас много езжу по России. Там якобы происходит много перемен. Но, с другой стороны, идет жесткое размежевание общества, и русская ментальность этого не принимает. Особенно это видно по молодежи. И это грозит новыми катастрофами, просто сейчас благодаря нефтяным деньгам это не так заметно.

И я боюсь, что Беларусь будет втянута в этот водоворот, и выдержать у нас нет ни материала для сопротивления, ни пространства. Это начнется в 2008 году, и начнется очень нагло, потому что Рос-

сия пухнет от денег, и чтобы их спасти, их надо куда-то разбрасывать.

Банальность, но Беларусь — это такой друг России, которого она не захочет терять и которого будут покупать и пугать. Это же все видно и по кредитам, и по всему: как нам их дают и как с нами разговаривают.

Если раньше мы думали, что Россия нам даст демократию, то теперь у нее у самой большие проблемы с этими институтами и с ее психологией. Она явно пошла по китайскому пути, вот мы и будем Тибетом при этом «Китае».

На что я надеюсь? На то, что наша слабая оппозиция поумнеет, что появятся какие-то новые люди, новые лидеры. Безусловно, будут определенные «брожения» экономического характера, может, это поспособствует появлению новых людей.

Я не связываю это с новым молодым поколением, как раз новое поколение больше всего разочаровывает, по крайней мере в России. Это конформисты, прагматики, рационалисты, люди, которые по своим желаниям очень скоро стали стариками. Лидеры появятся из среднего поколения, так мне кажется.

Это такие наивные новогодние пожелания, и, я надеюсь, такие же страхи.

«Выйти из плена гипноза Лукашенко»

30 мая 2008 года

Инна Студинская, Минск

31 мая — юбилей самой известной в мире писательницы из Беларуси Светланы Алексиевич. Ее книги не издаются государственными издательствами Беларуси. Ее документальная проза переведена более чем на 20 языков мира. Последние годы писательница живет и работает в Швеции, но на юбилей обязательно приедет в Беларусь.

Это парадокс, который не понимают в цивилизованном мире: чтобы книги всемирно известных, признанных писателей выходили миллионными тиражами на разных языках везде, но только не на родине автора. Чтобы литератор имел десяток престижных международных премий и наград, и ни одной отечественной.

Слова и пожелания Светлане Алексиевич от коллеги по литературному цеху Наталки Бабиной:

«Для меня лично Светлана Алексиевич — это пример такого писателя, который имеет силу и имеет мужество додумывать все до конца, говорить все до конца, без всякого страха, без всяких кивков на обстоятельства, на людей. Я бы хотела пожелать, чтобы всемирная слава писательницы Алексиевич еще возростала. И еще пожелать, может, не только ей, а нам всем, читателям, чтобы ее книги издавались не только во всем мире, но и здесь у нас, в Беларуси».

Светлана Алексиевич последние годы живет и работает за границей: сначала в Италии, теперь в Швеции. На родине бывает часто. Писательница убеждена:

«Мы не должны быть заложниками Лукашенко, мы не должны быть заложниками его колхозного интеллекта. Особенно для элиты очень важно выйти из его плена, из-под его гипноза, действительно чувствовать себя в мире, а не только в Беларуси. Я еще раз повторю: в мире, Беларусь — но в мире».

В своем творчестве Светлана Алексиевич выбрала «жанр человеческих голосов». Она признается, что свои книги высматривает и выслушивает на улицах, за окном, в них реальные люди рассказывают о главных событиях своего времени. Она пишет о войне, о Чернобыле, об Афганистане, о самоубийцах и о любви. Светлана считает себя счастливым человеком:

«Я все же верю, что все есть в этой жизни: и любовь есть, и близкие люди есть, и радость есть. Мне удалось сохранить какую-то радость в жизни. И это прекрасно, что мы получились, и мы есть. Жить и во времени, и вместе с тем помнить, что есть твоя единственная жизнь. Я и в своих книгах пытаюсь соединить современного человека и то, что называется вечным человеком. Мне чем дальше — тем жить загадочнее, чем дальше — тем интереснее».

«Минимум семь-восемь лет идет на одно произведение»

31 мая 2008 года

Александр Улитенок, Минск

Сегодня писательнице Светлане Алексиевич — 60 лет.

Названия ее книг стали своеобразными при знаками времени — «У войны не женское лицо», «Последние свидетели», «Цинковые мальчики», «Зачарованные смертью», «Чернобыльская молитва»...

В Германии, Франции, Японии она считается одним из наиболее издаваемых зарубежных авторов. Три года назад Светлана Алексиевич получила главную литературную премию США.

На следующей неделе она — общественный редактор нашего радио. Ежедневно г-жа Алексиевич будет делиться мыслями и наблюдениями о том, что происходит с нами сейчас, а на пятницу она поручила журналистам Свободы подготовить передачу на тему «Чем живет человек в сегодняшнем мире».

Накануне юбилея со Светланой Алексиевич беседовал журналист Александр Улитенок.

Алексиевич: Последние тридцать лет я пишу хронику «красной цивилизации». Исследую «красного человека». Как из одной этой огромной империи получилось много разных стран, у которых

начинается своя история. Но везде все еще живет этот человек. В кого он превращается? Как? То есть изучаю, анализирую сто лет русско-советской истории.

Улитенок: Следующий тогда вопрос — о великой советской утопии, мифами которой живет тот самый обычный человек. Кто в этой истории вас больше всего поражает?

Алексиевич: Самое интересное для меня — сам человек. Здесь, в Беларуси, время будто остановилось, атрибутов социализма сохранилось как нигде. Допустим, в форме социального контракта с населением. Мне кажется, если бы здесь была, как ее называют — диктатура в чистом виде, то она бы так долго не продержалась. Получается, она имеет опору. И опирается она именно на что-то в человеческой душе. Не потому ли процентов 60–70 она устраивает? Вот с этим и интересно разобраться.

Улитенок: И напоследок — о любви. Скажите, о ней писать легче, чем о войне?

Алексиевич: О войне тоже очень сложно... Ну, а о любви пишется очень медленно. Вообще, все книги занимают у меня много времени: это сотни людей, поэтому минимум семь-десять лет идет на одно произведение.

Любовь сегодняшнего образца, когда мы открылись миру, когда весь этот неповторимый, огромный опыт стал нашей частью, намного усложнилась. Потому что, видите, другими становятся люди. И с ними уже по-другому говорить надо! Их уже интересуют абсолютно другие вещи... Это сказывается буквально на всем. Но особенно — на любви.

С одной стороны, сейчас некогда любить — надо работать и выживать, а жизнь высоко подняла планку. А с другой стороны, человек уже понял: ничто в мире не имеет смысла, кроме того, какого мужчину или какую женщину ты найдешь...

«Хотели в будущее, а попали в прошлое»

2 июня 2008

Александр Улитенок, Минск

Сегодня писательница размышляет, почему «красный человек», воспитанный при советах, остается и в сегодняшнем дне, почему советское прошлое привлекает даже молодое поколение, все ли в том времени было исключительно черного или серого цвета?

Алексиевич: В прошлом веке были две страшные и энергетические идеи: фашизм и интернациональный социализм в большевистском варианте. Обе потерпели поражение. Хотя большевистский социализм продержался чуть больше.

Благодаря чему? Получается, что-то есть в этой идее такое, что завораживает людей. Учтите: она захватила лучших, красивых. Представление об истории, что власть захватила кучка авантюристов, садистов и заставила миллионы жить по-другому — неумное, мелкое.

Я достаточно много занималась мемуарами начала века, историей революции, и поняла: все к этому шло, тут и трагическое совпадение ментальности, и нищеты, и разрухи — процесс очень сложный... А в результате имеем «красного человека».

Он мне очень интересен. Особенно сегодня, в наше время, когда в воздухе внятный дух ко-

шелька, наживы, дух мамоны, когда все подчинено желудку, «двенадцатиперстной кишке»... На этом фоне могу сказать, например, что мне по душе женщины военного поколения — таких красивых душ больше никогда не будет. Это были самые прекрасные люди!

В той нашей жизни, которая отдаляется, было все же много сильного и интересного, высокого исторического опыта. Вот многие и скучают по тому времени. Причем не только те, кто старше, но и молодые.

Потому что этот новый мир, тот вариант, который у нас получается (у нас ведь не народно-демократическая революция — это какой-то номенклатурный капитализм, или номенклатурно-постиндустриальное общество, не знаю, как лучше назвать) — это совсем не то, что мы хотели. Во имя чего собирались когда-то сотысячными митингами.

Получилось что-то другое. Хотели в будущее, а попали в прошлое.

У меня новая книга так и называется «Время second-hand: Конец красного человека».

«Белорус хочет перемен, но не хочет потрясений»

3 июня 2008

Александр Улитенок, Минск

Сегодня Светлана Алексиевич размышляет, как белорусская ментальность влияет на нынешнее состояние социума и страны.

Улитенок: Сегодняшняя Беларусь — это тривиальное продолжение Атлантиды советской, или у нее добавились какие-то новые, а возможно, даже и знаковые черты в психологии?

Алексиевич: В каком-то смысле время здесь и сейчас приостановлено политически. Но кто такой белорус? Это все же человек с крестьянской ментальностью: он хочет перемен, но не хочет потрясений. Многие в сегодняшней власти ему знакомо, привычно, с этим люди мирятся.

А с другой стороны, они ездят, смотрят, слушают, видят мир, строятся, покупают непривычные вещи, пробуют новую еду — сдвиг происходит. И его не остановить никакой авторитарной власти — скорее она сама будет меняться. Потому что общество умнеет, становится более пластичным, более динамичным. Власти от этого никуда не деться. Тем более и Россия уже не станет содержать белорусский социализм: все озабочены собственными интересами.

Мы вступили в мир, где нет иллюзий. И к этому надо быть готовыми.

Другое дело, я не разделяю идеи о том, что нас ждет революция. Не дожидаться ее здесь. Будет медленная, ползучая эволюция, так мне кажется.

Улитенок: Что в белорусах неадекватно воспринимают те же шведы или немцы, с которыми вам приходится часто иметь дело?

Алексиевич: По своему опыту зарубежных поездок могу сказать: люди везде одинаковые. Добрые и злые, меланхолики и сангвиники — скорее вот так мир делится. То, что происходит с Беларусью, зависит не от характера белорусов — тут скорее дело в массе исторических причин. Нет, совсем не в ментальности дело, когда говорят, что белорусы вот такие якобы медлительные, сидят там в своих болотах, а потом уже — взрыв: партизанское движение...

Я так не думаю. Просто Европа разделила постсоветский мир на зоны своих интересов. А белорусы выпали из-под этого внимания. Прибалтика, например, была интересна шведам, немцам, так же как и другие. А мы оказались где-то посередине, и по необъявленной договоренности попали в сферу интересов России.

Опять скажу: не думаю, что это связано с нашей ментальностью. Тут дело в исторических закономерностях. В конце концов — в истории.

«Знаю точно: романтизм сегодня преступен»

4 июня 2008

Александр Улитенок, Минск

Сегодня Светлана Алексиевич размышляет о роли элиты.

Алексиевич: Помню, лечу в самолете, и со мной рядом — ученый. Большой, в смысле должности и ранга — начальник из Академии наук. Сначала, пока он меня не узнал, была очень хорошая беседа. И вдруг что-то мелькает в глазах: «Вы кто — Алексиевич?!» Ну, не знаю: если бы можно было выскочить тогда в иллюминатор, то он бы наверняка так и сделал... Побелел, начал оглядываться: кто его видит...

Вот она, наша элита: тут и боязливость в человеческом поведении, в мысли... Тут все как-то вместе.

А с другой стороны вижу молодой романтизм: мы особенные, мы не русские, мы тянемся куда-то выше, в Европу...

Те живут страхом, эти — миром романтизма.

А сильного мозгового центра, элиты настоящей сегодня не имеем. Лучшие могикане умерли уже: нет ни Короткевича, ни Быкова, ни Адамовича, Брыля нет... Но ведь были у нас такие люди!

А теперь, в такое страшное время, мы абсолютно без пастырей. А они нам очень нужны. Ведь мы решаем проблемы XX, а не XXI века.

Пусть даже по разным причинам многих из нас не читают и не слушают (меня, например, как и многих других, выбрасывают из программ, не печатают), однако сегодня такой мир, когда можно и сказать, и напечатать. В таком случае надо не в отчаяние впадать, а спокойно делать свою работу.

Почему? Точно знаю, что те сотни молодых людей, которые выходят на улицу, они не сделают революции. Но нас, наше достоинство — спасают.

Единственное, в чем я абсолютно уверена, это следующее: романтизм сегодня преступен. Элита должна идти к людям, говорить с ними, выезжать на места. Я, кстати, когда возвращаюсь в Минск, очень много путешествую здесь.

Потому что это наш мир, он не похож на другой. Нельзя в минском метро ездить по нью-йоркскому расписанию. У нас своя жизнь. Что совсем не означает, будто здесь возникнет какая-то особенная, белорусская демократия. Она или есть, или ее нет. Но...

Но надо вглядываться в свою жизнь.

«Победить зло окончательно можно только в своей душе»

6 июня 2008

Общественный редактор недели — Светлана Алексиевич.

Алексиевич: Сейчас мы все переживаем период одиночества и растерянности перед новой жизнью, перед новой системой ценностей. Конечно, Библию не переписали, но... Каждое время существует в каких-то своих ответах. Сегодня человеку нужно ответить: что важно, кроме личной жизни?

А мы живем сейчас во времени культа частного. Однако этот вульгарный период скоро пройдет. Вот мы поедем, посмотрим мир и увидим: там люди уже не обращают внимания, как, например, одет человек, что для нас сейчас очень важно. Когда я прилетаю в Минск, первое, что вижу в аэропорту, потом в городе — женщины на высоких каблуках, раскрашенные, очень хорошо одетые, будто сегодня у всех у них какой-то праздник... А во всем мире это уже неинтересно!

В этом смысле пришло время демократизма, дружбы, особенно я это заметила в Швеции — да и везде. Я была в компании с коронованными особами, миллиардерами, так по одежде трудно догадаться о социальном ранге человека: те же джинсы, те же очки — только другой счет в банке.

Все заняты абсолютно другим, если ищут смысл в жизни. Кроме этого минимума в обществе потребления, к которому мы рвемся, чтобы одному иметь, скажем, «Мерседес», другому ящик пива каждый день, есть что-то более значительное.

Действительно, из-под крышки гроба не о том же будет вспоминать покойный, какие у него были туфли или марка автомобиля? Совсем не о том... Один российский миллиардер, который неожиданно заболел и ждал худшего, сказал мне: я все имею, я все испытал, но в последнюю минуту буду вспоминать, как пил вино из туфельки любимой женщины.

Выходит, с собой человек берет то, что — Над. Над материальным.

«Мы вошли в мир без иллюзий»

9 июня 2008

Алексей Знаткевич, Прага

На прошлой неделе общественным редактором нашего радио была писательница Светлана Алексиевич.

Знаткевич: Г-жа Алексиевич, вы говорите, что сегодня человеку нужно ответить: что важно, кроме частной жизни. Что наиболее важно сейчас для вас лично за пределами частного?

Алексиевич: Я думаю, тоже поиски этого смысла. Поскольку мир совершенно изменился. Я понимаю, что Библию не переписали, но все-таки система ценностей поменялась. Такое неожиданное испытание, как испытание материальным — это искушение такое для человека, метафизика частной жизни, которая обрела для человека всеобъемлющий смысл.

Я работаю над новой книгой о том, что с нами произошло за последние двадцать лет на постсоветском пространстве — я уже тридцать лет пишу биографию империи, биографию этого человека, или автобиографию, ведь в моем жанре люди сами рассказывают о себе — поэтому для меня очень важно найти в словах какое-то новое электричество, новый смысл... Потому что мы у себя дома в Беларуси иногда увлекаемся борьбой, поскольку мы оказались в запоздавшем состоянии, не решили еще проблемы политической власти,

проблемы национальной идеи, и баррикадная культура заслоняет от нас массу других вопросов, которые непременно встанут, когда мы решим эти сугубо политические вопросы.

Знаткевич: А эти вопросы можно решать уже теперь, или все-таки есть какие-то базовые политические вопросы, которые сначала надо решить?

Алексиевич: Я как писатель могу ответить на эти вопросы, я не политик. В советской школе нас учили, что человек сам по себе хорош, а обстоятельства делают его плохим. Но это совершенно не так. Если пользоваться религиозным языком, есть некий якобы первородный грех, но в принципе человек вечно болтается между добром и злом. И, как мы поняли — «ударенные» когда-то мировой революцией, или сейчас идеей какого-то патриотизма русского или белорусского — нам кажется, что мы какие-то все особые — русские, белорусы, эстонцы... Это, конечно, такие болезни роста. Победить зло можно только на своей территории — на территории своей души. Но это немало.

Знаткевич: На нашем сайте в интернете посетители довольно активно комментируют ваши мысли, высказывания — я бы в первую очередь хотел процитировать комментарии в чем-то несогласных, чтобы была возможность для дискуссии. Посетитель Михась Мазак пишет:

«Я не могу согласиться с мнением Светланы Алексиевич, что голая диктатура — не основное, на чем держится нынешняя власть. Будто бы есть что-то глубже. Поверьте моим наблюдениям (а я общаюсь с большим количеством разнообразных типажей), именно страх и безысходность домини-

руют в настроениях людей. Они боятся, причем не могут объяснить, чего именно. И это зачастую идет через воспитание в детстве, имеет глубокие корни в предыдущих поколениях белорусов».

Как бы вы прокомментировали такое мнение?

Алексиевич: Я хочу сказать, что так думать — это просто. Это та ловушка баррикадной культуры. Нам кажется, что народ у нас любимый, хороший, и мы все такие хорошие — интеллигенция, или элита. А на самом деле то наследство, которое остается от сильной такой энергетической идеи, такой, как фашизм или социализм, это наследие — человек. Остается человек с психологией жертвы. И он всегда думает, что все происходящее — не следствие его воли, его жизни, его убеждений и неделания. Он думает, что виноват кто-то, что мы не использовали свой исторический шанс, который был десять-пятнадцать лет назад. Во всяком случае, многие вокруг нас его использовали.

Я могу сказать, что обвинить меня в том, что я поддерживаю Лукашенко — смешно, и никто этого не сделает, я надеюсь, но как честный человек я считаю, что дело интеллектуала — додумать вещи до конца. И когда я разговариваю с людьми, додумываю вещи до конца или пытаюсь додумывать, насколько возможно, то могу сказать, что режим Лукашенко не был бы таким длительным, если бы он не устраивал по тем или иным параметрам массу людей.

Все, что происходит на Площади или в умах студенчества, молодых людей, которые во все времена были революционной частью общества, в части «сознательного» белорусского литератур-

ного сообщества — выйдите за кольцевую дорогу Минска, вы увидите людей, которых это вполне устраивает. Вы увидите их на рынках, хотя они и против, но сохраняют какой-то собственный интерес и не идут до конца...

Вот в этом разобраться намного важнее, чем персонифицировать зло и говорить, что оно в одном Лукашенко... Да нет. Эти переходные состояния, промежуточные времена очень сложные. Просто сказать — авторитаризм, диктатура, это упрощает задачу элиты. А на самом деле это очень сложный «пирожок», и мы честно и откровенно с этим не разобрались — ни со своим народом, что он сегодня хочет, как он живет, на что он способен, ни с национальной идеей... У нас много открытых вопросов.

Знаткевич: Довольно активно посетители сайта отреагировали на ваше высказывание, что Александр Лукашенко сумел продолжить социализм — заключил с населением социальный контракт. И теперь по сравнению с Россией у нас действительно защищен студент, защищен бедный человек, старый человек. Посетитель под именем «Антыкамунар» пишет — *«Интересное мнение, однако 2-жа Алексиевич искренне ошибается: ни студент, ни пенсионер, и никто они (кроме властной группировки) не защищены!»*.

Алексиевич: Для новой книги, «Время second-hand», я ездила по Украине, Прибалтике и очень много по России, и по Беларуси тоже. Могу с абсолютной ответственностью сказать, что в России жизнь более жесткая. Там действительно такой дикий капитализм, абсолютно наглый, с которым

власть пытается как-то сладить, но это уже практически невозможно.

Я не говорю, что мы хорошо живем, но говорю о том, что это переходное время Лукашенко «смикшировал», за счет России, дешевых цен, теневой экономики — я не политик, не знаю — но он действительно, думая о власти, смикшировал это для населения, и пока что ему удавалось это удерживать. Другое дело, что нельзя удерживать время, законы общественного развития — придется все продавать, все делить, и будут богатые и бедные, и народно-демократический социализм, о котором мы мечтали, когда задумывался проект похорон социализма, этой Атлантиды, он нигде не состоялся. В принципе, сейчас везде такой номенклатурный капитализм.

Знаткевич: Но много говорят, что такой номенклатурный капитализм уже в последние несколько лет в Беларуси образовался, и Беларусь движется в российском направлении, и что социальные гарантии начала 2000-х годов исчезают...

Алексиевич: Я тоже об этом говорила, что власть сейчас приперта к стенке, поскольку и Россия ее теперь не будет содержать, уже нет Ельцина с его партийными еще замашками, сейчас всем управляют деньги, доллар — мы вступили в мир без иллюзий, и тут я даже не спорю.

Звонок: *«Меня удивила общественный редактор Свободы Алексиевич своим комплиментом Путину. Если бы она съездила в Смоленскую область на неделю, она бы увидела и чудовищную коррупцию, и то, что Смоленск — город-банкрот,*

что из области бегут люди. А поскольку лобби у Смоленской области в Москве нет, то деньги из Москвы идут, например, Кадырову. И в этом плане я согласен с Литвиненко, что честным людям в России места нет, и что Путин сделал Россию “конченой” страной».

Знаткевич: Вот такое мнение одного из наших слушателей. Как бы вы его прокомментировали?

Алексиевич: Я не знаю, где у меня есть комплимент Путину и власти. Я отношусь к тем пишущим людям, которые никогда не могут быть заодно с властью, это вообще традиция нашей интеллигенции. Я не знаю, где человек у меня это вычитал. Иногда люди спорят не с другим человеком, а с какой-то идеей, которая у них в голове. Нет, я думаю, что то, что происходит в России — это, конечно, энергичнее, интенсивнее, скорее, чем у нас, но я никогда не сказала, что это то, чего я или люди, которых я любила в 1980–90-е годы, хотели. Не знаю, откуда человек это взял.

Знаткевич: Может быть, он комментирует ваши слова о том, что режим Ельцина разрушал Россию, а пришел Путин и сумел остановить какие-то олигархические процессы, но многие считают, что те же капиталы перешли в другие руки, а разница между богатыми и бедными не исчезла, и Россия по-прежнему олигархическая, разве что у олигархов поменялись имена...

Алексиевич: Я не знаю, когда я это говорила. Я говорила другое, что Путин встал перед вопросом: или Россия разрушается, или ее надо как-то собрать. Он собрал ее методами, которые он знал,

методами, скажем, командно-военными. Меня, возможно, поняли как-то упрощенно.

Знаткевич: Когда-то в журнале АРСНЕ вы, отвечая на вопрос о будущем белорусского языка, высказались довольно пессимистично, или кто-то скажет — «реалистично», и среди прочего сказали: «Мы потерпели поражение». Если бы это был вопрос о демократии в Беларуси, эта фраза была бы понятна, но почему мы в этом контексте? Насколько я понимаю, белорусский язык не является чем-то, за что вы боролись, какой-то ценностью сам по себе, или я ошибаюсь тут?

Алексиевич: Дело в том, что когда я говорю «мы потерпели катастрофу», я говорю о наших демократических представлениях, наших идеалах, о которых мы думали, сидя на кухнях и красиво представляя, когда и как мы будем свободными, и думали, что все дело в коммунизме, а оказалось, что все дело в человеке. Я говорила об этом, я никогда не говорила о языке.

Знаткевич: Но вопрос был конкретный о перспективах именно языка — и вы говорили, что мы потерпели поражение в вопросе языка.

Алексиевич: Проблема языка всегда достаточно деликатна для меня, поскольку что я не пишу на белорусском языке, меня часто в этом упрекают, потому что так сложилась моя жизнь, что я не знаю белорусский язык хорошо. У моей подруги, писательницы Марии Войтешонок — у нее была тетя, у которой она выросла, и у нее прекраснейший белорусский язык, на котором мало кто у нас пишет... У меня в семье всегда говорили по-русски, и поэтому я эту проблему всегда обхожу, чтобы не

задевать чьи-то чувства, потому что для кого-то это болезненно. Недавно мы говорили с Геннадием Буравкиным, и он сказал, что, Света, вы должны простить многих людей, которые вас часто обвиняют, потому что нам очень больно...

Когда-то мне и Быков это говорил. Я никого не обвиняю, но я устала, когда мне двадцать лет говорят: почему вы не говорите на белорусском языке, не пишете. И вот то, чем я занимаюсь — идея у меня написать семь книг, я написала четыре, — это автобиография Утопии, а советская идея говорила на русском языке. Я об этом пишу, а не о русской или белорусской истории. Меня интересует именно типаж советского человека. Поэтому когда меня пытаются загнать в угол и говорить о языке, то меня или тогда не понял корреспондент, или вы не поняли... Я в эти вопросы никогда не вхожу, это не то пространство, где я чувствую себя свободно и беспристрастно.

Знаткевич: Вы много пишете и говорите о «красном человеке», человеке советском — насколько вы считаете советским человеком себя лично, или вы за советским человеком наблюдаете все же со стороны?

Алексиевич: Знаете, я думаю, что советский человек даже вы, хотя я подозреваю, что вам около тридцати лет. Я так и тем более, поскольку мне гораздо больше лет. Я прошла со своими героями весь путь, я никогда от них не отказывалась. Это я написала «У войны не женское лицо» и испытывала романтизм веры, который пережило то поколение, когда идея была молодая, сильная... Когда-то я встретила с Окуджавой, и он гово-

рил, как он молодой уходил на фронт, а его тетя грустно посмотрела на него и говорит: «Два фашизма сражаются», а он сказал — «Я не понял, о чем она говорит». Я тоже не понимала.

Но когда я поехала в Афганистан и мы с вертолетчиками поднялись над землей, и там вижу — что-то блестит, и мне говорят — там лежит несколько сотен цинковых гробов... Когда я увидела бессмысленность этих смертей, этой идеи мировой революции, я приехала оттуда свободным человеком.

То есть я думаю, что я иду вместе со своими героями. Я ими восхищаюсь, где-то не понимаю, где-то их пугаюсь, но единственное, что я могу абсолютно откровенно сказать, что мне очень жалко мифа о хорошем, прекрасном человеке, в который мы тогда верили. Возможно, его не было, но мне нравились те люди. Нравилось военное поколение, хотя их можно сегодня обвинить, что они молчали и что ГУЛАГ — это было именно с ними...

Когда-то, двадцать лет назад, мы высокомерно думали, что они виновны. Но извините, мы сегодня точно так же молчим... Я знаю массу умных людей, которые мне говорят одно, а сами на работе делают совершенно другое. То есть опасность авторитарной власти в том, что все становятся как бы соучастниками. Я знаю, что когда я приезжаю в какую-то страну, то меня может приглашать любое посольство, испанский король, но никогда не пригласит белорусское посольство. Понимаете? А потом тихонько они могут прийти на спектакль по моей книге, что-то шепнуть, и то далеко не

все... К сожалению, мы все поневоле становимся соучастниками того, что происходит.

Знаткевич: А какие советские черты, позитивные и негативные, есть у вас?

Алексиевич: Я знаю, что то, на чем вы меня подловили — слово «мы» — это плохо. Человек все же отдельное существо, а сегодня уже точно нету хора, хор распался, может быть, здесь, у нас, в Беларуси есть какой-то такой общий хор борьбы, но в принципе частная жизнь отрицает хор. Каждый уходит в себя. Думаю, от этого мне надо освободиться, от желания все обобщить и сделать типажом.

Человек сегодня хочет и кричит каждый сам себе. Проповедников немного, да они никому и не нужны — ни праведники, ни проповедники сегодня не нужны. Каждый кричит что-то свое, замкнулся в своем пространстве. У нас в Беларуси мы еще пока на баррикаде, но чуть начнет разделяться жизнь, это будет очень жестокое испытание. Тогда мне нравилось, что было что-то выше меня. В то же время я понимаю, что нет ничего выше человеческой жизни. Но когда человек просто комфортное животное, это тоже как-то не очень красиво...

Знаткевич: Но современная молодежь находит также много идей, которые не соответствуют этому индивидуализму — те же «молодофронтовцы», которые достаточно радикально пытаются предлагать христианскую идеологию...

Алексиевич: Я говорю, что мы живем в промежуточное время, мы пока заняты баррикадной культурой, мы ее пленники, и у нас много общего,

но это — промежуточный период. Потом мы вырвемся в мир потребления, ведь вопрос смысла жизни стоит везде. Я восемь лет прожила за границей и могу сказать, что нигде нет ответов. Все в ловушке этого потребления, этой метафизики частной жизни, которая заводит человека в тупик. Другого варианта на сегодня, к сожалению, нету. Сегодня смысл нашей жизни спасен тем, что мы боремся, это придает смысл нашей жизни. Но дальше проблемы будут гораздо более сложные и жесткие, и наша культура будет к ним гораздо меньше подготовлена, поскольку мы — люди «культуры борьбы».

«Я нигде не вижу Лукашенко, повсюду торчит Сталин»

28 июля 2008

Юрий Дракохруст, Прага

Останется ли Беларусь авторитарным государством? Изменится ли ее нынешний советский антураж? Над этими темами в «Пражском акценте» размышляют писательница Светлана Алексиевич, шеф-редактор газеты «Наша Ніва» Андрей Дынько и публицист Александр Федута.

Дракохруст: Что из наследия Александра Лукашенко сохранится в жизни Беларуси после его ухода? Сейчас такая постановка вопроса кажется неуместной, признаков того, что уход произойдет скоро, пока немного. Но такой вопрос — способ поразмышлять о том, что в нашей сегодняшней жизни — текущее, временное, обусловленное особенностями нынешнего руководителя страны, а что — больше, прочное, долгосрочное.

Иногда мечты и даже рассуждения о том, «что будет, если...», сводятся к надежде, что годы правления Лукашенко после его ухода развеются, как дурной сон, и белорусы проснутся в июне 1994 года. Однако, наблюдая за последствиями самых значительных «цветных» революций последних лет, часто приходишь к выводу, как мало там, по сути, изменилось, и что матрица, заданная авторитарными правителями, осталась незыблемой.

Давайте попробуем спрогнозировать, что же из сегодняшнего наследия останется в будущем. На-

чем с демократии. Сейчас ее нет. А будет? Разве опыт правления Лукашенко не будет искушением для его преемников, даже если они будут выходцами из самой демократичной оппозиции? Они ведь будут знать, что можно и так.

А с другой стороны — не получится ли так, что придет настоящая демократия, а через некоторое время народ скажет: «При Лукашенко был порядок, а теперь — бардак»? Александр Федута, вам первому вопрос.

Федута: Сохранится, на мой взгляд. И у меня есть два основания так считать. Во-первых, провести экономические и политические реформы можно, на мой взгляд, только используя авторитарные механизмы власти. И именно для того, чтобы демократия установилась быстро, новая власть должна будет действовать так же авторитарно, как Лукашенко.

А во-вторых, сегодняшние лукашенковские оппоненты имеют тот же самый политический опыт, что и он. Они не являются, собственно говоря, демократами: посмотрите, что сейчас происходит в партии БНФ, посмотрите, как ведут себя представители Объединенных демократических сил, когда речь идет о попытке обсудить их позицию и их поступки, и вы увидите, что это — то зеркало, в которое смотрится Лукашенко.

Дракохруст: Андрей Дынько, согласны ли вы с прогнозом Александра?

Дынько: Мне кажется, что вопрос, какой будет политическая система после Лукашенко, остается открытым. Чем дольше Лукашенко будет держать власть в стране, тем меньше шансов, что заложен-

ная им система сохранится после его ухода. Такие системы «заточены» под одного человека. И, как показывает опыт, они не сохраняются после ухода этого человека.

Надо обратить внимание, что нынешняя система, помимо прочего, еще и дисфункциональна. Например, мы имеем парламент, который не выполняет роль парламента, он выполняет роль только легитимации решений, принимаемых исполнительной властью, и не более того. Говорить о полной стабильности этой системы не приходится, хотя слова Яна Максимюка о том, что Лукашенко заложил элементы государственности, которые его переживут, — в этом есть смысл. Ну, скажем, он создал нормальную таможенную систему, пограничную службу, налоговую службу, ясно, что они сохранятся (Таможенный и пограничный госкомитеты были созданы в 1992–1993 гг. — РС). А вот, скажем, комитет государственного контроля — у меня есть сомнение.

Дракохруст: Светлана, Андрей подошел к вопросу технологически, разбирая судьбу государственной системы по определенным институтам. Ну, а если посмотреть в целом, качественно: система, которая будет после Лукашенко, будет приближена к той системе, которая существует, скажем, в Польше или Литве, или это будет лишь какая-то модификация того, что есть и сейчас?

Алексиевич: Я думаю, нужно разделять, что сделал Лукашенко, а что сделало время. Таможня, пограничная служба — создание этого продиктовало время, это делают и соседи. Это не его дело.

Что же сделал сам Лукашенко? Я посмею сказать, что он ничего нового не сделал, это продолжение того, что у нас было. Это генеральный секретарь, только называется сегодня президент, с теми же полномочиями и властью, разве что с неповиновением Москве. А в остальном — это сталинская организация. Я нигде не вижу Лукашенко, повсюду торчит Сталин.

Мы говорим, что Сталин ушел. А кто после него остался, кто остался даже после «оттепели», после хрущевского бунта номенклатуры, униженной Сталиным? Остался сталинский человек.

Лукашенко сумел доказать, что у социализма остался ресурс, что он не был выработан, что, кстати, говорит в пользу Горбачева, его масштаба. Лукашенко косвенно доказал, что если бы у нас были более умные руководители, то развитие могло бы пойти другим путем, путем народного государства, народного капитализма, а не номенклатурного и не скрытого, как у нас сейчас. Это был бы путь с ориентацией на маленького человека.

Я не сторонница Лукашенко, но он, к сожалению, нравится большей части моего народа. Этот советский человек остается, и Лукашенко — это его зеркало.

Единственное, что останется после Лукашенко и с чем придется считаться любому его преемнику, — это то, что государство должно быть народным. Оно не стало народным, каким могло бы быть, но определенный социальный контракт с населением был и до последнего времени выдерживался. Во всяком случае, это декларировалось.

Я думаю, что он войдет в историю как неоднозначная фигура, если он вовремя и без крови уйдет.

Дракохруст: Светлана Алексиевич уже сказала о советскости, о советскости структурной, содержательной. А я хочу поговорить о советскости внешней, так как это тоже немаловажный фактор.

Белорусский режим, возможно, и не самый репрессивный на просторах бывшего СССР, но уж точно — самый советский, хотя бы по антуражу. И обращение «товарищи», которое звучит из уст главы государства, и архитектура, и смена бело-красно-белого флага на подновленный советский, и перенос Дня независимости на 3 июля — день освобождения Минска от нацистов — все призвано создавать впечатление, что Беларусь продолжает жить в СССР. Такой концентрации советскости нет не то что в Киеве или Вильнюсе, но даже в Ашхабаде или Ташкенте.

А после Лукашенко — останется это или нет? Может, дело не только в том, что нынешний президент — своеобразный романтик советскости, а в его уверенности, что это в идеологическом смысле работает, а что-то другое работать не будет? Может, в этом придется довольно быстро убедиться и его преемникам, кем бы они ни были?

Дынько: Светлана Алексиевич очень мудро предложила разделить то, что сделал Лукашенко, и то, что продиктовало время. В такой закрытой, изолированной системе, как нынешняя Беларусь, мы иногда склонны все сводить к действиям одного человека или хотя бы какой-то закулисной группы, которая осуществляет власть. На самом деле общество зависит от воли и деятельности

миллионов людей, каждый из которых по-своему влияет на ход истории, каждый из которых — творец своей нации, своего государства и его будущего.

Лукашенковцы тщательно лепят из своего вождя образ белорусского Ататюрка, даже кличку ему выбрали аналогичную: Ата-Тюрк по-турецки означает «отец турок». Туркменбаши, кстати, тоже «отец» — «глава туркмен»...

Лукашенковцы видят в нынешней системе зародыш вечного двигателя, который сможет сохраниться. Но они при этом делают одну большую ошибку. Почему наследие Ататюрка оказалось так долговечно, почему он почитается в своей стране? Потому что он железной рукой вел свою страну в будущее, модернизировал, европеизировал ее.

Из наследия Лукашенко сохранится то, что было ориентировано в будущее, что предвидело будущее. А все, что было ориентировано на прошлое, отживет. Это закон истории.

В этом смысле — насчет советского наследия. Лукашенко навязывает это советское наследие, он силой загоняет общество в советскую «кожу». Мне кажется, что все это осыплется и лопнет, как только белорусское общество перерастет себя.

Дракохруст: Светлана Алексиевич, вот Андрей сказал, что, на его взгляд, Лукашенко «навязывает советское наследие белорусскому обществу». А оно что — сопротивляется этому как чему-то абсолютно ему чужому?

Алексиевич: Я не могу, к сожалению, разделить романтизм Андрея. Я на днях зашла в магазин в своем районе. Это центр города, довольно состоя-

тельный район. И увидела женщину (она учительница, мы когда-то с ней разговаривали), которая покупает полдюжину яиц и грамм 200 самой дешевой колбасы. И я чувствую, что мне стыдно рядом с ней покупать что-то лучшее...

Я абсолютно советский человек, с советскими комплексами, и я горжусь этими комплексами. И не собираюсь танцевать перед либеральными ценностями, где маленький человек не ставится ни во что. Хотя я — завзятая либералка. Но мне не нравится, что маленький человек выброшен из этой повозки, которая скачет непонятно куда. Ориентира нет.

Ориентир есть у интеллигенции, у молодого поколения, как Андрей говорит. Но мы, к сожалению — городские сумасшедшие в собственном обществе, мы маргиналы, изгой. У меня есть дом в деревне. Так вот, все, о чем мы говорим, абсолютно непонятно и не нужно моему соседу Петру Сильвестровичу, который живет там рядом со мной.

На чем держится Лукашенко, на чем держится советскость? Не он ее декларирует, он просто понял, что это его единственный шанс удержаться.

Я помню, как в первые месяцы своего правления он хотел пригласить Явлинского. Это был другой Лукашенко. Но как настоящее «политическое животное» он унюхал, что народ же другой. Тут о демократии знает только пара интеллигентов, да и то им только кажется, что они это знают.

А что касается завтрашнего дня, то очевидно, что общество будет расслаиваться, будет все продаваться, пойдем путем России, будут бедные и богатые. И вот нынешние колхозы — это миллионы

бедных людей, они будут держаться за советское. Убыточные заводы, миллионы людей, выброшенных с работы — они тоже будут держаться за советское.

В наших романтических грезах нам кажется, что это Лукашенко несет за все это ответственность. А вы думаете, что империя, имевшая такую мощную философию, пролившая столько крови, так просто уйдет?

Дракохруст: Александр Федута, а чей романтизм вам ближе — Андрея или Светланы?

Федута: Ну, я вообще пессимист, вы знаете. Поэтому мне ближе пессимистичный романтизм г-жи Алексиевич. И чтобы подтвердить то, что она говорила, я напому рассказ бывшего руководителя президентской администрации Леонида Сеницына о том, как Лукашенко выбирал экономическую модель страны. Он тогда спросил вице-премьера Линга, знает ли тот, что такое рынок. «Нет», — ответил Линг. Он спросил почти половину правительства, а правительство уже имело какой-то рыночный опыт. Но после того как даже премьер Чигирь сказал, что, честно говоря, не знает, что такое рынок, Лукашенко сказал Сеницыну: «Вот так. Будем строить то, что знаем. Знаем социализм».

И то, что эта выбранная модель оказалась более приспособлена к жизни, чем все мы думали и ждали, на самом деле подтверждает правильность того, о чем говорит Алексиевич.

Дело действительно не в Лукашенко, дело в том, что в каждом белорусе живет Лукашенко. В нем есть и советское, и белорусское. И эта взрывчатая

смесь и служит определенным основанием для того, чтобы полагать, что Лукашенко не уйдет как фигура идеологическая. Он уйдет только как глава государства. Но он останется в сердцах людей. Сегодня старшее поколение испытывает ностальгию по Сталину, а те, кто станет старшим поколением завтра, будут ностальгировать по Лукашенко.

Дынько: В словах Светланы Алексиевич меня больше всего зацепила ее непоколебимая вера в то, что ничто в этом мире не меняется. Такая экклезиастичная вера. Я исхожу из другого, из того, что все меняется, ничто не стоит на месте. Говорить, что белорусы всегда останутся советскими, потому что они советскими были и есть, это значит отказывать людям во всяком влиянии на общественные процессы. Белорусы не останутся советскими, потому что я этого не хочу, потому что я действую против этого. И таких, как я — тысячи. И деятельность этих тысяч людей принесет свои плоды.

Светлана говорит, что маленький человек ни во что не ставится в либеральном мире, называет нас, белорусских интеллектуалов, «городскими сумасшедшими». Мы не сумасшедшие, мы врачи. Роль интеллектуалов в такой ситуации, как сегодня, как раз в том, чтобы быть врачами.

Что же касается маленького человека, то он как раз в либеральном мире, в либеральных демократиях защищен. Почему люди чувствуют себя счастливыми в Дании, в Германии, но чувствуют себя несчастными в Беларуси (о чем свидетельствуют социологические исследования)? Не в последнюю очередь — из-за чувства незащищен-

ности, которое царит у нас, из-за отсутствия безопасности маленького человека, как называет его Светлана, или простого человека, как называют его лукашенковцы.

То, что ему в Беларуси хорошо — это один из величайших лукашенковских мифов, к нему и надо относиться как к мифу. Давайте посмотрим на объективные реалии современной Беларуси. Беларусь вышла на первую позицию в мире по числу самоубийств на душу населения. По количеству убийств на 100 тысяч населения Беларусь в 8 раз превышает уровень Евросоюза. Лукашенко сам признал, что за последние 5 лет уровень преступности в Беларуси вырос на 70%. Мы наблюдаем дикую деградацию человеческого потенциала.

Светлана говорит, что спивались в Беларуси всегда, спивались и при советах, и при царе. Но любой человек, который наблюдал за белорусским селом 50 или 30 лет, скажет, что на селе произошли в этом смысле кардинальные перемены. Я молодой человек, но даже в годы моего детства в деревне пили намного меньше, а женщины не пили вообще. На самом деле, лукашенковская система виновата в том, что происходит эта деградация человеческого потенциала.

Почему? Потому что люди не видят жизненной перспективы. На них тоже не возложена ответственность, люди лишены собственности, люди включены в систему экономических отношений, в которых от них мало что зависит. Наконец, одним из элементов системы, которую мы имеем сегодня в Беларуси, является культ силы, который

тоже причиняет травмы, вызывает комплексы и уничтожает социальный капитал.

То, что нам останется после Лукашенко — это деградировавший социальный капитал. Вот с этим Беларусь будет иметь большие проблемы. Потому что легче отстроить пришедшую в упадок инфраструктуру, легче перестроить экономическую систему, но гораздо труднее перевоспитать тех людей, которые приучились красть, потому что «все вокруг колхозное, все вокруг мое», которые приучились пить, потому что нечего делать, которые приучились добиваться своего кулаком. Вот с этим придется жить долгие годы.

Дракохруст: Вот по поводу того, что говорил Андрей о деградации социального, человеческого капитала. Александр, вы, насколько я знаю, некоторое время занимались политической работой в Украине. Можете ли вы сравнить эти процессы там и в Беларуси?

Федута: Украинцы деградировали в значительно меньшей степени. И это очень болезненно ощущается мной. Есть такой показатель — отношение к успеху другого человека. Зависть в Украине почти отсутствует, особенно среди молодежи. Молодежь смотрит на успешного человека и говорит сама себе — мы тоже будем такими. Мы будем работать, и мы что-то получим. Ну, не будет у меня той империи, которую имеет Ринат Ахметов, но у меня будет маленькая типография, маленькая парикмахерская или что-то другое. Молодежь к этому стремится.

У нас такое невозможно. Невозможно для всех, кроме очень немногочисленной части молодежи,

для которой родители создали условия. А другие не могут получить хорошую работу, не могут получить стартовый капитал, чтобы начать собственное дело. И вот это ощущение безысходности, ощущение отсутствия перспектив — это то, что оставляет Лукашенко. Это чувствуется именно сейчас, когда началась настоящая приватизация и выяснилось, что собственных белорусских приватизаторов нету, нет тех людей, которые могли бы легально приобрести собственность, которая принадлежит белорусскому государству, и стать ее хозяевами.

Когда-то Василий Леонов сказал мне — самое ужасное даже не то, что нет богатых людей в Беларуси, а то, что те богатые, которые будут, не будут чувствовать себя белорусами, они будут пришлыми, нездешними. И для них белорусы останутся туземцами, нацией работников и не более того.

На самом деле, я хочу сказать комплимент вам, Юрий. Вы в качестве сегодняшних собеседников выбрали представителей трех разных поколений утопистов. У каждого из нас в голове своя утопия — и у г-жи Алексиевич, и у меня, и у г-на Дынько. Эти утопии отличаются тем опытом, который имеет поколение каждого из нас. То, что мы обсуждаем сегодня — это крах двух утопий, г-жи Алексиевич и моей собственной, и единственный из нас, у кого есть некоторый оптимизм, хотя это и утопический оптимизм, — это г-н Дынько. И слава богу, если он, а не мы, будет прав.

Алексиевич: Андрей сказал: «Следов Лукашенко не будет, потому что я этого не хочу». До-

рогой Андрей, я тоже этого не хочу, но я более трезво себе все представляю. Прав Федута, у меня действительно уже нет того биологического оптимизма, которым вы еще полны. Мне ближе то, что говорил Бродский — Солженицын думает, что все дело в коммунизме, а дело в человеке.

Мы и без Лукашенко опаздываем с формированием нации, мы еще не вышли из стадии народа. Я думаю, что наши молодые люди, у которых есть шанс спасти честь нации, они тоже идеалисты. Они в очередной раз упрощают проблемы. Не надейтесь на революцию. Будет медленная, ползучая эволюция. А сравнивать нас с Данией — это вообще смешно. В лучшем случае с Россией можно сравнивать. На Западе демократический механизм оттачивался веками, не надо даже смотреть туда. Это как роды у женщины — нельзя проскочить определенные этапы.

Ни одно поколение утопистов, о которых говорил Александр, не может сегодня сказать: «Я знаю, как оно будет». Да ничего мы не знаем. Вот рвануло 4 июля (взрыв в Минске на праздновании официального Дня независимости. — РС). И никто не знает, что это такое — то ли какие-то игры, то ли безумие одиночки. Мы даже не представляем себе, что нас ждет впереди, мы просто не готовы к этому. Народ за окном живет по своим законам, бизнес — по своим, власть — по своим, а мы, интеллигенты — по своим. И утопизм в таких условиях — это уже преступно.

«Всё против нас»

21 ноября 2008

Анна Соусь, Прага

Гостьей «Ночной Свободы» была писательница Светлана Алексиевич. Она ответила на вопросы Свободы, слушателей и посетителей сайта нашего радио.

Соусь: Светлана, мы предложили посетителям нашего сайта задать вам вопросы через сайт svaboda.org. В начале беседы я хотела попросить вас рассказать слушателям Свободы, где вы сейчас живете в Германии и над чем работаете?

Алексиевич: Я сейчас живу в Берлине. Наверняка, много людей знают этот город и бывали там. Сейчас наши люди очень много ездят и любят этот город. Но я его практически не вижу, потому что кончаю сейчас новую книгу, которая называется «Время second-hand. Конец красного человека». Книга о последних двадцати годах нашей жизни, что с нами было, во что верили, к чему пришли, поражение ли это, или катастрофа, или свобода... Ответы, как всегда в моем жанре, дают сотни голосов, сотни людей разных по возрасту, по уровню восприятия, по эмоции — все мы пытаемся понять, что это такое.

Соусь: Знаете, как только я услышала слово second-hand, сразу хочу задать вопрос **Александра из Могилева:** «Сколько, по вашему мнению, должно пройти времени, чтобы белорусский народ насы-

тился поддержанными машинами, бытовой техникой и так далее и перешел к завоеванию таких ценностей, как свободные демократические выборы и право частной собственности на землю?»

Алексиевич: Это очень точный вопрос. Как раз сегодня я работала над исповедью старого коммуниста, и у него это приблизительно так звучало: «Да, у нас была мечта. Пусть это кончилось морем крови — этот наш идеализм. Мы были не преступниками, мы были идеалистами. А что у вас сейчас? Горшок щей? Что это такое? Победила Ее Величество колбаса? Хорошая жратва? Получается, что человеку больше ничего не надо?» Действительно, потребительский мир, цивилизация потребления — это очень сильное впечатление и очень сильное испытание и искушение для людей, которые никогда не были сытыми. Это слишком человеческая жизнь, она комфортна, кажется, что в этом может быть цель, но это и очередной великий обман. Здесь, в Европе, люди уже это понимают и пытаются за что-то ухватиться. Вот сегодня ко мне приходил ремонтировать компьютер достаточно простой человек. Он сказал, что в выходные дни он с друзьями — у них какой-то маленький клуб — они собирают помощь для голодающих детей Африки.

Человек пытается за что-то уцепиться. Вот этого у нас сейчас нету, каждый отдельно живет. И даже люди, которые борются во имя белорусской идеи, молодые люди, которых я очень уважаю и восхищена ими, я вижу их разочарование, потому что они одиноки среди своих товарищей, их немного. Когда что-то поменяется, я не знаю, я не

Глоба. Но я думаю, я убеждена, что революции, к сожалению, не будет. Прошло это время, мы упустили этот шанс. Остается ползучая эволюция, но очень медленная. Всё против нас.

Соусь: И в продолжение нашей беседы, в Лондоне сегодня завершился белорусский инвестиционный форум, и вчера в эфире «Ночной Свободы» секретарь Объединения белорусов Великобритании Сергей Петкевич сказал, что пиар-менеджер Тимоти Белл свой инвестиционный форум провел в Беларуси. Если бы вам предложили, как лорду Беллу, улучшить имидж Беларуси в мире, что бы вы в первую очередь сделали?

Алексиевич: Прежде всего я бы сделала то, что нам давно пора делать. Хотя меня не очень любят на Радио Свобода за эти мысли, я считаю, что мы опоздавшая нация. Мы сегодня решаем проблемы прошлого века. Чтобы догнать время, надо делать не ту реформу образования, которую делает наша власть, президент Лукашенко, как ее называют сами учителя — «реформу сантехников». Всё — для образования, это главное, где мы можем нагнать время: дать деньги, возможности, свободу, инициативу учителю и нашим ученым. Вот где наш исторический шанс. Но ведь эти вопросы тянут за собой проблему свободы, демократии. А видите, как она скукоживается, и не только у нас, а во всем мире — и в России, и в Европе находится масса поклонников ужесточения. На свободу идет сегодня наступление — от страха, от массового бескультурья.

Соусь: В эти дни в столице Германии проходит премьера фильма «Неизвестная женщина из Бер-

лина». По словам критиков, это новый взгляд на освободителей и на тех, кого освобождали. Впечатлениями от фильма делится эксперт в области СМИ **Эдит Шпильхаген**, которая шесть лет работала в образовательном центре ИВВ в Минске, вела проекты, посвященные в том числе и истории Второй мировой войны:

«Я с большим интересом посмотрела фильм “Неизвестная женщина из Берлина”, посвященный последним дням войны. Фильм о том, как немецкая женщина приходит к советскому майору, который служит в комендатуре в Берлине, и рассказывает, что советские солдаты изнасиловали ее, а также других женщин. Однако фильм ставит более широкие вопросы. Что искали немцы в СССР во время Второй мировой войны? Почему они шли в эту страну? Фильм дает ответ: реакция молодых советских солдат была довольно логичной, когда они пришли в Берлин и вспомнили, что делали фашисты с их семьями. Фильм получился очень гуманистический и, полагаю, будет воспринят не только немцами. Основная задача его в том, чтобы война больше никогда не повторилась».

Соусь: Светлана, если бы вы сейчас взялись за документальную прозу о Второй мировой войне, каких бы героев выбрали? Каким бы был нынешний взгляд на ту войну? Изменился ли он со времен написания книги «У войны не женское лицо»?

Алексиевич: Два года назад я сделала новую редакцию этой книги, восстановила то, что выбросила цензура, то, что выбросила я сама (я тоже была человеком своего времени). И многие мои героини, уходя, оставляли мне свои письма,

воспоминания. Время работало на правду, и они были откровеннее. Но вот тема любви, секса была наиболее табуированной. Это единственная тема, на которую я не могла разговорить своих героинь. А еще лет десять назад мы с немецким режиссером Хельке Зандер делали фильм «Освободители и освобожденные» на тему прихода советской армии и обращения с немецкими женщинами. Я выбрала тогда наиболее интересных, как мне казалось, свободно мыслящих своих героинь и хотела, чтобы они рассказали ей то, что они рассказали мне. Помню, как мы были у Валентины Чудаевой, командира зенитного орудия, она сделала пельмени, накрыла стол. И Хельке задает ей вопросы: «Ну скажите, ну как могли ваши мужчины?» Ну, я понимаю, но можно ли остановить человека на войне? И сколько человека в человеке? Ну, наши женщины держались намертво, говорили: «Нет, был Сталина приказ, это строго наказывалось...» И кончилось тем, что Хельке упала на стол и заплакала и даже закричала: «Я пришла к вам как сестра. Я хотела с вами поговорить о мире мужчин, который навязывает нам свои законы. Через пятьдесят лет надо говорить уже о безумии, а не о победе». Но женщины молчали. Все это я добавила в книгу. И думаю, что сегодня я бы пошла больше в сторону каких-то экзистенциальных вещей, разрабатывая тему войны-безумия. Но женская психика такова, что она и в то время нащупала какие-то такие материи чувств, которые все-таки выдержали испытание временем. Но я очень люблю эту книгу и не думаю, что сегодня я бы в ней многое поменяла.

Соусь: Вопросы Светлане Алексиевич задают и слушатели Свободы через наш телефон-автоответчик.

Антон из Минска: *Уважаемая Светлана, а что бы вы сделали с родителями-пьяницами? И помогут ли тут трудовые лагеря, как это предлагает сделать Лукашенко?*

Соусь: А я добавлю, что вчера Александр Лукашенко заявил, что необходимо создать в каждой области трудовые лагеря для нерадивых родителей, которые не хотят выплачивать государству расходы на содержание детей. Г-жа Светлана, как бы вы ответили на этот вопрос?

Алексиевич: Я могу только ужаснуться всему этому, потому что слово «лагерь»... Моя бабушка, украинка (у меня мать украинка, отец белорус), когда мы говорили о 1937 годе, очень хорошо сказала: «Этот мешок нужно только развязать, и тогда его уже не завяжешь, дух назад не загонишь». Я думаю, что это очень страшно и логично для авторитарной власти — прийти к какой-то модификации лагерей. Мы все дальше удаляемся даже от попытки гражданского общества. Чернобыльских детей уже не пускают за границу, гражданские инициативы все отвергнуты кондовой рукой государства. И вообще, лучше бы, чтобы западные люди давали деньги, а оно уже решало бы, что с ними делать: лагеря для пьяниц строить или еще что-то. Это говорит только о беспомощности власти. Конечно, власть ругать — вы только этим и занимаетесь на Радыё Свабода, и я этим занимаюсь, и вообще наша элита — но все это в каких-то оппозиционных местах. Но ведь мы в жизни

бессильны, мы нигде не говорим, мы все молчим, какие-то единицы говорят, ну я могу что-то сказать... Но народ-то молчит! Интеллигенция молчит. И мы слушаем самое примитивное представление о том, как должна быть устроена правильная жизнь. Оказывается, нам нужны лагеря... Лично я испытываю чувство поражения как интеллигент.

Соусь: Светлана, вас выдвигали на Нобелевскую премию в области литературы. Насколько вы серьезно относитесь к этому? Можно ли считать премию — любую, и Нобелевская в том числе — настоящей оценкой писателю?

Алексиевич: Это не совсем корректный вопрос, он был бы уместнее для спортсменов. Для писателя это не совсем хорошо — сказать: да я возьму эту премию. Знаете, мне просто интересно жить, мне просто интересно думать, мне интересно вглядываться в жизнь, анализировать — я достаточно счастливый человек. Да, у меня там около семнадцати больших премий, которые вручали и президенты — той же Германии Роман Херцог. Ну, это радостное событие, конечно, но я об этом серьезно не думаю, а потом там такие великие тени... Нет, это странный вопрос,

Соусь: И теперь вопрос от гостя сайта Тамары из Минска: *«Уважаю и восхищаюсь вами и вашими работами. Как быстро белорус победит свой страх и равнодушие? Очень чисто на улицах. Но говорят, что много убирает тот, у кого очень грязно и неудобно на душе. Так сказать, компенсация. Это так?»*

Алексиевич: Я не совсем уверена, что это так. Я люблю красивые вещи. И когда ко мне домой за-

ходят, все немножко удивлены. Там нет рюшечек или чего-то. Но я люблю красивые вещи, недорогие в современном смысле. Все думают, что тут должна жить какая-то милитаристка — аскетизм, все некрасивое — нет. Но в то же время я не могу сказать, что я этим защищаюсь от чего-то. Хотя от наших улиц, особенно от минских (там, за Минском, это ощущение пропадает) эта чистота усиливает ощущение тоталитаризма, авторитарности. В Брюссель, например, приезжаешь — грязный город. В Париже после обеда или во Флоренции достаточно грязно. Люди живут, люди свободные, от них остаются следы. А тут нет следов. Ни в истории, ни в наших жизнях. Все подчищено. Что касается нашей будущей жизни, я удивляюсь, как быстро мы вернулись в стойло, как быстро мы все вспомнили. И что мы безмолвные. В этом есть для меня лично элемент отчаяния: у меня были суды, меня не любит власть, я вынуждена жить за границей. Но это не самый страшный конфликт, который переживает писатель. Это нормально для нашего писателя, мы всегда так жили — особенно в русской традиции. Но самое страшное — это конфликт с этим маленьким любимым мной белорусом, которому действительно хватает этого горшка щей и который тихонько его оберегает и который — да, ездит, да, пробует, да, смотрит... Это все нормально, этот вульгарный период надо пережить. Но так долго мы не вспоминаем, что человек — это что-то большее, чем просто единица этой системы.

Соусь: И последний вопрос от посетителя сайта Северина Глеба из Березовки: *«Где можно приобрести ваши книги?»*.

Алексиевич: Сейчас в издательстве «Время» в Москве вышел четырехтомник — все эти книги под новой редакцией, уже навряд ли я к ним вернусь, это действительно то, что я смогла сделать. Эти книги есть в продаже. Когда я бываю в Минске, ко мне подходят люди, я подписываю. Единственное, что меня смущает — цена, они дорогие, поскольку привезены из России. Я знаю, что в январе будет книжная выставка и издательство собирается привезти мои книги, и я бы тоже хотела приехать. Издать в Беларуси ни одно издательство не взялось, тем более государственное. Хотя, я думаю, это тоже предмет личного мужества — это кто-то лично не решился. Не думаю, что там за каждым стоит Лукашенко или власть. Сегодня это вопрос личного мужества — я это делаю или нет.

«Власть будет такой, какими будем мы»

15 февраля 2009

Инна Студинская, Минск

14 февраля в выставочном павильоне «БелЭкспо», где в эти дни проходит XVI Международная Минская книжная выставка, состоялась встреча с белорусской писательницей Светланой Алексиевич, которая сейчас живет и работает в Берлине. Светлана Алексиевич — самый издаваемый современный автор в Японии, недавно она получила Национальную премию критиков США. Но в Беларуси книги Светланы Алексиевич не издают.

В московском издательстве «Время» только что вышел четырехтомник произведений Светланы Алексиевич. В небольшом закутке у стенда этого российского издательства и состоялась встреча писательницы с земляками.

Желающих попасть на встречу с писательницей было очень много. Многие пришли с цветами. Маленький закуток не мог вместить всех. Сотни людей стояли в очереди за автографами. Сама Светлана была очень впечатлена и взволнована таким приемом:

Алексиевич: «Я очень рада, что через десять или пятнадцать лет наконец я дома и могу говорить со своими читателями на родине. Я очень соскучилась без вас...»

За тридцать лет творческой жизни Светлана Алексиевич написала пять книг. Они вышли мил-

лионными тиражами в ста издательствах мира. Сейчас она работает еще над тремя произведениями. Писательница признается:

Алексиевич: «Я все книги пишу по десять лет, вот “Чернобыльскую молитву” — одиннадцать лет. Когда читаешь — кажется, это не так трудно. А на самом деле собрать этот трагический материал очень сложно. Но еще сложнее — найти новый взгляд, новый ракурс, оформить это в какую-то новую философию, чтобы это действительно было открытием... Мы сегодня уже достаточно культурные, достаточно умные. Сегодня общество умнее власти, умнее даже искусства и литературы. Поэтому очень серьезно надо думать, с чем можно выйти к вам и что вам сказать».

В московском издательстве «Время», которому писательница передала права на издание ее книг на русском языке, вышли четыре тома из запланированного семитомника («У войны не женское лицо», «Последние свидетели», «Цинковые мальчики», «Чернобыльская молитва»). Сейчас она пишет новую книгу «Время second-hand. Конец красного человека». Эта книга о последних двадцати годах нашей жизни, которые были очень сложные для самой Светланы, сложные для всех белорусов.

Алексиевич: «Сложные годы не потому, что конфликт с властью, конфликт иногда и с моими героями, которые тоже во власти своего времени, во власти каких-то манипуляций... Мы все беззащитны перед своим временем, перед страной. Я думаю, каждый из нас в одиночестве прошел этот путь. Потому что никогда не было еще такого пути — от социализма к капитализму. Я лично

была к этому не готова. А в Беларуси, по сравнению с той же Россией, другими странами, как бы замедлены эти процессы перехода в капитализм, в рынок. У нас такой “авторитарный социализм”, если есть такая разновидность».

Новая книга Светланы Алексиевич состоит из нескольких частей: о чем говорили на кухнях в 1987–1997 годах — десять историй в красном интерьере; хоры из уличного шума 1997–2007 годов — десять историй без интерьера. Автор говорит:

Алексиевич: «Я веду уже тридцать лет вот эту “хронику красной цивилизации” — пишу о той нашей жизни, которая называлась социализмом. Но мы, несмотря на то, что ездим на других автомобилях, носим импортные, китайские и итальянские шмотки, пока еще остаемся советскими. Мы пока еще из совсем другого времени, которое не совпадает с нынешним временем. И каждому из нас нужно пройти еще этот нелегкий путь».

В планах писательницы — дописать книгу о любви, завершить работу над книгой «Конец крастного человека». А седьмая книга будет о старости. Она верит в лучшее:

Алексиевич: «Власть будет такой, какими будем мы. Власть — наше отражение. Власть нужно никому не отдавать. Ее нужно брать гражданским путем. Ее нужно отстаивать каждому из вас. Надо бороться на пространстве своей личности, себя надо менять. И это единственный путь: мы будем новые, и жизнь будет новая. Вот об этом я и пишу».

«Люди были как патроны в патронташе»

15 сентября 2009

Юрий Дракохруст, Прага

Почему в Беларуси такой высокий показатель самоубийств? Как он менялся в последние десятилетия? Почему за это время наблюдался существенный рост самоубийств среди мужчин? Как обуславливают склонность к самоубийствам культурные и религиозные особенности? Над этими вопросами в «Пражском акценте» рассуждают писательница Светлана Алексиевич, психиатр Минского городского психиатрического диспансера Игорь Сорокин и психолог Минского городского центра семьи и детей Жанна Мицкевич.

Дракохруст: 27,5 случая на сто тысяч населения — таким был показатель самоубийств в Беларуси в прошлом году. Это один из самых высоких показателей и в регионе, и в мире. В среднем в Европе ежегодно убивает себя 17 человек из ста тысяч населения. Почему так много белорусов кончают жизнь самоубийством?

Мицкевич: Тут нельзя назвать какую-то одну причину. По количеству самоубийств на 100 тысяч населения мы входим в пятерку стран, наиболее склонных к самоубийствам. Белорусам присуще стремление к стабильности, покою, привычке. Есть прямая зависимость между суицидом и потерей социального статуса. Это называется «комплекс короля Лира». Когда произошла «пе-

рестройка», когда человек не находит себе места после того, как он был стабильно устроен, тогда и случается множество самоубийств. Но еще одна причина — это алкоголизм. Психотерапевты считают, что алкоголики совершают около трети всех самоубийств и четверть всех попыток совершить самоубийство. Хронические алкоголики — значительная часть белорусского населения. В Центр, где я работаю, приходят женщины, и каждая четвертая говорит, что муж пьет.

Дракохруст: Светлана Алексиевич, вы в свое время написали книгу о самоубийцах «Зачарованные смертью». На ваш взгляд, почему так много белорусов кончают жизнь самоубийством? Жанна Мицкевич сказала о ситуации нестабильности, но, например, война — это, кажется, наивысшая форма нестабильности. Но известно, что во время войны количество самоубийств резко уменьшается. А почему нынешняя нестабильность порождает рост самоубийств?

Алексиевич: Я и сейчас пишу новую книгу «Время second-hand. Конец красного человека», и там тоже будет о людях, которые уходят из жизни то ли от беспомощности, то ли из протеста. Я к тому, что сказала Жанна, могу добавить три, как мне кажется, главные причины самоубийств в Беларуси в настоящее время.

Не надо забывать, что мы живем на обломках империи. Та резервация, в которой мы живем, не дает такую стабильную картину мира, какую давал социализм. Социализм — это не такая простая идея, в нем была метафизика, он предлагал смысл жизни. Это была почти военная ситуация.

Ни в одной экстремальной ситуации человек не кончает с собой, он мобилизуется, у него есть цель.

После развала империи цели исчезли, раздробились. Появились цели, совершенно не связанные с нашей историей — накопление, потребление. Это совершенно новые вызовы и соблазны, не на что ментально опереться. У меня в книге у одной героини мать умерла не от старости, а от того, что не хотела жить при капитализме. Потеря смысла жизни: все, что позади — зря, все, что впереди — абсолютно непонятно.

Вторая вещь — человек сошел с баррикады. Люди даже это не осознавали, но они были как патроны в патронташе. Теперь они выброшены, выброшены в семью, выброшены к другому человеку. Это тоже бездна. Но наша культура не учит, как жить с другим человеком. Попасть под власть другого человека может быть еще страшнее, чем на войне. Мы же сумасшедшие, мы все время жили где-то: на войне, в Чернобыле, в идее, мужчины все время были как бы не дома. К этим вызовам люди тоже не готовы. Он вернулся домой и не знает, что там делать.

И третья причина — это новая жизнь. Ее хотели, но предполагали, что это будет такой красивый европейский супермаркет. А оказалось, что сосед устроился, а я — нет. И особенно потерпели мужчины. Женщина хватается за ребенка, за инстинкт. А мужчина — он охотник, он должен приносить добычу в дом. А он после коммунизма, да и вообще славянский мужчина — это человек, которому проще встать в строй и погибнуть в об-

щем строю, чем признаться, что сосед устроился, а я — нет, и сказать, что это я виноват.

Дракохруст: Г-жа Светлана, вы уже раньше ответили на первую часть моего вопроса — о причинах скачка уровня самоубийств в 90-е, но в чем причины снижения этого уровня в последние годы? Действительно ли оно объясняется теми административными мерами учета, о которых говорил г-н Игорь? Или это объективный процесс, поскольку снижение показателя самоубийств наблюдается и у соседей Беларуси — в Литве, в Украине, в России. В Литве он все равно самый высокий в мире, но он ниже, чем был 10 лет назад. Может, это результат процесса адаптации, привыкания общества к новой реальности?

Алексиевич: Причина — в усталости. У людей был шок, когда эта сцементированная конструкция разлетелась и человек оказался в песке и обломках. Появились быстрые богатые и быстрые бедные, к этому надо было привыкнуть, и процесс привыкания был очень тяжелый. Что касается алкоголизма, то это традиция, но это и следствие всех этих процессов. Когда говорят «алкоголизм», то будто бы закрывают проблему. А там много причин — и наша слабость, и бессилие людей. И люди поняли, что им нужно приспособливаться к новой жизни. Старые люди еще больше постарели, все же двадцать лет прошло, и уже Бог занимается тем, сколько лет им осталось.

А у молодежи завышенная самооценка и завышенные требования к жизни. Я думаю, что лет через десять-двадцать у нас вряд ли что-то

сильно поменяется и у нас опять будет скачок самоубийств, потому что их надежды не сбудутся.

Я иногда думаю, когда смотрю БТ и читаю газеты, что это усыпление, это наркотик сильной президентской авторитарной власти. И человек вступает в сговор с этой властью, как человек вступает в сговор со своей болезнью. Он начинает поддаваться шаманству этой власти: у нас все плохо, но у нас все хорошо. Задействован фактор социализма, который у нас еще двадцать лет работал и который свидетельствует о том, что у социализма был потенциал — это дало результаты. Человек умеет приспособливаться. К счастью.

Дракохруст: Г-жа Жанна, а как бы вы объяснили эту траекторию: довольно умеренное значение показателя самоубийств в 80-х, резкий скачок в 90-х и медленное снижение в последние годы?

Мицкевич: Я хочу добавить к тому, что говорили. Этнический характер в этой проблеме все же наблюдается. В Грузии, Армении и Азербайджане показатель самоубийств — 2 человека в год на 100 тысяч населения. Мужчина несет ответственность за свою семью. Что касается белорусов, то, воспитанные в большинстве женщиной, выросли слабые мужчины, которые не могут постоять не только за себя, но и за свою семью. И в результате этот человек, оказавшийся в период 90-х перед новой жизнью, который не находил себе места, был слаб. Этот самый мужчина слаб и сейчас. Он вышел на пенсию — он не знает, что делать. Он пришел из армии — он не знает, что делать. И поэтому много женщин, которые приходят к нам, говорят — муж не работает, я работаю.

Вы задали вопрос об этом снижении показателя самоубийств в последние годы. Во-первых, я согласна с вами — идет именно адаптация к новой жизни. И поэтому приходит некая устойчивость. Вместе с тем большинство молодежи уже хочет новой жизни, хотят больше знать, где-то бывать, делать другой свою материальную жизнь. И они уже ищут выходы и видят их по-своему. Возможно, это уменьшает склонность к самоубийствам. Во-вторых, то, что наконец заговорили об алкоголизме и делают первые шаги, чтобы уменьшить эту проблему — это тоже способствует уменьшению количества самоубийств.

Алексиевич: Я все больше склоняюсь к тому, что мы все — заложники своей культуры. Есть проблема отсутствия Дома, отсутствия семьи, такое ощущение, что имеешь дело с бездомными людьми. Будто бы живут мужчина и женщина вместе, но спросишь — помните ли вы день вашей первой встречи, день вашего брака? В Европе это люди помнят и празднуют. А у нас если прошло десять-двадцать лет — не помнят люди. Дни рождения детей — мужчины не помнят, говорят — «кажется, в марте». Нам в Беларуси не хватает искусства жизни. Не просто побежал на трактор, на завод, а потом с друзьями «оторвался» в бане или в подворотне «на троих». Слава богу, сейчас уже сидят в каких-то «забегаловках», хоть какая-то культура, лучше, чем за киоском выпить. У людей нет ощущения, что это — единственная жизнь, что в ней есть радости кроме выживания. То, что греки называли «искусством жить», в нашей культуре отсутствует.

У нас есть гениальный опыт выживания. Философию жизни заменили на философию выживания. Именно поэтому все время вспоминаем войну. Это какая-то ловушка для нашей культуры. Ей закрываются все проблемы и на уровне государства, и в семье, особенно если в ней есть старый человек. В Европе действительно уже не говорят о войне, хотя много людей, которые ее пережили, в Европе ведь средний возраст гораздо больше. И ужасно пережили, пусть это и несравнимо с нашим советским опытом, с ужасным белорусским опытом, где партизанская борьба была чрезвычайно жестокая. Но люди вспомнили, что есть еще и просто жизнь. И они живут этой жизнью. Это не значит, что они забыли. У нас ты сразу становишься святотатцем, когда так говоришь. Я не говорю, что надо забыть, я говорю, что надо жить.

Фильм по книге Светланы Алексиевич номинирован на «Оскара»

4 февраля 2010

Валентина Аксак, Минск

Фильм ирландских кинематографистов Хуаниты Уилсон и Джеймса Флинна «Двери» вошел в окончательный список номинантов на премию «Оскар» в категории «лучший короткометражный фильм». Он снят по одному рассказу из книги Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва».

Кроме него, на главную ежегодную премию Американской академии киноискусства претендуют создатели еще четырех короткометражных лент, в которых рассказываются реальные человеческие истории.

Известие застало **Светлану Алексиевич** в Берлине, где она в последнее время живет. Писательница не скрывает своих чувств по этому поводу, хотя и не перестает удивляться, почему Хуанита Уилсон выбрала для своего киносценария именно «Монолог о целой жизни, написанный на дверях».

Алексиевич: «Мне было интересно, почему она выбрала именно этот рассказ, потому что по всему миру идут десятки пьес и много фильмов различных снимается по “Чернобыльской молитве”. Но никто до нее на этом рассказе не останавливался, а вот ее заинтересовало именно это. И она нашла свой ход — это не документальный фильм, а такой новый документально-художественный по-

ворот. Сценарий сделан под документ, и вместе с тем играют актеры. И это уже ее видение моего документа».

Фильм снимался на Припяти. В основу положена история переселенца, у которого от радиации умирает дочь. Перед погребением отец хочет, по давнему обычаю, положить ее на дверь родного дома, а для этого ему нужно вернуться в свою отселенную деревню. Эта история в свое время глубоко поразила писательницу, а потом и кинорежиссера из Ирландии.

Алексиевич: «Когда я ездила по Припяти, меня две истории поразили. Первая — о том, как человек вывез из зоны отселения двери, которые помнят всю его жизнь. И вторая — как женщина, уезжая, сделала завещание, чтобы ее после смерти привезли обратно и похоронили в той погибшей деревне. Но она горевала о том, что не будут при этом соблюдены все те обычаи, которые всегда в их семье соблюдались».

Документальные фильмы по книге «Чернобыльская молитва» сняты режиссерами Германии, Франции, Швеции, Японии и других стран. Многие ленты получали награды, но такой высокой номинации, как «Двери», ни одна еще не имела. На вопрос, поедет ли писательница 7 марта на церемонию вручения «Оскара», г-жа Алексиевич сказала: «Не знаю. Пока меня никто не приглашал».

«Ненавистью мы ничего не родим»

24 декабря 2010

Анна Соусь

Гостья «Ночной Свободы» — писательница Светлана Алексиевич, написавшая открытое письмо к главе Беларуси, где обращается к нему как избиратель и как писательница. Вечером 19 декабря несколько десятков тысяч людей вышли на улицы Минска и двинулись к Дому правительства, где были жестоко избиты спецподразделениями милиции. Сотни людей были задержаны, в том числе — и большинство кандидатов в президенты.

Соусь: В эти дни прозвучало много громких заявлений с осуждением насилия против участников послевыборных протестов, заявлений с непризнанием итогов выборов. Ваше открытое письмо отличается от большинства писем. Вы напрямую не требуете освобождения заключенных, не призываете стать на путь демократии и уважения прав человека. Вы рассуждаете и задаете вопросы Александру Лукашенко как писательница и как избиратель. Скажите, пожалуйста, почему вы выбрали такой путь? Или вы считаете, что язык заявлений, осуждений, призывов в случае с белорусским правителем не сработает? Сработает ли такое рассудительное, философское письмо?

Алексиевич: Ни один человек сегодня не может спокойно ждать Рождества, когда наши друзья сегодня где-то в камерах и мы, например, ничего

не знаем о Володе Некляеве. Кто может остаться в стороне от этого? Мы задыхаемся от той ненависти, которой захлебнулся наш эфир, мы ничего не найдем в той ненависти. И я как писательница не могла себе позволить с саблей бросаться очередной раз. Мне кажется, нужно, чтобы мы все опомнились и начали говорить человеческим языком. С властью нужно разговаривать. Там тоже есть люди, убедил же кто-то когда-то Ельцина выпустить из тюрьмы всех его политических противников. Кто-то нашел какие-то слова к нему. Нам надо эти слова искать. Мы ничего ненавистью не родим. Мы только расколем свою страну.

Соусь: В письме Лукашенко вы сравниваете нынешние события в Беларуси с тридцатыми, сталинскими годами. Я цитирую: «Еще немного, и начнутся показательные процессы. Обученная толпа будет кричать: “Распни его!”... Бывшие соратники и друзья станут предателями, студенты будут предавать своих профессоров, а профессора будут предавать своих студентов. Учителя своих учеников».

Смотрели ли вы хотя бы фрагментарно пресс-конференцию Лукашенко на второй день после выборов? Я говорю не о выступлении главы Беларуси, а о лицах в зале и о реакции чиновников на его слова. Министр здравоохранения улыбается, когда Лукашенко издевательски говорит о состоянии здоровья избитого Владимира Некляева. Как писательнице вам интересны эти люди, которые создают свиту Александра Лукашенко, которые обеспечивают ему власть? Хотели бы вы написать о них? Хотели бы проникнуть в их головы?

Алексиевич: Я слушала эту пресс-конференцию. И мне было стыдно. Стыдно и за тех, кто сидел в зале и слушал это, мне было стыдно за президента. Как писательница я хотела бы знать, каким образом люди не понимают, что делают. Потому что есть история, от нее никуда не деться. У них же растут дети. Всем известны эти имена. Я была растеряна перед тем, что у нас нет чувства собственного достоинства, перед тем, насколько слаба человеческая природа. Это было неприятное зрелище.

«В современном мире выживет только гуманитарный человек»

14 апреля 2011

Юрий Дракохруст, Прага

11 апреля на станции «Октябрьская» Минского метрополитена произошел теракт, в результате которого 15 человек погибли и более 200 были ранены. Свой взгляд на смысл и последствия террористического взрыва мы попросили изложить писательницу Светлану Алексиевич.

Дракохруст: На ваш взгляд, какие выводы вытекают из того, что и в Беларусь пришел настоящий терроризм?

Алексиевич: Мы сейчас можем сказать, что мы тоже не смогли отсидеться на завалинке. В одной из лучших повестей Быкова «Знак беды» герой думает, что пересидит войну на хуторе. А кончается тем, что война его затягивает и он погибает вместе с семьей. Так и тут: эти порядок и стабильность, о которых мы так много говорили, о которых наша власть говорила, не могут противостоять глобальному миру, в котором что-то происходит с человеком. Потерян смысл жизни, любви, работы. Человек остался в пустоте, ни с чем, лицом к лицу со смертью.

Часть людей идейно занимается уничтожением себе подобных. Но самое страшное — что мы в руках одиночки. Кажется, что таких будет все больше — тех, кто не выдерживает давления этого мира.

Дракохруст: Но если справедлива версия следствия, может, тут слова о включении в глобальный мир не совсем уместны? Просто человек с психическими отклонениями, но с хорошими техническими способностями.

Алексиевич: Сегодня власть принимает меры, которые, возможно, вытекают из ее мировоззрения: надо давить, надо силой все остановить, и оно остановится. Такой курс взят после выборов, курс на силу, на контроль над обществом. Говорится, что нужно допросить оппозицию, тех, кто иначе думает, мол, они виноваты в том, что в воздухе какой-то микроб разрушительных идей. Но этот микроб — в воздухе не только Беларуси, он в воздухе всего мира.

Мне угрозы президента напомнили мои впечатления, когда я была в чернобыльской зоне вскоре после взрыва. И там вокруг реактора огромное количество людей бегало с автоматами. Полная беспомощность человека перед новым вызовом. И теперь что-то подобное происходит в Беларуси. Кажется, что если всех запугать, всех проконтролировать... Да невозможно всех проконтролировать. Как вы проконтролируете ма-някка-одиночку?

Терроризму можно противопоставить только идеи, но идей сегодня в мире нет. После того как перестали работать сильные идеи социализма, фашизма, которые, пусть путем силы и крови, могли сплотить нацию, сегодня человек остается один. И современный техногенный мир вызывает протест. Люди со слабой психикой ищут такие формы самореализации. Мне кажется, что все

бессильны перед этим вызовом. Это не только наша проблема.

И когда сегодня я читаю, что, мол, Лукашенко взорвал... Плохо, что люди так думают, что это могла сделать власть. Я не думаю, что наш крестьянский менталитет способен на такие вещи, мы что сверху, что снизу — одинаковые люди, это маловероятно. Мы просто включились в этот глобальный разрушительный процесс.

Дракохруст: Вы уже начали разговор о реакции общества на взрыв. Наблюдалось несколько автоматических реакций сразу после него. Часть сразу отреагировала (это было видно, по крайней мере, в интернете): это власть, это Лукашенко, и думать больше не о чем. А со стороны представителей власти мы слышали рассуждения о том, что и взрыв в 2008 году, и события 19 декабря, и валютный кризис, и нынешний теракт — все это звенья одной цепи, кругом враги. Все это говорилось сразу, как только стало известно о теракте. Что означает такая автоматическая реакция тех и других?

Алексиевич: Она означает, что мы — люди плоского мира. Мы вышли из мира тоталитарного и оказались в авторитарном мире. Черное — белое, белое — красное... Признать, что мир сложнее, чем отношения Лукашенко и оппозиции — это для многих людей большая работа. Они снова готовы делегировать ответственность за то, что происходит, кому-то одному. Тем более что вся система замкнута на одном человеке. Ему приписывается и все самое лучшее, и все самое худшее.

Это говорит о неспособности к самостоятельному мышлению. Мир гораздо сложнее, особенно современный мир. А мы заперлись в этой белорусской капсуле и сидим в ней безвылазно. И кажется, что мир — это наши отношения с нашим президентом. Это говорит об интеллектуальной беспомощности и власти, и оппозиции, и общества.

Дракохруст: Многие люди отметили, что в ситуации вызова белорусское общество показало высокий уровень солидарности и взаимопомощи: таксисты возили людей бесплатно, стояли очереди сдавать кровь. Вы согласны с тем, что, несмотря на непривычность вызова, белорусское общество продемонстрировало свою силу?

Алексиевич: Что-то похожее происходило в Японии. Вызывало восхищение то, как они вели себя в это страшное время. Не было мародерства, даже автоматы с газировкой и шоколадом никто не трогал. Я была в Японии и видела, что народ чувствует себя единым целым.

И когда я слушала и читала о том, что происходило в нашем обществе в эти дни, я подумала, что это совсем не похоже на то, что происходило после терактов в России.

Я поняла, что в Беларуси до сих пор живет советский человек. Мы об этом всегда говорим со знаком минус. Но у него было много преимуществ. Я думаю, что именно это, плюс наша крестьянская ментальность, сыграло свою роль. Был этот советский человек, который мог пожертвовать собой ради другого человека. Мог и просидеть в углу, ничего не сделав для другого, но мог сделать и то, что наши люди и продемонстрировали.

Мы напрасно спешим расставаться с нашими наработанными ценностями. Люди не выживут поодиночке, нужно чувствовать себя единой нацией, одним народом.

Там были факты, которые поражали. Когда женщина вызывала такси, говорила, что у нее ребенок не отвечает на телефон. И таксист ее подвез и не взял денег. Это то, что нам нужно ценить в себе.

Эти силовые приемы, которые применяет власть, они очень опасны тем, что вместо одного народа станет два. Во время таких событий видно, что люди — это не то, что о них говорит и власть, и оппозиция. Это замечательные советские люди, которых я люблю.

Дракохруст: Вы в свое время писали, что нам нужно преодолеть нашу культуру смерти, наше умение умирать и неумение просто жить и радоваться жизни. Но такие ситуации говорят о том, что забывать этот опыт просто не получается.

Алексиевич: Просто в современном мире граница между войной и миром стерта.

Терроризм полностью разрушает традиционный образ мира. Я была в Израиле, так там люди живут на антидепрессантах. Все время. Если ты только вступишь страх в себя — ты пропал, тебе надо уезжать. Иначе ты не выдержишь. Таково нынешнее время, и нам никуда от этого не деться. Невозможно жить отдельным островом, пусть мы даже поставим пулеметы и ракеты вдоль границы.

И эти качества нашего народа — способность выживать, сплоченность, мужество жить, к сожалению, они снова нужны.

Мир не становится лучше, как мы романтично верили двадцать лет назад, во времена перестройки. Того мира не получилось, и в некотором смысле мы к этому готовы.

У меня в новой книге будет рассказ матери, дочь которой стала инвалидом после теракта в московском метро. И она говорила — я очень старалась не озлобиться, но у меня это не получилось.

Я сама видела в московском дворе, как дети играют в террористов. И все хотят быть террористами, никто — жертвами. Эта игра в террористов стала частью нашей жизни.

В нашем мире на смену гуманитарному человеку появляется человек политический. Все гуманитарное доверено церкви, которая справляется с этим не лучшим образом, а занимается дресс-кодами, гомосексуалистами и неизвестно чем еще. Человек политический и рациональный не выживет в современном мире, выживет только гуманитарный человек. И атомизированный человек не выживет.

Из той нашей жизни, которую мы оставили в прошлом, нам нужно кое-что и взять в дорогу. Я не говорю, что сталинские лагеря — это хорошо. Но если вы постоянно живете как на войне, то возникает ощущение человеческого братства, добрососедства — и его не нужно терять ради «мерседеса» и поездки на Канары. Свобода оказалась сложнее, чем мы думали.

«Национальная идея сегодня не работает по историческим причинам»

7 июня 2011

Юрий Дракохруст, Прага

Почему белорусы не протестуют против обнищания и жестоких политических репрессий? Революционизировали ли общество экономический кризис и судебные процессы по делу 19 декабря? Приближают ли сегодняшние жертвы время перемен? Об этих вопросах в «Пражском акценте» дискутируют писатели Светлана Алексиевич и Сергей Дубовец и заместитель председателя «Молодого Фронта» Настя Положанко.

Дракохруст: В зарубежных публикациях о нынешнем белорусском кризисе — как западных, так и российских — все время звучит определенное непонимание: ну как белорусы все это терпят, когда уже выразят свой публичный протест? А они все не выражают и не выражают, предпочитая или терпеть, или бежать — по последним данным, теперь значительно увеличился поток трудовых мигрантов в Россию. А почему? Запуганы? Или, может, как считают некоторые, белорусов на протест поднимает национальная идея, а не желудок?

Дубовец: Запуганы — это одно. Ничем не объединены — это другое. А третье — то, что ухудшение их материального положения не фатально. Спросите у большинства, скажут, что мы нормально живем, в политику не лезем, есть

определенные трудности, но бывало и куда хуже. Мне иногда кажется, что власть нарочно устроила этот кризис, чтобы предупредить протестные настроения.

Дракохруст: Белорусские исследователи говорят о существовании своеобразного социального контракта: власть обязалась поддерживать определенный уровень жизни населения, население взамен обязалась демонстрировать политическую лояльность и не лезть в политику. Сейчас одна сторона — власть — свои обязанности по контракту не исполняет. Почему другая сторона продолжает исполнять свои?

Дубовец: Как сказал Владимир Некляев, хуже не будет, потому что лучше не было. Я не вижу тут социального контракта. Я вижу, что терпению белорусов предела нет. Пределом может быть фатальное ухудшение жизни, массовая потеря работы с невозможностью найти альтернативу, просто конец всякого дохода. А пока хоть что-то платят, пока есть куда уехать, пока есть грядки, люди бунтовать не будут. Наоборот — чем будет хуже, тем тише будут себя вести.

Дракохруст: Светлана, в недавнем интервью «Немецкой волне» вы сказали, что после чудовищных процессов по делу 19 декабря увидели в белорусском обществе какие-то подвижки, вы говорили о том, что «власть революционизировала общество», что «обществу стало понятно, что и как надо делать». Но вспоминается, что раньше вы часто ссылались на мнение вашего соседа по даче под Минском, Петра Сильвестровича, который имеет пенсию, «чарку и шкварку» и не знает,

да и знать не хочет, о минских интеллигентских политических страстях.

Ваша вывод о «революционизации общества» — он построен на том, что революционизировался Петр Сильвестрович? Или его мнение вдруг потеряло значение, а приобрело значение мнение таких борцов, как Анастасия?

Алексиевич: Я вначале хотела бы процитировать классика революции Ленина, по которому революция происходит не тогда, когда этого кто-то хочет, а когда она сама этого хочет. Это ощущение повисло в воздухе в нашем обществе. Я давно не видела Петра Сильвестровича, но я думаю, что господин Доллар потряс общество больше, чем катастрофа оппозиции 19 декабря. Революционное обучение происходит возле обменников, где люди дерутся, в турагентствах, где они не могут заплатить. Доллар делает за нас нашу работу.

А с другой стороны, неумная советская реакция власти и ее неадекватная жестокость революционизирует сознание. Я согласилась бы с тем, что у белорусов нет общей идеи, им не на чем объединиться. Национальная идея сегодня не работает по историческим причинам.

Но что-то сдвинулось в обществе. Мне кажется, что атмосфера изменилась. Политические обвалы происходят неожиданно и для прогнозистов, и для писателей. Мы можем убеждать друг друга, чем мы и занимаемся последние семнадцать лет. Мы можем убедить Голливуд, можем убедить интеллектуалов Европы, но как убедить Петра Сильвестровича? У нас этого языка нет. У Лукашенко он есть. Но какая-то сила втиснулась в процесс

поверх всего. К сожалению, это господин Доллар, а не идея, которой, как хотелось бы, мы были бы объединены.

Я считаю, что значительная часть общества достойно выдержала испытание 19-м декабря. Молодые люди, которые сидели в клетках на судах, были сильнее и свободнее, чем эти судьи. По лицам этих судей было видно, что они сознают, что участвуют в преступлении. Я видела родителей этих заключенных, людей, которые их поддерживали. Я не верю, что это напрасно. Мне кажется, что какой-то процесс именно после 19-го начался.

Дракохруст: Светлана, в свое время на вас многие обижались, когда вам говорили об общественном подъеме, а вы отвечали, что все это бури в стакане воды, интеллигентские иллюзии, а народ как спал, так и спит. А сейчас на каком основании вы говорите, что что-то изменилось? Какие признаки этих перемен, кроме того, что вы как писатель это чувствуете?

Алексиевич: Экономическая ситуация — это главное для сознания сегодняшнего белоруса. Если выбирать между семьей, своим домом и Лукашенко, белорус выберет семью, он ее будет защищать. Ведь за Лукашенко нет никакой идеи, кроме его собственной власти. И у Лукашенко нет другого опыта, чтобы противостоять тому, что происходит, кроме советского опыта и опыта российского «большого хапка». Другого опыта у нашей номенклатуры нет, и она абсолютно беспомощна перед лицом начавшейся социальной катастрофы. И я думаю, что даже Петр Сильвестрович, у которого двое сыновей занимаются бизнесом и

сегодня, насколько я знаю, их бизнес лежит — я не знаю, о чем он там с мужиками говорит, когда выпивает вечером.

Мы остались последней страной, где возможна постсоциалистическая революция. Эти революции делают олигархи и номенклатура. У нас олигархи и номенклатура прижаты, но у номенклатуры сильный инстинкт самосохранения, и она даже в оппозиции может перехватить план спасения себя в первую очередь, а потом и страны. Ведь возможность превращения Беларуси в губернию сегодня налицо. Это все вместе создает предчувствие катастрофы для власти.

Дракохруст: Наста, вот та революционизация, о которой говорила г-жа Светлана, если и происходит, то как-то странно. Почитаешь Фейсбук, ЖЖ — так впечатление, что революция уже произошла, Лукашенко полный ШОС («Шоб он сдох». — РС). Но вот вокруг судов, где проходили процессы над заключенными 19 декабря, не наблюдалось не то что тысяч, но даже и сотен людей. Как сказал в моей недавней передаче блогер Реваншист, «для одних были выборы, для других теперь настал кризис».

Может, белорусское общество и продолжает оставаться сегментированным: для кого-то те же процессы по делу 19-го — повод возмущаться, что-то переосмысливать, действовать, жертвовать собой, а для других — как события где-нибудь в Тунисе, какое нам дело до них?

Положанко: Мне тоже кажется, что в нашем обществе что-то меняется. В стране происходят изменения сознания после 19 декабря. То, что бе-

лорусы терпеливы — это, безусловно, так, это такая Божественная черта. Но, кроме этой черты, Господь дал белорусам и чувство справедливости. Когда произошел разгон Площади 19 декабря, то, согласно данным НИСЭПИ, среди молодежи до 30 лет 60% осудили действия власти, они были убеждены в том, что акция протеста имела мирный характер. Люди через такие события осознают, что в стране происходит нечто сверхнесправедливое по отношению к простому человеку.

Я могу согласиться, что это отношение сегментировано — кто-то ощущает это болезненнее, кто-то относится нейтрально, потому что его это якобы не беспокоит. Это происходит потому, что у нас нет общей беды, общей проблемы.

Я не верю, что когда-нибудь станет решающей та экономическая напряженность, которая сейчас имеет место в нашей стране. Я убеждена, что Россия никогда не даст белорусу погибнуть от голода. Да, она сделает так, чтобы жизнь в России казалась лучше и красивее, тем более накануне их президентской кампании, чтобы разрушить миф, что в маленькой Беларуси под руководством Лукашенко хорошо живется. Не это должно стать фактором, за который люди готовы пойти, пожертвовать собой и добиться нового государства, новой власти. Но то, что это подталкивает — это безусловно. Однако подтолкнет только тогда, когда люди осознают связь между наличием в тюрьмах политзаключенных и отсутствием денег у них карманах, когда поймут, почему другие страны отвернулись от Беларуси, почему никто из достойных европей-

ских политиков не может подать руку Александру Григорьевичу, кто в этом виноват.

Когда люди осознают эту связь, можно будет говорить, что наше общество революционизировалось.

Когда я вышла из тюрьмы, я была поражена атмосферой солидарности. Я удивилась, что ее высказывали не только те, кто был активистом, кто был членом какой-либо партии или общественной организации. Это были люди, которые просто остро почувствовали то, что происходит в стране.

Я узнала, что около 50 тысяч долларов собрали обычные белорусы в офисе БНФ, чтобы поддержать тех, кто находится в тюрьмах. Что это, если не перемены? Многие из этих людей не могут помочь протестом, тем, что они выйдут на Площадь. Они пока не видят, за кем идти, не осознают, почему они должны это делать. Но чтобы люди осознали причину и с этого начали свой протестный путь, надо работать демократическому сообществу Беларуси. Именно для этого оно и существует и именно этим должно заниматься.

Протестных настроений, может, и нет, но есть сильное раздражение. Это можно было увидеть по известному видео, как люди защищали от милиции пассажира без билета. Они уже начинают реагировать на систему, в которой живут. То им этот бедный милиционер попался, то кто-то похожий.

Дракохруст: Сергей, и Светлана, и Анастасия видят эти «гроздь гнева», видят потенциал протеста, который нарастает и даже выплескивается на поверхность. А вы не видите. Они вас не убедили?

Дубовец: Нет. Что такое протест? Мы ожидаем колбасного бунта или чего? Протестные настроения были бы заметны, если бы воплощались в какие-то организованные формы. Где независимые профсоюзы? Их не слышно. Где рабочее движение? Его не слышно. То же самое можно сказать и о национальном движении, которого не видно и не слышно. Настроения настроениями, но мы ведь думаем о том, к чему они приведут и к чему должны привести. Приведут лишь тогда, когда структурируются. Иначе будет просто дикий бунт.

Дракохруст: Не является ли одной из причин народного молчания и терпения то, что народ, по большому счету, не видит в оппозиции привлекательной альтернативы? Ведь что предлагает оппозиция? Европу и рыночные реформы. А что такое реформы? Приватизация со сбрасыванием с балансов предприятий «социалки», безработица, имущественная дифференциация — капитализм, словом. А белорус, по мнению, например, Светланы Алексиевич, — социалист. И вот какой-нибудь, скажем, рабочий с МТЗ может рассуждать, что в том рыночном раю Насте Положанко, Сергею Дубовцу, Светлане Алексиевич, Юрию Дракохрусту будет хорошо. А ему плохо. Так зачем он попрется на площадь, даже если ему сейчас плохо? Чтобы ему стало еще хуже?

Алексиевич: Я хотела бы вначале ответить Сергею. Он говорит о структурной подготовленности общества к революции. Но что мы наблюдаем сейчас на Востоке — это каскад революций? Какая там структурность? Никакой. Там есть чувство

справедливости и времени, народ не хочет жить на периферии истории и врывается туда.

Для революции достаточно чувства справедливости и голода. Не все белорусы хотят стать Молдовой, превратиться в гастарбайтеров, чтобы их жены ехали в 50 лет смотреть за детьми в Италии или Париже.

Это в 90-е годы люди соглашались на это. А сейчас у белорусов другое, подкормленное и задержанное развитие. То, о чем вы, Юрий, говорите, произойдет после революции. Не надо скрывать — время, когда уйдет Лукашенко, будет достаточно сложным. Оно уже наступает. Мы потеряли время, почти двадцать лет. Самое ужасное, что осталось от социализма и останется от Лукашенко, который задержал мутанта социализма, — это человек.

Это, с одной стороны, человек зажатый. Как герой классика американской литературы, который спит в резиновом мешке и говорит, что если зажаться, то и неплохо — можно даже видеть сны. Вот что-то подобное происходит и с белорусом. Они утешаются подержанной машиной, чем-то другим, у них своя система ценностей. А с другой стороны — это взрослый ребенок. И жизнь его ударит о землю очень больно. Это будет очень трудное время. И я понимаю Петра Сильвестровича, который говорит мне в точности то, что сейчас, Юрий, сказали вы. Но это как болезнь. Если вы боитесь идти на операцию, это не значит, что вы останетесь живы. Другого выхода у нас нет.

Дракохруст: Сергей, а как вы оцениваете этот, так сказать, классовый аспект процессов, которые теперь происходят в Беларуси? Может,

действительно мы, наш круг, отстаиваем свой грубый групповой интерес? Мы понимаем, что когда уйдет Лукашенко, нам конкретно будет жить хорошо. А как будет остальным — нас это, по большому счету, не интересует. А эти остальные опасаются, что им будет жить хуже. Наста, и не она первая, сказала, что у белорусов очень сильный мотив действий, очень важная для них ценность — это справедливость. И, может, люди сейчас не бастуют, не бунтуют именно потому, что считают, что то, что придет на смену Лукашенко — будет несправедливо.

Дубовец: Мне кажется, что люди в массе своей не мыслят прогнозно, тем более в категориях всей страны и экономики. Что-то думают о семье — что с ней будет, а в целом живут сегодняшним днем. Они не сравнивают, что может быть с Лукашенко и без Лукашенко. Другое дело, что вот этот стихийный бунт, который пророчит г-жа Алексиевич, может быть. Но для этого должны фатально ухудшиться условия жизни. Мне бы больше хотелось рассуждать о том, какая структура образуется в обществе, какая она должна быть — та, которая возьмет власть после Лукашенко.

В начале 90-х был Белорусский Народный Фронт, который формулировал идеи демократии и национального возрождения. И более-менее в том направлении все и двигалась, этот всеобщий народный протест воплощался в цивилизованные формы, создавалось рабочее движение, стачкомы и т.д. Я полагаю, что было бы абсолютно приемлемым такое *déjà vu*. Но сегодня БНФа нет, вот в чем проблема, нет массовой организации, объединен-

ной ценностями, а не чем-то другим — грантами там, поездками, личными отношениями.

Дракохруст: Наста, а как вы считаете — не существует ли между интеллигенцией, активистами — и народом разрыв интересов, разрыв между представлениями о справедливости? Для одних несправедливость — когда за 19-е сажают, за разбитые двери фактически, а для других несправедливость — если безработица будет, если придет на МАЗ иностранный инвестор и скажет: половину этих — на улицу, всю «социалку» — прочь, лишние заботы и лишние люди мне не нужны. Пусть их кормит кто угодно. Или пусть умирают.

Положанко: Те люди, которые стремятся иметь власть в этой стране, должны понимать, что они берут на себя ответственность за этих людей, которые могут не верить им, которые возложат на них свои надежды. Кто-то сейчас может бояться, что будет плохо. Так хуже не будет. Мне кажется, что каждый белорус должен знать информацию, за счет кого и чего жила наша страна, что она давно не зарабатывает деньги, а живет за счет займов и кредитов. И то, что стало плохо сейчас, не означает, что именно сейчас изменилась политика нашего государства. Это означает, что семнадцать лет у нас была проблема, которую от белорусов утаивали. И теперь мы пожинаем эти плоды. Если человек болеет, ему больно. И он лечится, хотя лечение может быть и неприятным. В конце концов ему станет лучше.

Я согласна с тем, что советскую потребительскую систему менять на рыночную будет сложно.

И понятно, что если это будет меняться, власть должна думать о народе, должна думать о том, как сделать менее болезненными эти перемены. Но политики, стремящиеся к власти, не должны лгать, они должны говорить открыто, что будет сложно. Это действительно так. Но иначе свободу никак не завоеуешь.

Дракохруст: Как вы относитесь к такому фаталистичному взгляду на историю и политику: пока не пришло время какой-то системе рухнуть, так хоть ты на голову встань, что бы кто ни придумал, она все равно выдержит и просто раздавит судьбы тех, кто восстает против нее. А придет время, когда поднимется народ, а не только самоотверженные активисты, ну, тогда все и произойдет. Светлана Алексиевич в упомянутом интервью «Немецкой волне», говоря о процессах по делу 19 декабря, сказала: «Я абсолютно не верю в то, что все эти жертвы, мысли, предательства пройдут бесследно».

А может, и пройдут. Кто-то сравнивает Лукашенко с Чаушеску, мол, есть Божий суд и на земле, дождется. А почему не со Сталиным, Мао, Франко, множеством других деспотов, которые спокойно себе умерли в своих постелях, и только после их смерти что-то начало меняться? И «жертвы, мысли, предательство» советских, китайских, испанских борцов с тиранией — разве они оставили какой-то след? Пришло другое время и все переменяло. Может, это уже потом интеллектуалы придумывают, что следы остаются?

Алексиевич: Есть разные категории времени — время близкое и время далекое. Далекое время справедливое. Сегодня мы, имея факты, можем

все сказать о 1937 году. А тогда люди не могли это сказать, а кто пытался, очень дорого за это платил. Я не Глоба, но у меня есть свой прогноз. Мне кажется, что в близком времени все мы работаем на победу номенклатуры.

Структуры, которая бы объединяла, нету, БНФ сам себя полностью дисквалифицировал в народном сознании. Остался единственный стержень в обществе, который признают все — от бомжа до того же номенклатурщика — это номенклатура. Она воспользуется плодами наших усилий, это будет промежуточный вариант. Как мы из этого выпутаемся в демократическое, справедливое пространство?

Мы пользуемся этими словами, но демократию надо лелеять, для нее нужны свободные люди, которых сегодня нигде нет. Послушаешь наших оппозиционеров, так они рассуждают на уровне моего любимого героя Петра Сильвестровича.

В Европе демократию лелеют, как газон, двести лет. У нас нет этих лет. Номенклатурная революция будет прогрессом по сравнению с тем, что мы имеем сегодня. У нас сейчас то Андропов появляется, то другое недоразумение. На близкое время надежды у меня небольшие.

Дубовец: Я готов разделить фаталистичный взгляд: делай что должен, и будь что будет. Если говорить о демократической части нашего общества и особенно о лидерах, мы пятнадцать лет слышим, что осенью его не будет — и зал удовлетворенно ждет до осени. Или что через год его не будет. Это мы слышим с 1996 года. И у демократических активистов создается впечатление, что,

во-первых, они очень активно и плодотворно работают, а во-вторых — что они, как и полагается, ждут, когда это все рухнет и обвалится. По моему мнению, нужно изменить ракурс видения этой проблемы, и неплохо, если этот ракурс будет фаталистичным — делай что должен, и будь что будет.

Дракохруст: Наста, вы находитесь на переднем крае борьбы. Вы руководствуетесь этим принципом, о котором напомнил Сергей, или все же надеетесь, что ваши усилия, ваши страдания — они что-то приблизят, что-то сдвинут?

Положанко: Безусловно, все усилия и страдания людей, стремящихся что-то делать, отражаются в сознании людей. Я как верующий человек сознаю, что в этой стране не произойдет ничего до того момента, пока этого не захочет Бог. Мы можем рассуждать, что нынешний кризис — последствия прежней политики. И в этом будет доля правды. Но можно смотреть и с другой точки зрения и спросить, не демонстрирует ли Господь свою волю в этой стране, не карает ли он теперь людей, которые в чем-то роптали на свою судьбу, кто-то не воспользовался той свободой, которой должен был, кто-то не отстаивал то, что хотел. И в результате мы имеем то, что имеем. Я знаю, что всему есть свое время. И человек его не знает. И он должен делать все, на что он способен, он должен выкладываться, он не должен лежать и ждать, что что-то свалится без никакого его участия. Нет — молись и работай, это должно быть лозунгом тех, кто верит в какие-то перемены и обращается к Господу в это время. Действительно, ты должен де-

лать то, что ты можешь делать, но при этом понимать, что не все в твоей власти и всему свое время.

Беларусь — действительно многострадальная страна. Но Господом она не забыта. И много еще надо служить, многим пожертвовать. И то, что я видела 19 декабря — это такое беззаконие. Если оно перейдет границу, за эту страну заступятся. Я в этом убеждена.

Алексиевич: Я уважаю чувства Насты, но я не думаю, что во всем, что с нами происходит, мы должны видеть волю Бога. Это и наша воля, наша трусость, наше мужество, наше неумение. Мне кажется, что на сегодняшний момент это была бы более искренняя нота. Не все разделяют взгляд, что все в руках Божьих. Наша собственная жизнь в наших руках.

Положанко: Я знаю, что человеку дано Богом достаточно свободы, чтобы продемонстрировать мужество, трусость, пойти на передовую или отступить. Это все в силе человеческой. Но в глобальном плане то, что происходит в нашей стране, зависит не от нас самих. Однако вы правы — человек рожден свободным, и в его свободе все действия, которые происходят. И по своей свободе он будет когда-нибудь отвечать.

«Совершенно безопасного общества уже не будет никогда»

26 июля 2011

Юрий Дракохруст, Прага

22 июля в Норвегии, в Осло и на острове Утёйа произошли теракты, в результате 77 человек погибли и 319 ранены. Теракты совершил экстремист Андерс Брейвик. О причинах и уроках терактов в Норвегии — разговор с писательницей Светланой Алексиевич.

Дракохруст: Как вы считаете, в чем причина теракта в Норвегии? Страна — мировой лидер благосостояния, лидер свободы, мусульманская община в стране не такая уж большая. Так почему?

Алексиевич: Благодаря современным технологиям мы живем в общем мире. А доля мусульманского населения в стране уже ничего не значит. Это одна из причин. Я месяц назад была в Норвегии. Это очень красивая и спокойная страна. Но я там была после Москвы и поймала себя на мысли, что долго там не могла бы жить — скучала бы. И там такая островная психология, многие люди, с которыми я разговаривала, а это преимущественно интеллектуалы, говорили, что весь ужас жизни — это где-то далеко, у них это невозможно. Но эти микробы, интеллектуальная зараза влияет на весь мир.

Мне кажется, что здесь определенную роль сыграла романтизация зла, эти все вампиры, чу-

довища в современном искусстве... У нас изменились отношения со злом, оно уже не совсем зло, оно даже идеализируется. Мне кажется, что это опасно. Особенно когда читаешь рассуждения этого норвежского стрелка, видишь, какая каша у него в голове. Скучно, тоскливо, нечем жить.

Современный терроризм — двух видов: терроризм идеи (Чечня, Израиль) и терроризм без идеи. Это, как выяснилось, одинаково опасно — быть фанатиком идеи или жить просто без идеи. Мы от этого не застрахованы, одиночка все чаще бросает вызов миру. Что-то такое и у нас произошло. Казалось бы, Беларусь — совсем тихая, провинциальная страна. И что меня еще поразило — что этот норвежский стрелок тренировался на компьютере. Компьютер — это другая реальность, ощущение боли, зла становится эфемерным, как бы не всерьез.

Но больше всего меня поразило то, что на улицы Осло и других городов Норвегии вышли тысячи людей. Я увидела то, что я не могла увидеть ни у нас в Беларуси, ни в России, это экзистенциальное переживание, которое было написано на лице каждого из этих людей. Каждый это переживал, каждый не делегировал это переживание кому-то, как было у нас — все расхватывали газеты и ждали, какого генерала снимут и что скажет президент. А там было видно, как работает человеческая душа. Люди сплачиваются, люди думают. А у нас это превращается в новое качество ненависти.

Дракохруст: В вашей книге о Чернобыле приводится такой эпизод: после катастрофы на ЧАЭС эвакуацией занимались вооруженные военнотру-

жащие. Вы писали об абсурдности ситуации — в кого они собирались стрелять из своих автоматов, в радиацию? Так и тут, в случае террориста-одиночки — какая тут может быть адекватная реакция? Ну схватили его, а дальше что?

Алексиевич: Это ожидание, что мы можем как-то защититься — при современных технологиях это невозможно. Мы будем чем дальше, тем больше зависеть от одного человека.

В недавней катастрофе с теплоходом «Булгария» в России меня поразили цифры: из 102 женщин спаслись только 32, из 56 мужчин — 26, из 44 детей — только 14. Иными словами, выживали сильнейшие. Они отталкивали детей и женщин от шлюпок, которых было слишком мало.

Социальный человек в экстремальной ситуации исчезает мгновенно, остается биологический. Я думала о том, что культура немного может, что не заложен в человеке механизм защиты ближнего, заложен инстинкт самосохранения. И не приходится надеяться, что даст результат культура, политика или какая-нибудь тоталитарность — в каждый дом заходить и проверять — это нереально.

Я считаю, что открытость, о которой говорят в Норвегии после теракта — это единственный путь, чтобы человеческая душа все же обрабатывалась. Ведь если вместо любви будет ненависть, будет еще хуже. Совершенно безопасным общество уже никогда не будет. Мы можем его сделать только более безопасным. И только любовью.

Дракохруст: На ваш взгляд, возможно ли нечто подобное в Беларуси? Ну, в апреле что-то похожее

и произошло. Но я имею в виду что-то похожее с подкладкой этнической ксенофобии. В Беларуси иноэтническая община не такая большая, но и в Норвегии тоже.

Алексиевич: Я считаю, что очень плохо, что этому стрелку дали возможность изложить свои взгляды. Правильно, что суд сделали закрытым, но тысячи, если не миллионы, людей читали этот его безумный манифест, еще один «Майн кампф».

С одной стороны, мы должны иметь информацию, но с другой стороны, это как вирус — нужно знать, что он есть, но не надо пускать его в воздух. Я считаю, что уже нельзя говорить, что какое-то общество может быть чем-то защищено — провинциальностью, отсталостью или высокой культурой. Все уязвимы.

Из того, что наши власти молчат о теракте в Минске, не следует, что они каким-то образом к нему причастны, хотя и это не исключено. Но я думаю, что власть в шоке от того, что даже при таком тотальном контроле, как в нашем обществе, она не может проконтролировать такие вещи. Это очень сильно унизило и поразило тоталитарное сознание нашей власти. Люди не любят говорить о том, чего они не понимают, когда они проиграли и не понимают почему. В этой борьбе с одиночкой человечество проиграет.

Дракохруст: А не может случиться так, что этот норвежский террорист наконец добьется своего, привлечет внимание к проблеме иноэтнической, инорелигиозной иммиграции? Проблема ведь существует, мы видим это по конфликтам и поли-

тическим переменам в Европе, в России. Не получится ли так, что он в каком-то смысле выиграет?

Алексиевич: Разумеется, из него сделают флаг какие-то люди. В Беларуси это маловероятно, но в России у него может найтись много поклонников, и в Европе такие найдутся. Нынешняя мультикультурность, то, что мир превратился в караван-сарай, может породить много разных проблем. Я сейчас живу в Берлине в очень буржуазном районе, он очень красивый, спокойный. Но через пятьсот метров, через железную дорогу — там турецкий район. Там все совсем другое — и люди, и магазины. И вечером лучше туда не ходить. Как это может срастись — я не знаю. И существует взаимная вражда. Она просто смикширована политикой, но то, что напряженность есть — нет сомнения.

«Идет накопление энергии»

9 октября 2011

Радыё Свабода

6 октября директор Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ) профессор Олег Манаев был задержан возле польского посольства, где он собирался принять участие в брифинге независимых экспертов для дипломатического корпуса. Социолога доставили в отделение милиции и спустя почти три часа отпустили. Писательница Светлана Алексиевич прокомментировала для нашего радио задержание Манаева и слова об этом деле, которые прозвучали на пресс-конференции Александра Лукашенко.

Алексиевич: Я уважаю и всегда уважала профессора Манаева за то, что он остался неподкупным ученым. Он никогда не работает ни на оппозицию, ни на власть, он действительно работает с реальностью, и все его выводы — они всегда открывают то, что на самом деле происходит, и он имеет смелость это сказать. И это не нравится ни тем, ни другим. Его обстреливают с обеих сторон.

Он имел смелость сказать, что Лукашенко выиграл выборы. Не так красиво, но он их выиграл. Это честный ученый, который делает свою работу. И такие люди в такое сложное время нам нужны, поскольку мы имеем дело со своими идеями, со своими наклонностями — одна и другая сторона.

И никто не знает, что происходит там, на улице, в глубине нашей страны.

Последние выводы, которые озвучил Манаев — о падении рейтинга Лукашенко — это абсолютно соответствует действительности. То, что народ не выходит на улицы, это не значит, что ему нравится то, что происходит. Мне кажется, что идет накопление энергии, и это очень опасное накопление. Оно пока не имеет формы, но в любой момент оно может превратиться в горячую лаву и залить все.

И власть это понимает, и Лукашенко понимает. Относительно его точнее сказать, что он не понимает, а чувствует опасность. И вот в этом рейтинге он увидел опасность. Сам он его знает, я думаю, в какие-то моменты просветления. Я считаю, что за этим стоит реальный страх. Ученый сказал правду. И это ученый, который всегда говорит правду, не прислуживает.

То, что было озвучено на пресс-конференции, — это театр, я никогда не могла серьезно относиться к пресс-конференциям Лукашенко, это всегда театр одного актера. Все, что говорит президент, никогда не соответствует действительности, это всегда наоборот, всегда одно в голове, другое на языке, это всегда игра. Я даже не понимаю, как журналисты находят в этом темы для обсуждения. И это происходит семнадцать лет.

А на самом деле мы просто движемся к пропасти. И ученый это сказал.

В нынешней ситуации его нельзя посадить в тюрьму. Хотя прецедент опасный. Написал сегодня статью, она не понравилась — тебя в участок потянули. А там, глядишь, и в тюрьму. Это

такой латиноамериканский вариант, к которому мы скатываемся.

Но сейчас нам нужны кредиты, поэтому мы пытаемся делать хорошую мину.

Мы можем прийти к бесконтрольной диктатуре. Сейчас она чуточку контролируется, чуточку Европой, чуточку Россией. Какая-то мера еще сохраняется. Но все может сорваться, и все может быть гораздо мрачнее.

Европа не до конца понимает, что у нашей элиты, у нашего народа нет сил справиться с ситуацией. И нас нельзя наедине оставлять с нашей властью.

Светлана Алексиевич получила престижную премию

4 декабря 2011
Радыё Свабода

Писательница из Беларуси Светлана Алексиевич в прошлую субботу была удостоена литературной премии Центральной Европы Angelus. Премией отмечена книга «У войны не женское лицо», сообщает Gazeta Wyborcza.

При получении премии в Польском театре во Вроцлаве Светлана Алексиевич сказала, ссылаясь на Федора Достоевского, что нации Центральной Европы происходят «из одного безумия — из безумия социализма».

До сих пор трагедия и красота идут вместе. Мы смотрим на трагедию, и она кажется нам красивой, и это самое страшное, — сказала Алексиевич.

Профессор Анджей Завада, который входит в жюри премии Angelus, подчеркнул, что в этом году выбрать победителя было очень трудно. «Каждая из книг, попавших в финал, своеобразна и неповторима», — сказал профессор.

Литературная премия Центральной Европы Angelus присуждается за лучшую книгу из вышедших по-польски в предыдущий год. Издатели могут выдвигать на ее живых авторов из 21 страны Центральной Европы. Премия состоит из статуэтки Angelus и чека на 150 тысяч злотых.

«Быков был романтиком национальной идеи»

10 января 2012

Иван Толстой, Прага

В цикле «Алфавит инакомыслия» передачи «Поверх барьеров» русской службы Радио Свобода о личности Василя Быкова, его гражданской позиции размышляют писательница Светлана Алексиевич, диссидент Валерия Новодворская и журналист Сергей Наумчик.

Алексиевич: Я помню наши разговоры с Быковым, потому что это два моих учителя — Адамович и Быков. О войне когда они говорили, было видно, что это глубочайшая травма. Я думаю, что инакомыслие шло отсюда. Я бы не сказала, что инакомыслие здесь точное слово, скорее это — сопротивление. Шло отсюда сопротивление этой системе, которая казалась из цемента вся или из чего-то помощнее, а оказалось все не так совсем. Так что, я думаю, это питалось теми идеями. И это военное поколение мощно заявило себя, они сильно себя поддерживали, это я видела по себе, как они меня поддерживали, потому что они поддерживали любую правду, которая о том времени звучала, поскольку это была правда не только о войне, но и правда об идее, об этой страшной идее, которая приняла у нас такие формы страшные.

Это было время, когда у всех нас был большой враг — коммунизм. Это стало очевидно совер-

шенно во время войны. Если во время ГУЛАГа можно было людей услать в Сибирь, и там эти миллионы гибли, и никто их не видел, то на войне было видно, как гибли эти люди, как они ничего не стоили, и это была глубочайшая травма для этой молодежи, которая и выиграла победу. Ведь на войне воевали восемнадцатилетние и двадцатилетние мальчишки, они с этим пришли и они прогнали врага. Но они же поняли, что вся проблема в другом, что вся проблема в этой идее, и, конечно, они продолжали эту борьбу уже другими способами. Одно выходило из другого, и дело даже было не в том, что эта идея венчалась какими-то конкретными именами — Брежнев, Хрущев, Маленков — они понимали, что дело не в Хрущеве, не в Брежневеве, а в системе.

Недавно я встречалась со своей подругой, известной левой в Италии, которая говорит, что пятнадцать лет ее жизни было потрачено на борьбу с Берлускони, наконец нет Берлускони, они добились своего и поняли, что дело не в Берлускони, что дело гораздо глубже. Точно так же и эти люди поняли, что дело гораздо глубже, оно оказалось глубже, чем это поколение думало.

Когда началась перестройка, я помню лица Адамовича и того же Быкова, как они верили, они были просто романтики абсолютные с точки зрения сегодняшнего дня, с точки зрения наших поражений и разочарований. Они думали, что сейчас не будет коммунизма и будет что-то совершенно другое. А оказалось, что дело не только в коммунизме, а все имеет более глубокие корни. Так что сопротивление, инакомыслие оно же тоже

в движении. Нам кажется, что враг — это, а потом проходит время, и мы выясняем, что враг не только это, а что-то в ментальности, в истории, в самом устройстве этого деспотического механизма.

Толстой: А каков был Быков последних своих лет? Ведь он сыграл огромную роль в движении за белорусское национальное самосознание?

Алексиевич: Мы много спорили с ним об этом. Он остался романтиком. Если тогда он был романтиком-шестидесятником, то потом он... Я не ставлю это им в вину, ни в коем случае, я, наоборот, восхищаюсь этим поколением, но нельзя обогнать время, нельзя обогнать собственный народ. Это все происходит, к сожалению, по неким своим законам. Так вот потом он стал романтиком национальной идеи, наших национальных лидеров, которые тут же вырождались в Гамсахурдия, только не успели ничего сделать, а было бы то же самое. И он стал романтиком этой идеи.

А потом тоже, по-моему, был очень разочарован. Это было очень сложно. Во всяком случае, я думаю, что он мог бы, как и Астафьев, написать, что я радостно пришел в этот мир, а ухожу потрясенным, разочарованным и одиноким.

Мне кажется, такого Быкова я встречала за границей. Я помню, однажды мы встретились во Франкфурте, он пришел с женой, и у нас было немножко времени поговорить. И так я была расстроена его душевным состоянием, что он не мог вернуться домой, что он во многом разочаровался, что все оказалось не так, как мы себе представляли, что после серых пришли чёрные, что я даже

села на поезд, который ехал в обратную сторону. И до сих пор помню эти две фигурки на платформе, которые махали мне, совершенно растерянные, в этом новом, непонятном мире.

«О войне мы не знаем правды — особенно белорусы о партизанской войне»

16 марта 2012

Сергей Шупа

На книжной ярмарке в Лейпциге, где присутствует большая делегация белорусских литераторов, писательница Светлана Алексиевич ответила на вопросы нашего корреспондента.

Шупа: Сколько времени война еще будет оставаться актуальной в сознании белорусского читателя?

Алексиевич: Что касается белорусского читателя, это будет очень долго. То же самое и для русского читателя. Поскольку исчезла красная империя, то исчезла и наработанная идея. Не важно, какая она... Конечно, остались море крови и бочки мяса, и полная катастрофа в умах людей. В то же время сегодня людям еще хуже жить, особенно маленькому человеку, и он растерян. Маленький человек же не думает стратегически, он же не писатель, чтобы сидеть и думать о важных вещах. Он смотрит — нет денег, пошел...

Я особенно поехала по России, так там ужас. У нас еще какая-то своеобразная смесь феодализма и социализма, еще более-менее скрыто все на какое-то время. Поэтому, с одной стороны, о войне мы не знаем правды — особенно белорусы о партизанской войне. Если воюет армия — это

организованная военная машина, хорошая или плохая, но машина, есть законы, устав, права, то есть — есть институт, сколько живет человечество, столько этому институту лет. Партизанская война, это, в общем, полный разбой. Ты зависишь от командира, особенно женщины (что я хорошо знаю); если ты еврей, тебе могут и в спину выстрелить.

Всё это мы знаем, и мы этого не знаем. То есть мы знаем об этом как свидетели, от родителей, от дедов, вот мне бабушка с дедом рассказывали, что они боялись ночью одних, а днем других... А литература об этом не пишет, литературы об этом нет или очень мало...

Шупа: А не поздно уже?

Алексиевич: Я не думаю. Наоборот, сегодня к этим вещам можно совсем иначе подойти. Это то, что я пыталась сегодня сказать. Меня, на уровне таких конкретностей, совершенно не интересует (это, может, уже и поздно) — сколько подорвали эшелонов, как одни героически убивали других и т. д. Но поскольку мы живем в эпоху потребительства, у человека нет стержня. И вот ему не на чем... Ну, все мы немного православные, да, но настоящих верующих, которые по-настоящему знают и читают Библию, не так и много... А битва добра и зла в человеческом сердце ведется всегда, и поэтому такие материалы, такая история дает возможность общения с таким человеком. На каком еще материале вы можете сегодня говорить с нашим человеком о добре и зле? О чем?

Шупа: Но посмотрите, участников войны уже почти не осталось, остались состарившиеся сви-

детели. Изменилось ли что-то сегодня в их воспоминаниях?

Алексиевич: Я где-то пять лет назад книгу дополнила — я дописала, потому что они сегодня говорили лучше, чем тогда. Сегодня они более свободны. Если раньше я должна была их убеждать, что об этом можно рассказывать, то сегодня они уже и сами это знают.

Шупа: Но понимают ли сегодняшние читатели? Уже выросли два-три новых поколения...

Алексиевич: Если вы зайдете в польский книжный магазин — посмотрите, как читают «У войны не женское лицо». Книга вышла в Польше — две премии. Это же о чем-то говорит? Это говорит о том, что это — предмет разговора. У поляков сложное отношение к российской истории — кто только не воевал на этой территории — были белорусские интересы, польские, украинские, советские. Мы ведь ничего этого не знаем. Наконец, есть же архивы, есть документы — если бы это кто-то описал, все бы это читали сегодня, потому что мы, по большому счету, ничего о себе не знаем. У нас есть сталинская версия, и мы до сих пор по ней живем. Если ты расскажешь историю по-людски, о судьбе человека — простой, «маленький» человек будет читать. Почему у нас сегодня на секции не получился разговор? Потому что у историка один взгляд, а у писателя другой.

«Когда столько лжи, участвовать в этом неприлично»

20 сентября 2012

Алесь Дащинский

В Беларуси продолжается досрочное голосование на выборах в Палату представителей. Писательница Светлана Алексиевич сказала, что хотя и будет в день выборов в Беларуси, но голосовать не пойдет, потому что считает, что происходит очередное политическое шоу. Светлана будет работать над новой книгой «Время second-hand. Конец красного человека».

Алексиевич: В тех обстоятельствах, при той власти, которая у нас, все это лживо, неприлично. Мы, по большому счету, не знаем, что происходит в стране, какие силы, какие люди на самом деле пользуются доверием, на самом деле могут что-то сделать. Это все самоуправство, всевластие такое. Мы живем в стране, ничего о ней не зная. А идти еще раз это умножать — зачем? Когда сидят политзаключенные, когда людям, которые выдвигаются, не дают слова, когда столько обмана, лжи, участвовать в этом просто неприлично. Мы все оказались в ловушке. С одной стороны, надо что-то делать, а с другой стороны, полное бессилие и невозможность что-то делать. Я вижу, что все парализованы. Это уже не страх как таковой, а это полное ощущение своего бессилия, беспомощности. И почти отчаяние. Он у всех — и у тех, кто

ездит на джипе, и у тех, кто тянет от зарплаты до зарплаты. Это какое-то общее отчаяние того, что мы выпадаем из времени. Полное политическое и человеческое бесправие.

«Народ — это совсем не то, что о нем принято думать: что это люди, которых охватил страх, рабы»

24 октября 2012

Радыё Свабода

На видеопортале YouTube появился документальный фильм «Площадь. Женщины». Идея проекта принадлежит писательнице Светлане Алексиевич. Светлана Алексиевич ответила на вопросы Свободы.

Алексиевич: Разумеется, очень хотелось бы, чтобы это видео посмотрело как можно больше людей. Чтобы не прошли мимо нас те страдания, которые пережили эти женщины и их дети. Чтобы время от времени упоминалось о том, что не у всех матерей выдержало сердце от того, что случилось с их мальчиками. В нашем фильме рассказывается, что матери двух политзаключенных умерли. Вот такими историями можно разбудить свой народ, а не какими-то политическими лозунгами... Надо говорить о человеческих вещах и таким образом пробиваться к другим. Ведь каждый из нас может оказаться на месте героинь этого фильма.

Свобода: Фильм снят мобильным телефоном со встроенной видеокамерой. Это обычные человеческие разговоры о том, что в жизни далеких когда-то от политики женщин изменилось после событий 19 декабря 2010 года. Основой для проекта стала встреча у вас дома с вашими подругами —

искусствоведом, журналистками. Разговор шел о том (это ваша тема), что история народа, страны живет в каждом маленьком человеке, что это нужно фиксировать на любой доступный носитель. И тогда одна из них — искусствовед Татьяна Тюрина — сказала: «Ага, у меня есть мобильник...»

Алексиевич: Да, мы говорили о том, что каждый человек носит историю в себе и уносит, уходя, с собой. Только у одного это две страницы, а у другого — десять, и т.д... Литература уже не успевает отразить все это. Писатель пытается искать какие-то новые слова, однако энергия из них ушла. Кому доверяет теперь наш современник? Это, разумеется, свидетели, свидетельства... И эти свидетельства важно сегодня сохранить на любом носителе — диктофоне, камере, телефоне... Не важно как. Главное — увидеть, услышать. И зафиксировать. Зафиксировать этот момент может художник, журналист... В этом проекте такое удалось. Мы, кстати, хотим сделать и продолжение, которое будет называться «Площадь. Мужчины». Будут два таких взгляда... Мне самой интересно, что из этого выйдет.

Свобода: «Площадь. Женщины», «Площадь. Мужчины». В этих названиях акцент делается на события почти двухлетней давности. Хотя в том же видеофильме о событиях 19 декабря говорится не так уж и много...

Алексиевич: Считаю, что Площадь, те события, которые произошли 19 декабря 2010 года — очень знаковые. Это еще раз подтверждает догадку, что мы, с одной стороны, превратились в гетто, где наверху жизнь делается, так сказать, «по понятиям»,

однако внутри происходят какие-то непривычные и интересные процессы, которые сегодня не каждый понимает и осознает...

Мы увидели, что народ — это совсем не то, что о нем принято думать: что это люди, которых охватил страх, рабы. Да, это присутствует, однако, тем не менее, при этом наверх могут выйти совсем другие силы... Как происходит часто в экстремальных условиях, в том числе на войне (это и моя тема тоже) — говорят о страданиях героев, однако никто не говорит о страданиях женщин. В нашем таком немного патриархальном обществе традиционно считалось и считается, что женщина как бы вовне, а жизнь — как старую, так и современную — делают мужчины. На самом деле известные события показали совсем другое.

Я считаю, что когда обстоятельства изменятся, а они изменятся, в политику и общественную жизнь придет много женщин. Потому что они есть, и их рост как личностей весьма ощутим. Они растут на фоне этих событий, на фоне страха, даже личных потерь, на том унижении, которое мы переживаем как нация. Женщины «пробьются». Потому что держать их дальше на второстепенных ролях просто невозможно. Об этом наш рассказ... Для меня очень важна концовка фильма, когда на встрече близких родственников политзаключенных старшая женщина, в семье которой никто не пострадал, никто не сидел, говорит: «Я прожила всю жизнь в СССР, а прихожу сюда, чтобы чувствовать себя свободной».

«Для свободы нужны свободные люди»

25 апреля 2013

Елена Радкевич, Прага

Насколько востребована в Беларуси такая литература, как книга Юрия Бандажевского «Тюрьма и здоровье», вышедшая в серии «Бібліятэка Свабоды»?

Радкевич: Известный белорусский ученый и просветитель Борис Кит, которому в этом году исполнилось 103 года, вспоминает о себе так: «Два раза я сидел при польской власти и один раз при немецкой в Глубоком, в камере смертников. Очень грустно и плохо, но такая, видно, наша судьба белорусская — всегда приходится сидеть в тюрьмах. Никак не может Беларусь попасть в хорошее время». Не в связи ли с этой своей тюремной историей белорусы так спокойно и с фатализмом воспринимают условия своей несвободы?

Алексиевич: Я думаю, что это действительно можно рассматривать как метафору — есть реальная тюрьма, тюремные сроки, где сидят люди из поколения в поколение. Может, только в последние «вегетарианские» советские времена этого не было, а так это действительно постоянно нас сопровождает. Достаточно пройти по улицам Минска, где все чисто, приглажено, но увидеть эту несвободу можно в повадках людей, в их взглядах, в том, как они ведут себя в автобусе, троллейбусе... Все это поведение несвободных людей. Это тоже какая-то форма тюрьмы. Тут вы абсолютно правы.

Радкевич: А не сложилось ли так, что белорусы уже и побаиваются свободы?

Алексиевич: Человек, который всю жизнь сидит в тюрьме, конечно, боится свободы. Там чашка баланды и знакомые правила поведения, паёк, и вдруг тебя выбрасывают в так называемую свободу. Поэтому многие из этих людей возвращаются туда назад — потому что у них нет навыков другой жизни. Ведь почему ничего не получилось из перестройки? Такая прекрасная идея, казалось бы, люди рванулись навстречу свободе. Но оказалось, что никто понятия не имеет, что это такое.

Не было свободных людей. А для свободы нужны свободные люди. А их не было. Одни сидели на кухнях и ругались, ждали, что кто-то что-то изменит наверху, тот, кого выбросила очередная волна, кто-то на заводах и фабриках в курилках обсуждал то же самое. Никто не делал свободу — все ждали, что кто-то ее сделает за них.

Я думаю, что в нашей культуре нет никакого другого опыта, кроме опыта насилия. У нас нет опыта радости, опыта жизни, культуры радости, культуры жизни. У нас только опыт насилия, выживания, в общем — только военный опыт. Сегодня и люди ведут себя так же: между ними какие-то жесткие, сугубо военные отношения. Достаточно войти в троллейбус или метро — и эта жесткость, ненависть, страх там разлиты в воздухе. Хотя люди уже ездят на хороших машинах и носят уже не только китайские и турецкие костюмы, но эти взгляды неуверенности и ненависти — все это «да пошел ты», «да я тебя»... Я вот живу рядом с маленькой церквушкой и видела

такую сценку: ходил поп и святил эти богатые машины. И стоило ему только отойти, как эти же богачи, которые только что прикоснулись к Богу — к ним подошел какой-то бомж, и они: «Да пошел ты...» Это что — свободные люди?

Радкевич: Вот вы говорили, что в начале перестройки люди еще не знали, что такое свобода. А как вы думаете: сейчас белорусы уже начинают определять для себя, что такое свобода? Валентин Акудович говорил как-то, что белорусы испытывают пока удовольствие от частного потребления, от частной жизни. А вот до понимания необходимости общественных свобод они еще не доросли?

Алексиевич: Я думаю, что это деформация роста, это первоначальное. Это еще такой вульгарный период. Люди раньше ничего не имели. Сначала бедность, аскетизм. Людям хотелось просто наесться, попробовать. Это были в общем-то люди, которые никогда ничего не знали. Мне в одном деревенском магазине сказали: какая свобода — водки сколько хочешь, даже бананы лежат, колбасы полно, какая еще свобода тебе нужна, нам и этого хватит. В то же время это не совсем так. В головах наших людей как бы две полочки. На одной лежат эти материальные товары, то, что мы можем себе позволить. А с другой стороны, какая-то часть людей ездит за границу, видит другой мир, они догадываются, что может быть другая жизнь, и она может быть иначе устроена, но это как бы «не про нас».

Потому что когда они приезжают, достаточно перейти границу или прилететь, оказаться в зале ожидания, в зале паспортного контроля, и ты по-

гружаешься в другое время, в другие взаимоотношения. Те же люди, которые раскланивались с немцами или с итальянцами, я их видела, как они проходили паспортный контроль в Риме — и совершенно это другие люди, когда они оказались на паспортном контроле в Беларуси. Они уже как-то жестко друг с другом. А уж когда они взяли вещи и выходят к своим — они опять возвращаются в некий канон, канон несвободы, который негласно присутствует в сознании. И это, к сожалению, наверняка, рост, но рост такой затяжной, болезненный, очень долгий рост. Я думаю, что на сегодняшний день мы владеем только военным опытом, тюремным опытом, и этот опыт — ловушка. Он мешает и интеллектуалам, и политикам, и простым людям. Он мешает нам прорваться в какую-то другую жизнь, потому что мы ограничены этим, это как бы норма.

Что такое книга Бандажевского, которого я очень уважаю, который действительно личность, и этот опыт тюремный освещен сильной, интересной, неординарной личностью. И он просто говорит, как выжить. Но у Шаламова есть высказывание, что лагерный опыт никому не нужен. Он нужен только в лагере. Он развращает и палача, и жертву. И вот я думаю, есть еще более жесткое определение — что лагерный опыт палача и жертву связывает, это — братство в падении. И это жестко, но это то, что с нами действительно происходит. Мы развращены, мы друг от друга зависим. Вот вся страна обсуждает то, что сказал Лукашенко. Сказал глупость, на уровне «гопника» — но вся страна это обсуждает. И вся глупеет...

Радкевич: Вот вы сказали по поводу книги Юрия Бандажевского, что, конечно, это не художественная книга, это своего рода книга по системе выживания. Это книга, написанная в тюрьме, значит, она может быть отнесена к тюремной литературе. В современном белорусском литературном процессе возник целый пласт такой литературы, который пока не оценен. Я не случайно сказала «пока», потому что сегодня на презентации книги Бандажевского было объявлено об учреждении новой литературной награды — это совместная премия *Радыё Свабода* и Белорусского ПЕН-центра. Современная тюремная литература — вы знакомы с таким творчеством?

Алексиевич: Ну, поневоле я читала то, что писали, у нас в Беларуси есть опыт. По-моему, когда-то Павел Шеремет что-то писал, ну и вообще русская литература богата этим опытом, но там больше из сталинских лагерей. Я хочу сказать, что для тюремной литературы есть очень высокая планка, которую задала русская литература сталинских лагерей — Разгон, Солженицын, Шаламов. Это очень высокая планка. Конечно, такая премия нужна у нас. Но я опять думаю, что мы по-прежнему заложники этого тюремного опыта. Это какое-то бесконечный круг, из которого мы не можем вырваться.

Радкевич: Вы видите в Беларуси какие-то приметы того, что она вырывается из этого круга?

Алексиевич: Ну, если вы говорите о тюремном опыте — то пока у нас нет шансов думать, что что-то у нас в ближайшее время поменяется. И власть вредит сама себе, потому что, если бы она была

умнее, она бы не создавала ни тюремную литературу, ни тюремную ситуацию, поскольку тюремные ситуации создают только революционные ситуации, делают только революционеров. Я не знаю никого из молодых людей, кто бы не вышел в Беларуси из тюрьмы без революционных идей, без революционных настроений, даже если они посидели на Окрестина 15 суток. Сегодня тюремная литература работает на идею освобождения, власть делает больше, чем делает оппозиция для этого. Но что касается тюремной литературы как таковой — существуют очень высокие образцы.

Радкевич: А с вашей точки зрения, тюремные страдания — они разрушают творчество или питают его? Существует какая-то универсальная формула, или каждый раз это индивидуально?

Алексиевич: Думаю, здесь все зависит только от таланта. Когда я приходила в литературу, говорили, что для того чтобы написать о войне, нужно иметь военный опыт. Ни страдания, ни то, что человек перенес или передумал — совсем не всегда равно тому, что ему удастся сказать. Это талант. В этом плане искусство совершенно жестоко. Единственный критерий — талант.

«От белорусской культуры я не отказывалась!»

22 июня 2013

Сергей Шупа, Прага

В немецкой газете Frankfurter Allgemeine Zeitung появилась публикация, где писательница Светлана Алексиевич якобы критически высказалась о белорусском языке.

В интервью по поводу присуждения Светлане Алексиевич престижной Премии мира немецких книготорговцев писательница высказалась относительно своей культурной принадлежности и отношения к белорусскому языку.

На реплику газеты «Хотя Минск — ваш родной город, но вы не пишете по-белорусски», Светлана Алексиевич ответила:

«Да, я пишу только по-русски и также считаю себя представительницей русской культуры. Белорусский язык очень деревенский и литературно незрелый».

На вопросы, которые могут возникнуть у читателей интервью, мы попросили ответить саму писательницу.

Алексиевич: Конечно же, я такого не говорила. Здесь тот случай, когда на текст и дух интервью наложилась личность человека, который его делал. Со мной говорила московская корреспондентка газеты, возможно, ее русский язык был несовершенный, возможно, она передала там что-то так, как бы сама хотела это услышать.

Я никак не могла сказать то, что написано в тексте интервью. Это совершенно не соответствует моим убеждениям. Я всегда говорила, что у меня две матери — белорусская деревня, в которой я выросла, и русская культура, в которой я воспитывалась. Как можно от них отказаться? Белорусский язык для меня — это и сельские пейзажи, и деревенские бабки, среди которых я росла, через белорусский язык я узнавала мир женского голоса — я никогда не считала и не считаю его каким-то отсталым или незрелым.

Комментарий в FAZ: На присуждение Алексиевич премии в Беларуси не реагируют

24 июня 2013

Радыё Свабода

«Присуждение Светлане Алексиевич Премии мира немецких книготорговцев встречено в Беларуси прохладно», — замечает Инго Пец в комментарии в газете Frankfurter Allgemeine Zeitung, посвященном реакции на это событие в Беларуси.

С вручением Премии мира немецких книготорговцев писательнице Светлане Алексиевич, пишет Инго Пец, в центр внимания попадает страна, к которой приклеена этикетка «последняя диктатура Европы»: Беларусь. История этой постсоветской страны отмечена войнами и катастрофами. Казалось бы, новость о такой престижной премии должна была вызвать бурю радости. О присуждении премии сообщили важные независимые газеты и интернет-порталы страны — даже государственные СМИ, которые традиционно мало интересуются творчеством Алексиевич. 65-летняя писательница уже много лет открыто позиционирует себя как оппонент режима президента Лукашенко.

Но напрасно искать в Беларуси — как и в России — оценки, анализ творчества или радостные поздравления, ничего нет даже в Фейсбуке и на сайте независимого Союза писателей. Молчит и

Белорусский ПЕН-центр. На вопрос об отсутствии реакций президент ПЕН-центра **Андрей Хаданович** спрашивает в ответ: «А что там за премия? У нее уже столько этих премий...»

Белорусское общество до сегодняшнего дня, несмотря на интернет и спутниковое телевидение, остается изолированным и испытывает воздействие пропаганды. Литературная переводчица **Ирина Герасимович** ссылается на менталитет, который, видимо, присущ белорусам:

«К сильным сторонам белорусов не принадлежит то, что они не хотят видеть дальше своего носа. Ведь это значило бы, что нужно было бы сравнивать себя с уровнем других европейских писателей, а это вызывает страх».

Журналист **Алесь Кудрицкий** считает, что Алексиевич попала в обычную ловушку эмигранта, потому что долго жила за границей:

«Если писатель выезжает за границу, возможно, он находит другую аудиторию, но как тогда быть с читателями на родине? На таких людей у нас смотрят скептически. Их упрекают, что они ведут приятную жизнь за границей вместо того, чтобы работать для своего народа».

Сергей Шупа, специалист по литературе из белорусскоязычной службы Радио Свободная Европа, имеет другое объяснение:

«Алексиевич чрезвычайно трудно поддается идентификации. Она гражданка Беларуси, пишет по-русски. Какая у нее идентичность? Возможно, постсоветская».

Беларусь до сегодняшнего дня культурно расколота. Большинство говорит по-русски, белорус-

ский язык режим Лукашенко сознательно маргинализует. Так неосоветский президент борется против национальной оппозиции и усиления западной ориентации, символом которых для многих деятелей культуры выступает белорусский язык. Алексиевич сказала в интервью FAZ: «Да, я пишу только по-русски и также считаю себя представительницей русской культуры. Белорусский язык очень крестьянский и литературно несозревший». Радио Свобода воспользовалось этим ответом, чтобы спросить, не хочет ли таким образом Алексиевич проститься с белорусской культурой. Неосторожное высказывание писательницы, возможно, еще вызовет в ближайшие дни поток реакций, считает **Инго Пец**, немецкий журналист, специализирующийся на белорусской тематике.

Журналистка FAZ говорит, что процитировала Алексиевич точно

24 июня 2013

Радыё Свабода

*Журналистка немецкого издания Frankfurter Allgemeine Zeitung Керстин Хольм прокомментировала для Радио Свобода ситуацию вокруг интервью Светланы Алексиевич по поводу присуждения писательнице престижной Премии мира немецких книготорговцев. По словам **Светланы Алексиевич**, приведенная в газете цитата — «Белорусский язык очень крестьянский и литературно незрелый» — неточная.*

В интервью Радио Свобода г-жа **Алексиевич** пояснила: «Я никак не могла сказать то, что написано в тексте интервью. Это совершенно не соответствует моим убеждениям. Я всегда говорила, что у меня две матери — белорусская деревня, в которой я выросла, и русская культура, в которой я воспитывалась. Как можно от них отказаться?

Белорусский язык для меня — это и сельские пейзажи, и деревенские бабки, среди которых я росла, через белорусский язык я узнавала мир женского голоса — я никогда не считала и не считаю его каким-то отсталым или незрелым».

Керстин Гольм пишет: «Прочитированная мною формулировка существует дословно в записи интервью. О «двух матерях» и своих красивых формулировках насчет «правды женского

голоса» она мне тогда, однако, ничего не говорила. Но это, без сомнения, тоже важно и тоже правда. Поэтому я бы воспринимала это пояснение Светланы Алексиевич, скорее всего, как толкование и дополнение. Ведь в интервью люди говорят о многом (слишком) коротко. Поэтому я хотела бы еще добавить от себя: Светлана Алексиевич рассказывала мне о библиотекарях в Пинске и о природе, которая дает ей столько надежды, и мне кажется ясным, что все это имеет отношение к белорусскому языку. И еще от меня: русский язык в постсоветском пространстве выполняет роль *lingua franca*, как когда-то латынь в Европе, на которой пишут, когда хотят, чтобы тебя услышали в мире. О русских аналогах слов *bäuerlich* и *unausgereift*: в разговоре это звучало, соответственно, как «крестьянский» и «несозревший».

Код отсутствия Светланы Алексиевич

25 июня 2013

Северин Квятковский, Минск

Кася Камоцкая однажды рассказала:

«Меня дочь зарегистрировала на “Одноклассниках”. И меня сразу нашел бывший ученик моей школы — давно живет в США».

Кася удивилась, когда в письме прочитала, что «очень сильно повлияла на судьбу» своего школьного приятеля:

«Я тебя слушал по радио 101,2 FM, — пересказывала Кася, — последний эфир перед закрытием станции в 1996. Незадолго до самого финала зазвучала песня “Люди на болоте”, и я вдруг решил — все! Надо уезжать!»

* * *

Светлану Алексиевич на Западе знают, а Касю Камоцкую — нет. Как не знают авторов стихов, которые исполняла Касина группа «Новое Небо».

Философ Валентин Акудович — один из больших поклонников группы. Его книгу «Код отсутствия» тоже не знают в Западной Европе.

Что французский или немецкий любитель интеллектуальной литературы должен пережить, чтобы прочитать или послушать и проникнуться текстами песен «Нового Неба» с названиями «Люди на болоте», «Моя страна», «Подводное гетто», «Ожидание Рождества»?

Или — не оторваться от текстов Валентина Акудовича «Идея Возрождения», «Язык (Знак беды),

«Беларусь как пространство сакрального», «Границы Отечества и языка»?

* * *

Светлана Алексиевич дает читателю ужас и несправедливость в тех форме и масштабе, которых никогда не было в Западной Европе.

Ужас и несправедливость Второй мировой, которые в большей или меньшей степени знают в каждой белорусской семье просто от очевидцев.

Ужас и несправедливость войны в Афганистане, услышанные от участников событий во дворах на лавочках, у коллег по учебе или работе.

Ужас и несправедливость Чернобыля, о которых мы сперва узнавали из уст в уста, а потом широко через СМИ.

Ужас и несправедливость — как постоянный фон жизни в советской, а затем постсоветской системе.

Ужас и несправедливость, от которых уехал одноклассники Каси Камоцкой, когда увидел, что после короткой передышки все опять возвращается на круги своя.

Той передышки, когда появилась группа «Новое Небо» среди множества творческих инициатив.

Тех художников, которые продолжают день за днем строить свое пространство, где нет места ужасу и несправедливости, а только — свободе и любви.

* * *

Как-то я путешествовал в одной байдарке с Валентином Акудовичем. Команде из несколь-

ких лодок нужно было попасть из озера Нарочь в речку Нарочанку.

Вход в реку плотно зарос тростником. Наша — первая — лодка буквально прорубала путь вперед. Больше часа непрерывной работы. Так вышло, что самый старший из всех — Валентин Акудович — сделал самый большой кусок работы.

Позже, когда устало-радостные мы потихоньку начинали идти по свободной воде реки, Валентин стал самым последним. По старой своей привычке замыкал арьергард, сделав на корме байдарки подобие трона из рюкзака и коврика.

Я был посередине, а на носу правила теолог Ирина Дубенецкая. Задача первого в лодке — караулить коряги, завалы и другие опасные препятствия на пути туристов. А главная рулевая тяга, которая дает возможность максимально быстро развернуть лодку, находится в весле капитана на корме.

* * *

Именно Светлана Алексиевич, а не Валентин Акудович — посол Беларуси в Западной Европе. Писательница-документалистка репрезентирует позднедиссидентскую советскую мысль.

Светлана Алексиевич не только физически давно отсутствует в Беларуси. С начала своей деятельности и до сего дня она ментально живет в позднем СССР, переживает и переосмысливает людей, которые и думать не думали о построении чего-то другого, кроме собственной жизни в советской реальности. А на Западе пока не видят принципиальных цивилизационных изменений

со стороны большинства бывших советских республик.

Как можно увидеть разговоры белорусских национальных диссидентов о новой предполагаемой белорусской реальности на кухнях, в кафе или, например, во время путешествий на байдарках?

Г-жа Алексиевич не может быть русской или белорусской писательницей. Она советская писательница, чье творчество будет актуально ровно столько, сколько на территории бывшего СССР будет существовать диссидентская интеллектуальная оппозиция (пост)советской системе.

Это примерно до того времени, когда каждый белорусский школьник будет знать стихотворение «Моя страна» и книгу «Код отсутствия».

* * *

— Коряга, коряга! — закричала Ирина Дубенецкая.

— Да, — задумчиво затягиваясь сигаретой, ответил Валентин Акудович. — Там впереди будет еще много коряг.

В Беларусі заблакіраван доступ к сайту Светланы Алексіевіч

19 августа 2013

Инна Студинская, Минск

Уже больше десяти дней сайт alexievich.info не открывается в Беларуси.

Хостинг находится в Германии. Раньше сайт в Беларуси был доступен. В других странах он теперь открывается без проблем.

Сама писательница знает об этом:

«Это продолжается уже больше недели. Сначала я думала, что это просто временные технические неполадки. Потом поручила человеку, ответственному за сайт, провести такую техническую проверку. В девяти странах люди откликнулись, что все в порядке. Таким образом выяснилось, что только в Беларуси сайт заблокирован. Слава богу, что хоть во всем мире он доступен.

Сайт двуязычный, чисто литературный. Поэтому я не понимаю, зачем это. Может, мне хотят просто досадить накануне вручения премии. Это просто какая-то глупость».

Основатель портала tut.by **Юрий Зиссер** говорит:

«У меня нет никаких идей, я даже не представляю, что это может быть и кому это нужно».

Радыё Свабода провело эксперимент: напрямую сайт недоступен, но через прокси-серверы открывается. Вопрос, есть ли этот сайт в списках ограниченного доступа, остается пока что открытым.

Юлия Чернявская о Светлане, сестре гастарбайтера

4 октября 2013

Заметки о книге Светланы Алексиевич «Время second-hand»

Несколько дней назад в Минск пришла книга, которую белорусы ждали уже давно: «Время second-hand» Светланы Алексиевич. Ждали разного: кто — правды о времени и себя, кто — «клеветы» на белорусов, кто — критики СССР, кто — апологии «совка». Эти социальные экспектации блуждали по пространствам Байнета — по форумам и социальным сетям, вырождаясь в жгучий вопрос: белорусская ли писательница Светлана Алексиевич или нет (российская, «советская» — нужно подчеркнуть)? Чаши весов склонялись к мнению «советская».

Помню: после выхода ее первой книги «У войны не женское лицо» тоже говорили: не наша. Только тогда подразумевалось — не советская. «Не такая» у нее война. Неправильная, негероическая, слишком страшная. Нет положительных примеров для подрастающего поколения. Сейчас сказали бы: нет позитива. Зато Быков и Адамович признали: наша.

Помню вакханалию, которая поднялась после книги Алексиевич «Цинковые мальчики». Тогда кричали, что она оплевывает армию... И опять она была «не наша». Вступились за нее писатели-фронтовики: Микола Аврамчик, Янка Брыль, Ва-

силь Быков, Александр Дракохруст, Наум Кислик, Валентин Тарас. Для них она была — своя.

Помню, после событий 19 декабря 2010 года Алексиевич написала открытое письмо президенту. Что, ее хвалили за смелость, благодарили за открытую попытку заступничества? Нет, ее ругали за формулировку «Уважаемый господин президент». Ну да, мы гораздо лучше понимаем фотожабу, крик, брань: в этом мы куда более советские, чем Алексиевич. А суть письма осталась за кадром.

Тридцать лет на Родине Светлану Алексиевич пробуют «на зуб», стараясь поставить на ней лейбл, печать. Так чья она, Светлана Алексиевич? Услышим ли мы ее голос в этом крикливом хоре?

Алексиевич говорит: я советский человек. Еще она говорит: я пишу по-русски, это мой родной язык, мне близка русская литературная традиция. А еще: я белоруска, я выросла в белорусской деревне, мои книги выплывали из разговоров белорусских крестьянок — о войне, о Сталине, о голоде, о горе... За эти тридцать лет она стала своей для американцев, шведов, немцев, японцев. Идентичность бывает двойная, тройная — особенно в современном мире, это основы этнологии. Но как с этим сладить тем, кто привык мерить простым критерием «наша — не наша»?

Читая книгу, я ни разу не задумалась над тем, чей же писатель Светлана Алексиевич. Как не задумываюсь, читая Кундеру или Сарамаго. Большой писатель принадлежит миру. Светлана Алексиевич — не просто хороший писатель: она писатель большой.

Те, кого беспокоит «этническое чувство» и политическая платформа автора, легко найдут в книге подтверждение своим умозаключениям. Там есть все — и «белорусскость», и «русскость», и «советскость», и «антисоветскость». Ее герой — и демократ, и сталинист, и либерал, и сторонник крепкой руки — таково уж сознание человека, которого захватило волной истории и вышвырнуло на незнакомый берег — берег иных идей и ценностей, иных стереотипов, иных представлений. И вот он стоит, выплевывая соленую воду, пытается откашляться — испуганно оглядывается, пытается строить свой маленький дом из обломков прежних иллюзий и новых требований. Герой Алексиевич — человек потрясенный. Она говорит: я — это тоже он. Можно посмеяться над ним, можно вывести его за интеллектуальные скобки, но за скобки жизни — нельзя.

Вот голос старого большевика: умирая, он хрипит о революции, которую предали. А вот — Марии Войтешонок, дочери польского офицера-осадника — о ссылке на рудники, о годах жизни в землянке, о страшном сиротстве в советском приюте. Кто из них советский, кто нет? Оба советские. Мы постфактум можем выбирать, какая идентичность нас больше греет, но родиться и вырасти в другом месте уже не получится. Клеймо родины. Так, может быть, попытаться понять: что с нами было, кого из нас делали, кем мы стали? Вычеркнуть — или осознать? Осознав — преодолеть.

Врезалось в память — боюсь, навсегда: «Кошку принесли из-за зоны. В зоне кошек не было. Они не выживали, потому что не оставалось никаких

остатков еды, мы все подбирали. Ели какую-то траву, корешки, облизывали камешки. Нам очень хотелось угостить чем-то кошку, но у нас ничего не было, и мы кормили ее своей слюной после обеда и! — она ела. Она ела!» И еще — о партизанах. Они взяли в свой отряд убежавших из гетто — евреев. Эти партизаны героически сражались с врагом, а в свободное время насильовали «жидовочку» Розу. Роза забеременела — и ее застрелили. И тут же, на соседних страницах — о демонстрациях, о пирогах, которые бабушка пекла 7 ноября, о страстном желании вступить в пионеры. О братстве. О большом и интересном культурном контексте: о книгах, которые становились не просто литературными событиями — частью личного мировоззрения. О добрых соседях, которые были ну просто как родные... Перелистнешь страницу: и вот, арестованная мать просит соседку вырастить дочь, и та растит, семнадцать лет нянчит, спасает, бережет ребенка, становится второй мамой — а ведь именно она написала донос на подругу, позарившись на ее комнату.

Думали, что зло — это Сталин, а зло — это красивая и веселая тетя Оля, «настучавшая» на родного брата. Он погиб в лагере. С этим как? Вычеркнем? Или оставим?

Перелистнем еще несколько страниц. «Мороз! У моей жены легкое пальтишко, она беременная. Грузим на станции уголь, дрова, таскаем тачками. Незнакомая девушка спрашивает у жены: “У тебя такое пальтишко летнее. А потеплее нет?” — “Нет”. — “Знаешь, а у меня два. Было хорошее свое, и от Красного Креста получила новое. Ты скажи

мне свой адрес, я вечером принесу”. Вечером она принесла нам пальто, но не старое свое пальто, а новое». Тоже вычеркнем? Или оставим? Или разделим надвое? Мол, то, что дрова грузили в мороз — это советское. А что пальто новое принесла (интересно, сколько лет у нее потом не было нового пальто — пять, десять?) — вот это человеческое. А выйдет ли разделить — спаяно.

Такой уж он, советский человек. И ребенка чужого вырастит, и донос напишет. И рубаху последнюю с себя снимет — и в анус подследственному ножку венского стула запихнет.

Только вот думаю: а может, не советский? Может, и не было его, советского человека? «Культура — лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным хаосом» — это Ницше сказал. И идеология, и политика, и этика — яблочная кожура. И раскаленный хаос наших страхов и желаний внутри. Человек — он разный, в зависимости от того, что победит: не во власти победит — в его личном выборе: тонкая кожура или раскаленный хаос? И не потому, что он советский. Потому что человек. «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил».

Советское в книге — лишь повод, ракурс.

Чего требовала эта страна? О, разного — в разные периоды своего существования. Непосильного. Подвига, вмененного в норму. Унижения, вмененного в нее же. Как будто все мы — рядовые штрафбата. Но важнее другое: как эти требования сказывались на человеческой природе? Чем откликались? Одни говорят: я только выполнял приказ. Другие берут ответственность за все — и пыта-

ются выпрыгнуть из себя, стать лучше, лучше. Задыхаются, сгорают — но от них идет что-то вроде теплой волны. Распространяется. Задевает кого-то хоть краешком. Третьи кричат: великую державу развалили, суки... Четвертые: это страна виновата, вот будет у нас демократия... А у молодых в головах все это намешано-перемешано.

Что лучше — мучиться виной огромной, еще шумящей в ушах страны — как своею, личной? Чувствовать вину за то, что не совершил? С какой стати?

Или вычеркнуть эту страну-вину из учебников — и из сознания? Поверить, что она никогда и не была твоей? Заменить более привлекательным образом: лакированным СССР, где все были братья и сестры, литвинским проектом, европейским прошлым? А куда деть жизнь дедов и бабушек, пап и мам, плоть от плоти, кровь от крови? Тоже вычеркнуть — как издержку? Или оставить всецело для «домашнего употребления», сказав себе: вот «войдем в Европу», и у нас такое будет невозможно априори. А как же с немцами, жившими в самой что ни на есть «европейской Европе»? С итальянцами при Муссолини? Тоже вычеркнуть? Не многое ли мы вычеркиваем, господа? Не себя ли?

Еще две, три страницы...

«...Убивали за все... не там родился, не на том языке разговариваешь. Не понравился кому-то с автоматом... А до этого как мы жили? В праздники первый тост у нас был “за дружбу”... Жили вместе...»

Скажете, это ложь, государственная идеология? Не поверю. Лозунги «За советский интернациона-

лизм» — вот это государственная идеология. Речи Брежнева. Политинформации в школе. А тосты за дружеским столом — нет. Как и тот факт, что через несколько недель маленькие дети этих друзей били ножиком чучело. «Кто это?» — «Это армянская старуха. Мы ее убиваем. Тетя Рита, а кто ты? Почему у тебя русское имя?» Широкий человек...

Книга Алексиевич — акт покаяния. Просьба к нам — нет, не о покаянии, это личное дело каждого. О вопросе к самому себе. Вопрос к себе — самый страшный вопрос. Но если не задаваться этими жуткими вопросами — кто гарантирует нам, что на новом витке спирали они вновь не вернуться к нам: и опять в форме выбора между жизнью и смертью, предательством или гибелью? А мы будем не готовы. Не потому, что у нас не было Нюрнбергского процесса над коммунистами — потому, что у нас не было Нюрнбергского процесса над собой.

Для себя у нас всегда найдется оправдание: Ленин, Сталин, Брежнев. А это не Сталин. Это красивая тетя Оля.

Вот из чего создавалась ткань того самого ужасного СССР. Ткань большей части постсоветских стран — из того же. Плюс «недоразвитый капитализм», масскульт, интернет, неуклюже-гламурный популизм в политике... нужно подчеркнуть, недостающее добавить. Пестрая смесь. Потому-то и «время second-hand».

Алексиевич не осуждает. Просит: задумайтесь. Начните с себя. Как сделала сама.

Что ж, если с себя... У меня нет тоски по «великой державе», но я знаю, что родилась в СССР. Так

было записано в моем паспорте и написано в моем букваре. Это отнюдь не орден, скорее, стигма, но ее не отменишь. Родина — то, где тебя угораздило родиться и вырасти. Ее можно любить или ненавидеть, или и то, и другое одновременно, но постфактум подменить место рождения нельзя. Только — солгав. И потому Алексиевич — мой писатель, а ее герои — части моего «я»: покончивший с собой старый солдат и юный поэт, московская девочка, попавшая в теракт в метро, и минская девочка, попавшая в тюрьму; армянка, вышедшая замуж за азербайджанца; и молодой таджикский гастарбайтер, живущий в подвале.

«А ты знаешь, что у нас была большая война?.. Каждый день я видел по два-три трупа. Мама в школу не пустила. Я сидел дома и читал Хайяма. У нас все читают Хайяма. А ты его знаешь? Если знаешь, то ты мне сестра».

Закончу несколькими фразами из письма Алексиевич президенту. Письма, уже забытого нами — ибо 2010 год тоже уходит из нашего сознания: слишком мы заняты отделением ягнят от козлиц и рассуждениями на тему, кто «свой», а кто «чужой».

«Вы верите в силу, я верю — в слово... Боюсь, что в этой взаимной ненависти мы можем потерять то, что больше всех нас, — Беларусь. В истории остаются не герои “зачисток”, а те, кто мудр и великодушен».

Услышим ли?

Алексиевич получила премию мира от немецких книготорговцев

13 октября 2013
Радыё Свабода

Писательнице Светлане Алексиевич вручена престижная Премия мира Союза немецкой книготорговли. Церемония вручения состоялась в церкви святого Павла во Франкфурте-на-Майне.

Премия вручалась на специальной церемонии в присутствии тысячи человек и председателя немецкого бундестага Норберта Ламмерта.

Премия мира Союза немецкой книготорговли была основана в 1950 году и сегодня составляет 25 тысяч евро. Ее присуждают писателям, художникам, ученым и общественным деятелям, которые внесли вклад в укрепление мира, прежде всего своей деятельностью в области искусства и науки.

В число лауреатов награды прошлых лет входят такие выдающиеся личности, как врач и философ-гуманист Альберт Швейцер, писатель и художник Герман Гессе, философ и психолог Карл Ясперс, детская писательница Астрид Линдгрен, литературовед и диссидент Лев Копелев, драматург и политик Вацлав Гавел, а также прозаик Орхан Памук.

О бедном Джойсе, авторе «Дзеяслова»

25 октября 2013

Александр Лукашук, Прага

Фрагмент обзора журнала «Дзеяслоў»

До Праги последний, 65-й номер «Дзеяслова» дошел уже после нобелевских страстей — а в Минске он появился раньше, и открывала номер Светлана Алексиевич, «Время second-hand» в переводе на белорусский Валерия Стрелко.

Эта публикация, беспощадная, как прямой удар в челюсть в начале первого раунда — возможно, самое сильное редакторское решение и удача в новейшей истории белорусских журналов. Своевременно, к месту, на пике мирового литературного года. Снимаю шляпу, как говорит один мой друг, перед Борисом Петровичем.

Но погода — штука переменчивая, поэтому о «Времени second-hand» скажу в головном уборе — читать Алексиевич интересно, но невозможно. Можно только цитировать.

Наугад:

«Я родился в СССР, и мне там нравилось».

«Горбачев — секретный американский агент... Масон... Предал коммунизм».

«Телевизор у нас дома не выключался... Программу “Новости” смотрели каждый час».

И так — километрами. По-моему, мы наблюдаем полную победу материала над автором. Алексиевич поверила Алесю Адамовичу, который

был человеком веселым, его заносило в разные блестящие пропасти, и там он, чтобы отцепились конвоиры, которых нервировали его шаги влево-вправо-побег, придумал «сверхлитературу». Все дело, учил коварный Алесь, в технике: вот Достоевскому понадобился опыт смертного приговора и каторги, чтобы добраться до бездны человеческой путем «глубинного бурения», «силой таланта пробиться к такому материалу». А современный литератор имеет «ковш», как Адамович называет магнитофон, и открытым способом, словно роторный экскаватор, перемалывает тонны человеческой руды.

Эта статья Адамовича, где он писал о писателе как о водителе землеройной машины (посвященная, кстати, как раз Светлане Алексиевич), называлась словно инструкция («Как быть гениальным») и напоминала старый анекдот:

Одна обедневшая аристократка поехала в Нью-Йорк и вернулась оттуда в очень дорогой шубе. На вопрос горничной ответила, что встретила одного джентльмена. Горничная тоже поехала в Нью-Йорк и вернулась в такой же шубе. На вопрос удивленной хозяйки пояснила, что просто ей пришлось встретиться с пятьюдесятью джентльменами.

«Время second-hand» мог бы написать, например, Джеймс Джойс, если бы работал на экскаваторе. Или торговал шубами.

«Слава богу, что люди хотят говорить по-белорусски»

21 ноября 2013

Ян Максимюк, Прага

Переписка с президентами

Максимюк: Вначале примите мои поздравления по поводу премии Медичи, которую на днях дали вам во Франции за книгу «Время second-hand». И в связи с этим мой первый вопрос. Он может вам показаться достаточно риторическим, но я все же задам его. Можете отвечать, можете нет. Это приятно — получать литературные премии за границей?

Алексиевич: Странный вопрос. Конечно, это всегда радостно, потому что то, что ты делаешь, находит отзвук и тебя понимают, тебя читают. Для писателя это, конечно, хорошие минуты.

Хотелось бы, чтобы и на родине было что-то такое — не в смысле, что я хочу премии — но чтобы и на родине было такое отношение к писателю, как за рубежом.

Например, я получила письмо от президента Германии, которого тогда, когда мне вручали Премию мира немецких книготорговцев в октябре, не было в Германии. Он пишет, что сожалеет об этом, но хочет со мной встретиться. И он говорит: я знаю, что вы будете еще в декабре, вот давайте встретимся. Вы понимаете, какой там уровень от-

ношения к писателю, к темам, которыми мы занимаемся? Это радостно и грустно одновременно.

Максимюк: А получили ли вы когда-нибудь какую-нибудь литературную премию в Беларуси?

Алексиевич: Нет, в Беларуси у меня не было ни одной премии. Русские премии были, большие и маленькие — например, очень большая премия «Триумф». Белорусских не было никогда.

Максимюк: Вы упомянули письмо от президента Германии. А вот вы когда-то написали письмо белорусскому президенту. Он вам ответил?

Алексиевич: Ну вы знаете, к сожалению... Это Екатерина II отвечала своим писателям, состояла в переписке с Вольтером... К сожалению, наш президент не считает нужным общаться с писателями.

Максимюк: У вас к нему претензия или, может, вы надеялись на отсутствие реакции на ваше письмо с его стороны?

Алексиевич: Нет. Просто всегда грустно осознавать, в каком времени мы здесь живем и какие у нас отношения политической элиты с гуманитарной и вообще между людьми. Вот это очень грустно — в нашем обществе нет диалога, у нас какой-то командный стиль во всем. И, конечно, диктатура или любая форма авторитарной власти всегда делает нашу жизнь очень примитивной. Вся пирамида сходится где-то наверх, к одному человеку. Это как в партизанском отряде — все зависит от того, что это за человек, от уровня его образования, от уровня его понимания жизни. Что-то такое происходит и у нас.

Время разочарования

Максимюк: А как бы вы сравнили отношение власти к писателю сейчас и, скажем, 25 лет назад, когда еще существовала советская система?

Алексиевич: Я должна признать, что в советское время — как это ни странно будет звучать — мы жили в более европейском времени. Потому что существовали некие стандарты. Подходил Брежнев или Машеров под эти стандарты или нет — но эти стандарты существовали, был уровень требований к элите. Я тут не говорю о советской литературе, но все равно разговор шел о «человеке на вырост». А сейчас люди предоставлены сами себе, сейчас нет никаких объединяющих идей, целей, кроме как выжить. Надо признать, что это общество деградирующее. Единственное, на что можно понадеяться, это на живую силу в людях. Они все-таки ездят с этими клетчатými сумками по всему миру уже двадцать лет, они видят, как живут другие, они чему-то учатся. Уже, во всяком случае, зайдешь в дом человека даже среднего достатка — уже нет этих маленьких катушков, маленьких комнаток, а есть большая прихожая, которую он видел в Польше или Чехии. Это уже немножко другая жизнь, другие цветы растут на огороде. То есть сама жизнь все-таки движется. И надежда только на это. А общество, в принципе, рассыпалось.

Максимюк: Так вот я хочу спросить у вас о современной жизни и обществе. Я только что прочитал ваше «Время second-hand». В этой книге разочарование в жизни у ваших героев, наступившее после падения коммунизма, если можно так вы-

разиться, заглушает все другие эмоции. Французская переводчица вашей книги именно слово «разочарование» вынесла в заголовок французского издания, которое называется «Конец красного человека, или Время разочарования». С чем в первую очередь связано это разочарование — только с тем, что 25 лет назад ваши герои были молоды, а молодость — она и в тоталитарной системе молодость, то есть лучшее время в жизни человека? Или, может, есть другие, менее личные причины для этого тотального разочарования в жизни во времени, которое вы называете *second-hand*?

Алексиевич: Я думаю, что сводить все к биологии — это слишком упрощенный взгляд на людей и на время, в котором мы оказались. Просто когда было горбачевское время, все люди рванулись — они рванулись к какой-то справедливой, честной жизни. Это была, конечно, иллюзия. Мы тогда были наивные, да? И то, что получилось, никого не устраивает — то, как все разделено; то, кто сегодня у власти; то, какая сейчас власть; то, что если у тебя есть деньги, то ты человек; а если нет денег — пошел под стол и молчи... Если у тебя есть деньги, ты можешь жить в заповедном лесу и строиться, где тебе захочется... А если ты приближен к главному, то ты вообще можешь делать что угодно. И, конечно, есть разочарование тем, что, получилось, как многие говорят — еще хуже, чем было. Не всегда можно с этим согласиться, но людей не устраивает сегодняшняя жизнь. Ну не несли же они плакаты в 90-е годы «Вся нефть — Абрамовичу» или «Лукашенко — к власти». Никто же этого не хотел. Вот с чем связано разочарование.

При чем тут молодость? Молодость — это совсем отдельная вещь. А дело в том, что у нас опять не получилось то, что мы хотели. Нельзя никого, кроме себя, винить в этом. Мы не были к этому готовы, ни элита, ни народ, которых мы, собственно, не знали. Мы сидели на кухне и придумывали себе что-то. Так что вот о чем люди жалеют — о том, что ты сегодня еще больше никто, чем при советской власти. И это правда.

Я, например, недавно ездила по деревням, была в семье прекрасных учителей, у которых прекрасные дети. И они не могут учить этих девочек. А в советское время мои родители, учителя, выучили троих детей, троим детям дали высшее образование. Сегодня это уже невозможно.

Писательская доля

Максимюк: В связи с этим я хочу вам задать более личный вопрос. Вас, Светлану Алексиевич, самую известную в мире писательницу из Беларуси, жизнь в настоящем времени тоже разочаровала? Если да, то чем?

Алексиевич: Конечно, меня разочаровало то, что получилось — как и всех нас. Я думаю, что все, кто живет непосредственно здесь, какого-то очарования и надежды на «эффект травы», то есть на то, что вырастут новые поколения, не имеют. Новые поколения растут, но они довольно сервильные, повторяется то же самое. И это мне какого-то большого оптимизма не внушает.

А как писатель я чувствую себя человеком, который все равно делал бы свое дело при любом режиме — и при советской власти, и сейчас. То

есть, на мою личную жизнь это никак не могло повлиять.

Максимюк: Скажите, а как сейчас изменилось общественное отношение к писателю? Я когда-то говорил на эту тему с известным чешским писателем и диссидентом Иваном Климой, и он тогда то ли полушутя, то ли полувсерьез сказал что-то вроде: В тоталитарную эпоху, когда я был писателем, которого официально не публиковали, а мои вещи выходили самиздатом, люди тайком подходили ко мне на улице и, оглядываясь по сторонам, тихонько делились впечатлениями от моей последней книги. Тогда, говорил Клима, я был для общества какой-то персоной. Теперь, когда уже нет коммунизма, на меня и собака не залает... Вы тоже чувствуете, что в этом смысле что-то изменилось?

Алексиевич: По-моему, можно сказать о чем-то похожем. Авторитет писателей в обществе сведен к нулю. Это немножко иначе в России, немножко иначе у нас. Мы для власти уже не представляем какого-то серьезного сопротивления. Если власть и боится нас, то по инерции... А на самом деле... я заговариваю с людьми — с таксистами, в кафе, на улице, иногда ко мне подходят, меня узнают — люди практически ничего не знают о белорусской литературе. Только редко найдешь такого патристически настроенного, национально ориентированного человека, который может что-то сказать, но это очень редко. А так — люди заняты совсем другим... Вот сегодня, как говорил мне один таксист, у которого две девочки, я зарабатываю на курточки для них, в следующем месяце я должен заработать им на обувь, а потом куда-то их отпра-

вить, дать образование... Люди заняты какими-то другими вещами. Как хорошо сказал один из русских социологов, наш мир населен людьми пробующими. Когда в 1990-х пришла свобода, они не бросились читать Солженицына, осмысливать, что произошло в этом мире, читать белорусских национальных лидеров, которые боролись в свое время за Беларусь... Они не стали это читать, они стали пробовать, ездить, смотреть на мир. То есть, интерес стал сугубо материальный. И нам абсолютно не стоит преувеличивать свою роль.

Что такое Европа?

Максимюк: Ну, и вы тоже стали ездить. Вы стали бывать в Европе, жили там подолгу. Скажите, как вам тамошняя европейская жизнь? Чем она вас поразила и с какой стороны — положительной или отрицательной?

Алексиевич: Я прожила в Европе двенадцать лет, в самых развитых европейских странах: Германии, Франции, Италии, Швеции. Мне понравилась та жизнь, хотя в ней есть и свои потери, и свои тупики... Но есть какой-то механизм, в котором разные группы людей состоят в диалоге. Это уже отлаженный механизм, и он существует на всех уровнях. Там никто не может оскорбить министра, как это делается у нас. Пусть бы Меркель попробовала кого-то вот так оскорбить. Назавтра на улицу вышли бы миллионы людей. Вот это и есть Европа. Европа — это не «ауди» и не какая-то шмотка, которую ты надел на себя, как нам тут некоторым кажется, а вот это, о чем я сказала. А если у нас люди сидят в тюрьме — я об этом не раз

спрашивала у десятков людей — так мне отвечали: ну вот, дурни, полезли и получили. То есть никто на улицы не вышел. Вышли сотни, не более того... О какой Европе может тут идти речь? А там все-таки этот механизм отлажен. Там есть чувство человеческого достоинства, которого у нас не найти днем с огнем, ни наверху, ни внизу. Вот это самое сильное европейское впечатление.

Максимюк: Если я вас понял, жизнь в Беларуси отличается от европейской прежде всего уровнем общественной солидарности и уважения к человеку как к личности. Есть еще другие отличия?

Алексиевич: Недавно меня очень удивил один белорусский писатель, который вдруг задал французскому атташе по культуре вопрос: правда ли, что белорусы европейцы, в отличие от русских? Представляете, до какой степени мы больны, если мы на таком уровне все это понимаем?

Я хотела сказать, что Европа — это не географическое понятие, а ментальное. Моя жизнь в Европе меня абсолютно убедила в том, что нас просто невозможно сопоставить с голландцами или французами по самоощущению. Там человек не позволит с собой так обращаться. Там человек не будет голосовать за человека, которого не уважает. Там если голосуют, то все, даже цветочница, у которой я покупала цветы — она долго объясняла, почему за этого голосует, а за этого не будет... Там работает общество, работает коллектив. Если нужно поставить какой-то памятник в городе, то городская общественность обсуждает это два года. А у нас пришел и сказал — будет там. А почему будет? А кто это решал? Где ученые, где

архитекторы? Вот в чем европейская жизнь. Она во всех мелочах, она и в том, как люди с утра выносят мусор, рассортировывая его в три или четыре контейнера. Европа — это огромный проделанный труд, причем не одним поколением. Я думаю, что разговоры наших молодых людей о Европе свидетельствуют лишь о том, что они представляют себе Европу на уровне мифов. И Европу, и свое место в ней. Там ни один человек не позволит чиновнику так с собой обращаться, как у нас.

Я не могу представить себе, чтобы у нас при таком количестве детей с онкологическими заболеваниями не было общества матерей в защиту этих детей. У нас нет противоатомного движения, нет сильного экологического движения, у нас нету настоящего волонтерства. Из этого ткется организм той более-менее человеческой жизни, которая есть в Европе. У нас ничего подобного нет. А есть какие-то мечтания молодых людей за келихом вина в кафе...

Максимюк: Это прозвучало довольно пессимистично. Вы не видите сдвигов в постсоветском обществе к такому пониманию общественной жизни, к которому пришли высокоразвитые общества в Европе?

Алексиевич: В Беларуси я этого не вижу. В России что-то такое видела, когда там были пожары и когда волонтеры помогали людям, подъезжали богатейшие машины и выносили все, вплоть до телевизоров, постельного белья и грузили, и было видно, что все это они сами. Не говоря уже о молодых людях, студентах, которые добровольно все это делали. Правда, у нас такое тоже случалось не-

сколько раз. Когда я собирала материал для новой книги для рассказа о молодых, которые сидели в тюрьме на Окрестина, тогда я это видела, когда молодым везли и деньги, и вещи. И что меня поразило: родители тех, что сидели, их родственники, люди постарше в страхе сидели в своих машинах, выглядывали, просили, унижались — эта страшная пластика унижения, это невозможно видеть — чтобы у них взяли какую-то еду для ребенка. А в это время молодые люди совсем иначе себя вели — привозили вещи, требовали, чтобы у них это взяли. Хотя, я думаю, у нас это очень опасно — они могли потерять и работу, и место в университете... Вот это я видела, и на это без слез нельзя было смотреть...

Максимюк: Так, может, ответ на вопрос о движении Беларуси к Европе как раз и кроется в молодых — нужно одно, другое, третье поколение, чтобы общество изменилось?

Алексиевич: Знаете, я не думаю, что это дело поколенческое. Мое поколение шестидесятилетних — мы зря так ушли, куда-то стерлись... Вот я приехала из Европы, и у меня все время один вопрос: ну где наши люди? Когда я выезжала, мне казалось, что нас было очень много. А сейчас — никого нет. Мое поколение ушло со сцены, ушло с пораженческим настроением. Я думаю, мое поколение могло сделать еще многое. Но, конечно, тут вы правы. Только путем накопления, только время и, может быть, техника — смартфоны, которые скоро будут умнее нас — только это работает на свободу.

Вопрос не по душе

Максимюк: Вы всегда подчеркиваете свою укорененность в русской культуре. С другой стороны, вы живете в Беларуси и не отказываетесь от белорусской идентичности. Поэтому следующий вопрос к вам я адресую как к эксперту по белорусско-российским отношениям. Скажите, чем, по вашему, отличается белорусский и русский менталитет, строй мысли, характер, мировоззрение, или как это еще назвать? Чем белорус отличается от русского, если вообще отличается?

Алексиевич: Знаете, такая постановка вопроса мне, честно говоря, не нравится. Вот можете себе представить вопрос — чем мы отличаемся от французов или от итальянцев? В голову же не придет. А поскольку сейчас болезненный момент исторических обид и очень сложных отношений с Россией... Я не знаю. Я не могу говорить вообще о России или вообще о Беларуси. Я могу говорить о людях. И в России, и в Беларуси я нахожу очень много людей, которые близки мне по духу. Я с ними близка, как и с теми европейцами, с которыми я дружна в Европе. Но иногда ты чувствуешь себя так, как тот турецкий писатель, который однажды сказал: в Европе я чувствую себя лучше, чем дома, потому что дома я чужой. Я там как бы человек другой ориентации, я не совсем турок что ли. Так что такие понятия, как «сапраўдны беларус», «сапраўдны рускі» — мне не нравятся ни русские патриоты, ни такие слишком уж «обожженные» белорусы. Мне кажется, что надо научиться всем вместе жить и брать друг у друга то, что можно взять. И в русской культуре

много можно взять, и белорусская культура очень интересна многими вещами. А вот такая жесткая постановка вопроса мне не нравится...

Максимюк: А к какой конкретно русской культуре вы себя причисляете? И к той, в которой выступает и имперский дискурс, который такие «окраины», как Беларусь и Украина, считает неотъемлемой частью более широкого «русского мира»?

Алексиевич: Вы же сами знаете ответ на этот вопрос. Как нормальный интеллеktуал я, конечно, не могу относиться к имперскому дискурсу. Потому что для нормального гуманитария это совершенно противная, отвратная вещь. Я это не могу поддерживать. То есть я поддерживаю гуманитарный дискурс, то, где человек похож на человека и где человек с человеком сходится. Я так могу только относиться. А вот эти временные постановки вопросов, эти «детские болезни» — ну, конечно, я никак не могу серьезно к этому относиться... Что я — поддерживаю русских патриотов, или русских фашистов, или Путина с какими-то его заигрываниями с Украиной и Беларусью? Ну конечно же нет! Ну вы же сами как нормальный интеллеktуал знаете на это ответ...

Почему эта беседа могла и не состояться?

Максимюк: Я знаю ответ, но я просто хотел бы, чтобы в нашей беседе прозвучали ответы и на совершенно очевидные вопросы...

Алексиевич: Если вы читали мои книги, то вы же видите, что там совсем другое отношение. Я отношусь к миру как гуманитарий...

Максимюк: А я задаю такие очевидные вопросы как раз потому, что знаю, какие комментарии в Беларуси собирают ваши интервью... Люди сейчас, если можно так выразиться, придираются к каждому вашему слову...

Алексиевич: Ну так вот почему мне и не хотелось с вами разговаривать. Не потому, что я плохо отношусь к *Радыё Свабода*, хотя оно уже немного стало таким гетто — туда ходят особые люди, особый отбор таких агрессивных людей... А потому, что я знаю, что все равно что-то найдут... Наша культура и наше время настолько табуированы, что вместо серьезного анализа, обдумывания, трезвого отношения к себе и действительно серьезных разговоров, которые хотя бы шли в нашем окружении — сейчас опять будет разговор о том, «чаму яна не гаворыць па-беларуску» и «чаму яна ня вельмі любіць беларусаў». Дело не в том, люблю я белорусов или нет. Я хочу, чтобы мы думали. Время теперь очень сложное. Оттого, что мы друг друга тут бьем по голове, к власти приходят совсем другие люди, и наша Беларусь оказывается на три километра позади вместо того, чтобы использовать те шансы, которые были у нее в начале перестройки. Это мы из-за этой своей агрессивности части национального общества, потеряли это время и эту возможность.

Максимюк: Я не могу вам обещать, что реакция на эту нашу беседу будет неагрессивная. Но я надеюсь, что сам я говорю с вами не агрессивно...

Алексиевич: Нет, как раз я согласилась на разговор с вами потому, что это именно вы попросили...

О советском и белорусском

Максимюк: В русской Википедии пишут, что вы советская и белорусская писательница. Вы принимаете без оговорок оба эти эпитета? Советская писательница — это звучит гордо? А как с белорусской?

Алексиевич: Ну почему гордо? Это было время, в котором я прожила бóльшую часть своей жизни. И то, что я писала энциклопедию «красной утопии» — почти ста лет жизни, потому что в послесоветское время «красный человек» еще оставался — я была энциклопедистом этого времени, я описывала это время. Я была частью этого времени. Я не могу сказать о ком-то «совок» или «гомо советикус», потому что я была такой же «гомо советикус», как и те люди, с которыми я жила. Зачем отказываться от своего времени, от прожитой жизни? Надо понять, что это было, и почему это исчезло, и как это исчезает. Вот в чем дело. Так что эпитет «советский» совершенно меня не унижает.

А белорусская писательница? Я живу в Беларуси, и я считаю себя белорусской писательницей. В то же время я не могу отказаться от русской культуры, просто я оказалась в таком времени, где все это смешано, где все это как бы в одном сплаве. И это невозможно так агрессивно разделить. 90% Беларуси говорит на русском языке. И что вы с этим сделаете, даже если на каждом перекрестке вы будете кричать, что надо любить *родную мову*? Чтобы любить *родную мову*, надо было иначе прожить последние двести лет. Этой возможности у нашего народа не было. Это не значит, что я должна его не любить и не уважать.

Просто это наше время существует в таком раскладе. В этом надо существовать и политикам, и нам, гуманитарной элите. Надо просто это понять. Мне нравится, как вы говорите по-белорусски, мне нравится белорусский язык многих молодых людей... А вот выученный белорусский язык, на котором говорит часть людей, это не совсем белорусский язык. Но важно, что люди хотят на нем говорить, и слава богу. Но народ говорит или на трасянке, или на русском языке.

О Станкевиче и Федоренко

Максимюк: Если мы говорим о любви к белорусскому языку, у меня такой вопрос: насколько для вас существенно то, что в Беларуси создается на белорусском языке — то есть прежде всего белорусская литература, переводы, песни бардов? Для вас важно, чтобы белорусский язык не умер для национальной культуры? Или, может, ее смерть — уже неизбежный процесс, а значит, не стоит сильно и напрягаться?

Алексиевич: Может быть, я к этому отношусь немного иначе. Мне интересен уровень, на котором сделана какая-то вещь. Понимаете, просто из патриотизма любить что-то бездарное или среднее я не считаю обязательным. Я люблю то, что меня открывает, я люблю настоящие вещи... Например, «Любить ночь — право крыс» Юрия Станкевича. Я помню, что когда это прочитала, я ахнула. Я увидела хорошо сделанную вещь. Для меня важен уровень, как сформулировано наше время, наши идеи, а не то, на каком это языке... Какой смысл в

чем-то, что, если перевести на другой язык, будет детский сад?

Максимюк: Кроме Станкевича, которого вы упомянули, есть еще другие белорусскоязычные писатели, уровень которых вам подходит?

Алексиевич: В свое время мне было интересно читать Андрея Федоренко. Я выросла в деревне, но все-таки мои родители были сельскими учителями, я жила среди книг. Но меня всегда волновала эта крестьянская жизнь, которую я все-таки наблюдала со стороны. А у Федоренко эти предметы, люди, характеры показаны очень материально и интересно. Он произвел на меня очень сильное впечатление. И, конечно, я читала больше классиков, чем современных белорусских писателей — например, Вячеслава Адамчика, Янку Брыля...

Самые любимые вопросы

Максимюк: Еще один очевидный вопрос. В смысле — очевидный для меня, но не совсем очевидный для кого-то другого. Как вы считаете, возможна ли белорусская национальная культура на русском языке? Как вы смотрите на свое творчество: ваши книги — это часть и белорусской национальной культуры, или они принадлежат исключительно русской культуре?

Алексиевич: Я бы этого не хотела, и это была бы неправда, если бы сказали, что мои книги — это часть только русской культуры. Они также часть белорусской культуры, потому что и в характерах, и в деталях, и в самой жизни очень много белорусского материала. Так что это и то, и другое.

Просто идея «Утопия» говорила русским языком, и сделать мой проект, как я его себе представляла, можно было только на русском языке. А вот я читаю какие-то там статьи против меня в связи с разговором о Нобелевской премии, и там — «хто гэтыя людзі?» Как будто «гэтыя людзі» — не белорусы... А кто тут жил в советское время — марсиане что ли? Жили белорусы, и они вот так жили... В моем творчестве — отражение времени, отражение этой идеи, которая властвовала здесь и ушла куда-то в историю, и ушла ли — еще вопрос. Нельзя сегодня так четко все разделить. Если бы я написала эту свою «художественную энциклопедию», назовем ее так, на белорусском языке, это была бы неправда. Не говорил в советское время народ тут на белорусском языке.

Максимюк: Поскольку вы упомянули дискуссию вокруг Нобелевской премии для Алексиевич, позвольте мне задать вам один вопрос в сослагательном наклонении. Только один, обещаю. Допустим, Светлана Алексиевич получила Нобелевскую литературную премию. В Стокгольме с нобелевской лекцией она выступала бы как белорусская писательница или как русская? И упомянула бы она в своей лекции о белорусском языке и о том, что ему в Беларуси угрожает гибель как языку живой культуры и общения?

Алексиевич: Вы задаете вопросы, ответы на которые очевидны. Я опять должна повториться, что как гуманитарий я не могу думать иначе. А еще, я вам отвечу на этот вопрос, когда получу эту премию.

Максимюк: Прежде чем задать традиционный вопрос для писателя на завершение, я хочу еще упомянуть один инцидент, который вызвал очень живую реакцию в Беларуси. Я хочу вернуться к интервью, которое вы дали полгода назад немецкой газете *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, и к тому несчастному пассажиру о белорусском как «очень крестьянском» и «несозревшем» языке. Высказывание вызвало шквал возмущения в социальных сетях и на различных сайтах, и вы, как говорится, получили за это по полной. Вы уже объясняли, что на самом деле так о белорусском языке не думаете, что здесь, так сказать, фраза была вырвана из более широкого контекста. Так вот, давайте не будем возвращаться к этой фразе, а вы нам скажите пару слов о более широком контексте. Какую роль белорусский язык играл и играет в вашей жизни?

Алексиевич: Я выросла в белорусской и украинской деревне. Из украинской деревни я уехала, когда была слишком маленькая. Но когда я бываю в Украине, все же что-то во мне отзывается, бабушка украинская, которую я очень любила. А Беларусь — это там, где я выросла, я других людей просто не знаю. Это люди, среди которых я выросла, деревенские старухи... В первое время, когда после студенчества я работала в газете, это были мои любимые темы. Человек, который вырос в этом, может относиться к этому только с любовью. Это тот мир, в котором я выросла, и другого мира я не знаю.

Две следующие книги

Максимюк: Книга «Время second-hand» — это, как вы сказали, завершение вашего цикла о «красном человеке». Что дальше? У вас уже есть представление, о чем будет ваша следующая книга? Может, вы ее уже начали?

Алексиевич: Да. Есть две идеи, которыми я занята уже давно. Мой проект — это пятикнижие об истории «красного человека», советское время, послесоветское, когда мир развалился на десятки разноцветных кусочков — завершен. А следующие книги будут о чем-то другом. Но для этого мне самой надо стать другим человеком, потому что эти мои новые идеи требуют другого инструмента, даже другого словаря, другой нюансировки. Это будет о том, вокруг чего вертится наша жизнь — история любви и история старости, ухода, смерти — о вещах, которые мне по-настоящему интересны. Я надеюсь, что у меня еще будет время и я еще сделаю эти две книги — о любви и о старости, о смерти, об уходе, когда человек задумывается о том, зачем все было. Потому что старость — это действительно уже проблема всего мира, люди живут очень долго, но часто не знают, что делать с этим своим длинным временем. А любовь — это, наверно, главное событие в нашей жизни. Потому что человек не рождается для того, чтобы залезть с лопатой на крышу чернобыльского реактора. Наверно, он рождается для каких-то других вещей. Я хочу исследовать, продумать, написать о человеке, когда он уже освобожден от большой идеи, давящей его, когда он учится жить своей жизнью и не имеет в этом

никакого опыта. Ни в белорусской, ни в русской культуре нет опыта счастья, никогда человек не был счастлив, никогда он не знал, что это такое. Кстати, что такое европейский человек? Это тот, который думает вот об этих вещах, а не о тех полувоенных вещах, чем занята и наша культура, и наше сознание все время. Так вот я хочу исследовать человека, который учится — кстати, как и я — жить этой новой жизнью.

Максимюк: Звучит довольно заманчиво. Жанр этих двух книг, которые вы задумали, будет похож на жанр предыдущих, то есть мы снова услышим голоса людей, а сама писательница будет «скрыта» за ними?

Алексиевич: Нет, писателя никогда не скроешь. Вот мне всегда интересно — почему у поэта никогда не спрашивают, почему он не пишет прозу? А у меня всегда спрашивают — а почему вы все-таки так пишете? Это мой жанр, от книжки к книжке я его немного меняю, много совершенствую, что-то ищу в нем. Конечно же, я буду писать в этом жанре, назовем его «роман голосов», как называл его мой учитель Алесь Адамович, или «соборный роман» или еще как-то... Потому что мне кажется, что мы живем в очень быстрое время, и человек не успевает в этом времени сам за собой. И только создав такой коллективный портрет, удастся хотя бы частично создать образ времени. А чистая беллетризация — она все-таки не вровень, нет в ней той силы, какая есть в вербатиме. Я не собираюсь изменять сама себе. Так настроены мои глаза, так слышит мое ухо, так я вижу мир.

Геннадий Буравкин: «Алексиевич никогда не была врагом белорусского языка»

1 декабря 2013

Михась Скобла, Минск

Из передачи, посвященной презентации в Музее истории Беларуси Союзом белорусских писателей поэтически-мифологического календаря «Перша-пачатак» («Первоначало»).

Скобла: В последнее время много дискуссий на интернет-форумах было связано с именем Светланы Алексиевич, с ее отношением к белорусскому языку. Мне запомнились ее слова: «Я не крепостная белорусской культуры». А вы крепостной?

Буравкин: Я? Разумеется. Это определено не только судьбой, это выбрано мною сознательно и, как мне кажется, освящено Богом. Я хорошо знаю Светлану и хочу сказать, что она никогда не была врагом белорусского языка. Другое дело, что мне было бы намного приятнее, если бы она пользовалась белорусским языком в своем творчестве — интересном и талантливом. Но это очень тонкие вещи. Например, Алесь Адамович блестяще говорил по-белорусски, по-белорусски писал и свои литературоведческие работы. А вот прозу свою писал по-русски. И когда я спрашивал у него, в чем дело, он отвечал: «Не знаю. Вот сажусь за письменный стол, и чтобы выразиться, мне нужен русский язык». Возможно, что-то по-

добное и у Светланы. Но я был бы очень рад, если бы она стала лауреатом Нобелевской премии. Это, я думаю, послужило бы на пользу Беларуси.

Скобла: Или на пользу русскоязычной литературы в Беларуси, вокруг которой тоже в последнее время много копий было сломано?

Буравкин: Нет, Михась, я так не думаю. Творчество Светланы Алексиевич никогда не было поддержкой Чергинцу и его соратникам Аврутину или Красновой-Гусаченко. Наоборот, они на дух не переносят и ненавидят ее творчество. Поэтому, повторюсь, ее Нобель был бы поддержкой не так называемым «белорусским русскоязычным писателям», а — демократической Беларуси.

«Время любой формы тоталитаризма все же кончается»

8 февраля 2014

Инна Студинская, Минск

8 февраля на Минской международной книжной выставке-ярмарке состоялась презентация книги Светланы Алексиевич «Время second-hand».

Встреча с писательницей широко не анонсировалась, информация распространялась в основном через социальные сети. Закуток, в котором проводилась встреча, по размерам был чуть больше кухни, как говорили те, кому повезло туда попасть. Туда сумели вместиться максимум десятка четыре человек, а пришло на встречу сотни три.

Рядом с павильоном, где проходила встреча со Светланой Алексиевич, выступают народные коллективы, самодеятельные артисты своими песнями и народными инструментами заглушают голос писательницы — в таких условиях приходилось очень напрягаться, чтобы услышать ее. Сначала она рассказала вкратце, о чем ее новое произведение:

«Эта книга больше всего о том, как мы жили, и как это жизнь закончилась, и мы оказались в растерянности. У нас в Беларуси время вообще остановилось...

Эта книга освобождает нас от черно-белого мира. Вдруг мы видим, что социализм — более

сложное явление. Человек, который остался после социализма — он и жертва, и палач одновременно. Эта книга заставляет нас думать об этом мире, и как трудно людям в этом мире переделать себя самим».

Потом было много вопросов — и о литературе, и о том, как изменить жизнь, и о ментальности белорусов, и вообще философских вопросов. По мнению Светланы Алексиевич:

«Самая главная битва происходит не на баррикадах, не на Площади, не на Майдане. Самая главная битва происходит, когда человек решает, идет он на Майдан или не идет, издает он книгу или не издает, выгоняет он студента, который был на Площади, или нет, студент решает, иду я на Площадь или нет. Добро и зло борются внутри человека. Вот там самая главная борьба».

Вечный вопрос: почему Алексиевич не говорит и не пишет по-белорусски?

«Вы знаете, то, что я делала — вот эту большую работу — это была энциклопедия Утопии, история Утопии. А Утопия говорила на русском языке. Если бы я написала только о белорусах — это была бы неправда. Тогда была действительно огромная страна, охваченная огромной идеей. Поэтому я об этом пишу. Все же недавно мы были общей огромной страной».

На вопрос, считает ли Светлана Алексиевич белорусскую нацию вымирающей, писательница ответила так:

«Когда меня не совсем верно передала немецкая журналистка, было очень много споров, мол, Алексиевич против белорусского языка. Нет, я не

против белорусского языка. Я сказала просто, что двести лет ему не давали развиваться, и это сказывается сегодня. Речь шла только об этом. Что двести лет нам не дали жить как полноценной нации, уничтожив элиту. Говорили в основном по-русски. Речь шла только об этом. Я не думаю, что белорусы — вымирающая нация. Ни в коем случае!»

Книги Светланы Алексиевич изданы в тридцати странах мира, наиболее популярными они стали в Швеции, Германии, Франции. Сама она больше десяти лет жила за границей и провела сотни встреч с читателями. Что больше всего интересует иностранцев, какие вопросы они задают на встречах?

«Скажите, почему вот бесконечные страдания, унижения не конвертируются в свободу, достоинство? Ну почему люди, которые победили в такой страшной войне, потом идут в стойло? Единственное, что они видят — что проблема гораздо шире, многограннее, чем они себе представляли: что Путин — диктатор, Лукашенко — диктатор. Нет. Как они говорят: мы понимаем из книги, что эти типажи — заказ общества, это аккумулированное желание общества. Значит, общество находится на такой стадии развития. Они спрашивают, почему эти страдания не конвертируются в свободу. Вот почему?!»

Что касается прогнозов на будущее, писательница их не делает. Но надежду на будущее в присутствующих она попыталась вселить. Сказала, что верит в эффект травы, которая все же пробьется:

«Тем, кто старше, я хотела бы сказать: не надо отчаиваться. Все же главное мы сделали: коммунизм побежден. А молодым людям я хотела бы сказать: готовьтесь к будущему, оно все равно придет. Будет европейское будущее. Но готовьте себя — это время очень жесткое...

Время любой формы тоталитаризма все же кончается. Уже нельзя сделать Северную Корею в центре Европы. Все такие вещи кончаются».

Алексиевич: «Издательство “Логвинов” и Борис Петрович — молодцы!»

18 февраля 2014

Инна Студинская, Минск

18 февраля в креативном пространстве «ЦЭХ» состоится презентация белорусской версии новой книги Светланы Алексиевич «Время second-hand. Конец красного человека» с участием автора.

Презентацию устраивает книжный магазин «Логвинов», сообщил арт-директор книжного магазина Павел Костюкевич:

«Светлана Алексиевич — самодостаточная персона, формат ее выступления обычно сольный. На мероприятие приглашены переводчики Валерий Стрелко и Тихон Чернякевич».

Книга вышла в издательстве «Логвинов» в библиотеке Союза белорусских писателей «*Книгарня пісьменніка*» («Книжная лавка писателя»). Несколько дней назад, на презентации этого произведения на XXI Минской международной выставке-ярмарке, **Светлана Алексиевич** поблагодарила за издание своего произведения по-белорусски:

«Издательство “Логвинов” и Борис Петрович с Белорусским союзом писателей — молодцы. Вот пример того, что все зависит от человека. Потому что они могли сказать: “Лучше не связываться с этой Алексиевич. Лучше не иметь неприятностей...” Нет, они берут и издают мою книгу. Кстати, очень хорошо ее издают...»

Это я к чему? Что все зависит от нас. Все зависит от тебя. Можно сказать и ничего не сделать, ждать, что кто-то сделает — и революцию, и новую жизнь. А можно самому сделать кусочек перемен. Вот ребята взяли и сделали».

«Не знаю более советской страны, чем Беларусь»

19 февраля 2014

Радыё Свабода

Вчера в минском креативном пространстве «ЦЭХ» на встрече со Светланой Алексиевич по поводу презентации ее книги «Время second-hand. Конец красного человека» в переводе на белорусский язык собралось много людей. Пообщаться с писательницей пришли те, кто не попал на недавнюю встречу с ней во время книжной ярмарки в Минске.

Издание книги «Время second-hand», вышедшей в издательстве «Логвинов» и продающейся сейчас за 89 тысяч рублей (цена книги на русском языке от издательства «Время» составляет до 25 евро) — первый за долгое время случай, когда произведения всемирно известной белорусской писательницы печатаются на родине. Последний раз в конце 90-х в небольшом минском издательстве вышла ее «Чернобыльская молитва». Теперь же издана книга, которая завершает цикл «Голоса Утопии».

Алексиевич думает дальше писать о другом — о любви, старости:

«Сегодня меня уже интересует человек вообще, другие темы. Посмотрите, вот люди благодаря медицине получили плюс тридцать-сорок лет жизни, но никто не знает, что с ней делать. Особенно в Беларуси. Одна старая немка мне как-то сказала: старость — это тоже очень интересно».

Большое внимание на встрече привлек к себе худощавый дед, который задавал вопросы явно не просто так... А потом взял и заявил: «А где лично вы были, когда герои, о которых вы пишете, писали доносы?»

Что не могло не вызвать смех и даже возмущение в зале. Дед вскоре ушел. Но остались вдумчивые, любознательные люди, которые хотели услышать ответы на разные вопросы. Некоторые вызвали раздражение у самой писательницы из-за того, что о том же самом спрашивают слишком часто, другие — из-за хихиканья в зале. Как, например, предсказуемый вопрос о белорусском языке. Но ни один вопрос не остался без ответа. Тем интереснее слушать Светлану Алексиевич, которая, отвечая на какой-нибудь с виду простой вопрос, затрагивает экзистенциальные, глубинные, а не просто временные явления.

Писательница высказалась о ненависти, свободе и Майдане.

Алексиевич: Такое ощущение, что жизнь движется по какому-то кругу, будто мы не знаем истории. А если бы мы знали историю, то, может быть, когда-нибудь у нас бы не так горели глаза, мы бы вели себя более разумно. И, может быть, зная человека больше, мы бы какие-то вещи могли раньше предсказать. Уберечь в себе человека очень важно, очень легко соскользнуть: конформизм, ненависть. Эти вещи очень легко делаются. Тем более в нашей культуре. Нас только и учили культуре насилия: сначала пришли люди из революции, потом пришли с войны, из Чернобыля, из

Афгана. Вот он — главный опыт нашей жизни. И поэтому я никогда не удивляюсь ненависти. Я понимаю, что это чувство слабого человека, который ничего не понял и не хочет понимать.

А ненависть — никогда не выход. И вот пятая книга подвела для меня определенный итог и абсолютно неожиданно вывела меня к теме реставрации. Еще пять лет назад, казалось бы, в воздухе этим не пахло. Хотя то, что у нас происходит, это вообще «остановленное время»: капитализм, социализм, императорство — все вместе. И вдруг в России запахло реставрацией, и скоро мы это у себя почувствуем. И как этому противостоять? Мы не очень готовы к этому... Я думаю, Киев не напугает этих реставраторов...

Так что сегодня очень сложное время. Коммунизм ушел, остался человек, который не знает, как жить. Эти все наши романтические представления о жизни, они такие кухонные, тусовочные. Даже произнося слово «свобода», мы плохо понимаем, что это такое. Потому что если бы человек верил, что наши придут — и будет свобода, он бы не писал мне «будем таких, как ты, ставить к стенке». Это не свобода. Значит, ни с той стороны баррикад, ни с этой о свободе никто не имеет представления. Ценность жизни — копейки. Вы понимаете, что это самое страшное? Вот даже когда я смотрю на Киев (я же наполовину украинка)... как я восторженно воспринимала все сначала! И как теперь, когда вижу многие вещи, мне страшно. Мои друзья оттуда пишут — им тоже страшно. Потому что нет свободных людей. Все говорят о свободе. А свободных людей нет. И вот то, что должна де-

лать литература, и то, во имя чего я написала все эти пять книг: это о том, что свобода не на улице, а внутри. Вот где происходит, как говорит Достоевский, борьба добра и зла. В душе — на этой территории происходит самое главное. Нечего бежать на улицу, потому что, когда душа пуста, ты побежишь туда с топором.

Вопрос: Кто из литераторов оказал на вас наибольшее влияние?

Алексиевич: Определенное влияние на меня оказал Михась Стрельцов. Его язык в «Смолении вепря», я считаю, гениальный. Потом рассказ Янки Брыля, я помню, очень сильный: о том, как ушли немцы, а лежать без ног осталась полицейка, и бабы бегут по хатам и ищут, у кого осталась простыня, чтобы ее перевязать... И, конечно, Адамчик — «Кароль Небожа». А вот кто метафизик у нас — так это Кузьма Чорный. И у Виктора Казько это немного есть: ощущение мира, дерева, природы, человека. Из мировой литературы когда-то очень повлиял на меня Ремарк, Маркес. Но самое сильное влияние оказала интеллектуальная проза Кортасара и Борхеса. Латиноамериканская литература, этот цветной мир, когда-то поразила меня очень сильно.

Один из читателей задал развернутый вопрос: почему продолжают появляться палачи и жертвы? Почему продолжают появляться люди, главный принцип у которых — «моя хата с краю»? Вот недавно в Германии опубликовали переписку Геббельса. И в одном из своих писем к жене он пишет: «Дорогая, прости, много работы, еду в Освенцим». Почему, как только появляется диктатура, сразу

появляются люди, для которых вот это дело становится работой? И как долго мы будем бродить по этому замкнутому кругу?

Алексиевич: Недавно я читала книгу, написанную от имени офицера СС — «Благоволильницы». Он рассказывает о расстрелах, пирушках после них, как ему нравится красивая еврейская девочка, а вечером, в ресторане, была грудка под каким-то невероятным соусом... Герой книги очень жестко отвечает на ваш вопрос. Он говорит: не думай, читатель, что ты лучше меня. Ты не знаешь, какой ты, пока не придут испытания. Сможешь ли ты их вынести? Вот я вышел из этих испытаний таким образом. И я знаю, кто я и как ты меня назовешь, но не будь слишком уверен... Такой общий посыл книги. Мне кажется, в мире идет борьба добра и зла. И никакая технология нас от этого не спасет. Люди, которые были в лагерях, на войне, говорили мне, что культура — это тонкий слой. В лагере он слетает за десять дней. На войне — еще быстрее. Вот тема, которая меня всегда волнует: как помочь человеку уберечь в себе человека. Мне кажется, что это вечная работа. Это было и при Сталине, и при демократах...

Вопрос: Почему вы не говорите на белорусском языке? Считаете ли вы важным популяризировать и расширять употребление белорусского языка?

Алексиевич: Один раз ответу на такого рода вопрос и больше не отвечаю. Я занималась историей «красной утопии», этих почти ста лет советской власти. Утопия говорила на русском языке. Как мне где-то в отзывах написали: «А зачем она записывала этих русских, надо было только своих

людей». Ну, понимаете, я занималась той страной, из которой мы все вышли, все говорили на русском языке. Я записывала свои книги в Иркутске, Москве, Киеве, Ужгороде, я уже не говорю о Беларуси. И это было на русском языке. Более того (я никогда этого не скрывала), я говорю на белорусском языке, но поскольку я постоянно пользуюсь русским, я не равна себе, когда пользуюсь белорусским: я не так быстро говорю, у меня нет этой практики. Я понимаю, что вопрос языка очень важен для нации, которая хочет стать самостоятельной. Но я писала совершенно о другом. И поэтому у меня русский язык. И ставить это мне в вину — это как-то... Я уже устала от этого за двадцать лет...

Вопрос: Когда вы говорите «мы» в своих книгах, вы имеете в виду Россию или Беларусь?

Алексиевич: Еще раз говорю, что я занималась историей «красной утопии». И тогда было «мы», «я» появилось только в последние годы. В последней книге уже чаще встречается «я», а тогда «я» люди почти не говорили, была одна огромная страна. Может быть, появятся другие писатели, которые напишут, каким это время было именно в Беларуси. Я занималась темой «красной утопии» вообще: что делает с человеком большой обман.

Вопрос: А вы не думали взять интервью у Лукашенко?

Алексиевич: Я ему написала письмо. И что, он мне ответил, как Екатерина II отвечала? Нет...

Вопрос: Откуда берете силы продолжать?

Алексиевич: На *Радыё Свабода* и на *tut.by* после первого моего выступления на книжной выставке комментарию было жутко читать. На меня

вылили столько грязи. Понимаете, я отношусь ко всему этому как интеллеktуал, хотя я тоже человек. Я понимаю, что вот это *homo sovieticus* в чистом виде: ненависть. Очень хорошая статья Виржини Шиманец, когда она говорит о другом в белорусской культуре: другой Быков. Даже Быков, который писал по-белорусски и антисоветчик был. Но все равно был другой, потому что он видел вопросы выше. А то иногда получается, что *беларушчына* — это способ не работать над собой, не заниматься этим каторжным делом, а кого-то ненавидеть. Ходят с ней, как с автоматом. А белорусские же люди встречаются потрясающие! На прекрасном языке говорят. Такой язык! Я его сейчас слышу только от молодых людей. Когда я училась, такого белорусского языка не было. И эта мягкость наша. И это понимание вещей — видно, что люди европейских авторов читали. Но вместе с тем никакие языки и никакая интеллектуальность не спасает от ненависти. Это уже какие-то более глубокие вопросы. И, конечно, защищаться от этого можно только одним: вот это мое дело в жизни, я его выбрала, я так понимаю смысл своей жизни. У меня счастливая профессия, она совпадает с тем, что человек вообще должен делать в жизни: обдумывать какие-то вещи, говорить о них с другими, с самим собой. Такой профессии можно только позавидовать. Хотя, как говорил Илья Эренбург, профессия прекрасная, только умираем как шахтеры, в таком количестве. Это очень сложное напряжение все-таки.

Ненависть «красного человека» страшна. Я вам хочу сказать, что нас еще ждет такая поляризация

в обществе — еще неизвестно, как все будет. Надеюсь, не как в Украине. Возможно, кому-то это не понравится, но я бы не хотела, чтобы костры пылали в центре Минска. Я бы хотела, чтобы мы решили это толерантно в своем обществе.

Вопрос: Что для вас патриотизм?

Алексиевич: После чернобыльской книги для меня этого вопроса нет. Там, в Чернобыле, произошел переворот всего моего сознания. Вдруг я слышу рассказ пчеловода, что пчелы неделю не вылезали из ульев. Они знали, мы — нет. Рыбаки рассказывали, что червяка не могли достать из земли, червяки ушли вглубь. Недавно я была в чернобыльской зоне — из школы выбегают волки. Из другого помещения — стадо кабанов. Первое впечатление, что ты не белоруска, не русская, не француженка, а представитель биовида, который может исчезнуть, как мотылек. Я приехала оттуда с чувством единения и с совершенно космополитическим взглядом. Я поняла, что есть земля, человек — и все. Наша национальность — человек. Для меня это так.

Книга «Время second-hand» Алексиевич выдвинута на российскую литературную премию «Национальный бестселлер»

28 февраля 2014

Радыё Свабода

Книга Светланы Алексиевич находится в списке номинантов на одну из наиболее престижных российских литературных премий.

«Данная книга — пятый, финальный том эпопеи Алексиевич, в которую входят также “У войны не женское лицо”, “Последние свидетели”, “Цинковые мальчики” и “Чернобыльская молитва”; сама Алексиевич называет ее “Красный цикл”. Как и прежде, данная книга состоит в основном из интервью — с людьми анонимными, которые, как предполагается, должны своим “хором” составить некий портрет времени и обозначить какую-то определенную проблему. Здесь проблема наиболее амбициозная: Алексиевич и ее герои, ни больше ни меньше, заняты ответом на вопрос: “Почему у нас ничего не вышло?” — то есть осмысляют итоги последних двадцати пяти лет России», — пишет в предисловии критик Артем Рондарев.

«Национальный бестселлер» — российская литературная премия, генеральные спонсоры которой — российский телеканал «2x2» и кинокомпания «Централ Партнершип».

На премию могут быть выдвинуты прозаические произведения, впервые опубликованные на

русском языке. Цель премии — выявить прозаические произведения, которые отличаются высокой художественностью или иными достоинствами.

Победитель получает денежную премию в 750 тысяч российских рублей.

18 февраля в Минске был представлен белорусский перевод этой книги.

Ранее — на Международной книжной ярмарке в Минске — Алексиевич представила русскоязычное издание.

«Сегодня белорусский язык — это форма сопротивления»

16 апреля 2014

Алесь Дащинский, Минск

Светлана Алексиевич ответила на вопросы корреспондента Радыё Свабода о России после аннексии Крыма, о ситуации в Украине и о ее влиянии на Беларусь.

Дащинский: В недавней статье в немецкой Frankfurter Allgemeine о России после Крыма вы пишете о возвращении к сталинизму в России на волне патриотизма. К сталинизму, только православному. Почему такое стало возможным в России?

Алексиевич: Причина одна. Вот этот маленький «красный человек» затаился, он остался жить с чувством поражения. Ведь и не он делал то, что называется «перестройкой». Это делал Горбачев и кучка интеллигенции. А маленький «красный человек» проснулся неожиданно в совершенно незнакомой ему стране. И он ничего не хотел, кроме того, чтобы хорошо жить. И никто не занимался изучением прошлого, не читал Солженицына, Шаламова. Это уже никому не было интересно после перестройки, хотя все это лежало на книжных развалах. А ожидания не сбылись, потому что получился дикий капитализм, и это никого не устраивает, потому что людей ограбили, страну разворовали. И, конечно, ощущение реванша. Это

желание маленькой победоносной войны очень глубоко сидело. И это имперское чувство, «великая Россия», чтобы «нас опять боялись». К сожалению, объяснения самые банальные. Но это не один Путин. Это на самом деле Путин в каждом из русских. Я, например, потеряла очень много русских друзей, потому что не могла разделить их патриотизм, их возбужденность от слова «аншлюс», «аннексия». Я человек маленькой нации, и мы совершенно лишены этих чувств. Как интеллектуал я совсем иначе смотрю на эти проблемы.

Дащинский: То есть мы наблюдаем возвращение этого «красного человека»?

Алексиевич: Он затаился. И этот маленький «красный человек» не обязательно какой-то работяга. Это и люди власти, хотя у них деньги из кармана сыплются. Все равно сознание абсолютно красное. Вот у них деньги из кармана сыплются, а для европейской элиты они все равно шпана. Здесь все иначе устроено. Здесь над механизмом свободного гражданского государства очень много работали. Это уже отлаженный механизм. Поэтому двадцать лет — это очень маленький срок. Был такой большой спор в русской литературе между Шаламовым и Солженицыным. Солженицын говорил, что лагерь очищает человека, поднимает, из лагеря он выходит великим. А Шаламов говорил, что лагерный опыт ничему хорошему не учит, он развращает человека, и он нужен только в лагере. И вот этот маленький «красный человек» вышел из лагеря. И что он сделал через двадцать лет? Снова построил лагерь. Отсюда и название моей

книги — «Время second-hand». Добавилось только православие в самом мракобесном варианте.

Дащинский: А в Крыму тоже этот «красный человек»?

Алексиевич: Они были далеко от России. Я думаю, здесь вина и Украины есть. Украина, видимо, и не имела тех ресурсов, и люди там, говорят, тяжело жили. Как и по всей Украине. У меня много родственников в Украине, и люди очень тяжело живут. А теперь я не знаю, что будет. И издалека начинается идеализация этой огромной страны. Мы же все из общества насилия, у нас нет другого опыта жизни. И потому всякое проявление силы кажется величием. И такой, видимо, издалека им эта страна и казалась. Я думаю, что и на самом деле Крым проголосовал за вхождение в Россию. Мне самой Севастополь кажется русским городом. Но все, что произошло и как это произошло — это не цивилизованно. Ведь с таким трудом после Второй мировой войны выстроили мир, определенные правила, и вдруг оказывается, что все это можно взорвать за несколько недель. Я живу абсолютно с чувством поражения, которое есть у многих людей моего поколения. Потому что Путин совсем похоронил мечту о том, что Россия будет европейской. И о том, что у Беларуси есть европейские пути. Мы тоже от них очень зависим, к сожалению, мы очень связаны. Теперь уже продемонстрирована такая сила, что Лукашенко оказался на коротком поводке, ему уже точно не вырваться.

Дащинский: А как, на ваш взгляд, эта ситуация будет влиять на Беларусь?

Алексиевич: Я думаю, что до поры до времени мы сохраним такой вот суверенитет. Но если ничего не изменится, маловероятно, что что-то может измениться. Ведь были времена маккартизма в Америке — это продолжалось не один год. Такие темные энергии, когда вырываются из народа, имеют очень долгую центробежную силу. Они долго будут продолжаться. Возможно, несколько поколений будут заражены этим. У нас будет слабая независимость, и поэтому власть молчит, потому что это понятно.

Дащинский: Лукашенко говорил, что у нас вся страна русскоязычная, и это, мол, глупость каких-то русскоязычных тут защищать. Или все же эта русификация Беларуси в последние годы была ошибочной?

Алексиевич: У нас русскоязычность не из-за страха, не из-за какой-то целенаправленной политики. Для нынешней российской элиты серьезно не существовало ни украинского государства, ни белорусского государства. А то, что мы говорим на русском языке — это наши глубокие исторические проблемы. Небольшой народ был всегда угнетен, никогда не жил своей жизнью. Поэтому русскоязычность — не политический замысел, это наши внутренние исторические проблемы, наши собственные комплексы. Меня очень радует нынешний интерес к белорусскому языку, столько людей записывается на курсы. На сегодняшний момент — это форма сопротивления. Не брать же винтовку и идти в лес. Это сегодня маловероятно. Это до какой степени отчаяния нужно довести народ, как в Украине, чтобы это случилось. И не дай

бог, чтобы это произошло. Я сторонница ползучей эволюции. Это лучше, чем любая революция. Ни одна революция не приносила красивых плодов. Я сторонница движения жизни.

Дащинский: Как вы думаете, что дальше будет с Украиной?

Алексиевич: Я не политик, я художник. Я думаю, что дело может даже дойти до партизанской войны в некоторых областях Украины. Но мне верится, что все же это сильный народ. Мне нравился и первый Майдан, и второй Майдан. То есть мне нравились люди, которые это делали. Хотя, что касается второго Майдана, там есть проблемы с «Правым сектором», с радикалами. Мне нравились сами люди, но политики, которые потом разменивали этот Майдан или превращали его во что-то другое, это уже другая сторона дела.

Мне кажется, что Украина очень слабая сейчас. И если на самом деле США и Европа не помогут Украине экономически и политически, это будет очень трагично. Это может быть Югославия рядом с нами. Ведь бедного человека заставить кого-то ненавидеть очень легко. Если найдется лидер не такой горячий, как Тимошенко, если найдется сильная, умная личность, пусть это будет не Рузвельт, но умный, трезвый человек, которого примет Запад и с которым будет считаться Россия, тогда сохранится украинское государство. На этот раз Запад довольно сплоченный. Россия почувствовала силу Запада, потому что все поняли, как это опасно. Я думаю, что Европа приложит усилия, чтобы украинское государство сохранилось,

не исчезло, как Сомали. Но велика опасность, что ее разорвут на какие-то куски.

Я много людей знаю в Украине, и они верят в свое будущее. Наверное, надо жить там, чтобы это почувствовать. И насколько я разочаровалась в некоторых своих русских друзьях, настолько меня захватили украинские. Я думаю, у этой страны есть будущее, хотя сейчас трудное время. А что касается Путина, я думаю, ему не разрешат эти военные походы, и я подозреваю, что он и сам этого не хочет. Но он взял на себя какую-то миссию и теперь вынужден ей соответствовать. А маленькому человеку тяжело постоянно быть большим, в какой-то мессианской позе. Его слишком мистифицируют. Россия не так сильна, чтобы бросать вызов миру.

Дащинский: Путин говорит о бандеровцах, говорит, что не признает новую власть...

Алексиевич: Это все оттого, что они серьезно не относятся к Украине как к отдельному государству. Им кажется, что тот, кто сошел с этого русского пути, это какие-то предатели. Они даже со своей элитой устроили разборки: если ты не с нами, то ты уже национал-предатель. На этом фоне уже Лукашенко выглядит меньшим диктатором, чем Путин. Во всяком случае, у нас нет этих диких законов о сексуальных меньшинствах, о защите православия. Я даже удивилась, что мы не повторили эти глупости.

Дащинский: Лукашенко говорит, что он против федерализации Украины, признает легитимность властей. Вы верите этим заявлениям?

Алексиевич: Я вообще не верю большим политикам. Я думаю, что они сами не знают, во что они верят. Они будут верить в то, что на данный момент служит каким-то их целям. Я не верю ни Путину, ни Лукашенко. В наших краях политикам нельзя верить. А тем более таким тоталитарным. Мы видим, что есть переодетые русские военные в Украине. А Путин смотрит в лицо всему миру и говорит, что их там нет. Он говорил, что их не было и в Крыму. Европейцам тоже трудно нас понять. Мне кажется, что Обама и Европа ведут себя очень разумно. Вот Лукашенко говорит, что это слабые политики. А это на самом деле современные политики. Это политики, представляющие общество, которое совсем не хочет обуть глупые сапоги, взять автомат и куда-то идти. Люди любят жизнь и умеют жить. У них совсем другие ценности. Никакой военный там не скажет, как недавно говорил Грачев, что «наши ребята умирали в Чечне с улыбкой». Такое мог сказать человек, который слез с какой-то баррикады, на которой провел всю жизнь.

«Нас ждут очень большие испытания»

17 сентября 2014

Инна Студинская, Минск

16 сентября в минском креативном пространстве «ЦЭХ» состоялась открытая дискуссия с участием писательницы Светланы Алексиевич «Время для нон-фикшн: разговор о стране и литературе». На встречу пришло более ста человек, вопросы задавали все желающие. Предлагаем некоторые ответы и размышления Светланы Алексиевич.

Вопрос: У вас украинские корни. Переживаете? Больно за Украину?

Алексиевич: Не то слово... Вот вчера я просто полчаса плакала. После того, что я видела на войне в Афганистане, после того, что я слышала от героев своих книг, мне заплакать тяжело... Но я открыла интернет, и там было видео: большие рефрижераторы шли по всей Украине и везде оставляли гробы. И на многие десятки километров вдоль дороги люди стояли на коленях. Вы знаете, это невозможно... Я вглядывалась в лица этих людей. Это были простые советские люди: мужики, по которым видно, что пьют, женщины, которые все тянут на себе... Стояли на коленях и дети, которые, не дай бог, еще доживут до войны. Я смотрела на эти лица и думала: «красный человек» еще не ушел, и это прощание будет еще очень долгим.

Украина сегодня — пример для всех нас. Вот это желание расстаться с прошлым окончательно —

это, конечно, достойно уважения. Я писала предисловие для книги, которую собрала Оксана Забужко, где люди говорили, почему они пошли на Майдан. Я читала это и думала: вряд ли у нас бы на таком уровне это говорили. И это не потому, что люди не смогли. Просто такая неразбуженность. А там именно была потрясенность людей, разбуженность. Они как бы воспрянули ото сна, и так можно говорить только в состоянии такой потрясенности. В Украине происходит что-то главное для всех нас, главный ответ на какие-то вопросы, а у нас не хватало сил, ни интеллектуальных, ни народных. А они это сделали, хотя им дорого это обошлось, но они это сделали.

Вопрос: А в Беларуси скоро будут перемены?

Алексиевич: Нет, нет. Не скоро, не скоро.

Вопрос: О чем сегодня стоит говорить и писать в первую очередь?

Алексиевич: У каждого писателя свой путь: кто-то пишет об этом, кто-то — о другом. Если говорить о моем пути, тридцать лет я занималась изучением того, кто мы: красная идея и «красный человек» — что это было. Но все равно интересовали меня вещи более глубокие: что такое вообще — человек? И вот сегодня новые идеи моих книг — о любви и о старости — это вообще о человеческой жизни, кто мы такие? Зачем? Как? Это те вопросы, которые мы себе никогда не задавали. Были война, Чернобыль, Афганистан... Никогда не было у нас разговоров о счастье, о любви, это как-то за пределами нашей культуры.

Вопрос: Чего ждать от вас в этом году? Будет ли новая книга?

Алексиевич: От меня — нет. Я очень долго пишу свои книги. Услышать звук времени, услышать дух, уловить образ — для этого нужно очень много времени. Несмотря на то, что моя новая книга теперь выходит во многих странах, я много езжу — но как только у меня случается пауза, я записываю людей, разговоры с ними, и вот по этим темам, которые меня интересуют, хочу понять звук.

Вопрос: Вы уже много времени на родине, до этого много лет жили в Германии, Швеции, Италии. Не устали на родине? Не возникает желания уехать снова?

Алексиевич: Нет, я никуда не хочу уехать, я уже приехала. Я буду жить здесь. Ну, а туда я очень часто и много езжу, поскольку выходят книги, спектакли, фильмы. Но я хочу жить дома, мне нравится жить дома, мне нравятся наши люди. Чтобы писать, нужно жить здесь. Хотя то, что происходит вокруг, достаточно пугающе, конечно. А еще сейчас вокруг ситуация: война, и все это так близко. Это, конечно, очень тревожно. По-моему, нас ждут очень большие испытания.

Вопрос: Вы отошли от советского менталитета, а от русского никак еще не можете избавиться. Вернетесь ли вы в стан белорусского языка и в стан белорусской культуры?

Алексиевич: Двадцать лет мне задают все тот же вопрос... Я очень болею за белорусский язык и культуру и очень хотела бы, чтобы это была отдельная независимая страна, чтобы она уцелела в этом ужасе, который надвигается — и мы ничего не можем сделать. Но я родилась в то время, когда

была эта утопия, я шла за ней, и утопия говорила на русском языке. Сделать то, что я сделала, на белорусском языке было невозможно. Я занималась целым огромным советским миром. В этом вопросе, который вы задали, есть ощущение, что мы не можем пустить себя в широкий мир, а он говорит на многих языках, говорит по-разному. Когда я читаю Памука, для меня важно что-то понять о человеке, когда я читаю Зарецкого, для меня тоже важно понять о человеке. И сам язык для меня уже не существенен, поскольку я не буду уже писать на белорусском языке. Я в этой культуре, и, думаю, для этой культуры я уже что-то сделала.

Вопрос: Есть ли у вас предчувствие войны?

Алексиевич: Когда я собирала материал для книги «Время second-hand», я очень много ездила по Украине, была в Казахстане, Сибири, Москве. И когда я рассказывала своим русским друзьям, что я там видела и слышала, они говорили: «Светлана, это все прошло, сейчас демократия, все это необратимо, это у вас в Беларуси еще такое возможно. А у нас все в прошлом». Ну и что мы видим сейчас? Откуда вылезла вся эта дремучесть, вся эта ненависть? Страна опять превратилась в изгой. И это, по-моему, страшнее и опаснее, чем то, что было при Советском Союзе. Потому что те люди, которые сейчас у власти, они даже менее образованные, их не сдерживает никакая идея, никакой марксизм-ленинизм, который все же загонял мысли в какой-то загон. А тут — законы шпаны, законы денег, законы невежества.

Вопрос: Как вы относитесь к империи и к русским?

Алексиевич: Я думаю, что империя еще не ушла. И лично у меня очень тревожное ощущение, что без крови она не уйдет. То, что война будет в Украине — это несомненно. И то перемирие, о котором договорились в Минске — оно ненадолго. И от того, что я слышала от людей в России, у меня все время было предчувствие возможности гражданской войны в самой России.

Империя, конечно, развалилась, но основная машина — Россия — осталась. Мир недолго пожил наивно и романтично. Я помню 1989 год, когда упала Берлинская стена — мы с подругой шли по Берлину, и где-то мы запутались. Шла пожилая пара, и когда они узнали, что мы русские — они вдруг стали нас целовать, обнимать. Они не разделяли — белорусы, русские. Сейчас, конечно, все наоборот. Один итальянский ресторатор вывесил объявление: «Русских не обслуживаем». Опять испугались: что в этой бездне, что в этой яме, у которой есть ядерное оружие и совершенно безумные геополитические идеи, совершенное отсутствие понятия о международном праве, об этом хрупком мире, который едва заштопали? Это очень сложные процессы.

Я недавно приехала из Москвы и была очень потрясена. Умные интеллектуалы, писатели — и этот патриотический угар, эта ненависть и к Европе — это страшно. Ненависть и к прошлому, и к тому, что произошло. Это очень опасно, и, по-моему, будет большая война. А любая большая война еще больше провоцирует человеческую природу.

Мне кажется, у белорусов это все-таки немного не так. Рядом с нами Европа, мы очень патриар-

хальная страна. У нас нет этой стихийности, этой вольности, вольницы даже в менталитете. Это все же другой мир.

Не знаю, как вы, но я живу с чувством поражения. Та наивность, с которой мы в 90-х представляли себе романтично — вот завтра начнется другая жизнь, автобусы повезут нас в прекрасное будущее — это все прошло. Теперь я думаю: откуда мы все это взяли? Вроде бы разумные люди...

«Быть диссидентом — это у нас нормально»

22 октября 2014

Радыё Свабода

Вчера белорусская писательница Светлана Алексиевич получила звание офицера Почетного ордена искусств и литературы Франции. Награждение состоялось в резиденции посла Франции в Беларуси. По этому случаю Радыё Свабода побеседовало со Светланой Алексиевич о признании — за границей и дома.

Радыё Свабода: Светлана Александровна, искренне поздравляем вас с этой почетной наградой! Расскажите, какие впечатления у вас остались от этого события?

Алексиевич: У меня много французских литературных наград, но это такая правительственная награда. Больше всего мне понравилось, как это делают французы. Мне позвонили из посольства, сказали, что вот вы получили награду и вы можете пригласить два-три десятка своих друзей и отметить с ними у нас этот вечер. Поэтому награждение происходило совсем неформально. Я действительно пригласила своих друзей, я давно уже не жила дома, и приятно было, что все мои друзья пришли, тем более что многих из них я уже давно не видела. Это был хороший вечер.

Радыё Свабода: Это далеко не первая награда, которую вы получаете на международном уровне,

но в Беларуси ваши заслуги до сих пор никак не отмечены. Почему так происходит?

Алексиевич: Потому что в Беларуси сегодня та власть, которой такие люди, как я, не нужны. И абсолютно понятно, что она игнорирует мое существование. Меня нет ни на радио, ни на телевидении, и мои книги здесь не выходят. Это такая политическая ситуация, к которой я отношусь абсолютно нормально. Быть диссидентом по отношению к власти — это у нас нормально, это у нас традиция.

Другое дело, что трудно быть диссидентом по отношению к собственному народу. Это то, что я слышу от своих русских друзей, когда они в меньшинстве среди собственного народа. Это то, что мы здесь, элита, чувствуем поражение, потому что у народа другой выбор, другое понимание того, что происходит. В общем, об этом моя последняя книга «Время second-hand». Мы думали, что так легко можно освободиться от нашего прошлого. Нет. Это постсоветское промежуточное время будет длиться еще очень долго. Освобождение — это очень долгий процесс. Слава богу, что у нас пока еще не стреляют...

Радыё Свабода: Насколько для вас как для писательницы важно признание на родине? Или вы к этим вопросам относитесь более космополитически...

Алексиевич: Нет, я, конечно, хотела бы, чтобы меня как можно больше издавали в Беларуси, в России. В России как раз выходят мои книги, там меня приглашают выступать и в университеты, и в книжные магазины. Но для меня то, чтобы меня

читал мой читатель, среди которого я живу — это очень много значит. Поэтому я пожила одиннадцать лет в Европе и вернулась домой. Я живу интеллектуально в мире, но я очень привязана к своему дому.

Радыё Свабода: Когда последний раз в Беларуси издавались ваши книги?

Алексиевич: Наверное, последняя книжка вышла в год прихода Лукашенко к власти. Потом уже они не издавали. Единственное, что я должна признать, что мой пятитомник, который издался в России, есть в белорусских магазинах. Но у него какая-то потрясающе большая цена — для наших людей просто неподъемная.

Алексиевич не попала в тройку премии «Большая книга», хотя читатели отдали ей предпочтение

25 ноября 2014

Екатерина Зайковская

В этом году российскую премию «Большая книга» получил роман Захара Прилепина «Обитель». Вторая премия у Владимира Сорокина за роман «Теллурия», а третью получил Владимир Шаров за книгу «Возвращение в Египет».

При этом, согласно опросу на сайте премии, читатели отдали предпочтение книге белорусской писательницы Светланы Алексиевич «Время second-hand».

Премиальный фонд премии «Большая книга» составляет 6,1 млн российских рублей.

Накануне определения победителей Светлана Алексиевич сообщила Свободе из Москвы, что очень некомфортно чувствует себя в шорт-листе вместе с Захаром Прилепиным:

«Чувствую себя очень, очень некомфортно. Это человек совершенно других убеждений. Я считаю, что писатель, который проповедует войну, защищает ее, и ему это нравится — и сама война, и сам он на войне — это не писатель, это не профессионал. Это человек какой-то другой профессии».

24 ноября 2014 года закончилось традиционное читательское голосование «Большая книга», согласно которому первое место получила Свет-

лана Алексиевич. Захар Прилепин — на втором. Алексиевич по этому поводу сказала:

«В народном голосовании я победила даже Захара Прилепина, что очень удивительно. Это меня убедило в том, что не все тут сошли с ума и не всех обуяла милитаристская истерия. Просто люди, даже можно грубо сказать, ошарашены, сами в растерянности. Нормальные люди, народное голосование меня очень порадовало. Даже не в смысле, что я победила, а в смысле того, что Захар Прилепин так нагло шел к цели — и все-таки он не победил».

Вместе с тем Светлана Алексиевич сказала, что у нее нет надежды на победу в конкурсе — по ее мнению, жюри может не учесть результат народного голосования и сделать выбор в пользу Захара Прилепина:

«У меня нет надежд, что я могу победить. Потому что в общем состоянии русское общество сегодня очень неожиданное, очень агрессивное. В общем, есть реваншистский комплекс».

Первая постановка по «Времени second-hand» — в Могилеве

27 января 2015

Радыё Свабода, Могилев

27 января в Могилевском драматическом театре состоится общественный просмотр нового спектакля «Время second-hand» по одноименному произведению Светланы Алексиевич. 28-го — премьеры. В Беларуси это первая постановка по книге известной писательницы, к которой власти относятся с подозрительностью и недоверием. Поставил спектакль актер могилевского театра Владимир Петрович. Накануне режиссер-постановщик ответил на вопросы белорусской Свободы.

С Владимиром Петровичем беседуем в его гримерке. В спектакле, говорит собеседник, три монолога, взятые из произведения Светланы Алексеевич «Время second-hand». События происходят в Советском Союзе в эпоху перестройки:

«Это монологи людей о времени, о себе, о ситуациях, в которые они попадали и которые или делали их сильнее, или ломали».

Режиссер-постановщик замечает, что произведение Светланы Алексиевич оказалось непростым для спектакля. Оно очень эмоционально. Некоторые актрисы, говорит собеседник, поначалу не выдерживали и срывались на плач. Он же взялся за постановку, потому что не мог оставаться равнодушным к тем событиям, которые происходят вокруг всех нас.

Алексиевич о Путине и Савченко: «Стыдно воевать с женщиной»

10 февраля 2015
Радыё Свабода

Группа общественных деятелей из России, Украины, Беларуси и других стран мира обратилась к Владимиру Путину с просьбой проявить «личное милосердие» и освободить из-под стражи украинскую военнослужащую Надежду Савченко. Свои подписи под письмом, опубликованным на интернет-сайте «Новой газеты», поставили уже более пяти тысяч человек. В Басманном суде Москвы рассматривается вопрос о продлении ареста Савченко.

В интервью Свободе писательница Светлана Алексиевич объясняет, почему она ждет от Владимира Путина милосердия.

Алексиевич: Во-первых, мне очень нравится эта женщина. Особенно я помню ее первое интервью, как честно она говорила обо всем. Это человек убеждений, человек со взглядом, это военный, который делал свое дело — защищал свою родину. Я считаю, что украинская армия защищает свою родину. Ее совершенно обманым путем похитили, привезли, не имеют против нее никаких доказательств, у нее есть абсолютное алиби. И когда я подписывала письмо, я вспомнила этот знаменитый снимок, где полуголый Путин на лошади, торс такой, и вот я думаю: как это уживается, что мужчины воюют с женщинами? С та-

кими сильными и интересными женщинами, тем более когда уже понятно: нужно совсем немного, чтобы ее не стало. Настоящий солдат уважает силу другого солдата — это делали даже немцы во время войны, сколько таких примеров! А почему-то русская власть на это не способна.

Радые Свабода: Вас не смущает этот жанр — обращение к тирану с просьбой о милосердии?

Алексиевич: А кого просить, если в этой стране все принадлежит тирану? В это переходное пост-тоталитарное время мы попали в совершенно новые тоталитарные ловушки, и больше обращаться не к кому — к Богу и к тирану, а к кому еще?

Я рассчитываю на то, что сыграет роль хотя бы мужской стыд — я уже не буду говорить о каких-то убеждениях. Да, они — солдаты разных позиций, но мужской стыд — есть или нет? Или мы вообще превращаемся в какое-то общество, где ценностей никаких нету, живем по понятиям... И все-таки, красивая женщина — это есть или этого нет?

Радые Свабода: Получается, у войны снова женское лицо?

Алексиевич: Да. И знаете, я абсолютный пацифист и никогда бы не пошла служить в армию, но всегда уважаю женщин — и эта любовь у меня от книги «У войны не женское лицо», где у меня перед глазами прошли сотни и тысячи людей — я уважаю женщин такой силы. Савченко — потрясающая женщина, она мне очень нравится. И я желаю, чтобы она была жива!

Радые Свабода: Завтра в Минске пройдут переговоры о попытках очередного мирного разрешения кризиса в Украине. Вы верите в успех?

Алексиевич: Я не очень верю в успех. Мне кажется, оружие уже слишком долго гуляет по Украине, и люди уже перешли черту убийства. Как мы знаем, эти все перемирия даже в маленькой Чечне не проходили. А тут слишком большие геополитические интересы замешаны. Люди научились убивать, люди привыкли убивать, они находят этому оправдание. И я боюсь, что это все надолго. Хочется верить в лучшее, но когда видишь, с каким остервенением, с какой яростью они убивают друг друга, когда видишь, что человек может творить с другим, как быстро заводится эта адская машина — вы знаете, надежд немного. Но все-таки я надеюсь. Чаще бы публиковать эти фотографии несчастных беженцев, детей, которые остались без родителей... Мне кажется, чтобы от слепоты освободился народ, это надо чаще видеть. Я не понимаю, откуда это! Должны спорить идеи, а не убивать друг друга люди. Это уже как людоедство, это уже все, я не знаю, XVI век.

Радые Свабода: Какой развязки конфликта вы ожидаете?

Алексиевич: Это будет очень долго тянуться, мне так кажется. Это грозит, даже если будет принят какой-то документ, партизанской борьбой. Я боюсь, что будет большая война. Мы живем рядом с зоной конфликта, и чем больше я говорю с людьми, белорусами, тем более тревожными они становятся. Вторая мировая война жестоко прошла по Беларуси, четверть населения погибла, и эта поколенческая память еще свежа. У людей достаточно мрачные предчувствия. С другой стороны, мне нравится тот ум, который проявляют

европейские политики, та осторожность, которую демонстрирует Барак Обама. Ясно, что европейский человек не хочет умирать, он не готов умирать. Это у нас находятся люди, которые готовы поехать и вот так умирать за 15 тысяч в месяц, даже не всегда за идею, а просто за желание побыть мужчиной, хотя на самом деле это — побыть не мужчиной, а животным. Я боюсь, что это надолго. И на границе с этим мы живем.

Радыё Свабода: Вы, с одной стороны, апеллируете к моральным ценностям, к качествам характера Владимира Путина, когда подписываете это письмо, а с другой стороны, все, что вы говорите, свидетельствует о внеморальности происходящего. Как это сочетается в вашем восприятии мира?

Алексиевич: Вот я все время думаю, что в той культуре, в которой мы живем... Это патриархальная культура, это не современная европейская культура, где мужчина и женщина — партнеры, это мачизм такой. А с другой стороны, вот женщина как бы на вторых ролях. И поэтому, исходя из того, что мы имеем, из нашего воспитания, из наших понятий, я хочу сказать, что стыдно воевать с женщиной. Стыдно! Стыдно ее так унижать прежде всего, стыдно ее так не жалеть. Стыдно быть немужчиной! И уже начинается торговля Савченко, ее именем, ее символом. Это такой козырь, который достаточно пошло приберегают политики. Они же там в ПАСЕ готовы были за что-то отпустить ее. Вот эта торговля — это, по моему, верх цинизма.

Неизбежность гетто Светланы Алексиевич

28 апреля 2015

Виталий Цыганков, Минск

В последнем интервью телеканалу «Белсат» Светлана Алексиевич по-своему увидела миссию и функцию *Радыё Свабода*. «*Радыё Свабода* обслуживает гетто. Оно не обслуживает широкую массу белорусских людей, оно обслуживает белорусскоязычное гетто. И это злое, малообразованное, примитивное гетто... Почитайте комментарии к моим выступлениям, это именно злые и примитивные комментарии», — сказала Алексиевич.

Первое желание, которое возникает после таких слов — это посоветовать уважаемой Светлане почитать комментарии на «Нашей Ніве», Tut.by или Онлайнере. На Свободе, пожалуй, самая строгая среди всех белорусских СМИ премодерация комментариев. Но боюсь, что это ничего бы не изменило, так как негативное отношение к «белорусскоязычным» прорывалось у Алексиевич несколько раз на протяжении всего интервью — иногда даже вырывалось спонтанно, без соответствующего вопроса ведущей. Я не буду выдвигать версии насчет того, чем эта «злобная и малообразованная группа» (по Алексиевич) причинила такую тяжелую психологическую травму уважаемой писательнице. Поделюсь только одним своим впечатлением — пока был жив Василь Быков, Алексиевич так не высказывалась.

Но больше, чем о чем-то другом, мне бы хотелось поговорить о популярной в последнее время метафоре гетто. Признаюсь, определенную неловкость вызывает тот факт, что «загоняет в гетто» других личность, которая сама находится в гетто — только в другом квартале. Кажется, Светлана Алексиевич — это не Александр Солодуха, на улицах к ней массово не пристают с просьбами об автографе, ее не публикуют в государственных типографиях, не пускают на телеканалы, в школы и на торжественные концерты. Она известна довольно узкому кругу людей, читающих белорусскую серьезную литературу — неважно в данном случае, русскоязычную или белорусскоязычную. Сколько их? Один процент населения, половина процента? Сколько людей проникаются теми экзистенциальными проблемами, которые поднимает в своих интервью Алексиевич?

Недавно я был на семинаре в Грузии, и тамошняя журналистка жаловалась на то, как далеки для большинства грузин вопросы гендерного равенства, эмансипации женщин, мракобесные взгляды имеет подавляющее большинство грузин. «Мы (люди с прогрессивными взглядами) в этом вопросе как на острове», — говорила она, не зная, видимо, белорусской метафоры «гетто» — и я не стал подбрасывать ей этот яркий, но неточный, по-моему, образ.

В Чехии местный правозащитник жаловался мне, что чехам ничего не надо, им бы только лежать на диване и пиво пить. А американский журналист с нашего радио удивил меня в свое время рассуждениями о том, какие большинство

американцев тупые, насколько они не способны воспринимать серьезную культуру, даже просто смотреть европейские фильмы.

Привожу эти примеры, чтобы объяснить ту очевидную для меня вещь, что любой «мыслящий человек» в любом обществе обречен на ту или иную форму геттоизации.

Но одни спокойно это понимают и воспринимают, а другие по тем или иным причинам испуганно вопят — «Да нет же, я ничем не отличаюсь от других, я из большинства».

«Язык — это все буря в стакане ПЕН-центра, Союза писателей, маленькой белорусскоязычной тусовки. А выйдите на улицы — и вы увидите, что у людей другое в головах», — говорит Алексиевич. ОК, вышел. И что? Я и без того знаю, что у людей в головах — например, мысли, с кем бы выпить, поддержка Лукашенко и действий Путина в Украине.

Вообще меня раздражает это лицемерное соревнование политиков или интеллектуалов на тему «кто лучше знает народ». Либо это наивная вера, что понимание проблем «простых людей» делает тебя каким-то особенно мудрым, приближенным к сермяжной правде жизни.

«Я исследую массового человека», — говорит Алексиевич. Хорошее слово, кстати, — «исследую». Ведь зоолог тоже исследует букашек, но при этом он не заявляет с надрывом, что приблизился к их пониманию и живет их проблемами. Простите, мне это напоминает сюжеты о циничных политиках, которые сами ездят на «Бентли», а на встречи с избирателями приезжают на авто среднего уровня, чтобы быть ближе к народу.

Честно говоря, любой человек в Беларуси, которого волнуют не только практические жизненные вещи, а такие «абстракции», как свобода, культура, права человека — находится в глубоком гетто, а из-за высокого забора с колючей проволокой на него с удивлением смотрят «обычные граждане».

Интересно, где в этой ситуации находится сам литератор, человек, работающий со словом. Если не в гетто, то где — вместе с охранниками и конвоирами? Или с мародерами, которые грабят и занимают места, освобожденные теми, кого загнали в гетто? Или просто с нейтральными обывателями, которых ничего не касается?

«Сталин мощным колпаком лег на наше сознание»

7 мая 2015

Андрей Шарый, Прага

Накануне Дня победы белорусская писательница Светлана Алексиевич дала интервью русской службе Радио Свобода.

Разговор начался с книги «У войны не женское лицо», вышедшей в 1985 году с цензурными купюрами.

Алексиевич: В 2002 году, когда у меня выходил четырехтомник в московском издательстве «Время», я написала новое предисловие к книге «У войны не женское лицо» — о том, как много при первом издании из книги было выброшено, по каким мотивам это выбрасывали. По мере того как развивалась перестройка, многие люди как-то чуть-чуть «поднимались». Тем более мои героини, женщины военной поры. Это были уже старые люди, уходящей, как они себя называли, природы, но они не хотели уйти, до конца не высказавшись. И они мне уже после выхода книги присылали материалы, звонили, с кем-то я снова встречалась. В последних переизданиях (сначала четырехтомник, потом пятитомник) «У войны не женское лицо» — это книга, какой она была задумана в самом начале.

Собственные внутренние ограничения, конечно, в советское время и у меня тоже были, и я

тоже не могла какие-то вещи принять, поскольку целый пласт мировой военной литературы прошел мимо меня. Суть советского понимания военного противостояния была такой: «война — беда», а экзистенциальные вопросы отсутствовали. О них впервые, и то не совсем до конца, в открытой манере заговорил Василь Быков. Мы в целом были слишком привязаны к своему времени, и понадобилось пожить в состоянии хотя бы духовной полусвободы (в которой мы до сих пор все живем), чтобы какие-то вещи я поняла и смогла сказать. Чтобы я поняла: человек — и страшный, и прекрасный, и непонятный, зло — и яркое, и хищное, война — страшный, но очень яркий и очень разный мир, и человек в этом мире тоже очень разный. Сегодня, листая последние издания книги, могу сказать: я сделала все, что в моих силах. Будь у меня в 1980-е годы сегодняшнее ощущение времени, наверное, отчасти иным было бы и понимание войны. Но и тридцать лет назад я сделала все, что смогла.

Шарый: Вы говорили в одном из интервью, что для вас важной в работе над военной прозой была традиция Алеся Адамовича. Как вы оцениваете советскую литературу о войне? Почему не написано великого русского романа о великой войне, как вы считаете?

Алексиевич: Я думаю, сказались ограниченные идеи советского времени. Сталин мощным колпаком лег на наше сознание — и, как выясняется, этот колпак до сих пор прижимает и новые поколения, и властителей, и массовое сознание. Мы видим, что начинается новое возрождение

Сталина. И, конечно, наше представление о мире было сильно сужено, мир делился только на жертв и палачей, а мир на самом деле куда более сложен. Если посмотреть, что творится сегодня в Украине, откуда я недавно приехала, то там половина людей — заложники, которые оказались в ситуации оккупации. Я видела глаза беженцев, совершенно потерянные, мир для них пошатнулся. Целое поколение старых советских людей от инфарктов и инсультов сегодня умирает, их мир абсолютно рухнул.

Мы были парализованы этой картиной черно-белого мира, даже лучшие, даже самые талантливые люди. Как говорил, кажется, Всеволод Гаршин или Леонид Андреев, для нас война — беда, а война на самом деле — это безумие. Я уже относилась к поколению, которому удалось вырваться из черно-белого восприятия войны. Для нас, конечно, война ставит огромное количество экзистенциальных вопросов: человек остается один на один с мыслью о том, что он может убить другого человека. В чем справедливость войны, какова относительность этой справедливости? Один из моих героев сказал: «Я написал завещание, чтобы, когда я умру, мои медали не хоронили со мной, как это сделали с моими однополчанами, а отнесли бы их в церковь. Ведь и я убивал». Это другой, экзистенциальный уровень понимания войны.

К сожалению, экзистенциальная рефлексия в нашей культуре отсутствует — это касается и лагерной темы, и сталинской темы, и войны, особенно партизанской войны, честная книга о которой еще не написана. Понимаете, великий роман

возможен, только если в его основу лягут личные, экзистенциальные вопросы — природы человеческой, взаимоотношений с космосом. Когда ставятся вопросы не о том, кто такой Сталин, а о том, что такое человек. Эти вопросы были для нас в советский период закрытыми. Вот я смотрю на мировую литературу: они были ближе к этим вопросам, они были свободнее. Может быть, поэтому молодежь теперь читает Ремарка, а не читает Юрия Бондарева, хотя «Горячий снег» — для своего времени очень талантливая вещь. Но время сейчас вырвалось на общий простор, в общее желание понять человека: зачем вообще все это, кто он, что он? А мы опять захлопнулись в какую-то раковину, в абсолютно внутреннюю социальность.

Шарый: Вы упомянули Юрия Бондарева, он едва ли не последний из оставшихся в живых писателей «поколения лейтенантов», а после них много и детально о войне уже никто не писал. Как вы считаете, почему в последние десятилетия упал интерес к теме Второй мировой? Лев Толстой написал «Войну и мир» через полвека после окончания войны с Наполеоном. В России вроде бы пришло время, когда нужно ставить те самые экзистенциальные вопросы, о которых вы говорите. Почему никто из вашего поколения писателей-мэтров или более молодых литераторов не обращается к этой теме всерьез?

Алексиевич: Потому что наша постсоветская культура живет в закрытом состоянии. Мы не вышли в открытый мир, мы не впустили в себя мир. В этом закрытом состоянии мы не можем приобрести связи с новыми молодыми людьми,

потому что эти молодые люди принадлежат другому миру. А закрытое состояние культуры рождает такие же абсолютно закрытые, герметичные книги, они не интересны ни внешнему миру, ни молодым читателям. Если и читает что-то молодое поколение, то воспоминания Николая Никулина о войне — книгу, которая где-то долго лежала, ее не было, и вдруг она совершенно в новом образе представила войну. Или книга о войне актера Георгия Жжёнова. Эти люди шли от личного опыта, война или лагерь были их личным потрясением, они не поддались нивелировке пропаганды. И, может быть, спасло их книги еще и то, что они не были профессиональными литераторами, у них не было навыка банальности, канона.

Я, например, прежде очень много читала о войне (хотя уже давно не читаю), но вот Никулина я прочла, и это было для меня открытие, это было интересно. Конечно, в обстановке той герметичности, в которую мы опять погружаемся, ожидать рождения сильных и ярких вещей совершенно не приходится. Зато есть у нас придворные писатели, вроде Захара Прилепина и подобных ему, с их идеями насилия... Художник не может принимать идею насилия, настоящий художник не может в наши дни быть имперцем, государственнымником, это не совмещается. И, конечно, в таком круге идей ничего значительного не может родиться — тем более когда Дума печатает совершенно средневековые указы: запретить, нельзя думать... Что это за общество, что за культура, когда казаки с нагайками будут решать, какой спектакль ставить, а какой нет? Ну какой большой новый ро-

ман в этих условиях может появиться, как может сохраниться большой новый человек? Во времена Сталина были Андрей Платонов и другие, но, наверное, тогда еще оставалась энергия духовного сопротивления, а теперь, через сто лет, она, по моему, окончательно подавлена.

Шарый: Приходится, значит, отказываться от понимания того, что «поэт в России — больше, чем поэт»? А почему постсоветские общества (прежде всего я имею в виду российское и белорусское, и в значительно меньшей степени украинское общество) «не впустили в себя мир»? Власть виновата, народ виноват, общественные условия так сложились — в чем причина, как вы ее видите?

Алексиевич: Самая сложная проблема, которая у нас осталась от советского времени, — это, конечно, сознание человека. И власть, и элита, и общество оказались неспособными построить новое государство, обжить новые идеи, как это сделали наши соседи — та же Прибалтика, те же Чехия и Польша... Там элита потихоньку делает свою работу, она производит новые идеи. Как мне сказал один польский режиссер, «ваша элита побежала к остаткам со стола олигархов, а у нас олигархи хотят, чтобы мы их пригласили к своему столу» — художник в этих мирах занимает совершенно разное место. Когда я вдруг слышу от известного русского театрального деятеля: не стыдно объявлять по телевизору, что у тебя в самолете стоит золотой унитаз, он же заработанный... Или когда известная журналистка говорит: у человека с деньгами — особый запах, это особый человек, поскольку его деньги имеют некую энергию, силу...

Я представляю, сказала бы она это где-нибудь во Франции — ей бы назавтра никто руки не подал!

Нет моральных правил, нет моральных законов, есть законы понятий, законы мафии, законы случайно нахвачанных византийских или каких-то еще идей. Нет мощного ядра элиты, которое бы генерировало новые идеи. Все это нахвачано, все это достаточно примитивно. Пусть деньги из карманов сыплются, но все равно люди с такими понятиями — чужие миру, смешные во внешнем мире, все равно они вызывают страх, а не уважение. Не далее как вчера в Берлине я участвовала во встрече, где говорилось об этих темах, выступали писатели и политики, в том числе немецкий министр иностранных дел Вальтер Штайнмайер. Это совсем другой уровень разговора: говорилось о гуманитарных ценностях, о том, что деление мира на палачей и жертв — очень упрощенный взгляд. Я сидела как раз рядом с министром и думала: бог мой, когда я услышу в своей стране или в России от министра такие вот интеллектуальные разговоры, тогда Россия и Беларусь станут другими государствами! Но сегодня этого нет и нового государства нет — потому что по уровню понимания мира мы остались на уровне Александра III, который считал, что единственные друзья России — это ее армия и флот.

Шарый: Вы упомянули, что недавно вернулись из Украины. В этой стране сейчас по-другому отмечают даты, связанные с окончанием Второй мировой войны в Европе. Как вы относитесь к этим попыткам?

Алексиевич: Знаете, я приехала из Украины с очень хорошим чувством. Я выступала там в Киево-Могилянской академии, в университете, на книжной ярмарке «Книжный арсенал». Несмотря на все сложности, у молодых людей горят глаза, они хотят новой жизни, они готовы даже (хотя это варварство, конечно) на жертвы. В принципе, любое решение проблемы способом насилия, когда погибают люди — это, конечно, варварство, героическое варварство или просто варварство, садистское, бандитское. Надо убивать идеи, а не людей. Уже прошло время набирать обороты техники и без конца демонстрировать миру танки и пушки. В интернете я каждый день вижу какую-нибудь новинку русского вооружения и кроме как варварством это назвать не могу.

Украинцы действительно хотят начать новую жизнь, и действительно есть опасность, что чиновник опять сожрет украинскую революцию. Но сейчас народ настроен решительно, может быть, потому, что со времени «оранжевой революции» выросло новое поколение — их родители вынесли бы Януковича, а молодые отказались участвовать в этом сговоре против своего будущего. В Украине чувствуется дух времени, чувствуется дух воспрянувшей нации, которая не хочет, чтобы ее затащивало в русскую воронку. Я хотела бы верить, что у них это получится, что не удастся русскому средневековью, которое сегодня началось, затащить украинцев в старое время. Очень бы хотелось надеяться. В эти дни в Украине вместо георгиевских ленточек носят изображения маков. Они хотят праздновать день освобождения со всей Европой,

а не устраивать сталинские праздники отдельно от всего мира.

Шарый: Как вы считаете, живущим сейчас в России, в Украине, в Беларуси поколениям удастся как-то примирить разные правды о Второй мировой войне?

Алексиевич: Я думаю, что это будет очень длительная борьба. Историческая правда — сложная вещь. Я тридцать лет занимаюсь документами и могу утверждать: документа не бывает в чистом виде, все равно это чья-то страсть, чья-то вера, сиюминутная или долгосрочная, но все равно — в руках и воле человека. Но в конце концов вступает в действие время. Есть близкое время, когда мы как бы спеленуты идеями сегодняшнего дня, волями тех, кто сегодня у власти, их пониманием событий и явлений, их диапазоном. Что касается России и Беларуси — конечно, это старый мир. На улицах новые машины, у зданий немножко новая архитектура, люди носят новые костюмы, но это старый мир, мир старых понятий, и он сегодня пошел в последний советский бой. Не за ту высшую справедливость, которую можно было бы извлечь из советского опыта — там было много сталинских предательств, но все-таки в начале было и много романтических надежд, которые потерпели полную катастрофу. Кончилось все кровью, как говорит один из моих героев: «Бочки мяса остались и море крови, так кончается у нас вся история...»

Это будет еще очень долгая борьба, я думаю, она затянется на несколько десятилетий. Но как бы ни старались нашисты и лукашисты — сегод-

няшнее окостенение слетит, потому что мир все-таки движется и мы не можем сидеть на обочине, это нереально хотя бы в силу новых технологий. На какое-то время можно создать резервацию, ну, может быть, даже на длительное время (в конце концов, есть опыт Северной Кореи), но, тем не менее, человечество движется в сторону более нормального смысла жизни, когда человеческий дух не унижен, когда человеческие понятия не унижены. Это касается всего прошлого — не только войны, но и ГУЛАГа, который тоже оказался спорным понятием, как выясняется. Например, музей «Пермь-36» — уже не музей жертв ГУЛАГа, а музей работников ГУЛАГа. Будем теперь кланяться палачам, читать, как они мучились, издеваясь над жертвами...

Все очень перемешалось, но я думаю, что старая идея выдыхается. Мир идет в сторону того, чтобы человек остался человеком в том, в божественном смысле слова — об этом писали Александр Мень и Александр Шмеман, — когда действительно речь идет о духе человеческом.

«В каждом русском есть немного Путина»

14 мая 2015

Радыё Свабода

«Русских журналистов надо судить за то, что они говорят о войне на Донбассе», — сказала на встрече с читателями в Варшаве белорусская писательница Светлана Алексиевич.

Польский перевод книги Алексиевич «Время second-hand» номинирован на литературную премию имени Рышарда Капуцинского, выдающегося польского писателя в жанре литературного репортажа и документальной прозы, который родился в Пинске.

«Настоящей проблемой является то, что русские хотят слушать эту ложь. В каждом русском есть немного Путина. Красная империя ушла, но советский человек остался. Более 100 лет его воспитывают в культе войны. И ему никогда не жилось хорошо. Советского человека несколько десятков лет обманывали, а потом, после перестройки, систематически обворовывали. Поэтому это очень жестокий и агрессивный тип человека», — цитирует Светлану Алексиевич сайт tokfm.pl.

Сайт упоминает один инцидент во время встречи с Алексиевич в Варшаве — когда она затронула тему войны в Донбассе, кто-то из зала

выкрикнул: «Это бандеровская пропаганда!» На что писательница отреагировала:

«Как раз из-за таких реакций мы начинаем стрелять друг в друга. Если бы сегодня послали в спокойную Беларусь сто танков, оказалось бы, скорее всего, что часть хочет присоединиться к Польше, часть к России. Одно только несомненно: пролилась бы кровь».

Алексиевич получила премию имени Капуцинского

15 мая 2015
Радыё Свабода

Писательница Светлана Алексиевич второй раз стала лауреатом международной премии имени Рышарда Капуцинского за документальную прозу.

Церемония вручения премии имени Рышарда Капуцинского состоялась вечером 14 мая во Дворце культуры и науки Варшавы. Премия вручается за лучшую репортерскую книгу, затрагивающую важные проблемы современности. Ее организаторы — мэрия Варшавы и Gazeta Wyborcza.

Жюри под руководством польского публициста из Швеции Мацея Зарембы-Белявского оценивало 84 книги.

В этом году премию получили два лауреата: белорусская писательница Светлана Алексиевич за книгу «Время second-hand. Конец красного человека» и польский писатель, журналист Михал Ольшевский за книгу «Лучшие туфли в мире», сообщил с места события корреспондент «Хартии'97».

Премии лауреатам вручала лично мэр Варшавы Ханна Гронкевич-Вальц. С приветственным словом выступили главный редактор издания Gazeta Wyborcza Адам Михник и известный австрийский публицист Мартин Поллак.

Выступая на церемонии, Светлана Алексиевич поблагодарила власти Польши за поддержку белорусов, вынужденных покинуть свою страну из-за политического преследования на родине:

«Я очень рада, что второй раз стою на этой сцене и получаю эту награду. Все это очень для меня важно, и я даже подумала, что я счастливый человек. Редко думаешь о себе, что ты счастливый человек, но я могу это сказать. Сорок лет я делала то, что хотела делать. Мне удалось сделать то, что я задумала еще в юности.

Свое детство я провела в Беларуси и Украине и помню бесконечный женский хор. Как я понимаю сейчас, это, наверное, была глубокая травма, поэтому я слышала постоянные разговоры о “верхних” людях, о смерти, о тех, кто ушел. И когда я с улицы приходила домой и садилась за книги, мне казалось, что все равно в этих книгах нет того, что я слышу на улице. Теперь я рада, что эти голоса, которые постоянно звучали во мне, в моем сознании, в моих днях, ночах, разговорах, теперь стали словом, книгой и принадлежат миру.

Коммунизм не исчез. Он, может быть, сейчас уходит, но уходит с большой кровью. Когда я сегодня вижу украинских беженцев, их лица, особенно лица детей, меня не покидает ощущение большой войны.

Отдельно я хотела бы сказать слова благодарности Польше и особенно Варшаве за то, что вы поддерживаете белорусов. Я только второй день здесь и встретила уже десятки людей из Беларуси, которые нашли здесь приют, поддержку, дружеское плечо».

Очередь за литературным Нобелем

6 октября 2015

Ян Максимюк, Прага

Национальность литературы

Франция — страна, чьи писатели получили больше всего Нобелевских литературных премий. С прошлогодней премией Патрику Модiano получается всего пятнадцать. Второе место делят США и Великобритания (по десять премий).

Что стоит заметить по поводу этого ранжира? А то, что не всегда премированный писатель писал на титульном языке страны, к которой его причислили в нобелевской статистике.

Фредерик Мистраль (лауреат 1904 года) писал на окситанском языке. Иван Бунин (1933) — по-русски. Сэмюэл Беккет (1969) — по-французски и по-английски. Все трое завоевали Нобели для Франции. Иосиф Бродский (1987) — в нобелевской команде США. Элиас Канетти (1981) — родившийся в Болгарии и писавший по-немецки — значит как лауреат от Великобритании. В этих случаях решающим было гражданство писателя во время присуждения премии, а не язык, на котором он писал.

Однако если решало гражданство, то почему Генрика Сенкевича зачислили в пул нобелевских лауреатов Польши? В 1905-м, когда его премировали, он был подданным Российской империи, а Польши как политического субъекта тогда не существовало...

Существует мнение — с которым я абсолютно не согласен — что литература вообще не имеет национальности. Мол, писателей нужно делить на гениев, хороших и графоманов, а не на немецких, итальянских или венгерских. По-моему, литература, даже та вершинная, которая становится достоянием мировой читательской аудитории, всегда основана на национальном. «Дон Кихот» Сервантеса, «Гордость и предубеждение» Остин, «Мадам Бовари» Флобера, «Преступление и наказание» Достоевского, «Будденброки» Манна, «Улисс» Джойса — их универсальность прочно укоренена как раз в национальном, «своем» для авторов. Книга «Сто лет одиночества» Маркеса не могла возникнуть ни в Испании, ни в США, а только там, где возникла — в Колумбии. Можно допустить, что она могла бы еще появиться в Венесуэле или Мексике (эти страны объединяет с Колумбией не столько общий литературный язык, сколько общая память о колониальном прошлом), но наверняка не во Франции или в Германии... Существует прочная связь между культурой, в которой литература возникает, и тем, о чем и как эта литература рассказывает.

На самом деле почти вся литература в мире настолько «национальна», что и не имеет шансов стать «универсальной». Тем не менее — это литература, важная для нации, которая ее породила.

Белорусская литература — типичный пример такой «узконациональной» литературы. Янка Купала и Якуб Колас — писатели важные только и исключительно для белорусов. Никто Купалу и Коласа не станет читать ни в Польше, ни в Литве,

не говоря уже о Франции с Германией. Однако это не значит, что Купала и Колас — не писатели или плохие писатели. Они — «слишком национальные» писатели.

Другие тоже хотят

Что бы мы ни говорили о Нобелевской премии, все же надо признать, что она так или иначе возносит национальную литературу на «универсальный уровень» в читательском сознании. За немногими исключениями, нобелевскими лауреатами становились писатели, чью «универсальность» рано или поздно подтверждали переводы на другие языки и издания за рубежом. Это одна из причин, почему национальные литературы, которые пока не имеют нобелевского лауреата, так хотят его обрести.

Не иначе и с Беларусью. И дело здесь не в том, дадут ли Нобеля конкретно Георгию Марчуку или Владимиру Некляеву — дело скорее в том, что если так случится, то дадут его именно белорусской литературе. Ведь белорусская литература все еще требует внешнего признания, «появления на литературной карте Европы», чтобы самоутвердиться. Никакого такого самоутверждения не требуют литературы Франции, Германии, Великобритании или Италии. А белорусская — требует, как и многие другие литературы, которые до сих пор остаются в тени более пробивных литератур и языков...

Кто еще ждет своего Нобеля, если иметь в виду национальные литературы и языки?

Писатели нидерландского языка ни разу не были удостоены внимания шведских академи-

ков — ни голландцы, ни фламандцы. Не имеют нобелевского лауреата словаки, румыны, болгары, албанцы и все пост-югославские нации — словенцы, хорваты, боснийцы, македонцы и сербы с черногорцами. (Иво Андрич, родившийся боснийцем и причислявший себя к сербской литературе — это скорее общеюгославское литературное явление, чем исключительно боснийское или сербское).

Не имеют нобелевских лауреатов страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония) и три другие страны «Межморья»: Беларусь, Украина, Молдова.

Из сильных литератур вне Европы Нобеля никогда не получали аргентинцы и бразильцы!

Если взглянуть на Азию, то там премировали только японцев (2), китайцев (2) и индийцев (1).

И в самой Европе есть страны, которые получили Нобеля только раз и так давно, что все уже об этом начисто забыли. О Бельгии, например (1911). Или о Финляндии (1939).

Постколониальный синдром

Дело с Нобелем для Беларуси выглядит очень сложным прежде всего потому, что реальные шансы получить его в обозримой перспективе имеет только Светлана Алексиевич, которая пишет по-русски. И еще потому, что ситуация с белорусским языком в Беларуси такая, какая есть, а не иная.

Многие считают, что Нобелевская премия Светлане Алексиевич станет «последним гвоздем в гроб» белорусскоязычной литературы. То есть она станет косвенным подтверждением одного «кры-

латого выражения», согласно которому «на белорусском языке нельзя выразить ничего великого».

Это, конечно, тот историко-эмоциональный контекст, в котором любители литературы в Беларуси уже несколько лет подряд следят за букмекерскими прогнозами относительно Нобеля и каждый октябрь по несколько дней рьяно дискутируют в соцсетях, что считать белорусской литературой, а что нет.

Я время от времени и сам вступаю в такие дискуссии, придерживаясь мнения, что литература на русском языке в Беларуси сегодня — это составная часть национальной литературы белорусов.

Основной контраргумент, который я слышу от своих оппонентов, можно свести к следующему вопросу: А есть ли русская литература на белорусском языке? Или — есть ли польская литература на белорусском языке?

Безусловно, нет ни польской литературы по-белорусски, ни русской. Нельзя сопоставлять вещи *ex definitione* несопоставимые. Это же не Беларусь колонизировала (экономически и культурно) Польшу и Россию, а наоборот. Ситуацию Беларуси можно более или менее оправданно сопоставить только с ситуацией тех стран, которые подвергались жесткой колонизации.

Сопоставить с Ирландией, например. Или с Колумбией или Мексикой. С Нигерией тоже будет неплохое сравнение.

Ирландцам не приходит в голову «отдавать» британцам своих нобелевских лауреатов — Уильяма Йейтса и Шеймаса Хини — хоть писали они по-английски. Габриэля Гарсиа Маркеса и

Октавио Паса никто не причисляет к испанской литературе, хотя писали они по-испански. И Воле Шойинка тоже принадлежит не английской литературе, а нигерийской, хотя пишет он на языке колонизаторов, а не на своем родном (йоруба).

Говоря, что Алексиевич, если она получит Нобелевскую премию, получит ее и для Беларуси — я выступаю просто за новое понимание белорусского контекста.

Еще иначе: вопрос не в том, как относятся к творчеству Светланы Алексиевич русские, то есть считают ли они ее русской писательницей или нет. Вопрос прежде всего в том, как отнесемся к ней мы, белорусы. Это один из тех случаев, когда можно хоть немного подлечить свой постколониальный синдром и реально сказать России свое «нет».

Алексиевич: «До завтрашнего дня никаких комментариев»

7 октября 2015

Ян Максимюк, Прага

Радыё Свабода позвонило Светлане Алексиевич с просьбой поделиться своими ощущениями в роли фаворитки букмекеров на получение нынешней Нобелевской премии по литературе.

Писательница сказала, что сейчас она находится за пределами Беларуси, и пообещала поговорить с *Радыё Свабода* после того, как станет известен победитель. «До завтрашнего дня ничего не комментирую», — подчеркнула она.

Светлана Алексиевич уже третий год подряд рассматривается некоторыми букмекерскими конторами на Западе как один из наиболее вероятных лауреатов шведской премии.

Как быть с Алексиевич?

8 октября 2015

Сергей Наумчик, Прага

Информация о серьезных шансах Светланы Алексиевич быть удостоенной Нобелевской премии по литературе вновь активизировала дискуссию об отношении писательницы к национальным ценностям.

Конечно, неблагодарное дело — пытаться анализировать то, что еще не произошло (и может вообще не произойти). Однако лично я рассматриваю вероятность получения Нобеля Светланой Алексиевич как очень высокую — если не теперь, то в ближайшие годы. Скажу больше: в том, что она в конце концов получит премию, у меня нет никаких сомнений.

Не сомневаюсь я и в реакции.

Легко могу представить, как воспримет новость о Нобелевской премии моя дочь, когда им в пражской школе скажут: *«Анна, писательница из твоей Беларуси получила Нобелевскую премию!»* — *«Да? Супер!»*.

И точно так же эта новость будет воспринята в мире: получила премию писательница из Беларуси.

Казалось бы, иного и быть не может: формально нобелевский лауреат приписывается к той стране, паспорт которой он носит в кармане.

Но тут начинаются нюансы.

Сама возможность присуждения Нобелевской премии писательнице из Беларуси, пишущей по-русски, воспринимается неоднозначно.

В 1998 году в эфире *Радыё Свабода* состоялась дискуссия на тему потенциального белорусского литературного Нобеля. Прочитую два мнения.

Сергей Дубовец: «Лично я ничего не имею против Светланы Алексиевич. И если бы звезды стали для нее удачно, стоило бы искренне порадоваться за писательницу, которая пишет по-русски. Но не за Беларусь. Потому что, парадоксальным образом, такая премия могла бы стать последним гвоздем в гроб белорусского языка, который после такого признания русскоязычной литературы в Беларуси вряд ли уже вернулся бы к полноценному социальному существованию. Возможно, он бы получил статус ирландского языка, на котором еще говорят крестьяне в стране, где семеро англоязычных писателей носят звание лауреатов Нобеля».

Александр Лукашук: «Нобелевская премия для Беларуси — как Чернобыль наоборот. Ее излучение пронизало бы жизнь нации на поколения вперед и осветило бы на поколения назад. В этом свете открылась бы — и так обрела бытие — вся Беларусь, прошлая и будущая, для мира и для себя самой. Сбылась бы метафора Купалы о «месте почести между народами». С нобелевского пьедестала заговорила бы вся наша задушенная, замученная, расстрелянная в XX веке литература и язык. Она бы воскресла, как Христос после снятия с креста. То, что я сказал, — аргументы слабости. Внешнее признание — подтверждение сущностного харак-

тера бытия, его ценности — нужно тем, кто сомневается в себе. Белорусы сомневаются. Лично для меня это был бы самый счастливый день в жизни. Только слабые знают, что такое победа».

Должен признаться, что долгое время я был солидарен с оценкой Сергея Дубовца, но теперь скорректировал мнение.

Нет, я не могу приложить определение Александра Лукашука («Чернобыль наоборот») — именно к Светлане Алексиевич (впрочем, автор определения и не имел в виду именно ее — напомним, что в 1998 году, когда записывалась беседа, среди белорусских писателей, наиболее вероятных в качестве нобелевских лауреатов, назывался Василь Быков).

И дело не в языке, на котором пишет Алексиевич, а в ее отношении к языку, к национальным ценностям.

Осенью 1995-го, после так называемого референдума, Светлана Алексиевич подписала коллективное письмо белорусских писателей (вместе с Василём Быковым, Нилом Гилевичем, Рыгором Бородулиным, Владимиром Арловым, Василём Зуёнком, Карлосом Шерманом, Геннадием Буравкиным, Сергеем Законниковым, Анатодем Кудравцом) против возвращения к советской методике в системе гуманитарного образования (я цитирую это письмо в своей книге «Девяносто пятый»: «Новый шаг высшей власти — не что иное, как покушение на духовную и интеллектуальную свободу нации, а значит, и на ее будущее»).

Но, к большому сожалению, в последние годы из ее уст звучали слова, которые можно интерпретировать как неприязнь к национальной идее.

Положительных изменений в отношении Алексиевич к белорусской культуре и белорусскому языку я не вижу.

Правда, требовать много от Алексиевич — все равно что упрекать ее в том, что в своих произведениях о 90-х годах она акцентирует внимание не на плюсах восстановления независимой Беларуси, а на минусах распада СССР. В том, что она выбрала своими героями не «возрожденцев», а тех, кто новое время либо воспринял испуганно, либо не воспринял совсем.

Выбирать ту или иную тему, рассматривать ее в том или ином ракурсе — это священное право автора. Так же как право каждого человека — выходить на Площадь или не выходить.

Дело тут в другом.

Просто я убедился, что мы чересчур преувеличиваем фактор иностранного признания, иностранного авторитета, вообще — иностранного влияния на внутреннюю жизнь Беларуси. Преувеличиваем чаще всего в политике, но и в культуре — тоже.

Ну, не заявит Алексиевич в нобелевской лекции, что наличие двуязычия в Беларуси — это правильно. Она вообще может и не упомянуть Беларусь, разве что в связи с тем же Чернобылем (а если упомянет Чернобыль — ее за это стоило бы поблагодарить).

И не будет она — я убежден — поносить белорусский язык и его носителей, опять зачислять их в «гетто» — слишком уж мелко это для нобелевского лауреата.

Но представим себе — что заявит, что будет поносить. И что это изменит? Увеличит количество врагов *беларушчыны*? В кабинетах, где принимаются решения, их и без того хватает. Белорусская культура, белорусскоязычное образование лишатся каких-либо существенных западных преференций — из-за позиции нобелианта? Да не было никаких преференций. Тема национальной дискриминации неоднократно звучала в международных аудиториях и всегда оставляла политиков безразличными — не потому, что артикулировалась недостаточно авторитетными людьми, просто эта тема (в отношении любой страны, не только Беларуси) не входит в категорию приоритетных и считается исключительно внутренним делом страны. В отличие от прав человека, например.

Поэтому — нечего терять.

Судьба Беларуси, ее культуры, ее языка, как и прежде, будут зависеть прежде всего от самих белорусов, от нашего самосознания, от нашей преданности и солидарности.

А не от Нобелевского комитета Шведской академии.

8 октября 2015 года в Стокгольме
было объявлено о присуждении
белорусской писательнице Светлане
Алексиевич Нобелевской премии.

Через несколько часов она приехала в офис
независимой газеты «Наша Ніва» и ответила
на вопросы журналистов.

Литературный Нобель 2015 присужден Светлане Алексиевич

8 октября 2015
Радыё Свабода

Сегодня в Стокгольме лауреатом Нобелевской премии в области литературы была объявлена Светлана Алексиевич из Беларуси.

В своем вердикте Шведская академия написала, что Алексиевич награждена за «ее многоголосное творчество — памятник страданию и мужеству в наше время».

Светлана Алексиевич (род. в 1948 в Ивано-Франковске), пишущая на русском языке, дебютировала как журналистка в 1975 году. Она — автор книг «У войны не женское лицо» (1985), «Последние свидетели» (1985), «Цинковые мальчики» (1990), «Зачарованные смертью» (1993), «Чернобыльская молитва» (1997), «Время second-hand» (2013).

Ее книги переведены на все основные европейские языки.

До Нобелевской премии Светлана Алексиевич получила много других международных премий, в их числе премию Гердера (Германия, 1999), премию Национального общества книжных критиков (США, 2006), премию Angelus (Польша, 2010), Премию мира немецких книготорговцев (Германия, 2013). В Республике Беларусь не премировалась.

Мария Войтешонок: «Хочется кричать, петь и танцевать»

8 октября 2015
Радыё Свабода

Очень эмоционально отреагировала на новость о присуждении Нобелевской премии по литературе Светлане Алексиевич ее близкая подруга Мария Войтешонок.

«Все последние дни были как солнечная буря, столько волнений и тревоги. Это словно явление природы, а не дело рук человеческих, что у нас в Беларуси Нобелевская премия!

Хочется кричать, петь и танцевать. Сказать что мы, все ее друзья, рады — не сказать ничего».

Мария Войтешонок сказала, что Алексиевич сейчас в одной из стран Балтии, но вскоре вернется в Минск.

Борис Петрович: Мы ждали Нобеля со времени номинации Быкова

8 октября 2015

Радыё Свабода

Председатель Союза белорусских писателей Борис Петрович комментирует решение Нобелевского комитета.

Петрович: «Мы следили за Нобелевской премией в прямом эфире. Очень рады, что литературный Нобель получила Светлана Алексиевич. Счастливы, что это наконец случилось. Мы очень давно ждем этого — с тех пор, когда был номинирован Василь Быков, Рыгор Бородулин, Владимир Некляев. И вот наконец это случилось. Это величайшее событие для всей белорусской литературы, культуры и нашей страны. Я поздравляю всех, в первую очередь саму Светлану Алексиевич», — сказал Свободе председатель Союза белорусских писателей.

Борис Петрович выразил мнение, что литературный Нобель примирит сторонников и противников Светланы Алексиевич:

«Они должны примириться. Светлана Александровна была, есть и остается гражданкой Беларуси. А белорусская литература всегда существовала не только на белорусском языке, она была на разных языках. Так что, я думаю, это станет тем пунктом, с которого начнется примирение».

Северинец надеется услышать от Алексиевич выступление по-белорусски

8 октября 2015
Радыё Свабода

Сопредседатель оргкомитета по созданию партии «Белорусская христианская демократия» Павел Северинец прокомментировал Радыё Свабода присуждение Светлане Алексиевич Нобелевской премии в области литературы.

Северинец: «Мои поздравления Светлане Алексиевич! То, что еще один представитель Беларуси получил Нобелевскую премию — это свидетельство того, что белорусы — нация талантливая, это нация глубоких гениев. Я напомним, что нобелевские лауреаты в области литературы, связанные с Беларусью или происхождением из Беларуси, — и Генрик Сенкевич, и Чеслав Милош. Есть дискуссия в белорусском обществе относительно языка — русского языка, на котором пишет Светлана Алексиевич, о ее отношении к самому белорусскому языку. Но я надеюсь, что теперь, с этого нобелевского пьедестала, г-жа Светлана выскажет уже более взвешенную позицию и мы услышим от нее выступление по-белорусски, услышим в нобелевской лекции, в выступлениях имена и фамилии белорусов, писавших по-белорусски. Поэтому, скажем так, есть определенные надежды».

Лявон Борщевский: «Это первый случай на постсоветском пространстве»

8 октября 2015
Радыё Свабода

Переводчик Лявон Борщевский о том, что Светлана Алексиевич получила Нобелевскую премию по литературе, узнал от Радыё Свабода.

Борщевский: «Это большое событие, с которым нужно поздравить белорусскую литературу. Наша литература этого заслуживает. Это первый случай получения премии на всем постсоветском пространстве. Раньше только русские литераторы получали, да и то еще до распада Советского Союза.

Примечательно, что я читал российские средства массовой информации, и никто не называет ее “нашей писательницей”. Говорят — “белорусская писательница”, а “от нас баллотируется Евгений Евтушенко”. Надо поздравить. Внимание к белорусской литературе увеличится».

Чергинец: «Пусть миллион пойдет на пользу Светлане Алексиевич»

8 октября 2015
Радыё Свабода

Председатель Союза писателей Беларуси Николай Чергинец отметил, что Алексиевич по-настоящему занимается литературой Беларуси, она написала целый ряд произведений.

Чергинец: «Для белорусской литературы это очень приятно, что наш автор получил признание такого высокого уровня. В связи с тем, что представитель нашей страны получил Нобеля, белорусскую литературу станут больше читать в мире, появится больше изданий на разных языках — и это будет положительно не только для самой Светланы Алексиевич, но и для других наших авторов. Я хочу, чтобы миллион евро, который получит Светлана Алексиевич, пошел ей на пользу, буду очень рад поздравить ее в торжественной атмосфере».

Владимир Арлов: «Премии удостоена вся Беларусь»

8 октября 2015
Радыё Свабода

Присуждение Нобелевской премии Светлане Алексиевич комментирует писатель Владимир Арлов.

Арлов: «Сердечно поздравляю дорогую Светлану! Прежде всего это премия за ее книги, которые читают во всем мире! Но я воспринимаю премию и как высокое признание нашей литературы, как награду всему независимому белорусскому сообществу. Премию получила сегодня вся Беларусь. Я хорошо чувствую это сейчас, потому что нахожусь на литературном фестивале в Литве, где с радостью принимаю поздравления за этот успех Светланы — и всей нашей литературы».

Некляев: «Давайте все вместе поднимем бокалы с шампанским и выпьем за Светлану Алексиевич!»

8 октября 2015

Радыё Свабода

Поэт Владимир Некляев оценил присуждение Светлане Алексиевич Нобелевской премии в области литературы как настоящий праздник.

Некляев: «Это праздник для нашей литературы, для нашей культуры, для нашего гражданского общества, для нашей страны, для нашего народа. Не в каждой из множества стран мира есть нобелевские лауреаты, и тем более лауреаты в области литературы. Те суждения, которые высказываются в отрицательном смысле — мол, Светлана Алексиевич не белорусская писательница — перекрываются официальной информацией о присуждении ей Нобелевской премии, где сказано прямо, что Нобелевскую премию в области литературы получил именно белорусский автор. Поэтому давайте все вместе, как на Новый год (а это своеобразный Новый год для белорусской литературы), поднимем бокалы с шампанским и выпьем за удачу Алексиевич, за ее здоровье».

Павел Якубович: «Горжусь, что белорусска получила Нобеля»

8 октября 2015
Радыё Свабода

Главный редактор газеты администрации президента «СБ — Беларусь сегодня» Павел Якубович в программе Белорусского телевидения «Клуб редакторов» еще 4 октября предсказал победу Светланы Алексиевич и несколько минут пел ей дифирамбы.

Якубович: Нос у меня вы же знаете какой. Вокруг имени развернулась полемика, которая мне не нравилась... Вокруг Алексиевич ломались копыя: «она пишет по-русски», «она не белорусская писательница». С другой стороны, «старая гвардия» не может ей простить замечательных, правдивых книг о войне, о Чернобыле, об Афганистане...

Но сколько ее издают в самых развитых странах мира — говорит само за себя. Я в душе всегда ожидал, что она станет лауреатом, и горжусь тем, что наш белорусский литератор так громко заявил о себе на весь мир и получил признание.

Радыё Свабода: А теперь каверзный вопрос. Когда последний раз «СБ — Беларусь сегодня» писала о Светлане Алексиевич, публиковала ее интервью, упоминала о ней?

Якубович: Я лично поддерживаю со Светланой хорошие отношения. Когда-то она у нас печаталась. Я лично много усилий приложил, чтобы в

прошлом году на Международной книжной ярмарке в Минске состоялась встреча читателей с ней. Но в последнее время связей по линии газеты не было, потому что, как мне кажется, Светлана — не очень большая любительница сотрудничать с государственными СМИ и с нашей газетой. Я ее авторские ощущения должен уважать и не докучать ей. Но я лично восхищаюсь ее заслугами в литературе и очень горжусь, что белоруска получила Нобеля.

Радыё Свабода: Павел Изотович, а в следующем номере «СБ — Беларусь сегодня» напишет об Алексиевич? Вы всегда меткие заголовки придумываете, может, уже и заголовок есть?

Якубович: Конечно, напишем! Заголовок еще не придумал. В воскресенье в программе «Клуб редакторов» я хотел опередить события и выразить телезрителям свое мнение о Светлане Алексиевич, потому что на самом деле очень много было с разных сторон сделано усилий, чтобы ее принизить, дискредитировать, к сожалению, и много раз это делалось. Поэтому я на самую широкую аудиторию высказал свое мнение об этой проблеме, хотя проблемы нет: Светлана — самый выдающийся из белорусских литераторов, которые работают сегодня.

Марочкин: «У меня радости очень мало по поводу ее победы»

8 октября 2015
Радыё Свабода

Художник и член Союза белорусских писателей Алексей Марочкин сказал, что имеет высокое мнение о творчестве Светланы Алексиевич.

«Книги Светланы Алексиевич — это наша боль. Она берет самые болезненные темы, к которым никто не прикасается. Она не боится таких тем», — сказал Марочкин Свободе.

«Но очень жаль, что в свое время не получил Нобелевскую премию Василь Быков. Он от начала до конца был с народом и всегда был готов взять ответственность за свой народ. Он никогда не скрывал своей позиции и писал на белорусском языке, с которого его переводили на многие другие. Я думаю, что и сама Светлана радовалась бы, если бы премию дали Василю Быкову. Но так получилось, что лауреат — она».

Алексей Марочкин сказал, что основная претензия к лауреату — то, что она пишет по-русски:

«Мне не нравится, что Светлана Алексиевич — русскоязычная писательница. Поэтому присуждение ей Нобеля — это кирпичик в фундамент “русского мира”. Почему? Потому что недоброжелатели могут сказать, что это посыл белорусскоязычным писателям: мол, видите, Нобеля получила русскоязычная белорусская писательница, а бе-

лорусскоязычные со своим деревенским языком далеко не пойдут. Поэтому у меня радости очень мало по поводу ее победы. Мы сегодня боремся за то, чтобы белорусский язык жил. Я был бы рад, если бы Нобеля получил белорус, который пишет на языке титульной нации».

Лукашенко поздравил Светлану Алексиевич

8 октября 2015
Радыё Свабода

Глава Беларуси Александр Лукашенко поздравил Светлану Алексиевич с присуждением Нобелевской премии по литературе.

Об этом сообщила президентская пресс-служба.

«Ваше творчество не оставило равнодушными не только белорусов, но и читателей во многих странах мира. Искренне рад за Ваш успех. Очень надеюсь, что Ваша награда послужит нашему государству и белорусскому народу», — говорится в поздравлении. Лукашенко также пожелал Светлане Алексиевич здоровья, счастья и новых творческих достижений на благо родной Беларуси.

Юлия Чернявская: «Вся Европа сейчас пишет про маленького человека»

8 октября 2015
Радыё Свабода

Нобелевскую премию Светланы Алексиевич комментирует литератор и культуролог Юлия Чернявская.

«Для Беларуси эта премия означает, что нас будут знать. Будут знать, что есть такая страна — Беларусь. Услышат наши голоса, услышат те голоса, что у Светланы в книгах: голоса чернобыльцев, голоса подростков войны, женщин войны...

Пожалуй, лишь последняя ее книга была собрана не только из голосов белорусов, все ее другие книги — это только наши голоса: и мой, и ваш, и ваших близких.

То, что пишет Алексиевич, это жанр литературной oral history. Именно литературной, это документальная литература высокого образца. В мире сейчас в авангарде идет документальный театр, документальная фотография, документальная литература. Вся Европа сейчас пишет про маленького человека, жаждет живых голосов эпохи. У нас на постсоветском пространстве уже давно никто не осмысливает войну, а вся Европа пишет о человеке на войне или в каком-нибудь катаклизме, такие произведения достаточно популярны.

В этой литературе есть своя космогония. Алексиевич пишет книги о великом переломе с челове-

ком, как человек это переживает, выдавливает из себя раба. Писатель может написать и про одного человека, и это будет космос, интересный всем.

Я публиковала на Свободе статью о том, что Светлана — именно белорусский автор.

Я так считаю и буду считать всегда. И для страны свой Нобель — большой-большой бонус. Это победа Беларуси — если этого кто-то не понимает сейчас, поймут потом, увидят. Это интеллектуальный бренд страны. К нам проснется интерес, от нас будут ожидать большего и большего, нас будут переводить. Допинг своего рода. Я, например, буду очень ждать, когда переведут Бобкова или Бахаревича. Или Чарухина, который пишет на русском, но без сомнений белорусский автор».

Андрей Хаданович: «Сейчас власть стоит перед необходимостью флиртовать с Алексиевич»

8 октября 2015

Радыё Свабода

Присуждение Нобелевской премии Светлане Алексиевич комментирует поэт, президент Белорусского ПЕН-центра Андрей Хаданович.

«Если бы г-жа Алексиевич получила Нобелевскую премию несколько лет назад, я бы удивился. Но ожидание, напряжение от букмекерских прогнозов, ожиданий радостных, тревожных, истерических приучило к Нобелю Алексиевич как к неизбежному.

И это случилось неизбежно. Если серьезно, то это давно заслуженная Светланой Алексиевич награда.

На нее последние годы сыпался град европейских премий. Она самая известная в литературе гражданка Беларуси, как бы некоторые ее недоброжелатели ни комментировали проблему ее русскоязычности-белорусскоязычности.

Она пишет то, что в нормальной, зрелой европейской литературе занимает ее половину — non-fiction. Это занимает половину шведской, польской, английской, французской литературы. И это выглядело бы глубоко недоразвитым в Беларуси, если бы не Алексиевич, которая почти в одиночку

заполняет этот пробел. Это самая популярная литература в мире, как бы ни роптали поэты.

Это литература-документ, что-то на границе между писательством и журналистикой. Алексиевич это подхватила, у нас были мастера non-fiction и раньше, но она развивает это. Ее книги оказались конвертабельными в смысле переводов на другие языки, в смысле того, чтобы дойти до читателя.

Я как гражданин Беларуси этому радуюсь, как читатель этому радуюсь, как знакомый Светланы этому радуюсь. И призываю белорусов этому радоваться — да они и без того радуются, если посмотреть социальные сети. Общее ощущение радости. Наконец у нас прекратится болезненный комплекс неполноценности: ну когда же, когда же нашему дадут Нобеля — это было на грани неприличия в последние годы. Это знак какого-то взросления самой культуры: проехали, переболели детской болезнью ожидания Нобеля. Многие белорусы живут с каким-то комплексом неполноценности: все интересное может происходить в Нью-Йорке, в Париже, в Москве, если у кого-то Москва в голове... но не в Беларуси! Мне кажется, что Нобель Алексиевич многих может убедить, вернуть белорусам чуточку самоуважения.

Второе — что Нобель Светланы Алексиевич поспособствует более конструктивным отношениям различных сегментов белорусской литературы: старших и младших, более и менее оппозиционных, белорусскоязычных и русскоязычных, придуманной литературы и непридуманной. Это поспособствует большему пониманию в самой Беларуси.

Меня интересует другое. До сегодняшнего дня г-жа Алексиевич, как и некоторые другие белорусские писатели, входила в негласный “черный список”. А сейчас власть стоит перед необходимостью флиртовать с ней, приручать ее, делать реверансы, комплименты, привлекать к сотрудничеству. Я заинтригован, что из этого выйдет. Желаю Светлане мудрости и мужества».

Виктор Дашук: «К тому, что Светлана Алексиевич пишет по-русски, я отношусь спокойно»

8 октября 2015

Инна Студинская, Минск

Народный артист Беларуси, режиссер, кинодокументалист Виктор Дашук — в определенном смысле «крестный отец» Светланы Алексиевич: в 1985 году за циклы фильмов «Я из огненной деревни» и «У войны не женское лицо» он стал лауреатом Государственной премии СССР.

У Светланы Алексиевич много международных премий, но ни одной белорусской награды. Что касается Нобелевской премии Светланы Алексиевич, Виктор Дашук высказал такое мнение:

Дашук: Светлана открывает список белорусских лауреатов, и мне не просто приятно, меня переполняет гордость за то, что мы начинали работать в одной параллели, параллели прекрасных людей, известных не только в Беларуси, но и в мире — вместе с Василем Быковым и Алесем Адамовичем.

Мне очень приятно, что Светлана заслуженно получила Нобеля, я чувствую не только гордость за нее, но гордость и за нашу страну. Ведь каждый из нас, кто здесь рождается, учится, формируется и развивается как личность, не может развиваться в какой-то обособленной среде.

Она берет энергию от других талантов, и этими талантами являются, повторюсь, Алесь Адамович и Василь Быков, которые тоже могли быть в этом списке.

Но таковы законы времени, они диктуют свои условия, свои правила. И они были в одном промежутке времени. Я рад за Светлану просто по-человечески. Она — первооткрывательница этого списка.

Я убежден, что и в живописи, и в других видах искусства, и в науке — в каждой области есть белорусы, достойные Нобелевской премии. Я горжусь, Светлана сделала первый шаг. Я рад ее поздравить от всего сердца.

Радые Свабода: Г-н Виктор, некоторые упрекают Алексиевич: ну какая она белорусская писательница, она же пишет по-русски, гордится русской культурой...

Дашук: Если я пришел обедать в ресторан, и салат не понравился, а официантка была красивая, вежливая, то я уже не обращаю внимания на какой-то там салат... У каждого человека есть какие-то черты, которые не соответствуют моему мировоззрению, и это нормально. И у меня со Светланой были разные мнения, разногласия. Но мы живые люди, и если каждый — личность, они не могут плыть в одном направлении.

Мне тоже хотелось бы, чтобы она была белоруской в чистом виде, во всем. Но дайте человеку свободу! Отец у нее белорус, мать — украинка. А то, что Светлана пишет по-русски — это мелочи, это суета.

Я знаю белорусский язык лучше, чем русский, но свои статьи — за двадцать лет их было десять — я писал по-русски по одной простой причине: чтобы больше было читателей. Ведь в нашей сложной белорусской ситуации главное, чтобы твое слово, твое искреннее стремление дошло до как можно большего числа людей. Я отношусь к этому спокойно.

Ивонка Сурвилла: «Горжусь и надеюсь, что не позволите называть вас русской писательницей»

8 октября 2015
Радыё Свабода

Председатель Рады БНР Ивонка Сурвилла поздравила Светлану Алексиевич.

«Уважаемая Светлана, от имени Рады БНР искренне поздравляю Вас с получением Нобелевской премии! Я горжусь, что Нобелевский совет дал награду Вам, писательнице из Беларуси — так же как горжусь Василем Быковым, Адамом Мицкевичем, Марком Шагалом, Михалом Клеофасом Огинским и всеми другими гениальными творцами, которых дала человечеству наша земля», — пишет Ивонка Сурвилла в своем поздравлении.

«Впервые белоруска стала лауреатом Нобелевской премии по литературе. Это очень важное и радостное событие для Беларуси и белорусов всего мира. Для тех людей за границей, кто еще ничего не знает о Беларуси — а таких много — это наилучшим образом расскажет о нашей стране. Я с большим восхищением читала Ваши произведения в переводах на французский и английский языки. Надеюсь, что когда-нибудь прочту их и по-белорусски. Горжусь Вами — и одновременно надеюсь, что вы сами никому не позволите назвать вас русской писательницей. Успехов Вам и здоровья!» — говорится в поздравлении председателя Рады БНР Ивонки Сурвиллы.

Первая пресс-конференция нобелевского лауреата: «Сказала бы спасибо моим учителям: Адамовичу и Быкову»

8 октября 2015
Александра Дынько,
Радыё Свабода, Минск

Через несколько часов после того, как было объявлено решение Нобелевского комитета, Светлана Алексиевич дала первую в новом статусе пресс-конференцию. В сопровождении шведских дипломатов и журналистов она приехала в редакцию газеты «Наша Ніва», которую сама выбрала для пресс-конференции. Нескольким десяткам журналистов не хватило места в небольшом помещении, многие слушали писательницу в коридоре. Ниже — полный текст пресс-конференции.

Алексиевич: Я, конечно, подумала не о себе. Несколько дней назад один немецкий театр ставил «У войны не женское лицо» и хотел, чтобы несколько героинь приехали во Франкфурт. Я обзвонила пятьдесят адресов, и никого не оказалось в живых. А перед этим у меня был такой же опыт с героями книги про Чернобыль. И сегодня я подумала: «Как жалко, что эти люди не узнают». А еще подумала, что это не только моя награда, это награда нашей культуре, нашей маленькой стране. Не буду скрывать, была и сильная радость, но и тревога. Все же рядом великие тени: Бунин, Пастернак... Это слишком великие тени, и

они ожили для меня — это очень серьезно. Если раньше я думала, что устала, разочаровалась в каких-то вещах, то сейчас я решила, что планку невозможно будет снизить.

Вопрос: А кого бы вы хотели поблагодарить в первую очередь?

Алексиевич: В первую очередь я бы, конечно, сказала спасибо моим учителям: Адамовичу и Быкову. Вот это мои учителя. И Быков, который был примером такой человеческой стойкости, и Алесь Адамович, который... вот как ставят голос, я бы сказала, он поставил мне машину мышления, этот человек. Я никого равного ему в белорусской культуре не знаю, по европейскому размаху. Вот об этих людях, что касается Беларуси, я подумала в первую очередь. А так у меня много: мои герои, мои издатели по всему миру, люди, которые заставляли меня о чем-то подумать, которые дарили мне какую-то догадку о человеке, так как, чтобы новое услышать, нужно по-новому спросить. Так что все мы сложены из учителей. Все мы стоим на плечах рода, на плечах людей, которых встретили.

Недавно, вчера прочитала в блогах, один говорит: когда меня спросили, как ты относишься к тому, что Алексиевич могут дать премию. А другой говорит, я не читаю ее книги, только фильм ее смотрел. А я, говорит, чувствую гордость. Вот я бы хотела, чтобы это была гордость. Что мы — маленькая гордая страна.

Вопрос: Вы можете объяснить, что значит для вас быть белорусским писателем, пишущим на русском языке?

Алексиевич: Я пишу о человеке Утопии, о «красном человеке». Семьдесят лет этой утопии, а потом двадцать лет, как мы выходим из этой утопии. И она говорила на русском языке. И отсюда у меня язык, поскольку мои герои — это и украинцы, и русские, и белорусы, и татары, и цыгане даже есть там — одна героиня цыганка, то есть очень разные, и я бы могла сказать, что я себя чувствую человеком белорусского мира, человеком русской культуры, очень мощная прививка русской культуры, и человеком, который долго жил в мире, и, конечно, космополитом. Человек, который смотрит на мир как на огромное космическое пространство. Еще меня убедил в этом Чернобыль, когда я после Чернобыля очень много ездила, и у меня есть книга «Чернобыльская молитва», и там, вы знаете, не чувствуешь себя «я белорус», а ты чувствуешь, что все живое в одном мире, что мы все один вид. Это очень сильное ощущение.

Вопрос: Почему вас до сих пор не поздравил белорусский президент, и как вообще к вам относится белорусская власть?

Алексиевич: Ну, белорусская власть делает вид, что меня нет, меня не печатают, я не могу нигде выступать, во всяком случае на белорусском телевидении... Белорусский президент тоже. Два часа прошло, как объявили премию, и писем двести я уже получила, и там один очень хороший парень написал: вот интересно, как поведет себя Лукашенко, вот Домрачевой он дал героя Республики Беларусь, что он будет делать? Меня поздравил только министр информации России, Григорьев, он меня поздравил одним из первых.

Вопрос: А звание героя примете?

Алексиевич: Надо подумать, но это все равно не от Лукашенко, а от Родины.

Вопрос: Как только стало известно о вашей награде, в комментариях на российских сайтах написали, что она получила Нобеля за ненависть к России, к «русскому миру», Путину и т. д. Считаете ли вы, что вы и в самом деле получили премию на ненависти, и есть ли у вас ненависть к «русскому миру»? Кстати, Олег Кашин назвал вас адептом «русского мира».

Алексиевич: Когда у людей такие фанатичные идеи, они, конечно, ищут их везде. Я только кусочек прочитала Кашина, очень удивилась ему. Там еще Прилепин такой есть. Я хочу сказать, что то же самое пишут и в Беларуси, что я ненавижу и белорусский народ, и ненавижу не только власть, но и народ. Я думаю, никто не любит правду. Я говорю то, что думаю. Я люблю белорусский народ, я люблю русский народ, мои родственники все со стороны отца были белорусы, мой любимый дедушка, и вообще я в четвертом поколении сельский учитель, мой прадед учился вместе с Якубом Коласом, так что я чувствую, что это моя родина, моя земля. И вместе с тем моя бабушка, моя мать — они украинцы. Я очень люблю Украину. И вот когда я была на Майдане, на площади, и видела эти фотографии «Небесной сотни», я стояла и плакала. Это тоже моя земля. Так что нет ненависти, это не ненависть. Тяжело быть честным человеком, очень трудно. И надо не поддаваться этому соглашательству, на которое эта тоталитарная власть всегда рассчитывает. Я люблю книгу

«Совість нацистов», время от времени ее перечитываю, там о том, как фашизм вползал в жизнь немцев в 1930-е годы. Сначала, когда немцам говорили: не ходи к тому врачу, к тому портному, — они, наоборот, шли к еврейским врачам, дантистам. Но очень мощно работала машина, очень мощно нажимала на кнопки самые примитивные, то, что мы сегодня видим в России, и за десять лет они сделали совсем другой народ. Я и отца своего спрашивала: «Как вы это пережили?» И он только одно мне говорил: было очень тяжело, было очень страшно. Я думаю, что человеком остаться всегда страшно, всегда сложно, даже если не так массово сажали, как в те годы, но, видите, в России уже сажают, и у нас уже сажают. Но надо иметь это мужество, а то, что говорят — ну что ж.

Вопрос: А вы можете определить свое отношение к «русскому миру»? Какой «русский мир» вам нравится, а какой вам не нравится, учитывая, что вы пишете на русском языке?

Алексиевич: И мои герои русские, да? Я люблю «русский мир», правда, я до сих пор не могу понять, что они имеют в виду. Я люблю добрый русский мир, гуманитарный русский мир, тот мир, перед которым до сих пор преклоняется весь мир, перед той литературой, перед тем балетом, перед той музыкой великой. Да, я этот мир люблю. Но я не люблю мир Берии, Сталина, Путина, Шойгу — это не мой мир.

Вопрос: Насколько ваша последняя книга актуальна в сегодняшних условиях?

Алексиевич: «Время second-hand» — это не о прошлом книга. Она о том, на чем мы все стоим,

о нашем фундаменте. Вот откуда мы вышли. Мне дороги слова, которые я специально вынесла в эпиграф, что тоталитаризм развращает и палача, и жертву. Мы живем в этот травмированный период. Все мы так или иначе прибиты к этому советскому опыту. И то, как отпустили и даже спровоцировали ситуацию в России, и 86% людей стали рады тому, как убивали людей в Донцке, и смеялись над «этими хохлами». Или те, кто сейчас считает, что все можно решить с позиции силы.

Вопрос: Скажите, белорусы будут узнавать первого в истории страны лауреата Нобелевской премии? И вам бы этого хотелось?

Алексиевич: В 2013 году, когда я тоже вошла в тройку претендентов, я такая усталая ехала, из Берлина, кажется, и ко мне подбегает совсем такой молодой человек и говорит: вы Светлана Алексиевич? Я говорю, да. Так вы же вот на Нобеля, все. Боже мой, у меня не то что книжки — бумажки нет! И достает пачку от сигарет — распишитесь на ней! Я вообще не тщеславный человек и не люблю публичность, и не люблю, когда тебя узнают, потому что ты разный и не всегда готов к людям, ты очень устал, но есть минуты, когда ты думаешь: значит, то, что ты делаешь, цепляет этого человека. Если бы это ему было не дорого и не нужно, он бы не подбежал с этой пачкой от сигарет. Я не хочу, как Киркоров чуть ли не в женском платье, выходить на улицу, но иногда, когда ты видишь, что людям это нужно и они готовы с тобой поговорить, и они тебе доверяют, и если ты приходишь в дом, они тебе доверяют как собеседнику — это, конечно, приятно.

Вопрос: В вашей последней книге вы показываете читателям, насколько трудно простому человеку было пережить именно крушение Советского Союза. Есть какие-то моменты, которые недоописаны и недооценены из этого опыта, которые, вам кажется, нужно подчеркнуть еще? Какие-то трудности переходного этапа?

Алексиевич: Я думаю, конечно, мы это время еще не отрефлексировали и даже не поняли. Я написала книгу, но, я думаю, еще сто солженицыных может работать на этом участке, потому что это же семьдесят с чем-то лет, миллионы погибших людей, идея, которая начиналась с желания построить «город солнца», а закончилась такой кровью. Об этом надо еще много думать. Я не думаю, что мне удалось рассказать все. Но то, что я поняла, что я смогла рассказать, я сделала давно в этих пяти книгах, в этом цикле про «красного человека». Вот, может, кто-нибудь из вас должен прийти и сделать.

Вопрос: Над чем вы работаете сейчас?

Алексиевич: Сейчас у меня в работе две книги. Такие метафизические темы. Жизнь у нас, конечно, всегда не получается. Начнем что-то строить, а кончается все тем же — как в анекдоте, «автоматом Калашникова». Сейчас другие люди все же, которые хотят быть счастливыми. Хотят любить. Знают радость жизни. Многие видели мир. Я пишу одну книгу о любви — в ней о любви рассказывают и мужчины, и женщины. И вторая — о старости, об исчезании, о конце жизни. Зачем все это, и что это такое. Вот к этой второй книге культура, особенно русская, более подготовлена. А вот

к книге о счастье... Все хотят быть счастливыми, но никто не знает, что это такое.

Вопрос: В эти выходные у нас президентские выборы, пойдете ли вы и за кого будете голосовать?

Алексиевич: Я не пойду на выборы. Но если бы я пошла, голосовала бы за Короткевич. Из женской солидарности. Из-за того, что я вижу нормальное лицо, слышу нормальную лексику, которой я абсолютно не слышу от мужчин-политиков. Нормальные костюмы, нормальные реакции. То, чего у мужчин-политиков нет. Да и просто из-за того, что какие-то надежды. А то, что «Короткевич — подсадная утка», как пишет Пазыняк... Я не верю в это. Я не знаю, кто за ней стоит, какие деньги... Но я знаю, что это был бы новый поворот в нашей жизни. А не пойду на выборы потому, что ведь мы же с вами знаем, кто победит. Мы знаем, что победит Лукашенко. Наверное, у него будет 76%. Я так думаю. Он посмотрит на настроения общества и прикинет, сколько можно.

Вопрос: Вы сказали, Адамович, Быков — а роль белорусской интеллигенции, андерграунда, насколько она формирующая, важная, насколько важно иметь эти моральные авторитеты?

Алексиевич: Наши «могикане» умерли не вовремя. Как нам сейчас не хватает Адамовича, Быкова, их слова, их понимания, их уровня. Я думаю, многого не позволили бы себе те, кто позволяет, когда их нет. Мы не можем себе позволить такую свободу — сидеть где-то, как некоторые мои немецкие друзья-писатели — уезжают в деревню и пишут. Мы живем в такое несовершенное время, в таком несовершенном обществе. Я не баррикад-

ный человек, но меня постоянно тянет на баррикады. Потому что стыдно, стыдно за то, что происходит.

Вопрос: Считаете ли вы, что ваш голос в будущем будет более весомым в белорусском обществе?

Алексиевич: Ну, я не знаю, вы же видите, у нас такая власть... Ну, надеюсь, ей объяснят, что такое Нобель, и, может быть, будет какая-то реакция, может, осторожная. Общий уровень политической элиты у нас советского склада. Даже еще хуже. У советской были планки, которые не нарушались. Там были люди, долго нужно было ползти по этой лестнице, чтобы доползти. А сегодня ты из «грязи в князи» — и управляешь. Кто только не был министром культуры — и строитель, и хабзаец какой-то, кто только не был. Я думаю, надо делать свое дело и говорить то, что ты думаешь.

Вопрос: Как вы оцениваете тот факт, что вы первая в Беларуси в литературе?

Алексиевич: Мне сложно сказать. Что касается научных разработок, физики, химии, это требует большого и технологического уровня в стране, огромного научного потенциала. По-моему, все это у нас разрушено. И я думаю, у нас много талантливых людей, но они вынуждены или эмигрировать, как в России, или неполноценно прожить свою жизнь.

Вопрос: Что вы думаете о ситуации в Украине и о российской авиабазе в Беларуси?

Алексиевич: Думаю, что российская авиабаза нам не нужна. Но боюсь, что она будет у нас. Не вижу я у Лукашенко сил и ресурсов этому противостать. И не вижу этих сил сопротивления в

обществе. Общество примет все, что предложит власть, к сожалению. Что касается Украины, то я все же думаю, что это, конечно же, оккупация, иностранное вторжение. Хотя там есть много людей, которые недовольны тем, как было в Украине, и хотели каких-то перемен, но они бы никогда не воевали. Они бы нашли другой путь перемен. Привезите к нам десятка два грузовиков, и всегда найдутся люди, которых можно вооружить. Я слышала от одного человека, казалось бы, очень симпатичного, пожилой подполковник, русский. И он был так взволнован, когда оккупировали Крым, и сказал: «Да мы тоже можем тряхнуть стариной, и пистолет есть, и гимнастерка есть».

Вопрос: А вы планируете ехать в Украину?

Алексиевич: А я была недавно. Бабушка умерла, а больше таких близких родственников не осталось.

Вопрос: По-вашему, есть ли какие-то признаки перемен в Беларуси или надежда на перемены, и в каком направлении они будут развиваться?

Алексиевич: У Лукашенко очень трудное сейчас положение. Он очень хотел бы оторваться от России. Но кто ж ему даст. С одной стороны, его держит его собственное прошлое. А с другой стороны, его держит Путин. Под собственным прошлым я имею в виду, что он не знает других правил игры. Он с этим вырос, несмотря на то, что надо признать: у него очень сильный политический нюх.

Вопрос: А базу ему навязывают?

Алексиевич: Базу ему, конечно, навязывают. Я не думаю, что он этого хочет сам. Спасение Бела-

руси, если бы она повернула в сторону Евросоюза. Но никто ее не отпустит.

Вопрос: А что бы вы хотели сказать Нобелевской комиссии?

Алексиевич: Я не знаю никого из них. Я могу им сказать лишь спасибо.

Вопрос: А когда они вам позвонили?

Алексиевич: За несколько минут до того, как вы узнали про все это. Я как раз вернулась с дачи, и они позвонили.

Вопрос: Где вы были вчера, на даче?

Алексиевич: Да.

Вопрос: Вы собираетесь жить в Беларуси?

Алексиевич: Да.

Вопрос: На что вы премию потратите?

Алексиевич: За премии я всегда покупаю свободу. Я пишу книги свои очень долго — пять-десять лет. Это долгое время, и нужны деньги, и нужно ездить, печатать. Теперь я могу спокойно работать, не думая о том, где их заработать.

Вопрос: А влияет ли ваша победа на отношение к белорусской культуре за рубежом, в мире?

Алексиевич: Мне трудно говорить, я думаю, нужно, чтобы существовало не одно имя. Во всяком случае, недавно я была в Австрии, ко мне подходят в кафе и спрашивают: откуда? Я говорю, из Беларуси. А мне говорят, о, Домрачева, Лукашенко. Так что, видите, уже немного знают.

Вопрос: В какой Беларуси вы бы хотели жить?

Алексиевич: Я, конечно, хотела бы, чтобы Беларусь была похожа на скандинавские страны. Это мечта для маленькой страны, как мы. Или хотя бы на то, как выглядит Прибалтика.

Вопрос: Вы получили премию и за вашу работу об Афганской войне. Считаете ли вы, что Путин рискует повторить опыт Афганистана в Сирии сейчас?

Алексиевич: Была годовщина Афганистана, и ему (Путину. — РС) задали вопросы, было ли это ошибкой. А он говорит: нет, правильно, что мы там были. Если бы не мы, то были бы американцы. Я думаю так, после Афгана были чеченцы, теперь будут сирийцы. Я встречала людей, которые в советское время воевали в Африке. Это страна солдат. Или открытых солдат, или подпольных солдат. Но вообще мы живем в военном окружении, военном мышлении. Оно сверху донизу. От правительства до простых людей.

Вопрос: Это касается Беларуси, России, постсоветского пространства?

Алексиевич: Да, к сожалению, мы еще завязаны в этот узел.

Вопрос: На белорусском языке не собираетесь писать?

Алексиевич: Мне часто задают такой вопрос. Что такое белорусский язык на самом деле? Я знаю белорусский язык, но не так, чтобы хорошо на нем писать. И тот язык, который я знаю, это «наркомовка». В мое время учили только такому языку. Для меня это никогда не будет самоцелью.

Вопрос: Где вам комфортнее всего живется, пишется, в какой стране? Вы много где жили.

Алексиевич: Наверное, все же дома, в Беларуси. На даче.

Вопрос: Где вы были, когда вам позвонили и сказали?

Алексиевич: Дома, дома была. Я гладила, между прочим.

Вопрос: Вы двадцать лет не печатались в Беларуси? И ни одной премии белорусской у вас нет?

Алексиевич: Да, нет.

Вопрос: Вы сказали, что все же принадлежите к белорусскому миру. А что, по-вашему, такое — белорусский мир?

Алексиевич: Вот мой отец белорус. Его ласковый взгляд, спокойный. Никогда плохого не скажет. Он был директором школы, потом в старости учителем. Эти старые женщины, среди которых я выросла. Деревенские. Этот голос. Вот эта поэтичность их взгляда. И даже когда Чернобыль был, я видела растерянность чиновников, военных, и только эти старые женщины, крестьяне, природные люди, находили точки опоры. Они целостно понимали, что произошло. Хотя это было жестоко. Природные люди пострадали больше всех.

Вопрос: Поможет ли ваша победа популяризации белорусской литературы и более широкой печати? И в мире, и у нас?

Алексиевич: Вы знаете, это не зависит от этого, все зависит от книги. То есть если представить книгу, ее напечатают. А не от того, что эту страну знают. Вот латиноамериканцы, они предложили мировоззрение новое, и весь мир их печатал. Рышард Капуцинский предложил свой взгляд, и его повсюду печатали. Куда, в какое издательство я бы ни приехала — а вот мы Рышарда Капуцинского издаем. Дело не в том, что кто-то там есть в этой стране, а в том, что мы должны с каким-то текстом прийти в этот мир. У нас был этот текст,

чернобыльский текст, теперь это текст постдиктатуры, которая мутирует, как... Но, к сожалению, в постсоветских клише не дают вырваться и дать какое-то новое объяснение этому.

Вопрос: Вы пишете о судьбе маленького советского и постсоветского человека. Согласны ли вы с тем, что ваша премия белорусская?

Алексиевич: Все же, наверное, шире, так как герои моих книг — это все постсоветское пространство. «У войны не женское лицо»... Я помню, мне один ученый говорил: а зачем ты брала героинь русских женщин? Надо было наших брать, белорусок. Нет, потому что моя книга шире, философски: женщина и война, человек и война. Так что это более широкий охват.

Вопрос: Вы говорили о Капуцинском, а повлияло ли его творчество на вас?

Алексиевич: Ну, во всяком случае, мне был очень интересен его взгляд, и я прочитала первый раз его книгу «Империя» и увидела, как интересно он искал в этой области документального репортажа, в которой я работаю. Мне нравилась польская Ханна Краль, очень интересно работает в этом направлении, и Капуцинский. И ничего подобного нет в Беларуси, хотя здесь есть книга Адамовича, Брыля и Колесника «Я из огненной деревни», я считаю, это гениальная книга. Но там, в Польше, это целый пласт культуры — документальная книга. Потому что русская, белорусская культуры еще как бы не пустили себя в мир, немного традиционные, они работают самодостаточно, сами в себе. И я открывала мир

именно через такие фигуры, как Ханна Краль, Капущинский.

Вопрос: Вы сказали, что не будете голосовать на выборах, потому что в этом нет никакого смысла. Вы считаете, что граждане страны должны последовать вашему примеру?

Алексиевич: Бойкотировать выборы ни в коем случае нельзя. Потому что если вы бойкотируете, то Лукашенко получает больше шансов... Потому что если проголосует из тысячи человек восемьсот человек, то он может поставить себе такое количество голосов. А если придет только пятьсот человек, то вырастут его проценты. Это неправильное поведение. Я считаю, что призыв к бойкоту — это ошибка оппозиции. Это можно элементарно подсчитать, что если мы бойкотируем выборы, мы даем шанс повыситься количеству процентов Лукашенко. Это очень просто. Я уже где-то разочарована в нашей оппозиции, и в нашем народе, если так можно сказать. Что мы никак не проснемся. Я думаю, что это долгий путь.

Вопрос: Когда ваша книга последний раз выходила в Беларуси? Помните ли вы это?

Алексиевич: Лет двадцать пять назад...

Вопрос: Последнее ваше «Время second-hand» вышло?

Алексиевич: Ой, да, но ведь это такая полуподпольная книга, негосударственная.

Вопрос: А государственные издательства когда последний раз издавали и какую?

Алексиевич: По-моему, «Цинковые мальчики» какое-то издательство издавало... «Беларусь» изда-

тельство. Но это тоже было маленькое издательство и личный поступок редактора.

Вопрос: Если бы вам пришлось в одном сообщении сказать что-то белорусам, что бы это было?

Алексиевич: Давайте постараемся жить в достойной стране. Каждый должен что-то для этого сделать. Не надо ждать, что это сделает сосед, сын твой, все должны что-то делать. Иначе по одному очень легко нас шантажировать, напугать, с нами расправиться. Давайте будем идти вместе, но в то же время я против революции. Мне не нравится кровь. Я не хочу, чтобы хотя бы одна жизнь молодого парня была потеряна. Я считаю, мы должны найти свой белорусский «гандизм». Если мы будем вместе, мы его найдем, конечно.

Вопрос: Сейчас много войн, нет ли у вас разочарования, что книги вроде бы ничему не учат? Возможно ли сейчас сближение Востока и Запада, не новая холодная война, а общий «мир», не русский, не западный?

Алексиевич: В мире есть не только книги, Толстой, еще кто-то, а есть и Библия, и Франциск Ассизский, и Антоний Сурожский, Серафим Саровский на камне стоял несколько дней, религиозные эти мученики... А человек не меняется. Но все же хочется верить, что что-то меняется, хотя события в Донецке и война в Одессе меня напугали. Как быстро слетает культура, и как быстро вылезает зверь из человека. Так что, я думаю, если мы перестанем делать свое дело, может быть еще хуже. Как там у апостола Павла — горе мне, если я перестану проповедовать. Что касается антизападничества, как это сейчас в России, то я считаю,

что это уйдет. Уйдет вместе с нынешними лидерами. Нет этой ненависти в народе. Ни в русском, ни в белорусском нет ненависти к Западу, к Европе. Это все пена, созданная политиками. Ну, и всегда найдутся молодые, которым захочется сыграть в свою какую-то игру. Так что это не глубоко, но единственное, что в промежуточном времени мы будем жить еще долго. Мы слишком были наивны в 90-е годы, когда думали, что раз — и тут же мы станем свободными. Нет, это невозможно, как оказалось. Всем казалось, люди прочитают Солженицына — и тут же станут чистыми, а люди каждый день кого-то убивали в подъездах. Я думаю, самое тяжелое наследие, оставшееся от социализма — это травмированный человек, потому что лагерь развращает и палача, и жертву.

Нобель для Беларуси

8 октября 2015

Александр Федута, Киев

Оспаривать решение Нобелевского комитета — дело бессмысленное и никчемное. Не наши деньги, не нам и решать, кому их отдавать. И кто их достоин — не нам решать: не прописывал такой процедуры покойный Альфред Нобель.

Нам остается только радоваться тому, что самая известная из литературных премий мира стала наградой для гражданина суверенной Республики Беларусь. И радоваться тому, что эту премию получила писательница с действительно мировой известностью. Этого, я думаю, даже самые жесткие оппоненты «Нобеля для Алексиевич» не будут отрицать.

Рынок — дело суровое. Он голосует. Тиражи переводов на основные языки мира — свидетельство уровня востребованности таланта писателя и поднятой им темы. Мы живем не в советские времена, когда переводы «организовывались», когда переводчикам из братских стран и левых партий указывали, кого им переводить и какие именно тексты. Теперь — не так.

Я видел людей возле полок с книгами Светланы Алексиевич в Варшаве, Киеве, Москве. Они выходили из книжных магазинов с ее изданиями, когда она еще не была нобелевским лауреатом.

Никто не заставлял их доставать деньги и банковские карточки и покупать «Время second-

hand». Причем это были люди разного возраста, преимущественно — те, кто моложе меня, для кого рассказы героев Алексиевич — история.

Что они там искали?

Мне кажется, ответа на вопрос, почему мы все живем так, а не иначе. Настоящее объясняется прошлым; прошлое по-другому заставляет оценивать настоящее. И та ярость, с которой российская власть делала все, чтобы Захар Прилепин победил Светлану Алексиевич в конкурсе на премию «Большая книга» — это ярость пациента по отношению к врачу, который точно поставил диагноз.

Нобель Светлане Алексиевич — премия врачу, который поставил точный диагноз постсоветским обществам. Всем, без исключения. С их нетерпимостью, нетолерантностью, готовностью в любой момент приступить к применению насилия друг против друга. «Вежливые зеленые человечки» — мутанты, выпущенные из наших душ на государственном уровне. Алексиевич об этом не писала, но из написанного ею следовало, что такое — возможно.

Иногда мне кажется, что спокойствие и даже холод, которые демонстрируются самой известной писательницей современной Беларуси по отношению и к нашей стране, и к нашим проблемам — это холод и спокойствие врача-диагноста, который пытается не ошибиться.

И не ошибается.

С этим можно соглашаться, можно не соглашаться. Но, похоже, она права.

Говорят, что Нобель по литературе крайне политизирован. Что его вручают с учетом также и

политической позиции автора — насколько совпадает она с общемировой повесткой дня.

Позиция Алексиевич совпала.

Она пишет на русском языке, но выступает против «русского мира» как концепции, которая оправдывает насилие и политическую экспансию Путина.

Она гражданка Беларуси и категорически осуждает тот режим, который установил в стране Лукашенко.

Она писала о Чернобыле, об Афганистане, о душевном разложении человека постсоциалистической эпохи.

И она писала талантливо, понятно и интересно. Ее читали и читают.

И, надеюсь, будут читать.

Все остальное — проблемы не мирового читателя, не мирового литературного сообщества, а наш внутренний междусобойчик. Даже если нам больно от того, что наша позиция, наше собственное мнение не совпадают с позицией и мнением Алексиевич, об этом не знают читатели Японии, Германии, Швеции и США. А если узнают — просто пожмут плечами в недоумении: какое отношение все это имеет к «Нобелю для Алексиевич»?

Нам нужно сделать все, чтобы «Нобель для Алексиевич» стал «Нобелем для Беларуси». Она внесла Беларусь в «повестку дня» мировой культуры, и теперь издатели мира будут интересоваться ее мнением: есть ли там, в ее стране, другие писатели, молодые и талантливые, которых стоит переводить, стоит давать им шанс. И чем больше

новых, талантливых книг будет издаваться в нашей стране, тем проще ей будет отвечать на этот вопрос. И тем ближе будет второй «Нобель для Беларуси». И гораздо больше будет шанс, что книги, за которые он будет вручен, будут не о прошлом, а о будущем, и что написаны они будут на белорусском языке.

Дверь открылась, друзья мои. Беларусь приглашают войти в мир...

Жорес Алферов: «Алексиевич — поздравляю, белорусский язык — мой, а Быкова я знал лично»

9 октября 2015

Сергей Наумчик, Прага

Нобелевский лауреат по физике Жорес Алферов приветствует награждение Светланы Алексиевич и хочет пригласить ее в свой университет.

Жорес Алферов родился в 1930 году в Витебске. Лауреат Нобелевской премии по физике (2000) за разработку полупроводниковых гетероструктур для высокоскоростной оптоэлектроники. Депутат Государственной Думы РФ от КПРФ, вице-президент Российской академии наук.

Наумчик: Г-н Алферов, вы родились в Беларуси. Как вы восприняли присуждение Нобелевской премии Светлане Алексиевич?

Алферов: Я очень рад, что белорусская писательница получила Нобелевскую премию. Я все ищу ее электронную почту, чтобы отправить ей поздравление.

Наумчик: А вы что-нибудь читали Алексиевич?

Алферов: Я просматривал, понимаете. Единственное, что я немного больше смотрел — это «У войны не женское лицо». Я могу сказать следующее. Это шестой писатель, который пишет по-русски. Она белоруска, да, но это шестой писатель, получивший Нобелевскую премию после Бунина, Пастернака, Шолохова, Солженицына и

Бродского. И Алексиевич. Но, за исключением Шолохова, во всех остальных Нобелевских премиях, я бы сказал, был элемент антисоветизма в работах, за который давалась Нобелевская премия. Я думаю, меньше всего это было у Бродского. Премия Бродского у меня вызвала исключительно положительную реакцию еще и потому, что он продемонстрировал блестящие способности одновременно и как русский, и как английский поэт.

Наумчик: А вы не видите какого-то политического фактора?

Алферов: Наверное, он, возможно, и есть, но в случае со Светланой Алексиевич... Во-первых, уже времена другие, это раз. Во-вторых, у меня такое внутреннее убеждение, что у нее это абсолютно искренне. Я не уверен, скажем, в искренности Солженицына, в том числе и в его «ГУЛАГе», и во многих других вещах. Хотя он, конечно, прекрасный писатель, и для меня «Матренин двор» — его лучшее произведение. А вот у Алексиевич, я думаю, это совершенно искренне. Можно об этом говорить. Думаю, я бы с удовольствием с ней встретился и пообщался. И в нашей Беларуси, и пригласил бы ее к себе в Академический университет. Я обязательно ее прочитаю. Но из того, что я сейчас успел посмотреть, это, безусловно, искренне и интересно. И я думаю, что она полностью заслужила премию.

Наумчик: Вы родом из Витебска. Скажите, а витебчане и вообще белорусы могут вас тоже считать «своим» нобелевским лауреатом?

Алферов: Ну а как же? Белорусы меня и считают своим нобелевским лауреатом. Не только

витебчане, но и минчане. И когда я приезжаю в Беларусь, я приезжаю в свою родную страну.

Наумчик: Это справедливо так считать?

Алферов: Ну, я там не только родился, я там закончил школу. Мои родители прожили практически всю жизнь там. У меня все белорусские корни. Я люблю наш прекрасный народ. Я могу сказать, я не раз говорил, что если вы сегодня едете на автомобиле из России в Беларусь, в Псковской области (особенно летом это хорошо видно) вы едете среди полей, поросших бурьяном, — а потом переезжаете границу и попадаете в современную, цивилизованную, европейскую страну.

Наумчик: И такой вопрос, поскольку вы — для меня, признаться, неожиданно — проявили такое отношение к Бродскому и как физик выразили хорошее знание литературы. Сейчас много пишется (и *New Yorker* сегодня написал), что впервые за долгое время получил премию автор литературы нон-фикшн — не беллетристики, не романов художественных, а именно автор документалистики. Это впервые после Черчилля.

Алферов: Понимаете, есть большая разница между документалистикой Черчилля и произведениями Светланы Алексиевич. Документалистика Черчилля... Я думаю, тогда многие были удивлены Нобелевской премией по литературе. Конечно, Черчилль прекрасно писал свои речи. Премия была вручена за шеститомник мемуаров. Известно, что когда в 1953 году Черчиллю сообщили, что он лауреат Нобелевской премии, его реакция была такая: «Надеюсь — не за мир?». Этим самым, кстати, он сразу поставил премию

за мир на определенный уровень. Вот. Но у Черчилля — это документалистика, и бóльшая часть шеститомника — это документы, кроме всего прочего. Хотя места есть блестяще написанные. Я до сих пор в восторге от его блестящей речи 22 июня 1941 года. А Алексиевич — это все же и журналистика, и литература. Литература! Возможно, даже новый жанр литературы... Хотя, наверное, не она является здесь первым автором. Недаром и Алеся Адамовича вспоминают.

Наумчик: И Даниила Гранина...

Алферов: Даниила Гранина в меньшей степени, Адамович более яркий в этом плане, хотя, возможно, у меня не совсем объективный взгляд. Это — литература. И не зря они отметили, что в литературе, которую она создала, голоса людей слышны. Но это надо было суметь написать! Поэтому она для меня — писательница, я жалею, что я мало ее читал. И, конечно, прочитаю и буду рад с ней познакомиться.

Наумчик: А кого из белорусских писателей вы знаете, кроме Адамовича? Возможно, Быкова?

Алферов: Ну, Василя Быкова я знал лично и очень хорошо к нему относился. Вообще, надо сказать, что когда я учился в школе после войны в Минске, моим ближайшим другом был Игорь Атрахович, сын Кондрата Крапивы. И писателей того времени — и Коласа, и Михася Лынькова, и Петруся Бровку, и Петра Глебку, и Кулешова — я всех их знал! Юношей их знал. Я очень увлекался Кулешовым. Его поэма «Знамя бригады» — это блестящее произведение.

Наумчик: Вы, наверное, могли бы и по-белорусски говорить, если бы вспомнили?

Алферов (*переходит на белорусский*): А как же? Это же мой язык.

Наумчик: Всего доброго вам и спасибо за разговор!

Алферов: Пожалуйста!

Оксана Забужко: «Алексиевич совершила литературный подвиг»

9 октября 2015
Радыё Свабода

Украинская писательница Оксана Забужко прокомментировала присуждение Нобелевской премии белорусской писательнице Светлане Алексиевич:

«Впервые со времени распада Советского Союза в культурный фокус Запада попало вот это явление, которое г-жа Светлана сорок лет терпеливо исследовала своим писательским инструментарием — вот этот страшный нео-оруэлловский порабощенный разум, говоря языком Чеслава Милоша. Только этот порабощенный разум гораздо более широкого формата — здесь речь идет уже, наверное, о порабощенной душе, как рак разъедающей человечество, и жертвой уже становятся целые страны, и особенно Россия. Алексиевич, в принципе, совершила литературный подвиг — да, она белоруска, она человек с советским бэкграундом, но она внешний человек по отношению к русской литературе, и она дала отчет за русскую литературу, которая оказалась не на уровне своей исторической миссии. Алексиевич дала портрет этого рака мозга и души, который эта чекистская система в течение ста лет практиковала», — сказала Забужко украинской службе Радио Свобода.

Как Лукашенко учил Алексиевич писать книжки

9 октября 2015

Валерий Карбалевич, Минск

Присуждение Нобелевской премии по литературе Светлане Алексиевич создало для Александра Лукашенко очень неудобную ситуацию.

С одной стороны, знаменитая писательница для него — принципиальный идейный оппонент.

А с другой стороны, не заметить такое событие, как присуждение главной мировой премии, невозможно. Особенно с учетом того, что Лукашенко поздравляет с днем рождения даже второстепенных представителей российской культуры. Вот недавно премьер Кобяков в Москве вручил белорусские награды малоизвестным российским журналистам. Поэтому у Лукашенко хватило здравого смысла поздравить Светлану Алексиевич с наградой.

Эта ситуация похожа на взаимоотношения Лукашенко с Василем Быковым. Знаменитую фразу о «стихах Быкова» он сказал в ответ на острый вопрос на российском телеканале о неуважении к известному писателю.

Неудобная ситуация для Лукашенко возникает еще в одном смысле. Он постоянно выражает претензии белорусским писателям, что они не создают выдающихся произведений. Мол, дайте мне, покажите, напишите «Войну и мир», и тогда я вас удостою своим вниманием.

Так вот, пожалуйста, Светлана Алексиевич получила признание, выше которого в мире нет. И тут выясняется, что за время правления Лукашенко белорусские государственные издательства не печатали ее книг. Нет пророка в своем отечестве. «Война и мир» есть, только власти ее не заметили и не признали.

Но здесь существует и более глубокая проблема. Дело не только в том, что Лукашенко книг не читает. «Все книжки я уже прочитал раньше», — говорил он, отвечая на вопросы российских журналистов в октябре 2007 года. Глава Беларуси в полной мере не понимает самоценности культуры и искусства, существования особого художественного мира. Этот мир воспринимается им утилитарно, только как отрасль народного хозяйства. «Национальную культуру мы рассматриваем как чрезвычайно важный стратегический ресурс государства», — говорил он на специальном совещании в 2001 году. То есть культура видится им не как уникальный социальный феномен, а всего лишь как ресурс государства, наряду с военным, финансовым и другими ресурсами.

Кроме того, по советской традиции Лукашенко рассматривает культуру как инструмент в руках государства по «воспитанию» народа в русле последних политических установок.

На встрече с руководством Союза белорусских писателей в сентябре 1998 года глава Беларуси стал критиковать Светлану Алексиевич. Мол, неправильно пишет. Вот его рассуждения:

«И книжки Светланы Алексиевич изданы не только потому, что она из Беларуси или что она

подняла чернобыльские проблемы или проблемы воинов-“афганцев”. Вы спросите: была ли она в Чернобыле или Афганистане? Прошла ли эти дороги? Прочувствовала ли тех людей? Тем, кто бывает в чернобыльской зоне, жил или работал там, стыдно ее книжки читать. Иногда отдельные места в книжке — просто оскорбление для этих людей. Слава богу, что не все они ее читали... Бог ей судья, Светлане. Но у нее нет чувства трагедии Чернобыля, даже если она претендует на объективность и истину. Но и правда с разными знаками бывает. Есть голая правда — это самая страшная правда. Но нужна ли в литературе эта голая правда сегодня? Правда должна быть хоть с каким-то мобилизующим, объединяющим оттенком, чтобы она не убивала людей. Вы понимаете, о чем я хочу сказать? Так, должно быть все сказано — точно, конкретно, правдиво. Но все это должно будить силы к жизни. Может, величие прозаика и поэта и заключается в том, чтобы уметь тонко подать или, может, обойти самые страшные места. Может, так, подтекстом подать, чтобы многих эта голая правда не испугала. Те, кто хочет докопаться до истины, всегда разберутся и будут рады, что они все сами осмыслили. А другой, кого эта правда пугает, сознательно до этих глубин не будет докапываться. В этом же жизнь». («Советская Белоруссия», 1998, 16 сентября.)

В этих рассуждениях вслух — и непоколебимая уверенность вождя в праве давать указания художникам, и эстетическая глухота, и очень примитивное представление о социальной роли искусства, которая сводится к «мобилизации».

Светлана Алексиевич, голос «красного человека»

9 октября 2015
Миленко Ергович

Хорватско-боснийский писатель Миленко Ергович пишет о присуждении Нобелевской премии в области литературы Светлане Алексиевич. Перевод с хорватского Сергея Шупы.

Четверг, тринадцать двадцать. Я только что пришел из кафе «Ван Гог», где я в прямой трансляции на сайте nobelprize.org следил за объявлением лауреата Нобелевской премии в области литературы. Послал поздравление моему белорусскому другу и переводчику. Я все еще потрясен и пытаюсь как можно дольше растянуть это свое потрясение. Так бывает редко: происходит что-то большое и важное, вызывающее восторг, побеждающее все страдания, беды и невзгоды обыденности, всю банальность жизни в стране, где бульварные издания и фейсбук заменили собой потребность в литературе, писателях, книгах, в разговоре о том, что прочиталось. Конечно же, величие события не в том, что объявлен нобелевский лауреат и что даже эта не слишком начитанная часть мира, Хорватское радио и телевидение и другие недоСМИ о каком-то писателе, вернее, писательнице, с этого момента будут говорить в другом тоне и с другими акцентами, а в том и величие, и важность, что

Нобелевской премией по литературе награждена именно Светлана Алексиевич.

Это очень европейский, а вместе с тем и очень особенный выбор. Как тогда, когда был награжден великий болгарин, еврей, австриец, немецкоязычный писатель Элиас Канетти, или когда тремя годами ранее, в 1978 году, премию получил Исаак Башевис Зингер, писавший на европейском языке, который исчез с дымом нацистских крематориев, или когда в 1961 году был награжден великий югославский (чьими литературными наследниками считают себя сербы и кое-кто из боснийских хорватов...) рассказчик и романист Иво Андрич, который создал литературную историю о малой и всеми забытой европейской стране Боснии и который в европейское литературное сознание вернул Оттоманскую Турцию как его составную часть; да, в конце концов, таким же очень особенным нобелевским выбором был и Орхан Памук, вернувший европейской литературе великий нарратив о городе и городском характере нашей цивилизации.

Да, и до Светланы Алексиевич были нобелисты из Восточной Европы, но не из такой заброшенной, униженной и маргинализированной страны, как Беларусь, и не в то время, когда Восточная Европа вдруг перестала быть темой европейских демократических и литературных обсуждений, после того как ей обманом вместо обещанной свободы подсунули банальные макдональдсовские забегаловки. Были и раньше восточнославянские нобелисты, но после Александра Солженицына в 1970 году не было того или той, кто бы своим словом свидетельствовал об ужасном состоянии сво-

его мира. Солженицын свидетельствовал о стране ГУЛАГа, лагерей и бесконечного унижения, которое испытывает первое лицо единственного числа, а Светлана Алексиевич свидетельствует о чем-то, что еще хуже и страшнее: свидетельствует о поражении свободы и об утрате последних иллюзий насчет самой возможности свободы. Может, разве что для какого-то будущего поколения, того, которое еще не начало рождаться, — но для нас, живых, ее уже никогда не будет: мы, живые свидетели коммунизма и узники посткоммунистического мира, свободы уже не увидим. Не преувеличение ли — и это первое лицо множественного числа, и помещение нас нынешних в обозначенную Алексиевич постсоветскую и постбрежневскую парадигму? Увы, нет. И хотя наши прежние будни несравнимы с буднями трудящихся в странах реального социализма, наши посткоммунистические невзгоды несколько не отличаются. Между Хорватией и Беларусью или Хорватией и Россией разница только в нюансах, ну и, конечно, в размерах.

Выбор Светланы Алексиевич в чем-то принадлежит к исключениям: она не пишет стихов, романов или рассказов. Не занимается художественным вымыслом, это противоречит не только ее писательской стратегии, но и ее морали. Она сама запретила себе что-то придумывать. Светлана Алексиевич на самом деле журналистка, но нет ничего скандального или непривычного — хотя среди хорватов нашлись бы и удивленные, и рассерженные — в том, что ей присуждена Нобелевская премия. Речь здесь не о том общеизвестном факте, который, пользуясь случаем, готовы

похвалить и здешние люди, что журналистика иногда приобретает литературную ценность и что не должно быть разницы между хорошим стилем в журналистике и хорошим беллетристическим стилем; Светлана Алексиевич — сама по себе литературная величина, так как ее совокупное жизненное творчество свидетельствует о нашей эпохе так, как может свидетельствовать только литература.

Благодаря издательству Edicije Vožičević и у нас, почти неожиданно, два года назад вышла ее книга «Время second-hand» с подзаголовком «Конец красного человека» (перевел Фикрет Цацан), с десятками свидетельств о распаде Советского Союза. Что случается, когда наибольшая империя мира, где никогда не заходит солнце и чьи хозяева почти полвека владеют большей частью планеты, обрушивается на головы своих подданных? Истории Алексиевич, без единого исключения, интимные и частные. Она берет интервью у обычных, отверженных людей, дает им выговориться, подталкивает их говорить даже то, в чем они до Судного дня не признались бы ни себе, ни другим, и передает их исповеди как драматические монологи, из которых каким-то странным образом пробивается многовековой литературный опыт, от Антигоны до Шекспира и Достоевского, так что читатель мог бы на мгновение и забыть, что он на самом деле читает и какова здесь роль самой Светланы Алексиевич. Она не делает выводов, не говорит, молчит, ее голоса в этой книге нет.

«Время second-hand» — это часть одной очень живой и важной восточноевропейской литературной традиции, которая особенно жива в Польше,

где книги нон-фикшн, литературные репортажи и путевые заметки издаются с особым вниманием и уважением, а в среде хорошо воспитанной литературной публики читаются порою лучше беллетристики и романов. Такая традиция опирается на великанов вроде Гомбровича и Херлинг-Грудзинского, а также на классика польской репортажной журналистики Рышарда Капуцинского, чьи книги часто переводятся и на наши языки. Когда в 2011 году Светлана Алексиевич получила во Вроцлаве «Ангелуса», премию, присуждаемую лучшей средневропейской книге, за книгу о женщинах, белорусах, украинках и русских на фронтах Второй мировой войны, обойдя гениального рассказчика и романиста Исмаила Кадаре, никто не удивился, не нашлось на страницах серьезных польских газет и литературных журналов тех, кто бы принялся “мудро” рассуждать о различиях между журналистикой и высокой литературой.

Писатели вроде Светланы Алексиевич возможны только в странах и культурах с традицией прозы нон-фикшн, где есть понимание того, что история существует лишь тогда, когда она рассказана, и что свидетельств об эпохе не бывает вне слов и языка. Напрасны фильм и фотография, напрасно телевидение: человек — существо повествовательное, вне текста нет истории. В наших убогих южнославянских провинциях не будет легко тем, кто сейчас попытается читать Светлану Алексиевич, чтобы понять, что было в голове у Шведской академии, когда она сегодня в час пополудни объявила городу и миру свое решение. А что бы началось, если бы нашелся кто-

то, кто бы им сказал, что Академия уже давно не принимала таких смелых и с литературной точки зрения чистых решений!

Встретим аплодисментами Светлану Алексиевич и ее величие, встретим аплодисментами шведских академиков, так как они сегодня дали нам повод поговорить об этой женщине, которая и вчера была ничуть не меньше. Ей оказали честь Нобелем, но и Нобелю в чем-то оказала честь Светлана Алексиевич.

Она родилась 31 мая 1948 года в Станиславове, который сегодня называется Ивано-Франковск, городе в Западной Украине, в семье белоруса и украинки. Журналистике училась в Минске и в советские времена работала в различных газетах и литературных журналах. Известность ей принесли книги-свидетельства о Второй мировой войне, чернобыльской катастрофе, советско-афганской войне. Не находя благоприятных условий для творчества под властью Александра Лукашенко, она в 2000 году выезжает из страны и годами живет в Париже, Гетеборге, Берлине, пока в 2011-м не возвращается в Минск. Режим за это время не изменился, но, думаю, режимные псы успели понять, кто такая Светлана Алексиевич. В течение девяностых и двухтысячных она получает важнейшие литературные премии по всей Европе — в том числе и основанную в 2011 году премию Рышарда Капуцинского, хотя далеко и не самую важную, но очень значительную, знаковую — однако до недавнего времени ее мало переводили на английский язык. Об этом стоит напомнить, ибо отдельные американские литературные критики

и журналисты, не видя проблемы в собственной культуре, могут презрительно утверждать, что Нобелевскую премию снова получил кто-то, о ком они никогда не слышали.

Светлана Алексиевич, как мы уже сказали, смешанного национального происхождения — по крайней мере, из здешней перспективы — а что еще страшнее, пишет не на белорусском, а на русском языке. Белорусские писатели иногда ее в этом упрекают, что и не удивительно, если знаешь, что их язык, как и украинский, вплоть до обретения независимости был отодвинут на обочину жизни, а те, кто на нем говорил, считались националистами и провинциалами. Но, наверное, никому уже буквально завтра не придет в голову сказать, что Светлана Алексиевич не белорусская, а русская писательница. Беларусь, как и Украина, двуязычна в такой степени, что язык функционирует инклюзивно, а не эксклюзивно.

Говорят, что у нее неудобный характер и в ее поведении иногда чувствуется агрессивность, даже если для этого нет никаких оснований. Не знаю почему, но когда я об этом услышал, мне показалось, что я с ней согласен. Во всяком случае, завтра Светлану Алексиевич будут любить и ценить больше, чем вчера. Хотя (правда, не в ее стране) найдутся и такие — ибо идиотов, параноиков, литературных аналитиков и геостратегов всегда хватает, — кто в премии для Алексиевич будет искать какие-то внелитературные причины и мотивы. Я уже и сейчас их слышу, тут не нужно большой фантазии, как они кричат о том, что нынешний Нобель присужден под эхо войны в Украине. Но

почему тогда награждена не Оксана Забужко, почему не Юрий Андрухович — они ведь украинские писатели, или почему не какой-нибудь оппозиционный российский литератор — и такие бы легко нашлись? Светлану Алексиевич с войной в Украине свяжет только тот, кто ни о той войне ничего не знает, ни саму Алексиевич не читал.

Светлана Алексиевич в своем литературном творчестве свидетельствует о поражении и утрате. О чем бы она ни писала, с кем бы ни говорила, это две ее неотступные темы. Когда в следующем году будет отмечаться круглая, тридцатая годовщина чернобыльской катастрофы, возможно, найдется кто-то, кто переведет и эту ее книгу. Когда-то в Хорватии были издательства, которые боролись за то, чтобы первыми выкупить права и издать книгу нового лауреата Нобелевской премии. Но тогда были другие издатели и другие редакторы. И, конечно, было бы несправедливо именно сейчас, в три сорок, в тот день, когда Алексиевич получила Нобелевскую премию, забыть поздравить Наташу Медвед, которая безусловно отредактировала для издательства Edicije Vožičević эту книгу, не мешая коллеге-переводчику в нюансах. Если бы не она, Светлана Алексиевич так и осталась бы для нашего читателя совершенно анонимной. Важно, что этого не произошло и что мы еще на один шагжок приблизились к Европе.

**«Не сомневаюсь, что наступит то время,
когда белорусы будут чувствовать
Алексиевич как национальную героиню»**

24 октября 2015

Валентин Жданко, Минск

Из обзора писем на Радыё Свабода «Почтовый ящик III».

...Одно из наиболее ярких и радостных для Беларуси событий последнего времени — присуждение литературного Нобеля Светлане Алексиевич. Первая в национальной истории Нобелевская премия — повод для гордости страны. Белорусские власти, однако, отреагировали на событие более чем сдержанно. Причина понятна: Светлану Алексиевич никак не зачислишь в сторонники политики Лукашенко. С подозрением отнеслись к триумфу белорусской писательницы и некоторые наши слушатели. В частности, вот что пишет Борис Рутько из Минска:

«Присуждение Нобелевской премии Светлане Алексиевич — это начало осуществления специального плана против Беларуси, цель которого — создание хаоса для того, чтобы свергнуть Лукашенко. Лично я ожидаю, что Алексиевич вскоре станет лидером белорусской оппозиции, а потом — и кандидатом в президенты от этой оппозиции. Причем, скорее всего, не через пять лет, а года через два-три.

Нобелевские премии Запад дает не за гениальность и не за обеспечение мира, а для того, чтобы известная личность стала агентом влияния. Ну вот Солженицын разве не был агентом влияния Запада? Или Сахаров? Да и Пастернак тоже, хотя, пожалуй, только наполовину...

Так что Алексиевич теперь будет всячески критиковать, обливать грязью деятелей Беларуси и России. У Запада относительно ее далеко идущие планы...» — так считает Борис Рутько из Минска.

Вот интересно, г-н Борис, а советский писатель Шолохов, всячески обласканный коммунистическим режимом, тоже был «агентом влияния Запада»? А российский академик и сторонник российских коммунистов Жорес Алферов? А советский физик и дважды герой социалистического труда Петр Капица? А советский академик, лауреат не только Нобелевской, но и Ленинской, и трех Сталинских премий Лев Ландау?

Светлана Алексиевич к политической оппозиции никогда себя не причисляла и, насколько известно, заниматься политической деятельностью не собирается. А вот то, что она стала бесспорным моральным авторитетом для лучшей части белорусского общества — это безусловно. Нисколько не сомневаюсь, что наступит то время, когда белорусы будут чествовать Алексиевич как национальную героиню. Она стоит того, так как сделала для своей страны гораздо больше, чем все наши невразумительные блеклые политики и хоккеисты вместе взятые. Но произойдет это, разумеется, не при сегодняшней власти...

Лукашенко об Алексиевич: «Не успела получить Нобелевскую премию, а уже вылила грязь на страну»

25 октября 2015

Радыё Свабода, Минск

Александр Лукашенко посетил творческий вечер российского композитора Виктора Дробыша, который был организован в «Минск-Арене».

Как сообщает БелТА, он вручил ему орден Франциска Скорины и подчеркнул, что ценит Виктора Дробыша за его творчество, но «больше всего за то, что вы никогда, даже будучи далеко от нашей Родины, когда о нас не очень хорошо говорили, не стеснялись называть себя белорусом, в отличие от отдельных наших “творцов”».

«Скажу опять же о наших отдельных «творцах», творческих личностях, даже лауреатах Нобелевской премии, которые не успели еще ее получить, выехали за пределы страны и постарались ушат грязи вылить на свою страну. Это неправильно, это не оппозиционность. Это абсолютно неправильно, потому что Родину, свою землю, как и своих родителей, свою мать, не выбирают. Она такая, какая она есть. Если ты плохо говоришь о Родине, стыдишься ее, значит, ты прежде всего плохой сын», — продолжил Александр Лукашенко.

Что Светлана Алексиевич говорила о режиме Александра Лукашенко

25 октября 2015

Радыё Свабода, Минск

Александр Лукашенко выразил недовольство позицией Светланы Алексиевич. По его словам, лауреат Нобелевской премии выехала за пределы Беларуси и постаралась «ушат грязи вылить на свою страну».

Здесь собраны высказывания писательницы о нынешней власти после того, как стало известно о ее награждении Нобелевской премией.

Выступая в Ягеллонском университете в Кракове, писательница говорила:

«В Беларуси Лукашенко остановил время. Его умение продавать свою биографию то Европе, то России и получать за это газ и нефть... Эти деньги уходят на то, что мы их просто проедаем, а не вкладываем в будущее, в технологии. Но он остановил и социализм. Заводы и фабрики принадлежат государству. По большому счету, ничего не продано, даже маленькие предприятия. Он сохранил психологию социализма, так как он сам этой психологии человек. Он постоянно говорит на этих предпринимателей, считая, что они бандиты, что это нечестные люди. И произошла такая остановка. И у белорусов более мягкий вариант этого социализма».

«Лукашенко боится, что Путин завоюет нас. Но не надо воевать с Беларусью. Нам просто достаточно зимой закрутить два крана — нефтяной и газовый. Все. И Беларуси нет, и Лукашенко нет. Так что... Лукашенко полностью в руках Путина. И никакой Запад не возьмет Лукашенко на содержание так, как его взял на содержание Путин, платя ему за то, что он с ним. Потому что Беларусь осталась единственным другом России. Уже, как вы знаете, авиабаза будет у нас русская. То есть это будут ракеты.

Все прекрасно понимают, что это будет местом первого удара в случае чего. Лукашенко говорит, что он этого не допустит, но это ничего не значит. Это значит, что он просто торгуется с Путиным. Он хочет, чтобы Путин ему за это больше заплатил. Так что вот такие отношения. Видно, что когда они стоят рядом, то они друг друга не переносят. Потому что Лукашенко часто оскорбляет Путина, как бы показывая какую-то свою самостоятельность. И мужики в деревне говорят: «А смотри-ка, как наш! Как он этого карлика!» Он на это и давит».

На пресс-конференции в Берлине Алексиевич тоже говорила о Беларуси

О президентских выборах 2015 года:

«Мы все имеем подозрение, что для Лукашенко неважно, как мы голосуем. Как говорил Сталин, не важно, как голосуют, а важно, кто подсчитывает. Тут как бы тот случай. Так что никто из нас не ждет никаких сюрпризов, и все имеют ощущение: то, что в России и Беларуси, — все это надолго».

О российской военной авиабазе в Беларуси:

«Я не думаю, что он действительно против базы. Я думаю, что он торгуется — он надеется, что Россия даст ему денег. Это его известная игра. Если плохо с Россией, он поворачивается в сторону Европы. За это время в Европе поменялось руководство — каждые четыре года приходят новые люди, и они думают, что переиграют Лукашенко. Они пытаются это сделать, не зная, что это ненадежный человек, и если Россия даст ему денег, он сразу же отвернется от Запада. Мы это видели — раз пять это было на наших глазах».

О перспективе сближения Лукашенко с Евросоюзом:

«Во-первых, никто этого Лукашенко не отпустит. Не надо даже никаких “зеленых человечков”, никаких солдат. Просто ему не дадут газ или нефть, и все — мы будем зиму жить как на льду».

О выборах 2010 года:

«Вы знаете, когда Лукашенко посадил людей, когда люди вышли на площадь, семьсот было арестовано, многих из них он посадил, даже кандидатов в президенты, я написала ему открытое письмо. Но вы знаете, что у нас в стране управляет только один человек, никто мне не ответил на это письмо. Единственное, что я получала, — сотни писем от людей, которые хотели это услышать, чтобы кто-то хотя бы это сказал. Мы знали, что мы бессильны, но чтобы кто-то хотя бы это сказал».

Шушкевич, Казько и Арлов комментируют слова Лукашенко об Алексиевич

25 октября 2015

Екатерина Зайковская, Минск

Бывший председатель Верховного Совета Станислав Шушкевич отмечает рост Светланы Алексиевич как политика и говорит о неуместности враждебных высказываний Александра Лукашенко в адрес писательницы.

Шушкевич: «Лукашенко вообще не понимает, что такое Нобелевская премия. Любой президент молиться должен, чтобы представитель его страны стал лауреатом, потому что это огромное признание на мировом уровне. Что видим мы? Обвинение в оппозиционности писательницы, которая впервые такое признание получила.

Это еще одно свидетельство того, что Александр Лукашенко — антибелорус и вся его двадцатилетняя деятельность антибелорусская. Он стоит на задних лапках перед российским руководителем и выполняет все, что ему прикажут из Кремля.

Я очень внимательно слежу за всеми выступлениями Светланы Алексиевич и могу отметить, что она очень сильно выросла в политическом плане. Можно сказать, что стала настоящим политиком. А ее выступление в Кракове — это очень взвешенная оценка и анализ ситуации. Могу сказать, что мои мысли совпадают с тем, о чем говорит Алексие-

евич. Единственное, что она умеет очень элегантно их изложить. Я считаю, что мы должны гордиться таким человеком. Прежде всего, белорусские женщины должны гордиться».

Писатель, лауреат литературной премии Гедройца 2015 года Виктор Казько отмечает, что президент Александр Лукашенко демонстрирует неприязненное отношение не только к конкретной личности нобелевского лауреата Светланы Алексиевич, а ко всей культуре, к тому, что имеет признаки белорусской национальности.

Казько: «Ему хочется, чтобы мы были как овцы в загоне, слушали, что скажет пастух-вождь. Но в искусстве так не может быть. Художник потому и художник, что имеет свое мнение. И только через отражение этого мнения может происходить творчество. Художники не хотят быть в стаде, лаять по приказу.

Светлана Алексиевич — личность, к которой прислушиваются. Как к Коласу, как к Купале. Потому что в словах таких литераторов всегда есть что-то пророческое. Вот Лукашенко и злится, что люди скорее прислушаются к Алексиевич, чем к нему».

Виктор Казько подчеркнул, что очень высоко ценит творчество Светланы Алексиевич, но отметил, что в «нобелевские кабинеты дороги Беларуси проложил Василь Быков».

Писатель Владимир Арлов перечислил причины нервного отношения Александра Лукашенко к Светлане Алексиевич.

Арлов: «Я считаю, что такая нервная реакция властей на получение Светланой Алексиевич Но-

белевской премии вызвана несколькими факторами.

Во-первых, вопреки неоднократным заявлениям Александра Лукашенко о том, что наши писатели ничего не стоят — мол, вторую “Войну и мир” не написали — выясняется, что белорусские литераторы могут достичь очень высокого уровня.

Во-вторых, Светлана Алексиевич принадлежит не к Союзу писателей Беларуси, которым руководит генерал Чергинец, а к независимому Союзу белорусских писателей — организации, которая считается властями однозначно оппозиционной.

В-третьих, Светлана Алексиевич никогда не скрывала своих демократических взглядов. Понятно, что Нобелевская премия никоим образом на ее убеждения не повлияла, она говорит о том, что не принимает нынешнюю ситуацию в Беларуси».

Владимир Арлов выразил надежду, что у властей хватит ума не делать враждебных шагов в сторону писательницы.

Арлов: «Наоборот — сейчас момент, когда государственные издательства должны “озадачиться” публикацией ее произведений, чего не было уже последние четверть века. Обязательно должны быть изданы переводы ее произведений на белорусский язык — тем более что на них есть большой спрос.

Я также надеюсь, что не будет отменено решение о возвращении произведений Светланы Алексиевич в школьную программу. Власти должны понять, что успех Светланы — общенациональный, что премия получена не только ей, но и всей

нашей страной, что белорусский Нобель повышает авторитет всей Беларуси. Пока же своими заявлениями президент демонстрирует непонимание таких элементарных вещей».

Алексиевич ответила на критику Лукашенко: «Никакой идеи, лишь бы удержать власть»

25 октября 2015

Лауреат Нобелевской премии 2015 года по литературе Светлана Алексиевич в воскресенье, 25 октября, в эфире радиостанции «Говорит Москва» прокомментировала критику президента Беларуси Александра Лукашенко в свой адрес.

«Когда Лукашенко поздравил меня, пусть не первым, я была рада, потому что понятно, все же он политик. И вдруг вот этот комментарий», — сказала белорусская писательница.

Она выразила мнение, что поздравление Лукашенко с присуждением ей Нобелевской премии было сделано потому, что приближались выборы главы белорусского государства.

«Здесь полно было разных комиссий международных, и перед своим народом надо было держать лицо, а теперь он свободен», — заявила она.

По словам писательницы, она никогда не критиковала белорусский народ, а только политические решения президента.

«Я бы сказала, что не об этом надо сегодня президенту говорить. Народ ждет реформ, в народе накопилась энергия. А у нас вообще никакой идеи. Лишь бы удержать власть. Если это оскорбление белорусского или русского народа, то я не знаю, где и в какое время мы живем», — добавила Алексиевич.

Ранее в воскресенье Лукашенко во время награждения в Минске композитора Виктора Дробыша сравнил его с Алексиевич, подчеркнув, что Дробыш, будучи далеко от родной земли, никогда не стеснялся называть себя белорусом, «в отличие от отдельных наших творцов, творческих личностей, даже лауреатов Нобелевской премии, которые не успели еще ее получить, выехали за пределы страны и постарались ушат грязи вылить на свою страну». Президент также заявил: «Родину, свою землю, как и своих родителей, свою мать не выбирают. Она такая, какая она есть. Если ты плохо говоришь о Родине, стыдишься ее, значит, ты прежде всего плохой сын».

Вероятно, глава государства отреагировал на высказывания писательницы за рубежом, в частности на встрече с западными журналистами в Берлине 10 октября. Тогда Алексиевич предупредила Европу о том, что Лукашенко «торгуется, чтобы набить себе цену в отношениях с Россией, и снова отвернется от Европы, если получит российские деньги».

Алексиевич и Лукашенко

25 октября 2015

Юрий Дракохруст, Прага

Обычно или очень часто публицистическая, гражданская и творческая позиция писателя совпадают.

Разумеется, творчество не сводится к гражданской позиции, но противоречие встречается довольно редко. В своих книгах, по крайней мере, Достоевский не противоречил, скажем, своей «любви» к полякам или своему «константинопольнаш», изложенным в «Дневнике писателя».

Ну а вот Светлана Алексиевич... Известна ее гражданская позиция, за которую ее в России окрестили русофобкой, ее жесткая критика как Путина, так и Лукашенко.

Но что касается творчества, то один знакомый рассказал историю о написании «Времени second-hand». Известно, что для своих книг писательница опрашивает десятки, если не сотни, людей, в книгу попадает то, что укладывается в ее видение. Так вот, знакомый рассказал об одной из бесед писательницы для «Времени second-hand» с успешным бизнесменом. Тот рассказал Алексиевич, что нынешнее время, несмотря ни на что, счастливое в его жизни или, по крайней мере, значительно счастливее, чем советское. Его и грабили, и «кидали», и деньги он терял, и с бандитами приходилось разбираться, и с чиновниками. Но это была полнокровная жизнь, реализация способностей

этого человека. Даже не в деньгах дело, или не в них одних.

Этот человек смог реализовать себя, смог, говоря высоким стилем, обрести свое счастье именно благодаря тому, что обрушился «совок», и прямо это и сказал писательнице.

Читатели книги знают — эта история в книгу не вошла. Совсем не в упрек автору — как пел Окуджава, «каждый пишет, что он слышит», книги Алексиевич — это именно литература, а не репортаж и не всестороннее научное исследование. Но я именно о том, что слышит ухо, душа писателя.

Слышит, как помнят читатели, рассказ другого бизнесмена, бывшего офицера Советской Армии, который сейчас торгует итальянской сантехникой. Он, может, и не менее успешный, чем тот, чей рассказ не вошел в книгу, но что он говорит? Ну да, бабки, все дела, но тогда, в СССР, я знал, для чего живу, была цель, миссия выше меня, смысл жизни. А сейчас какой смысл — сральники иностранные продавать?

Утрирую, может, немного, но смысл откровенный такой. Да, в книге есть ужасные воспоминания людей о сталинском терроре, что, возможно, бдительные российские обозреватели посчитали русофобией и клеветой на их светлое сегодня. Но если смотреть на экзистенциальные смыслы героев книги, то они все в настоящем времени — проигравшие, разочарованные, впавшие в отчаяние, начиная с первого заочного диалога двух женщин: бывшей оппозиционерки, участницы демократического движения и бывшей номенклатурщицы. Проиграли же обе: вторая — потому

что обрушился ее мир, первая — потому что мир, за который она боролась, оказался не таким, как мечталось во времена перестройки, коварным и беспощадным.

В книге нет счастливых людей. А если и есть, то они счастливы только как люди, оттого, что в мире осталась любовь, сострадание, человеческое тепло. Но от колоссального слома, перемены, состоявшейся на всем постсоветском пространстве, проиграли все. Все герои «Времени second-hand». На самом деле проиграли далеко не все, но тех, кто выиграл, в книге нет — «каждый пишет, что он слышит».

Если бы Лукашенко был человеком более тонким, чутким, если бы понял глубинный смысл, отвлекшись от антисталинских идеологических «жупелов» — то приказал бы издать «Время second-hand» миллионным тиражом, чтобы книгу прочитал каждый белорус. Ведь она объясняет, почему Лукашенко (и Путин) возможны. А в рамках авторского видения — даже почему они неизбежны и почему, собственно, ничего другого не стоило и ожидать. Книга объясняет даже последние, послевыборные «терзания» Лукашенко, который вопреки им же назначенным членам правительства говорит, что не хочет «резать по живому». Ведь то живое — даже не уровень жизни, не деньги, не статусы, как у героини книги, которую дельцы «развели» и отобрали квартиру в Москве, а смыслы жизни. Как у того бывшего офицера советской армии, тоже героя книги Алексиевич — бабло есть, а смысла жизни нет. Для таких людей в России «крымнаш» — это возвращенный, прио-

бретенный смысл. А в Беларуси — социализм Лукашенко. Это же справедливо, это же по правде.

Как у Богдановича — «и, забываясь, ткет рука». Так и у Алексиевич — как рациональный, сознательный человек она отвергает, критикует порядки на своей Родине. Но как художник, когда руку ведет не собственный разум, а Бог — пожалуй, апологизирует их.

Уважаю великих белорусов и белорусок. Но симпатии мои — скорее на стороне того бизнесмена, «буржуя», чей рассказ не вошел в книгу Алексиевич. Хотя уроки великих нужно знать и осознавать. Хотя бы как угрозу, как библейские «мене, текел, фарес», написанные на стене белорусской истории.

Белоруска на нобелевском пьедестале

8 ноября 2015

Сергей Наумчик

Ночью звонок из Канады (на другой стороне планеты еще день), Ивонка Сурвилла: «Только что по телевидению показывали интервью с Алексиевич, выступала она так прекрасно, сказала о маленьком и дорогом ей кусочке земли — о Беларуси, очень я рада таким ее словам!»

Такие оценки в первый «посленобелевский» месяц пришлось слышать часто — в том числе и от тех, кто раньше высказывал сомнения, не будет ли награда занесена в копилку восточного соседа. И захочет ли сама лауреат считать себя белорусской, а не русской писательницей.

К числу этих людей принадлежал и автор этих строк.

В чем-то — напрасно. А в чем-то — и небезосновательно.

Когда знакомишься, год за годом, с высказываниями Светланы Алексиевич на *Радыё Свабода* — в интервью, комментариях, дискуссиях, — убеждаешься, что никогда — ни в девяностые, ни в нулевые — писательница от Беларуси не отрекалась. В одном из последних своих интервью Геннадий Буравкин, который хорошо знал Алексиевич, прямо заявил, что «она никогда не была врагом белорусского языка. Другое дело, что мне было бы намного приятнее, если бы она пользовалась белорусским языком в своем творчестве — инте-

ресном и талантливом. Но это очень тонкие вещи. Например, Алесь Адамович блестяще говорил по-белорусски, по-белорусски писал и свои литературоведческие работы. А вот прозу свою писал по-русски. И когда я спрашивал у него, в чем дело, он отвечал: “Не знаю. Вот сажусь за письменный стол, и чтобы выразиться, мне нужен русский язык”. Возможно, что-то подобное и у Светланы».

Вот и ответ на вопрос о языке произведений.

Что касается тематики, то правы те, кто замечает: в последней книге Алексиевич вы не найдете никого, кто бы не был разочарован переменами, которые произошли после распада СССР и крушения коммунистической системы. Хотя, бесспорно, были и есть люди, которые иначе восприняли то время. А в Беларуси (как и в Украине) были и есть те, кто не считает те годы потерянными прежде всего потому, что удалось добиться независимости своих стран. Вот таких исповедей нет в произведениях Алексиевич. Но это — безусловное и неотъемлемое право писателя, вольного выбирать и темы, и героев, и тональность. Действительно, странно было бы упрекать Достоевского или Быкова в том, что один видел только «темные» стороны Петербурга, а второй — только грязь и кровь войны. Важно, что получилось в итоге. А итог таков, что шведские академики признали тексты Алексиевич достойными высшей литературной награды — той самой, которой были отмечены Бунин, Хемингуэй, Пастернак, Маркес...

Но вот изложение политической, гражданской позиции, публичные оценки — это совсем другое, здесь уже есть право требовать от того, кто эту

позицию озвучивает, объективности и, как минимум, соответствия фактам.

Просто грустно было читать некоторые высказывания Светланы Алексиевич в адрес национального движения конца 80-х — начала 90-х и его лидеров, апогеем неприятия которых назову сравнение с Гамсахурдия (где бывший грузинский президент — диктатор и разжигатель гражданской войны). Ни одного доказательства, ни одного факта в пользу такой оценки писательница не приводит. Довольно часто ее высказывания следовали из простого незнания: например, она видела ошибку БНФ в том, что тот якобы стремился сначала построить национальное государство, и только потом — демократическое. Сегодняшняя молодежь, вокруг которой искусственно создан информационный исторический вакуум, может и не знать, что тот же БНФ именно демократические реформы выдвигал на первое место, добиваясь и роспуска коммунистического Верховного Совета, и принятия Конституции, гарантирующей демократический путь развития государства. Да, говорилось и о белорусском языке — об исполнении Закона, принятого еще Верховным Советом БССР, в котором ни одного «фронтовца» не было. Молодежь может этого не знать (и в большинстве — не знает), но тот, кто хоть минимально следил за политическими событиями — должен бы знать.

И эти «белые пятна» и спорные выводы — рядом с философскими, образными оценками природы человека, чрезвычайно глубокими наблюдениями за трансформацией общества в наши действительно непростые, драматические времена.

Мне хочется (может быть, наивно) объяснить эти «белые пятна» так: Светлана Алексиевич не включала телевизор, не слушала радио, не читала газет, возможно, вообще отсутствовала в Беларуси в какие-то судьбоносные моменты 90-х — опрашивала людей, работала над своими произведениями.

Над книгами, которые, кроме всего прочего, вознесли ее на такой пьедестал, на котором никто из белорусов еще не был. И с которого она может о Беларуси так громко сказать — как никогда еще не звучало.

Впрочем, каким бы тихим голосом, хоть бы и шепотом, ни говорила теперь Светлана Алексиевич — каждое ее слово будет многократно усиливаться.

Этот вес своего слова писательница прекрасно осознает — это было видно на первой пресс-конференции в «Нашей Ніве» (все сразу отметили, что Алексиевич сама выбрала скромную комнатку независимой белорусской газеты, хотя в тот день могла бы рассчитывать на любое помещение в столице).

И мне кажется, что никто из числа самых твердых защитников *беларушчыны* после того «нобелевского» дня не может попрекнуть ее ничем. Старые споры должны остаться в прошлом.

А в сегодняшнем дне, и в будущем, и навсегда — Беларусь имеет свою нобелевскую лауреатку — которая, кстати, в день своего триумфа вспомнила и Василя Быкова, и Алеся Адамовича. А также и то, что ее прадед учился вместе с Якубом Коласом.

Светлана Алексиевич и два русских мира

12 ноября 2015

Юлия Чернявская

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Александр Блок

«Ну і актыўнасць, — думаў горка, —
Такая з роду не была.
О, каб і творчая гаворка
На ўздыме гэтакім ішла!..»

Вядзьмак Лысагорскі

Немного о фактах общеизвестных — чтоб оку-
нуться в контекст. Нобелевская премия по лите-
ратуре присуждается с 1901 года. Награждение
не проводилось только семь раз: в 1914, 1918, 1935,
1940–1943 годах. Сто семь лауреатов были муж-
чинами. Наша соотечественница Светлана Алек-
сиевич — лишь четырнадцатая женщина-лауреат.
И несмотря на неиссякающие споры в Беларуси (а
белорусская ли писательница Алексиевич, пишу-
щая по-русски?), значительная часть отрицателей
ее «белорусскости» смягчила свое мнение после
Нобеля. Или, по крайней мере, цивилизованно
поздравила. Я сейчас говорю не о форумных хо-
мьячках, фриках, троллях и т. п. — а о публичных
лицах: они знают о своей ответственности. По-
тому что Нобель для страны — как ни крути, —

это корона для королевы. Недаром сейчас весь мир выстукивает в Гугле имя Belarus.

Что это значит? Что на нас сейчас будет направлен пристальный взгляд Европы и мира. Может быть, это даст возможность увидеть иные, пока неведомые камни в новенькой белорусской короне: эх, озаботились бы переводами Быкова и Бородулина — глядишь, их было бы уже три. Но возможны новые, не открытые еще имена... И новые переводы. И взлеты: потому что внимание мира побуждает человека к действию. Гораздо более реальной стала европейская известность для других белорусов: отмеченная Нобелем или нет — не суть важно. Премия Светланы Алексиевич открывает нас миру — не только со стороны Лукашенко и БАТЭ, но и со стороны достижений культуры. И, возможно, испанскому служащему на рецепции или американскому менеджеру больше не надо будет объяснять, где ж находится такая страна — Беларусь.

Ко всему этому, нобелевский лауреат — бесспорный авторитет, который может «истину царям с улыбкой говорить», и цари его — пусть с неохотой, но слышат. С нобелевским лауреатом приходится считаться. И белорусские интеллектуалы — критики, литературоведы, эссеисты, писатели, как правило, это понимают: «за» они или «против».

Понимают и российские. И если демаркационная линия «Алексиевич» для многих из нас после Нобеля сгладилась, то в России, напротив, усугубилась и продемонстрировала разрыв, который

существовал в России с петровских времен: разрыв «почвенников» и «западников».

Не буду, как ныне заведено, хаять всю Россию во все времена. Не стану повторять мантру об имперских амбициях россиян, которые присущи им якобы «генетически»: я знакома со многими русскими людьми, которые не знают, куда девать глаза от боли и стыда за то, что сейчас происходит в их стране. Это Макаревич на виду, а сколько людей нам не заметно? Даже если их всего 15%, то от 146 355 892 человек населения — немалое число выходит. Я даже не буду ругать жертв путинской пропаганды: сиди на престоле Обама или Меркель, они с тем же доверием относились бы к ним, как теперь — к Путину. Безмолвствующее большинство в этом вопросе схоже повсюду. Важно — кто ведет.

Однако ведет не только Путин, но и цвет нации — интеллектуалы. В России, традиционно литературоцентричной стране, это в первую очередь писатели. Поэтому я буду говорить о них, а также о критиках, литературоведах, профессорах-гуманитариях и их отношении к белорусскому Нобелю и нобелиатке. Потому что это квинтэссенция такого раскола в творческой среде, который нам, белорусам, якобы «нации с расколотым мышлением», и не снился. Мы нет-нет, хотя бы на уровне личных отношений, да и найдем компромисс. В России — стране огромных пространств и всяческих крайностей — это куда сложнее. Так что критика и Нобелевского комитета, и Алексиевич досадно напоминает драку во время застолья.

Сперва дадим слово почвенникам или «непочвенникам»: им положено, они природнее, brutальнее и, главное, древнее по происхождению и «русскому духу», воскрешением которого очень гордятся. Какие претензии они выдвигают Нобелевскому комитету в целом и Алексиевич в частности? Как положено в правильном застолье, начнем с более слабого градуса, а повышать его будем постепенно.

Претензия № 1. Женская проза.

Итак, корифей Эдуард Лимонов. То, что бывший диссидент перековался в нацболы, — не является неожиданностью. Человек, не преуспевший на Западе, по праву героя возвращается на родину и защищает ее так, что руки трясутся, а зубы скрежещут. Потому-то и утверждает: «Я не ценю, во-первых, Нобелевскую премию, а во-вторых, не ценю и Светлану Алексиевич». Имеет право. Неожиданно лишь то, что Алексиевич он называет «звездой для домохозяек» и «травоядной домохозяйкой». Почему былой «Эдичка» решил, что домохозяйки (в его понимании, вероятно, все они сентиментальны и глупы) читают Алексиевич — загадка. Такие воображаемые женщины, скорее, будут читать «50 оттенков серого». А если вспомнят о прозе Лимонова — то эпизод о соитии его лирического героя со случайным темнокожим мужчиной, либо другой, где некая дама мастурбирует, приспустив нечистые трусики. Вряд ли они прочтут по-настоящему хорошую книгу Лимонова «У нас была великая эпоха». Ее тематика в чем-то перекликается с мотивами Алексиевич: маленький человек в тоталитарном мире. Но произошел

переворот: нынешний Лимонов взыскует именно этого, тоталитарного мира, а Алексиевич — нет. Боюсь, лишь зависть может застить глаза настолько, чтобы можно было написать: «Единственная работа писательницы, которая вызвала хоть какое-то оживление, — “Цинковые мальчики”. Но это было в конце 1980-х, и книга давно устарела». Во-первых, не единственная, во-вторых, о каком устарении может идти речь сейчас, когда русские мальчики вновь в бою? Вновь убивают. И их убивают тоже. И присылают домой в гробах.

Алексиевич пишет о реальности войны, Чернобыля, Афгана, краха империи. Эти темы прекрасно понимают в Европе, но разучился понимать Лимонов. Он занят более важными делами, обустройства России: заботится о перенесении столицы в Южную Сибирь, о повышении налогов, введении налога на роскошь и т. д.

Претензия № 2. Публицистика. В этом отметились большинство противников Нобеля для Алексиевич: от задорного Задорнова (который не побрезговал отмочить шуточку по поводу катастрофы сбитого над Донбассом малазийского «Боинга-777») и фантаста Лазарчука — и до блистательной Татьяны Толстой, которой я с радостью дала бы любую премию, включая Нобеля. Потому огорчила одна фраза: «Я поздравляю ее, миллион долларов еще никому карман не оттягивал». Далее Татьяна Толстая объясняет свою реакцию: «Этим решением Нобелевский комитет сказал, что сырая магнитофонная запись, малообработанные, непривлекательные тексты сейчас ценятся... Это характеризует культурный уровень самого Но-

белевского комитета». Я искренне надеюсь, что пассаж о миллионе в кармане не характеризует уровень Татьяны Толстой. Не царское это дело... Думаю, все сложнее: Толстая и по незабытому происхождению, и по стилистике, и по повадкам — аристократка, современная, конечно, но тем не менее. Светлана Алексиевич — и по происхождению, и по сути разночинец. Те «маленькие люди» — нелепые старые девы, компаньонки, одинокие и несчастные, о которых пишет Толстая, изображены с нежностью, с любовью, но и чуть свысока. Не ровня: слабые, которым сильный может помочь, а может — и нет, чем потом попрекнет себя. А Алексиевич пишет об этих людях как о ровне, она сама — одна из них. Она им сестра. Равенство — категория не аристократическая. Поэтому, мне кажется, дело именно в классовой неприязни, а не в миллионе, который карман не оттягивает.

Людмила Улицкая поступила иным образом: искренне признавшись, что Алексиевич — не ее писатель, поздравила нобелиатку, а также и русскую, и белорусскую литературу. И добавила: «Светлана Алексиевич замечательно делает то дело, которое она делает». Это понятная и достойная реакция.

К Проханову, Прилепину и Лимонову, видимо, по зову души присоединился и один «неопочвенник», Вадим Левенталь. Это молодой писатель. На его счету литературная критика, несколько рассказов и повестей и небольшой роман «Маша Регина». Я читала, когда он вышел, два года назад. Запомнилось немного: провинциальная девушка

Маша становится знаменитым европейским кинорежиссером, а счастья в жизни все нет и нет. «Маша и три медведя» (в смысле — три мужчины) — и со всеми все плохо. И вот разъясняет нам, непонятливым, автор в колонке «Известий», что «человек, который собирает и расшифровывает интервью — это журналист. Писатель — он сочиняет истории».

Проблема в том, что любая из историй Светланы Алексиевич трогает и попадает в тебя чутким словом гораздо более, нежели проза Левентая. Потому что истории он сочиняет примерно так: «...череда не событий даже (какие ж это события; размазня одна), а чистого, дистиллированного ужаса, — именно она, судя по всему, и подтолкнет Машу к мысли о том, что — опять же: это не была мысль, это было тяготение земли для летящего (привет Стоппарду) с пизанской башни ядра, некоторая внешняя неизбежность того, что — ей нужно как можно скорее родить ребенка». Понятно, что точность и кажущаяся простота Алексиевич такого писателя может всерьез испугать.

Это, и правда, самый простой путь — обвинить автора, работающего в жанре «вербатим», в том, что он ничего не делает — лишь записывает.

Но Алексиевич не просто записывает — создает полифонический гул голосов, скрупулезно комбинируя, строя композицию трагедии. «В настоящей трагедии гибнет не герой — гибнет хор», — писал Бродский. Это можно было бы поставить эпиграфом ко всему ее творчеству. Все мы знаем, что красивый кадр и даже хороший актер — это не кино,

кино — это во многом и многом режиссерский монтаж, а уж документальное кино...

Помните, Адорно вопрошал: «Возможна ли поэзия после Освенцима?». После войны, Афгана, Чернобыля, краха страны, которую многие считали своей? Адамович, Брыль, Колесник, Гранин — понимали. Иногда придумывать и досочинять — просто неловко: таковы уж истории, о которых «литературно» в нашем привычном понимании этого слова не скажешь. Потому нон-фикшн (в частности, верbatim — жанр Алексиевич) становится все популярнее — и в мировой литературе, и в театре, а постсоветское пространство по-прежнему «впереди планеты всей».

Добавлю: Нобелевские премии по литературе в этом веке были присуждены Теодору Моммзену (за «Римскую историю»), Анри Бергсону (за философские книги), Бертрану Расселу (за философию и публицистику), Уинстону Черчиллю (за мемуары). Вряд ли тогда кто-то вопиял, потрясая кулаками: «А Библии тоже б вы не дали Нобеля, это же нон-фикшн типа?» — спрашивает по этому поводу русский писатель Игорь Свиначенко. Гротеск, но правда.

Почему документальный фильм может получить главный приз Каннского фестиваля, а проза, созданная на документальной основе, не может получить Нобеля? Наверно, потому что — стоп, внимание, опять Левенталь: «Несмотря на то, что формально Алексиевич и белорусский журналист (оргкомитет назвал ее белорусской писательницей), но пишет (расшифровывает) она на русском

языке, и премию дали “в зачет” русскоязычной копилки — теперь дело до нас дойдет не скоро».

Вот оно что: противники белорусского Нобеля могут называть в качестве претендентов чьи угодно имена — достойнейших Петрушевской, Битова и Искандера — но все равно примеряют корону на себя. В том смысле, что, эх, нескоро, глядишь, я и не доживу до Нобеля. Может, и не доживет...

Кстати, насчет «не дадут своим» — это неправда, несмотря на русскоязычие Алексиевич. Между премиями Пастернаку и Шолохову прошло восемь лет, между премиями Шолохову и Солженицыну — пять. И это уже не говоря о том, что белорусский писатель — из другой страны. Интересно, что бы они говорили, если б на премию претендовали русскоязычные Мариам Петросян (Армения), Елена Бочоришвили (грузинка, живущая в Канаде) и Михаил Шишкин, живущий в Швейцарии? Думаю, было бы меньше претензий. Потому что они не «наши», а Алексиевич, писавшая о двух войнах, должна быть «наша, русская, раз белоруска», да вот думает и пишет не по-нашему. То, что «русский» и «белорусский» для сознания обывателя одно и то же — это ожидаемо. Неожиданно, что синонимами их считает часть литературной элиты.

Алексиевич — наследник нескольких школ: отнюдь не только русской классики, но и белорусской фронтовой прозы, и западной экзистенциальной литературы. Вот две последние части синтеза и раздражают. Для путинского «русского мира» Беларусь по-прежнему часть России.

«Младший» брат — предатель «старшего». А Запад — враг априори.

Отсюда претензия № 3. Русофобия.

Вот что пишет сопредседатель Союза писателей России Владимир Крупин: «Нобелевскую премию всегда вручают в свете политических мотивов... Заслуженно вручили Нобеля только Шолохову, да и то из-за того, что испугались советских ракет на Кубе... Премию вручали Бунину за его “Окаянные дни”, где он ругает Россию, Пастернаку вручили за инакомыслие, а так он слабенький прозаик и не высокого пошиба поэт». Судя по всему, Пастернака Крупин так и не удосужился прочесть, но осуждает. А премия Бунину была вручена с формулировкой «за строгое мастерство, с которым он развивает традиции русской классической прозы» и «за правдивый артистичный талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типично русский характер». Сам Бунин считал, что его наградили за «Жизнь Арсеньева».

На мнении Проханова и останавливаться не стоит: Проханов, как говорится, он и в Африке «Господин Гексоген»: все мы знаем, что он может сказать. То и говорит.

Самый одаренный из почвенников, безусловно — Прилепин. В прошлом году на «Большой книге» читатели его обидели, отдав предпочтение Алексиевич. Жюри-то решило все верно, по-прилепински (а могло ли быть иначе?), но осадочек остался. Вот и пишет теперь: «Академики... выбрали самый нелепый, самый убогий вариант: дать премию хорошей журналистке, которая более всего славна своими даже для людей ее убеждений

на удивление банальными интервью с припевом: “Россия всех убила, убила, убила, всегда всех убивала и будет убивать, остановите это зло, эти рабы, они никогда не перестанут быть рабами, там Сталин и попы, и вы знаете, чем всё это заканчивается, и особенно я знаю”»...

Прилепину, которого прочат в живые классики, явно изменяет вкус (кстати, и без того наиболее уязвимая грань его способностей). Вот читаешь это «славна своими даже для людей ее убеждений на удивление...» — и дивишься: неужели это тот же, безусловно, талантливый человек, который когда-то написал «Санькю» — хоть это, как сказала об Алексиевич Улицкая: «не мой кандидат». «На самом деле это премия — России, — восклицает Прилепин. — Ее независимости, ее влиянию, ее месту в мире. Кстати, хотите прогноз? В ближайший год премию дадут человеку какого-нибудь третьего или пятого пола».

В лице Прилепина — который уже раз — повторяется печальная история самородка, слишком верноподданного, чтобы оказаться золотом. Впрочем, главред некогда любимой интеллигенцией «Литературки» Юрий Поляков берет круче: по его мнению, Алексиевич получила Нобеля, потому что Россия начала бомбить Сирию. И важно, что Алексиевич уже несколько лет была в «шорт-листах» премии и что окончательное решение Нобелевского комитета принималось в начале сентября, а первая бомбардировка состоялась 30 сентября.

В этом стане и Кассандра мужеска пола Холмогоров, считающий, что премия — результат

«флирта» Лукашенко с Западом. Вероятно, он полагает, что Светлана Алексиевич — любимый автор президента нашей страны...

И тут мы плавно переходим к претензии № 4, произнесенной опять же устами г-на Холмогорова: «“Незалежные” русскоязычные авторы очень любят вмешиваться в политику страны и народа, от которого они отнезалежились, — пишет он. — А надо-то в Белоруссии не так уж и много. Постоянная поддержка той части интеллигенции, которая ориентирована на Россию и русский мир. Последовательное поддержание идеи единства русской земли и русского православия во все эпохи. Защита памяти о русских героях, защищавших белорусский народ от полонизации — митрополите Иосифе (Семашко) (постыдно, что он до сих пор не канонизирован РПЦ), Михаиле Муравьеве, которому нет ни одного памятника, историке Михаиле Кояловиче...» Показателен подбор имен, хотя, конечно, западнорусист Коялович менее одиозен, чем «вешатель» Муравьев и митрополит Иосиф, которого еще Герцен называл «во Иуде предатель, палач, заслуживший европейскую известность» (статья «Секущее православие» в лондонском «Колоколе»). Это и есть то, что надо белорусам? А что, если они не согласны с Егором Холмогоровым? Но Холмогорова не волнует мнение белорусов. Он уже возвестил нам свою единственно верную истину и, вероятно, счел бы «торг неуместным».

В общем:

«У поэтов есть такой обычай —

В круг сойдясь, оплевывать друг друга» (с).

Эти авторы пишут от имени России — и настолько уверенно, что может сложиться мнение: все россияне считают так. Неправда. Не все.

Вот ответ российского политического журналиста и писателя Олега Кашина: «Человек из Белорусской ССР, Алексиевич, пишущая на русском, принадлежит к тому ответвлению советской русскоязычной культуры, которое и в советские годы, когда его прикрывал статус союзной республики, существовало автономно и могло себе позволить больше, чем было принято в Москве, причем (и это уникальная белорусская черта) никаких обязательных вышиванок и прочих показных этнических аксессуаров на эту культуру наложено не было... не менее важно то, что Светлана Алексиевич не имеет вообще никакого отношения к нынешней Российской Федерации. Она никогда в ней не жила, она свободна от партийных и групповых обязательств и ограничений, наложенных разной силы обстоятельствами на всех других игроков на русском культурном поле... С Нобелевской премией Алексиевич сегодня же сможет претендовать на лидерство в альтернативном русском мире — в том, где слово “люди” пишется с большой буквы, где нет ценности выше, чем человеческая жизнь, и где Европа — не содомский заповедник греха, а родной дом для всякого человека русской культуры».

Сходного же мнения придерживается и Андрей Архангельский, назвавший творчество Алексиевич «гуманистическим сигналом миру»; и Дмитрий Быков, говорящий о ее «удивительном умении чувствовать болевой нерв эпохи и проникать в са-

мые тёмные зоны умолчания»; и Людмила Улицкая, которая «рада за русскую литературу и за белорусскую литературу»; и знаменитый булгаковед Мариэтта Чудакова («В своих книгах она касается того, над чем все мы думаем и никак ни к чему не можем прийти: что же такое происходит, почему люди, совершенно равнодушные к явно жутким вещам, которые происходят, всё одобряют?»). Это и Борис Минаев, называющий Алексиевич «живым классиком» и считающий позорной реакцию Прилепина с Холмогоровым и иже с ними. Так считает доктор филологии Гасан Гусейнов, отмечающий уникальность белорусского самосознания Алексиевич, вдобавок переданного на ином русском языке, нежели в России. В числе тех, кто радуется Нобелю-2015, и писатель Павел Басинский, объясняющий несведущим, что жанр «вербатим» давно уже признан миром, и лишь на постсоветском пространстве об этом не в курсе (в этом мы, как всегда, «впереди планеты всей»). И писатель Денис Драгунский, который настаивает на том, что «“Бесы” Достоевского, написанные под впечатлением от нечаевского процесса, тоже можно назвать документальной прозой». «Премии достойна хорошая проза, — заключает он. — А проза Алексиевич — на мой взгляд, просто замечательная».

Наиболее близок к истинному пониманию прозы Алексиевич, на мой взгляд, другой Архангельский — Александр: «Мир Алексиевич часто бывает не очень приятен: он приглушен, яркие краски в нем невозможны, но и черно-белой графики здесь тоже нет. Если уж искать какое-то

сравнение с искусством, то ее невеселая проза напоминает выцветшие фрески. Это было. Это не кончилось. Этого нет. И пресловутый документализм, которым ее попрекают в России, не просто метод сбора материала, но и единственно возможный стиль для выражения такого — вечно гаснущего — ужаса. Он... приближает к этой бледной и несчастной жизни, голосом которой стала много лет назад Алексиевич. Она неостановимо выговаривает катастрофу, и пока писательница не умолкает, катастрофа нас не сможет поглотить. Правда, и закончиться — не сможет...»

Так что, к счастью, существует и другой русский мир — тот, о котором говорит сама Алексиевич: «Я люблю добрый гуманитарный русский мир, перед которым преклоняется весь мир. Перед литературой, балетом, музыкой, — сказала она. — Но не люблю мир Бери, Сталина, Путина».

И вот этот первый мир не враждебен ни белорусскому миру, ни западному. Давайте надеяться, что придет день, и в споре двух «русских миров» победит именно этот. Хотя бы потому, что куда меньше кричит и гораздо больше делает.

«Сегодня не время Вацлава Гавела, а время Путина, Лукашенко, время силы»

16 ноября 2015

Алесь Дащинский, Минск

14 ноября в Париже была совершена серия террористических актов, в результате которых погибли более 130 человек, сотни ранены. Ответственность взяло на себя «Исламское государство». Нобелевский лауреат Светлана Алексиевич прокомментировала ситуацию вокруг терактов в Париже.

Дащинский: Теракты в Париже потрясли весь мир. Как вы оцениваете эти события? Почему мишенью стала именно Франция?

Алексиевич: Я думаю, что то, что произошло в Париже — это только начало. Действительно «Исламское государство» объявило всем войну. И это уже было в России. Я склонна думать, что катастрофа над Синаем — это теракт. Европа, Россия, которая тоже вступила в эту войну, должна быть готова к вызову, который сделал исламский мир. Нас ждут новые потери, новые катастрофы. Это совершенно очевидно, поскольку европейская коалиция объединилась, Россия вступила, и они там уже беспомощны, поэтому они будут действовать партизанскими, террористическими методами. А тут мы совершенно бессильны перед безумием одиночек. Современное общество уязвимо перед одиночками. И это будет цепь одино-

чек и смертников. В общем-то, это новая форма войны. И действительно столкнулись две цивилизации, два мира.

Дащинский: Как эти теракты могут повлиять на ситуацию в мире? Может ли Европа отказаться от демократических ценностей ради безопасности?

Алексиевич: Да, это большой вызов европейскому миру, европейским ценностям. Об этом всегда говорит Меркель. Европа, особенно Германия, принимает такое большое количество беженцев. Я сама видела, как это происходит, как люди готовы помочь. В то же время выясняется, что среди тех, кого приняли, оказываются террористы. Для обычного сознания очень трудно принять все это. Европа будет сопротивляться, там очень прочный мир европейских ценностей. Но это испытание, конечно.

Дащинский: А как это будет влиять на Россию, будет ли меняться политика Путина?

Алексиевич: Политика Путина сегодня построена на позиции силы. Мир не заметил, а Россия перевооружилась, имеет хорошую армию, новое оружие. Моя последняя книга называется «Время second-hand». Мы вернулись опять к миру с оружием, опять оружие все решает. Я как художник склонна думать, что надо бороться с идеями, а не убивать людей. Но second-hand полный — мир вернулся к прошлому. Я боюсь, что это будет война не в привычной форме, а в форме единичных партизанских вылазок. Но партизанство будет расплзаться по всему миру. Я могу сказать по себе: садись в самолет — недавно я летела

из Парижа, еще до этих событий — и какой-то холодок, уже всему не доверяешь. Рядом сел юноша арабской внешности, и знаете, во мне, довольно толерантной белоруске, возникло недоверие. Он улыбается, а у меня недоверие. И я понимаю, что мы все несем вот эти потери. Хотя у меня очень много друзей среди мусульман, очень образованных, интересных людей. Но если победит варварский мусульманский мир, то они станут первыми жертвами, они это прекрасно понимают. То есть мы стоим перед новыми вызовами.

Дащинский: А то, что делала Россия в Украине, аннексия Крыма, оккупация Донбасса, может ли это быть стимулом для таких действий, которые произошли в Париже?

Алексиевич: Там сложнее, поскольку Донбасс — это неудавшийся блицкриг. Как оказалось, все гораздо сложнее. Ну, развязали гражданскую войну, но мир выступил против, и Украина это не приняла. То есть то, на что надеялись, не произошло. Поэтому и в Сирии в том числе решаются какие-то большие геополитические проблемы. Но я не политик, и я могу только догадываться и говорить, что мы стали жить в неуютном мире и уже перестали доверять друг другу. Когда вас проверяют от и до — уже давно так не проверяли — я не понимаю, как на стадион можно протащить «калашникову»? При чем стадион недалеко от того места, где находится резиденция президента Франции. А в то же время у меня забирают крем, тоник... Мир не готов сопротивляться этой новой форме войны. И когда они там перетряхивали мой

чемодан, это странно выглядело на фоне произошедшего.

Дащинский: Как события в Париже будут влиять на Беларусь, на ее отношения с Европой? Кажется, как всегда, Лукашенко выиграет от такой ситуации...

Алексиевич: Он и сейчас выигрывает. И то, что Лукашенко говорит, что реформ не будет, это то, что говорит мой сосед в деревне Петр Сильвестрович. Он говорит то, что говорит народ, у Лукашенко большое чутье. В результате мы опаздываем, хотя мы и так опоздавшая нация. Все больше страха — и Майдан, и Донбасс, и Сирия, и теперь Париж. Я думаю, эти факторы объединят людей вокруг президента. Это надо признать. Тем более что он демонстрирует тип руководителя культа силы, уверенности такой, и, я думаю, он дальше это будет демонстрировать. И народ будет объединяться именно вокруг таких лидеров. К сожалению, сегодня не время Вацлава Гавела, а время Путина, Лукашенко, время силы. И это как художник я воспринимаю как поражение, но надеюсь, что это временно.

Дащинский: Может Европа идти на какие-то уступки таким, как Лукашенко?

Алексиевич: Я боюсь, что в Европе эти уступки малореальны, потому что там есть левая интеллигенция. Там не так легко правительству сделать какой-нибудь жесткий шаг. А здесь Лукашенко решил, утром подписал указ — и все. Там это все общество обсуждает очень долго, разные партии, разные движения, разные лидеры. Я три года жила в Париже, я это знаю. Не так просто с позиции

силы сделать какие-то вещи. Вот Путин это может сделать. В Европе это не так легко. И потом, люди воспитаны в другом духе. Я без слез не могла смотреть, как они идут, лица в крови, и поют «Марсельезу». Они же не кричат какие-то слова ненависти. Они говорят — нет, мы не сдадимся, мы не отдадим то, что у нас есть. Именно наши ценности прежде всего.

Дащинский: А вам не хотелось бы описать это в новой книге?

Алексиевич: Все, что я хотела сделать, я сделала за эти почти сорок лет. История «красной утопии» — это была моя идея. А так я не журналист. То, что вы мне предлагаете, — абсолютно журналистский подход к освещению событий. То, что я поняла о добре и зле именно на почве русского большевизма, я это сделала. А чисто журналистскими вещами я заниматься не буду.

«Надежда Савченко стала украинской Жанной д'Арк»

2 декабря 2015

Инна Студинская, Минск

«Украина будет вольной, свободной, независимой. Другое дело — хотелось, чтобы было меньше крови», — заявила нобелевский лауреат Светлана Алексиевич, передавая в украинское посольство книги и письмо для Надежды Савченко.

2 декабря в посольстве Украины в Минске лауреат Нобелевской премии по литературе Светлана Алексиевич передала для украинской летчицы Надежды Савченко, находящейся сейчас в российской тюрьме, свои книги «У войны не женское лицо», «Цинковые мальчики» и «Чернобыльская молитва», а также письмо к ней.

Светлана Алексиевич назвала Надежду Савченко «украинской Жанной д'Арк» и высказала слова уважения и благодарности:

«Я очень восхищаюсь Надеждой Савченко, это человек, который защищает свою родину, настоящий солдат. Особенно это понятно в Беларуси, где была партизанская война — когда громадное государство наваливается на другое государство, менее подготовленное к войне. Тогда все зависит от мужества отдельных людей, от самопожертвования. Понять это сложно в мирное время. Я понимаю, как это непросто — сегодня умирать.

Тем более что украинская армия оказалась неподготовленной к такой масштабной интервенции.

Скорее всего, те мужчины, которые ее захватили, подумали, что она просто баба. Я сама была на войне в Афганистане, когда писала книгу “Цинковые мальчишки”, и знаю, как мужчины относятся на войне к женщине — несколько высокомерно. Они думали, что это баба, а Надежда оказалась украинской Жанной д’Арк. Это символ борьбы украинского народа».

Народного депутата Украины, летчицу Надежду Савченко в России обвиняют в соучастии в убийстве двух сотрудников российского телевидения, которые летом 2014 года нелегально находились под Луганском и попали под артиллерийский обстрел. Савченко обвинения отрицает.

Что будет дальше с Надеждой Савченко, какая судьба ее ждет — предсказать трудно, считает Светлана Алексиевич:

«Это зависит от международной конъюнктуры — или ее поменяют на кого-то, или просто отпустят. Это сейчас непонятно, как непонятна и геополитическая карта в мире, которая меняется каждый день. Вот Сирия и ни с того ни с сего Турция вдруг стали врагами. Россия сейчас оказалась в кольце врагов, и это знакомая формула для России.

Надя — карта в этой игре, небольшая, но серьезная карта. Она ведет себя так, что это стоит ей жизни, я знаю, как она голодала, я помню ее первый допрос — это было невероятное достоинство!

Я сама наполовину украинка, у меня мать украинка, я очень рада, что во мне течет украинская

кровь. Я недавно была в Украине, была на Майдане, я видела этих людей, я склоняю голову перед “Небесной сотней”. Это герои, это люди, которые были готовы умереть за свою страну. У меня было очень много встреч с молодыми людьми, и я видела эти пламенные глаза, желание построить новую страну. Это все складывается у меня в единую картину, что Украина будет вольной, свободной, независимой страной. Другое дело — хотелось, чтобы было меньше крови...

Я видела, как рефрижераторы развозили по Украине погибших героев, украинских солдат. Как бежали к дороге женщины, дети, мужчины становились на колени вдоль дороги — я об этом и сейчас без слез не могу говорить. Что бы там ни говорили о коррупции, России, неумении Украины противостоять, об отсутствии сильной боеготовой армии, которую разворовали, о других проблемах — но было ощущение, что это народ».

Украинские дипломаты в ноябре передали нобелевскому лауреату Светлане Алексиевич книгу украинской летчицы Надежды Савченко «Сильное имя Надежда». Легендарная украинка в знак уважения к Алексиевич написала: «Любить свой народ, свою Отчизну, людей и оставаться человеком!»

Светлана Алексиевич сказала, что книгу Надежды Савченко, которую та написала в тюрьме, она прочла и была очень впечатлена:

«Мне очень понравилось, что в книге Надежда такая, как в жизни — там все есть. Она передала дух армейского быта, достоинство, презрение к палачам. Чем страшна тоталитарная система, как

сейчас говорят — Берии и Сталина? А кто писал доносы, кто охранял, кто избивал жертвы, издевался, судил? Есть миллионы маленьких палачей. И это она очень хорошо показала — насколько зло банально, насколько оно пронизывает всю жизнь. Таких людей, как Надя, не очень много. И то, что они есть, — это спасает наше общее достоинство».

Временный поверенный в делах Украины в Республике Беларусь Валерий Джигун поблагодарил Светлану и выразил надежду, что, возможно, авторитет нобелевского лауреата поспособствует освобождению Надежды Савченко.

Светлана Алексиевич пообещала, что после торжеств в Швеции и лечения в Израиле обязательно посетит Украину.

Прямой трансляции нобелевских торжеств на белорусских государственных каналах не будет

3 декабря 2015

Инна Студинская, Минск

С 6 по 12 декабря в столице Швеции Стокгольме пройдет неделя нобелевских торжеств.

Среди многочисленных мероприятий большой интерес вызывают нобелевская мемориальная лекция, с которой должен выступить каждый лауреат (выступление Светланы Алексиевич запланировано на вечер 7 декабря), а также сама торжественная церемония 10 декабря, на которой король Швеции Карл XVI Густав вручит лауреатам дипломы и медали.

Будут ли белорусские государственные телеканалы вести прямую трансляцию с этих мероприятий, выясняла корреспондент Радыё Свабода.

Светлана Смолонская-Красковская, пресс-секретарь Белтелерадиокомпании, куда входят Первый телеканал — «Беларусь 1», культурный телеканал «Беларусь 3», специальный канал «Культура», сказала:

— В связи с наличием определенных организационно-технических, финансовых и юридических вопросов и аспектов Белтелерадиокомпания не планировала приобретение прав на прямую трансляцию церемонии награждения Нобелевской премией 2015 года. Вместе с тем хочу отметить: и

радио-, и телеканалы медиахолдинга будут широко освещать это событие.

— То есть это означает, что корреспонденты будут на самом торжестве?

— Ну, возможно.

— То есть еще не точно?

— Я же вам сказала, что мы планируем широко освещать это событие информационно.

Пресс-секретарь канала ОНТ Юлия Дубовская сообщила *Радыё Свабода*, что прямой трансляции из Стокгольма с церемонии награждения нобелевских лауреатов не будет — никто не предлагал телекомпаниям купить права на трансляцию, а сами не обращались. Но освещать событие информационно телеканал будет. На вопрос, поедут ли в Стокгольм корреспонденты ОНТ, Юлия Дубовская ответила, что точно пока не знает. Но заверила, что по крайней мере в информационных выпусках сюжеты о торжествах в Стокгольме обязательно будут.

Телеканал «Белсат», который вещает по-белорусски из Польши, направляет своих корреспондентов в Стокгольм, сообщил *Радыё Свабода* ведущий редакцией информационных программ Алексей Диковицкий.

Что касается прямой трансляции нобелевской мемориальной лекции Светланы Алексиевич, г-н Диковицкий сообщил, что руководство канала делает все возможное, чтобы это сделать, но окончательный ответ будет только 4 декабря.

Алексей Диковицкий пояснил, что «Белсат» обратился в EBU (Европейский вещательный союз — European Broadcasting Union). EBU будет

иметь определенные трансляции через Шведское телевидение. Белорусские телеканалы входят в EBU, за что платят ежемесячные взносы, и могут легко обратиться на Шведское телевидение с просьбой о трансляции.

«Мы будем вести трансляцию основных торжеств 10 декабря, где тоже нельзя снимать, но делаем это через Шведское телевидение. Мы будем вести трансляцию и с пресс-конференции 6 декабря, которую будет давать Алексиевич — тоже через EBU. Что касается нобелевской мемориальной лекции, мы еще не знаем, договорились ли шведы с Нобелевским комитетом, чтобы эту лекцию транслировать. Ждем подтверждения, дадут ли нам сигнал нобелевской лекции, которая состоится в понедельник. Если в пятницу нам ответят, мы будем напрямую ее транслировать».

Общество белорусского языка обратилось к председателю Национальной государственной телерадиокомпании Геннадию Давыдько с письмом, в котором говорится, что прямую трансляцию нужно провести, «учитывая значимость для нашей страны этого события и многочисленные просьбы граждан Беларуси». Официального ответа от г-на Давыдько пока нет.

Большие мысли накануне Нобеля

3 декабря 2015

Сергей Дубовец, Минск

Александр Лукашук когда-то назвал литературного Нобеля для Беларуси Чернобылем наоборот. Масштаб этого позитивного события для нации соизмерим с масштабом того негативного.

Литературных нобелистов называют гениями человечества. Каждое их слово воспринимается как истина и пророчество по всему миру. Мы, конечно, можем это все оспаривать, но наши пикировки уйдут в небытие вместе с нами, с нашим земным существованием. Тогда как литературный Нобель для Беларуси — достояние, которое не девальвируется временем. Через три или пятнадцать поколений наши потомки будут радостно расправлять плечи при слове «Алексиевич». Правда, и последствия Чернобыля через три или пятнадцать поколений, благодаря науке, станут очевидными и поэтому реально страшными.

Надо сказать, что в собственной нашей истории масштабу литературного Нобеля соответствует, пожалуй, только фигура Скорины — первопечатника белорусской Библии, третьей такой в мире (после немцев и чехов). Через год с небольшим нашей первой печатной книге исполнится 500 лет. Но приближения этого события не ощущается. Как и приближения нобелевского триумфа Алексиевич. Мало кто об этом слышал, знает и

знать хочет. Нация не замечает своих успехов в масштабе всего человечества и на все века.

Конечно, можно сказать, что нация только формируется (или, может, наоборот — расформируется), что русификация приучила белорусов чувствовать себя жителями какого-нибудь провинциального Таганрога, что Лукашенко — агент ФСБ и вообще руководитель совхозного масштаба... Наверное, правда в этом есть. Но это не правда онтологического уровня, а только правда ежедневных газет.

Жизненный опыт позволяет мне быть высокого мнения о нашем народе. И не в президентском смысле, что «народ хорошо рождает и кушает», а как раз по мудрости, аристократизму души и таланту. В конце концов, ферма не может взрастить гения человечества. И вся эта русификация и зомбирование крымшами — вещи наносные и в масштабах вечности мгновенные. Все пройдет, суть останется.

Так вот о сути. Белорусы не замечают Скорину, не замечают Нобеля, но и Чернобыля они не заметили. Болезни и смерти близких заметили, конечно, кто столкнулся. Но крупнейшую техногенную катастрофу в истории человечества — нет.

И вот что подумалось. Для белорусов Скорина, Чернобыль и Нобель — явления не только одного космического масштаба, но и одного порядка. В этом ряду есть еще одно событие — Война. Космически убыточная для народа Первая мировая, которая перешла в соизмеримые по потерям сталинские репрессии и завершилась столь же масштабной Второй мировой.

Это как глубинная прививка — в самую сердцевину человеческого менталитета — от всего космического, вселенского и глобального — хорошего или плохого. Ай, лучше не надо — ни думать об этом, ни знать, ни понимать. Само существо на уровне подсознания отталкивается от Нобеля, как от Чернобыля. Оставьте в покое, не трогайте, не травмируйте психику. Пусть себе великое увидится на расстоянии, но не сейчас, не при нас. Слишком близкое солнце испепеляет. Это изда-лека оно теплое, ласковое, улыбается.

Советская травма на белорусской ментальности не зажила. Все эти два десятка лет ее берedit и берedit власть. Отсюда идут и внутренние запреты думать о политике, о родном языке или западной цивилизации.

Но время сильнее власти, травмы и ментальности.

Белорусские евреи, чтобы не травмировать детей, начали рассказывать им о Холокосте только через сорок лет после войны.

Когда-нибудь расскажут и белорусы.

И о Скорине, и о Чернобыле, и о литературном Нобеле.

Тем более что никуда от нас уже не денутся ни первый, ни второй, ни третий. Навсегда.

«Было бы странно, если бы я говорила о Чернобыле в вечернем платье и декольте»

5 декабря 2015
Александра Дынько,
Минск — Стокгольм

Светлана Алексиевич вылетела из Минска в Стокгольм для получения Нобелевской премии в области литературы.

Светлана Алексиевич прибыла в аэропорт вместе со своей племянницей Натальей, ее дочерью Яной и мужем Натальи. Но они только провожали лауреата. А в Стокгольм вместе с Алексиевич летят драматург Юлия Чернявская и ее муж, основатель портала tut.by Юрий Зиссер.

Светлану встретили на стойке регистрации «Белавиа». Ее провели в бизнес-зал, где она ждала посадки. Алексиевич было решено подвезти к трапу особым транспортом — такая забота со стороны «Белавиа».

Журналистам Светлана сказала, что начала собирать чемоданы в дорогу только во втором часу ночи. Выступить с нобелевской лекцией она будет не в платье, а в брючном костюме:

«Я пишу о довольно страшных вещах. И было бы странно, если бы я говорила о Чернобыле в вечернем платье и декольте».

Алексиевич ответила на вопросы журналистов. Один из них касался того, как она реагирует на

отказ белорусских телеканалов транслировать вручение ей Нобелевской премии. Писательница ответила, что для нее это было очевидно. Она связывает это с личным отношением к ней белорусского президента:

«Это, пожалуй, ревность. Он у нас один. Меня радует, что люди на это реагируют. Они меня встречают.

А что президент? Какой страшный был Сталин. И где он? Где Брежнев? Удивительно, что авторитарные правители этого не понимают».

Г-жа Алексиевич также сказала:

«У нас должна быть культура. И это должна решать власть, а не один человек. А у нас власть — один человек. Поэтому все зависит от него, как в партизанском отряде».

Нобелевский лауреат сказала, что никаких официальных поздравлений от белорусской власти она до сих пор не получала. А представители белорусского посольства в Швеции не обращались к ней по поводу нобелевских мероприятий.

У писательницы спросили, встречалась ли она когда-нибудь лично с Александром Лукашенко. Она ответила отрицательно и добавила, что сейчас уже и не стоит встречаться, если мужчина так себя ведет.

Был также вопрос: что вы ответите тем, кто уверен — белорусский писатель должен писать на белорусском языке? На это Алексиевич ответила, что она писала об Утопии. А Утопия не говорила по-белорусски. Утопия говорила по-русски.

**«Если бы я была президентом,
постаралась бы, чтобы общество начало
двигаться»**

5 декабря 2015

Александра Дынько, Стокгольм

«Каждый из нас виноват в том, что Лукашенко уже двадцать лет у власти», — в самолете на пути в Стокгольм, где 10 декабря Светлана Алексиевич будет награждена Нобелевской премией, писательница ответила на вопросы Радыё Свабода.

Светлана Алексиевич прилетела сегодня в Стокгольм в бизнес-классе авиакомпании «Белавиа». Сотрудники аэропорта сопроводили Светлану в зал ожидания бизнес-класса, а к борту ее доставили на отдельном автомобиле.

Капитан самолета поздравил писательницу с награждением Нобелевской премией. На фоне игнорирования победы официальными властями и отказа государственных телеканалов транслировать церемонию награждения такие поступки вызывают удивление и уважение. В самолете Светлана получила записку с поздравлениями от двух шведок, которые уже шестнадцать лет помогают белорусским регионам, пострадавшим от Чернобыля. «Сейчас все в Швеции говорят о Беларуси», — сказали эти женщины.

Светлана никому не отказывает в разговоре, однако признается, что такая публичность дается ей тяжело. Сама она держится очень бодро и ре-

шительно, хотя раньше и жаловалась на проблемы со здоровьем. «А кто меня с Лукашенко сравнивал?» — сразу реагирует Светлана на мою просьбу ответить на наши вопросы, вспоминая мою статью, написанную в конце 90-х. Я сравнивала, но сейчас время других вопросов.

Дынько: Ваш цикл об Утопии завершен, но закончилась ли история «красного человека»?

Алексиевич: История «красного человека» еще будет долгая и без крови не обойдется. И в Украине, и у нас. Я свою работу закончила. Все, что я могла сказать об этом человеке, я уже сказала. У меня была своя идея, на этом материале можно было написать сотни книг, сотни солженицыных могли бы работать. Я прошла свой путь.

Дынько: И кто идет ему на смену? Или вы видите уже нового человека, достойного исследования?

Алексиевич: Придет просто человек, как во всем мире. А когда это будет — большой вопрос. Мы попали в промежуточное время. Ощущение, что это будет долго и трудно. Что касается Беларуси, то здесь вообще время остановлено. Человек поставил плотину, общество не движется, а если и развивается, то вопреки. Конечно, «эффект травы» есть, что-то происходит и с молодежью, и с обществом. Что-то делается, что-то строится, но все это безумно медленно. Преступно медленно. А самое главное, что с людьми ничего не происходит, их словно законсервировали. Им не дают свободы, не дают возможности развиваться. Можете представить, если бы наше общество пришло в движение? Сколько всего было бы интересного,

как бы мы могли рвануть. Этого не происходит двадцать лет. А что такое сегодня потерять двадцать лет? Когда распался Союз, у Беларуси были такие шансы! Сейчас этих шансов уже нет.

Дынько: Вы говорили, что вы человек белорусского мира и русской культуры. А какие у вас отношения с белорусской культурой?

Алексиевич: Мой отец белорус, мой дед белорус, мой прадед учился вместе с Якубом Коласом и был сельским учителем, очень рано умер. Я выросла в белорусской деревне. Очень люблю старых белорусских женщин, так как видела, какая у них была жизнь, как они работают, как они поют. Слушала, как они рассказывают, пейзажи — все это буквально на физиологическом уровне впитано. Детство — это, конечно, Украина, я воспитана украинской бабушкой. Но воспитана я, конечно, русской культурой. Без Достоевского или Чехова я себя не представляю. Я оттуда.

Дынько: Вы упомянули, что я сравнивала вас с Лукашенко. Но так и получилось, что если раньше Беларусь в мире знали только через Лукашенко, то уже сейчас ее прежде всего будут знать через Светлану Алексиевич. Как вам в таком статусе?

Алексиевич: Я еще не обжила это состояние, еще об этом не думала. Это физически очень тяжело. Вот эта постоянная публичность.

Дынько: Какой была бы страна, если бы вы были президентом?

Алексиевич: Во всяком случае, я бы постаралась, чтобы общество пришло в движение. Есть же пример Сингапура, когда пришел один человек, личность. И первое, что он сделал — образование,

он дал возможность учиться. Он смог справиться с коррупцией. Через двадцать лет Сингапур уже не узнать. Это не «болото с комарами», как было до того. Я считаю, что нужно, чтобы общество пришло в движение. Умных людей и талантливых у нас хватает.

Главное, что меня больше всего огорчает, это то, что в деревне, и не только в деревне, но и в городе бедные люди не могут учить своих детей. Это самое большое преступление, которое делает власть. Самое большое! И сельские библиотеки, которые пропали. Наконец, не в каждой деревне есть интернет, очень мало у кого он есть.

Вот наш потенциал — это новое молодое поколение, которому нужно дать возможность. Сколько я езжу по деревням, я вижу, как родители сегодня страдают от того, что не могут учить своих детей. А все эти пафосные вещи — ездить то на деревообрабатывающий комбинат, то на калийный комбинат — это не дело президента. Президент должен стратегически мыслить.

Дынько: Вы стали чуть ли не «официальным» врагом авторитарных лидеров на территории Восточной Европы. Почему у вас нет страха? Вы не боитесь?

Алексиевич: У нас всего можно ожидать. Когда-то я разговаривала с Березовским, и он сказал: «Российский капитализм молодой, злой и беспощадный». Это действительно так. Это наверняка входит в риск, в нашу профессию. Надо быть честным. Я ничего не говорю такого, что унижает этих людей. Я просто спорю, говорю, как я это вижу. Нам всем нужна не «великая Россия»

и «великая Беларусь», а нормальная Беларусь и нормальная Россия. Нормальная страна, где люди с достоинством и спокойно живут. Хотя следует признать и то, что я приехала через 10 лет и не узнала Беларуси. Когда едешь по Беларуси, то видишь, что очень изменилась деревня. Белорусский капитализм не расцвел наглым цветом. Это надо поставить в заслугу Лукашенко.

А я говорю, как я вижу. Со мной можно спорить.

Дынько: Объясняется ли ваша смелость тем, что вы женщина?

Алексиевич: Нет, очень много смелых людей, которые говорят смелые вещи. И в нашей оппозиции, которая разрознена и все не может найти одного лидера, достаточно сильных мужчин и женщин в том числе. Мне очень нравится Короткевич. Сильная женщина. Как быстро она обогнала наших старых оппозиционных лидеров. Это действительно новая сильная фигура.

Дынько: То, что Лукашенко двадцать лет находится у власти, это вина оппозиции или беда?

Алексиевич: Оппозиция никак на это не влияет. Дело в нашем народе и его истории. В этом страхе, который продолжается на протяжении веков. Думаю, перекладывать всю вину на оппозицию было бы нечестно. Каждый из нас в этом виноват. Вся элита. Почему только оппозиция должна нести ответственность за то, что с нами происходит? Это было бы несправедливо.

Дынько: Вы рассказывали про вашего односельчанина Петра Сильвестровича, который очень любит Лукашенко и убежден, что тот выражает

его устремления. Так, может, действительно Лукашенко — народный президент?

Алексиевич: Это правда. Он (Лукашенко. — РС) абсолютно кристально отражает уровень нашего народа. Другое дело, что нам все же нужен Вацлав Гавел. Человек, который шел бы впереди. Нельзя идти на поводу у массового сознания. У нас есть сильные люди. Надо дать шанс обществу прийти в движение, заговорить, выбирать. Тогда и появится этот человек. Его нельзя назначить.

Но я уверена, что если бы были честные и свободные выборы, если бы не был ручной, а настоящий парламент, мы бы увидели совершенно новых людей — интересных, сильных. Это без сомнений.

Искра Алексиевич по-новому осветит Беларусь

6 декабря 2015

Карл Гершман, Вашингтон

Признание Нобелевским комитетом творчества Светланы Алексиевич дает повод посмотреть свежим взглядом на наследство коммунизма в стране, которую часто называют «последней диктатурой Европы», считает Карл Гершман, президент Национального фонда в поддержку демократии (NED).

В четверг Нобелевский комитет вручит премию по литературе Светлане Алексиевич, писательнице из Беларуси, страны, которую часто называют «последней диктатурой Европы». В отличие от большинства авторов, которые получали эту премию, Алексиевич не пишет ни прозу, ни поэзию. Ее книги основаны на разговорах с обычными людьми, которые говорят от своего имени о травмах новейшей истории Беларуси, включая черную дыру катастрофы, войну в Афганистане и опыт существования в «искаженном времени» при диктатуре Александра Лукашенко. Эти «голоса Утопии», как она их называет, документально фиксируют homo sovieticus'a, несут в себе свидетельство о сознании людей, живущих, по ее выражению, во «времени second-hand... времени старых, старых предрассудков».

Центральная идея Алексиевич состоит в том, что посткоммунистические страны, такие как Беларусь — она включает сюда также Россию и Украину, — не станут свободными и демократическими, если народы этих стран не освободятся от разрушительного советского наследия, которое влияет даже на молодых людей, никогда не живших при коммунизме. Одно дело убрать внешние атрибуты коммунизма, говорит она, «но совсем другое — вырвать его из своей души».

Ее не покидает надежда, так как люди, чей болезненный опыт она записала в своих книгах, проявляют «силу человеческого духа». Но она знает также, что пока коллективная память о доносах, ГУЛАГах, принудительной коллективизации и извращенной оруэлловской правде не будет поставлена под вопрос, не станет предметом дискуссий и изучения, постсоветская жизнь будет оставаться «смесью тюрьмы и детского сада».

Лукашенко, архетипический «советский человек», делает задачу такого правдивого рассмотрения очень трудной. Он был избран президентом два десятилетия назад благодаря пробуждаемой им ностальгии по советским временам, он использует государственный контроль над всеми электронными СМИ и образовательными учреждениями Беларуси, чтобы продвигать советскую идеологию, особенно в отношении Великой Отечественной войны, как «русский мир» называет Вторую мировую войну.

Как утверждает историк Тимоти Снайдер, ни одна страна не пережила в войну такого кровопролития и разрушений, как Беларусь, «центр

конфронтации между нацистской Германией и Советским Союзом». Одна пятая из десятиллионного населения была убита, еще треть была депортирована в качестве принудительной рабочей силы или бежала из страны. Тем не менее, пишет Снайдер, режим сделал из этого разрушительного конфликта объект ностальгии, «превратив пепел военных страданий в золото политической ценности». Тема войны используется не только чтобы прославить героизм советских солдат, но и чтобы стереть из памяти преступления сталинизма, на совести которого до 1,6 млн жертв в Беларуси во время Великой Чистки 1937–1941 гг.

Режим Лукашенко не чувствует для себя никакой угрозы, поскольку репрессии в Беларуси порождают страх и апатию, и, как отмечает Алексиевич, общество остается разобщенным и искалеченным. И все же при этом она верит, что «появляются новые люди с гражданской смелостью». Потенциальных сторонников перемен выявляют социологические опросы, согласно которым половина населения чувствует, что страна идет в неверном направлении, а 84 процента хотят реформ; их можно видеть и в представителях общественных движений, которые ежегодно организуют митинги памяти в Куропатах, месте, где массово захоронены жертвы чисток.

Но небольшая демократическая общественность в Беларуси остается относительно изолированной от широких масс. Существует раздробленная политическая оппозиция, которая имеет стабильную электоральную базу порядка 25–30 процентов, но не рассматривается как ре-

альная альтернатива Лукашенко. Ей нужно объединиться, расширить базу своих сторонников на широкие массы и предложить убедительную концепцию будущего страны. Алексиевич также призывает белорусских интеллектуалов поднять голос и вступить в диалог с молодежью, чтобы помочь ей «начать усваивать трудный опыт свободы».

Соединенные Штаты и Европейский Союз тоже могут помочь, настойчиво добиваясь реальных экономических перемен в Беларуси и определив ясные критерии оценки прогресса. Нынешняя западная политика «малых шагов» означает отсутствие твердых требований и ожидания существенных результатов. Это результат умелого балансирования Лукашенко между Россией и Европой и предложения провести в Минске переговоры о прекращении огня в Украине. Однако экономические трудности Беларуси и ее обеспокоенность реваншизмом Путина означают, что у Запада есть свои инструменты давления на Лукашенко, которые следовало бы применить.

Признание Нобелевским комитетом творчества Светланы Алексиевич дает повод посмотреть на Беларусь свежим взглядом. Белорусский драматург Андрей Курейчик говорит, что она — «новый национальный лидер», имеющий «большой авторитет, чем любой политик». Алексиевич — не политик, но она завоевала славу для своей многострадальной страны, а внимание, которое привлекают теперь ее идеи, могло бы стать той искрой, которая пробудит Беларусь и поможет ей найти свое место в современном мире.

«Я не сразу стала свободной и избавилась от коммунистических иллюзий»

6 декабря 2015

Александра Дынько, Стокгольм

В Стокгольме прошла пресс-конференция Светланы Алексиевич. Первый вопрос был от корреспондентки Радыё Свабода.

Дынько: Г-жа Светлана, мы совершенно счастливы в связи с вашей победой, теперь ваш голос как нобелевского лауреата сильный как никогда. Скажите, пожалуйста, что еще нужно сделать для того, чтобы этот ваш новый прекрасный статус был использован для всех жителей Беларуси, для всех белорусских людей? (Вопрос прозвучал по-белорусски и по-английски. — РС).

Алексиевич: Я думаю, что нужно делать то, что делалось всегда. Делать свое дело, делать его спокойно, без отчаяния. Но, к сожалению, даже статус не всегда помогает, если ты живешь в условиях диктатуры, авторитарной системы. Потому что диктатура — это, как правило, примитивные создания. Люди вокруг этой диктатуры, во главе ее — не самые умные люди. И я уже за эти несколько недель подписала несколько писем, в защиту офицера украинской армии Надежды Савченко, еще другие, но всегда, подписывая, все равно чувствуешь какое-то отчаяние: как мало могут сегодня добрые люди.

Алексиевич и «стрелы ненависти»

6 декабря 2015

Сергей Дубовец, Минск

Надо признать, что нынешний выбор литературного нобелиста — наиболее содержательный за последние годы.

По крайней мере, на такую мысль наводят некоторые комментарии на сайте *Радыё Свабода*, те «стрелы ненависти», которые выпускаются в мишень-Алексиевич без всяких шансов долететь до цели.

Даже не могу вспомнить подобного случая, когда бы согласие и несогласие вызывала не столько личность лауреата и характер письма, сколько знаки времени, маркеры человека и болевые точки мира. Мы спорим о «красном человеке», «русском мире», авторитаризме Лукашенко и о тех моральных и психологических эпидемиях, которые продолжают гулять по просторам Земли, о граблях, граблях и еще раз граблях. Меняется материал, из которого они сделаны, цвет и стоимость, но наступать на них от этого бедное человечество не перестает.

Есть, конечно, и те, кто пускает «стрелы ненависти» в талант писательницы и в ее «нелитературную» прозу, но по сравнению с указанными темами эти выпады совсем уж ничтожны, как покусывание себя самого от злости на кого-то.

Глубина и масштаб тем делают эту премию не столько частной оценкой конкретного таланта,

сколько самостоятельным событием, которое способно влиять на судьбу страны, региона и живущих здесь народов.

Опираясь лишь на ощущения, можно сказать, что Алексиевич создала себя как нобелиста сама. Это и огромная работа, и уникальная способность формировать ситуацию и пространство вокруг себя и своего творчества. В этом смысле Алексиевич тоже трудно сравнить с кем-либо из ее предшественников.

Выбор лауреата создал новую ситуацию для постсоветской культуры, для русской литературы, а прежде всего для белорусского языка и культуры. Мы будто застыли в мышлении о них на эти двадцать лет, а Нобель сдвигает мысль с мертвой точки. Ибо стало ясно, что судьба языка и культуры полностью зависит только от нас — тех, кто чувствует за них ответственность. Роль государства во всем этом перестала быть фатальной. Мощный инструмент, который мы получили, можно применить как для самоубийства, так и для развития — парадоксальных перемен ситуации к лучшему.

Теперь всем, кто неравнодушен к судьбе *беларушчыны*, намного проще будет представлять ее в мире и вызывать интерес к стране, ее культуре и литературе. Намного проще, чем соседям-украинцам или соседям-литовцам и представителям еще 150 стран. И языковой вопрос здесь будет как раз на 150-м месте, так как в мире только незначительное количество элит читает по-русски или по-белорусски. А того, что это премия Беларуси, белорусам и белорусской культуре и литературе, не оспорит никто. Даже мы сами.

Алексиевич и ее друзьям устроили экскурсию по Нобелевскому музею

6 декабря 2015

Александра Дынько, Стокгольм

Основатель портала tut.by Юрий Зиссер — один из участников команды друзей и единомышленников, которые сопровождают Светлану Алексиевич на церемонию вручения Нобелевской премии в Стокгольм — рассказал, что утром 6 декабря все лауреаты собрались в Нобелевском музее.

Мероприятие сопровождали серьезные меры безопасности: доступ в здание для посторонних посетителей был закрыт, ближайшие кварталы контролировали сотрудники правоохранительных органов.

По словам г-на Зиссера, мероприятие началось с приветственного слова в адрес нынешних победителей, гостей приветствовал лично директор музея.

После этого была устроена экскурсия по музейной экспозиции: к Светлане Алексиевич и ее друзьям была приставлена русскоязычная культуролог-экскурсовод, которая по большей части знакомила гостей с экспозицией, касающейся лауреатов из России и СССР.

В магазине при библиотеке богатый выбор книжной продукции, на шведский язык переведены все произведения белорусского нобелевского лауреата. В 15 часов по минскому времени нача-

лось первое публичное событие с участием Светланы Алексиевич в Швеции — пресс-конференция в большом зале Шведской академии.

Дмитрий Плакс: Показывая специфическую советскую ментальность, Алексиевич рассказывает о человеке как таковом

6 декабря 2015
Ян Максимюк,
Сергей Шупа, Прага

О Светлане Алексиевич, ее известности в Швеции, издании ее книг, встречах с читателями Радыё Свабода поговорило с сотрудником Шведского радио, белорусским писателем и переводчиком, живущим в Стокгольме, Дмитрием Плаксом.

Радыё Свабода: Недавно довелось прочесть, что Светлана Алексиевич девять лет писала колонку в шведской газете, в Гетеборге. Большинство ее читателей в Беларуси, кажется, об этом не знали. Вы читали эти тексты? О чем она писала?

Плакс: Я все тексты, думаю, не читал, только некоторые. Она писала на актуальные темы, которые в то время обсуждались и имели какое-то отношение к бывшему Советскому Союзу. Göteborgs-Posten — региональная газета, тексты Светланы появлялись там, как я помню, нерегулярно, по конкретным поводам. Активнее она писала в газету те пару лет, когда она жила в Гетеборге.

Радыё Свабода: Насколько, по-вашему, эта газетная активность помогла Алексиевич показать себя в Швеции и «увеличить свои шансы на Нобеля»?

Плакс: Ни на сколько. Ее в Швеции воспринимают, конечно же, не как журналистку, а как известную писательницу. Ее публицистические тексты в газете были высказываниями известной личности и именно в качестве таковых были интересны. Так что это никак не повлияло на ее известность и на шансы получить Нобелевскую премию. Наоборот — ее известность способствовала чтению этих текстов.

Радые Свабода: Какой резонанс имели эти тексты?

Плакс: Общешведский резонанс. Дело в том, что шведские региональные газеты по своей, так скажем, важности не уступают «центральным» — здесь привычной для Беларуси газетной иерархии нет. Бывает так, что известный и уважаемый автор печатается в местной газете, и его будут читать все, кому интересно.

Радые Свабода: Скажите пару слов об издательстве Ersatz, в котором выходили книги Алексиевич в шведском переводе. Это, на первый взгляд, маленькое, довольно элитарное издательство? Во всяком случае — они не издают литературу мейнстрима...

Плакс: Первые книги Алексиевич вышли в другом издательстве — Ordfront, это намного более крупное издательство. Но потом изданием ее книг занялось издательство Ersatz — это издательство «качественной» литературы, оно специализируется на литературе, которая широко в Швеции не представлена. Среди прочего оно ориентируется на литературу стран бывшего Советского Союза, из белорусских писателей они также издали, на-

пример, «Город солнца» Артура Клинова, «Свободные стихи» Андрея Хадановича, там вышла и моя новая книжка...

Радые Свабода: Когда Алексиевич жила в Швеции, вы с ней встречались?

Плакс: Ну, не так часто, так как она жила в Гетеборге, а я в Стокгольме, но контакты были. Тогда еще существовала Белорусская служба Шведского радио, где я работал, и мы, конечно же, обращались к ней за комментариями по тем или иным вопросам. Помню одно мероприятие с участием Светланы и Бориса Петровича в центральной библиотеке города Мальмё, я там тоже был — в качестве переводчика произведений Бориса. И еще однажды она путешествовала по северу страны по приглашению Марии Сёдерберг.

Радые Свабода: Алексиевич популярна в шведских феминистских кругах. Как она обрела эту популярность?

Плакс: Так, конечно же, получилось благодаря книге «У войны не женское лицо». Это уникальная книга в том смысле, что война там показана с женской точки зрения — насколько мне известно, такого в мировой литературе до нее никто не делал. Кроме того, что это сильное литературное произведение, это еще очень интересный материал как для гендерных исследований, так и для феминистского движения вообще.

Радые Свабода: У букмекеров Алексиевич попала в фавориты среди кандидатов на Нобеля года три-четыре назад. Когда в Швеции почувствовали, что Светлана Алексиевич — это реальный кандидат?

Плакс: Для меня это стало совершенно очевидным, когда я два года назад прочитал ее последнюю книгу — «Время second-hand». Я почувствовал, что, во-первых, это литература очевидно достойная Нобелевской премии, и во-вторых, что Алексиевич безусловно ее получит. Но я не думал, что она получит ее так скоро. Книга «Время second-hand» пролила новый свет на все, что она до сих пор написала, она придает обратную перспективу и выстраивает из всех предыдущих книжек единый *opus magnum*. Эта книга имела в Швеции очень хорошие рецензии и даже входила в списки бестселлеров, что нечасто случается с «трудной» литературой.

Радые Свабода: Вы присутствовали на авторских встречах Алексиевич со шведскими читателями? Как ее воспринимали шведы?

Плакс: В Швеции формат встреч с писателями иной, чем тот, к которому привыкли в Беларуси. Здесь не так, что публика присылает бумажки с вопросами и писатель на них отвечает в интерактивном режиме. Здесь обычно на сцене сидит писатель и человек, который задает ему вопросы в формате интервью. Публика просто слушает и активно в разговоре не участвует. Но на тех встречах, где был я, свободных мест не было. После встреч, как здесь принято, писатель подписывает свои книги. К Светлане всегда стояли длинные-длинные очереди, она с большой ответственностью оставалась и подписывала книги всем желающим, хотя иногда это занимало и целый час.

Радые Свабода: Вы работаете режиссером и драматургом радиотеатра Шведского националь-

ного радио. Ставьте пьесы по книгам Алексиевич? Что о них говорят актеры?

Плакс: Пока что я поставил только один спектакль — по книге «Время second-hand». Формат спектакля — 55 минут, это около 40 страниц текста, а в книге — около 700... Чем книги Алексиевич интересны — и особенно эта последняя — так это именно тем, что они через показ специфической советской ментальности рассказывают что-то о человеке как таковом, о чем-то универсальном, что свойственно человеку как биологическому виду. И я не думаю, что специфика homo sovieticus'a каким-то образом мешает понять общечеловеческое измерение. Наоборот. Во «Времени second-hand» показано очень хорошо, что место и время влияют на то, как ведет себя человек, и любой человек в определенных обстоятельствах, наверное, может вести себя по-разному — в том числе и так, как тот же советский человек.

Радые Свабода: Насколько присуждение премии белорусской писательнице изменило восприятие Беларуси в Швеции?

Плакс: Во-первых, вообще появилось хоть какое-то восприятие. До сих пор знали разве что о Лукашенко, о периодической полицейской жестокости во время выборов. А здесь — уже одно то, что крупнейшая шведская газета Dagens Nyheter, а также редакция культуры Шведского радио начали употреблять вместо Vitryssland (Белая Россия) название Belarus — это свидетельство того, что к Беларуси стали относиться с бóльшим вниманием, с бóльшим уважением, и это не в послед-

нюю, а, может, и в первую очередь — благодаря этому событию.

Заметно увеличилось количество статей и репортажей о Беларуси, хотя обычно в Беларуси, с точки зрения СМИ, мало что происходит. Пару дней назад, например, мне позвонили из шведского телеграфного агентства ТТ и хотели выяснить, продаются ли книги Алексиевич в минских магазинах. Еще три месяца назад такое было невозможно себе представить.

Эрикссон: «Когда я услышал о Нобелевской премии для Беларуси — закричал»

7 декабря 2015

Александра Дынько, Стокгольм

Стефан Эрикссон провел в Беларуси семь лет вместе с женой и детьми. Был первым послом Швеции в Минске. Выучил белорусский язык лучше многих белорусов, подружился с писателями, поэтами и музыкантами и завоевал симпатии общественности.

Когда в 2012 году белорусские власти решили не продолжать Эрикссону дипломатическую аккредитацию, это означало изгнание. Теперь Стефан Эрикссон — нобелевский атташе нынешнего лауреата Светланы Алексиевич. Он отвечает за ее пребывание в Стокгольме, всюду сопровождает ее и, как видно, чрезвычайно счастлив своей должностью.

«Я уверен, что Беларусь многое может предложить Европе. Но главное, чтобы белорусы сами ценили свое», — говорит Стефан в интервью *Радыё Свабода* в одном из номеров «Гранд-отеля» в центре Стокгольма, где живут нобелевские лауреаты.

Дынько: Вы, наверное, уже не удивляетесь, когда вас называют «послом белорусской культуры» в Европе, а после того как Светлана Алексиевич получила Нобелевскую премию, то и в мире. Но наш первый вопрос будет все же о нобелевском лауреате, которого вы сопровождаете в течение

нобелевской недели в Стокгольме. Как Светлана провела эти дни?

Эрикссон: Вы присутствовали с самого начала, даже прилетели вместе с ней. Фактически всё, думаю, видели. Конечно, программа довольно напряженная, так много журналистов хотят встретиться. Сегодня была пресс-конференция. Но я думаю, что г-жа Светлана находит силы, чтобы все это провести. Конечно, это для нее большое событие, как и для нас всех, кто принимает в этом участие.

Дынько: Известна официальная программа. А за ее рамками кто-нибудь выразил желание лично встретиться со Светланой?

Эрикссон: В программе есть обязательная часть — это награждение, праздничный ужин после него, также будет ужин в Королевском дворце. Это самое главное, но г-жа Светлана согласилась еще на несколько пунктов программы. В понедельник состоится разговор с министром иностранных дел Швеции Маргот Вальстрём. К этому событию большой интерес.

Будет также посещение школы в наших пригородах, которое традиционно предлагается всем лауреатам по литературе. Конечно, проходят личные встречи с людьми, которые близко знакомы со Светланой. Это ее издатели, например. Фотограф Мария Сёдерберг (организатор дней белорусско-шведской культуры в Беларуси. — РС). Это те люди, которые много лет с ней работают.

Дынько: Вот если говорить про «много лет», то, пожалуй, не секрет, что Швеции можно приписать главную заслугу в том, что Светлана получила

Нобелевскую премию. Здесь следует упомянуть усилия Шведского ПЕН-центра, который номинировал Светлану на премию, и всех тех людей, которые были рядом. Вы могли бы рассказать, как это происходило, сколько лет заняло, кто в этом участвовал?

Эрикссон: Прежде всего это заслуга самой Светланы, так как это ее произведения привлекли внимание Нобелевского комитета. В мире много хороших литераторов, и даже Шведская академия не может читать все, что пишется. И многое зависит от того, что доступно на языках, на которых читают в Шведской академии. Всех перечислить трудно. Конечно, это издательство и агент Светланы. Ее книги довольно рано вышли по-шведски и вызвали большой интерес у шведских читателей. Это сделало одно маленькое издательство Ersatz. Их заслуга тут во многом, потому что они верили, что это хорошая литература, что надо ее переводить, и издали все пять книг утопии о «красном человеке».

К тому же Светлана два, если не ошибаюсь, года жила в Гетеборге. Тогда тоже сложились хорошие отношения со Швецией. Вы также знаете, что развивались и литературные отношения. Приезжало много шведских литераторов в Беларусь. Мария Сёдерберг, в том числе, организовывала поездки. Приезжала в Беларусь член Шведской академии Катарина Фростенсон.

Здесь трудно говорить, что было самым главным. Естественно, в основе этой премии — качественная литература, и это прежде всего заслуга Светланы.

Дынько: На площади перед Нобелевским музеем я спрашивала у людей, знают ли они Светлану Алексиевич. И первый буквально парень ответил мне: «Да, я читал две ее книги по-шведски». Я была очень впечатлена, ведь если с таким вопросом выходишь на улицы Минска, редко встретишь человека, который целых две книги Алексиевич прочитал. Отличается ли отношение к произведениям Алексиевич и к ее личности в Швеции от того, как, по-вашему, к ней относятся в Беларуси?

Эрикссон: Действительно, в Швеции много людей читали ее книги. Не каждый год бывает так, что объявляют нобелевского лауреата по литературе — и люди знают, кто это. Но в этом году так. В том числе министр иностранных дел, поэтому она и захотела встретиться со Светланой, так как прочитала ее книги. Нельзя сказать, что это массовое явление, но много людей, интересующихся литературой, знакомятся с ее произведениями.

Те болезненные темы, о которых пишет Светлана, для нас немного на расстоянии. Белорусы, бывшие жители Советского Союза, пережили это больше, чем мы. Но все равно процессы, о которых рассказывает Светлана, оказываются очень важными и для наших людей. Они нас трогают. Наша страна прошла иной путь. «Красного человека» до такой степени у нас не было. Но похожие тенденции были. Поэтому, думаю, то, о чем Светлана пишет, для нас очень актуально.

Дынько: Есть ли у вас объяснение, почему белорусская власть заняла позицию игнорирования нобелевского лауреата и самого факта присуждения ей премии?

Эрикссон: Я, пожалуй, не тот человек, который может ответить на этот вопрос. Знаю, что большинство белорусов восприняли новость о премии Светлане очень положительно. Это стало для людей настоящим событием. Конечно, всем, особенно в наше время, нужны хорошие новости. Для любой страны это большое событие. Люди радуются этой новости. Меня это тоже очень радует.

Дынько: Много говорят о том, что Нобелевская премия для белорусского автора — это шанс для всего мира, и для белорусов прежде всего, посмотреть на Беларусь по-новому. Перестать быть «последней диктатурой Европы», а стать страной нобелевского лауреата. Изменится ли после этого отношение к Беларуси в мире?

Эрикссон: Прежде всего это очень важный момент для самих белорусов. Для меня эта награда — доказательство того, что Беларусь является частью Европы и остального мира. Что то, что происходило и происходит в Беларуси, это интересно и важно. Это шаг сближения Беларуси с остальным миром. Ведь в чем-то события в Беларуси развивались немного изолированно.

Я могу говорить только о Швеции. Конечно, были люди, которые много знали о Беларуси. Видимо, в Швеции даже больше, чем в среднем по Европе. Но, естественно, это событие расширит известность не только Светланы Алексиевич. Люди будут больше знать о и стране Беларуси. Это действительно шанс для страны стать европейской.

Дынько: Как вы провели эти три года и как вам удалось не то что не забыть, а даже усовершенствовать белорусский язык?

Эрикссон: Я никуда не делся. Продолжаю работать в шведском МИДе. Уже не напрямую по белорусскому направлению. Но семь лет жизни — это довольно много. Поэтому интерес к тому, что происходит в Беларуси, у меня сохранился. Благодаря Фейсбуку и другим соцсетям можно, так сказать, быть частью событий, даже если находишься за границей.

А с языком так получается, что многие белорусы приезжают сюда. Если не каждую неделю, то каждый месяц я имею радость встречаться с белорусскими знакомыми, друзьями. Таким образом стараюсь поддерживать язык на уровне.

Дынько: Вы не обижаетесь на Беларусь за то, что вам пришлось покинуть ее против своей воли?

Эрикссон: Знаете, я не злопамятен. По-русски есть такая поговорка — «на обиженных воду возят». Я до конца так и не понял, о ком так говорят, но мне нравится. Поэтому я редко обижаюсь.

Я когда узнал о награде из прямого эфира в начале октября, то закричал даже так, что коллеги подумали, что что-то произошло. Для меня лично очень приятно, что я могу принести пользу теперь г-же Светлане в качестве нобелевского атташе. Сложилась такая традиция, что шведский МИД предоставляет Нобелевскому комитету дипломатов, сопровождающих лауреатов во время нобелевской недели. Честно говоря, я сначала подумал, что, может, не стоит. Но коллеги убедили, что нужно обязательно проситься на такое задание. Теперь я не жалею, и для меня это большая честь, что я могу быть полезен Светлане во время ее пребывания здесь в Швеции.

Российский издатель: «Пройдет несколько лет, и Светлану будут воспринимать как представителя славной традиции русской литературы»

7 декабря 2015

Александра Дынько, Стокгольм

Российское издательство «Время» издало все книги Светланы Алексиевич и ежегодно приглашало писательницу представлять их на своем стенде во время Минской книжной ярмарки. К стенду «Времени» в белорусской столице выстраивались очереди благодарных читателей, а для Алексиевич это была одна из редких возможностей встретиться с ними на открытой площадке.

Да и само издательство в те времена, когда белорусские издатели Алексиевич переиздавать не спешили, оставалось верным белорусскому автору. «Мы надеялись на эту премию, и нам повезло», — рассказывает сейчас в Стокгольме Борис Пастернак.

Дынько: Борис Натанович, как складывалось ваше сотрудничество со Светланой Александровной и думали ли вы, что издаете книги нобелевского лауреата?

Пастернак: Мы со Светой знакомы лет сорок пять, люди столько не живут, как известно. Вместе работали в Минске в «Сельской газете». Она туда пришла в отдел «Общество» корреспондентом, я был заместителем ответственного секретаря. Молодых людей там было не так много. А мы были

молоды и, естественно, дружили. Потом, конечно, разбежались, но я очень хорошо помню Свету того времени. Она была не по годам серьезная. Понятно было, что ее интересует, уже тогда. Она была очень вдумчивая, очень настырная. Тексты, которые она тогда писала, далеко не всем нравились. Многим казалось, что они слишком сложны для простой республиканской газеты, тем более сельской. Но жизнь показала, что это был ее путь и он был правильно выбран.

Потом мы на много лет разбежались, но, естественно, поддерживали случайные отношения, иногда встречались. Нашему издательству сейчас пятнадцать лет. А в 2005 году мы встретились на какой-то ярмарке, и я с огромным удивлением для себя узнал, что права на ее произведения свободны. Она выходила в нескольких издательствах и в Минске, и в Москве. Я полагал, что там прочные долгосрочные отношения, а она сказала, что права свободны. Мы, конечно, ахнули и сказали, что сразу подписываем. Личного в этом было совсем немного. Было четкое понимание того, что сильный и признанный писатель может принести нам свои книги.

Мне даже неловко пересказывать эту историю очередной раз, но я ее расскажу. Дело в том, что когда мы подписали договор на все четыре ее книги (пятой еще тогда не было), хотелось издать их все сразу. Но денег не было, и я решил попросить один известный фонд помочь нам с этим. Написал им письмо, и первый абзац был о том, что Светлана Алексиевич является наиболее вероятным претендентом на получение Нобелевской

премии по литературе. Это был, с одной стороны, некий рекламный ход, но с другой стороны — это была правда.

Я могу объяснить, почему я так написал. Многие люди в России воспринимают Нобелевскую премию как некий чемпионат мира по литературе. 25 человек соревнуются, кто в этом году отличился, и лучшему из них медаль на грудь. Это совершенно не так, это ложное представление. Надо понимать, что Нобелевская премия — это прежде всего международное признание. Ее получает человек, оказывающий огромное влияние на общественное мнение в мире. Когда говорят, что один чрезвычайно талантливый писатель ее не получил, а другой гениальный даже не рассматривался, меня это удивляет. Сразу возникает вопрос: а что, собственно, сделал этот человек с чрезвычайным талантом? Он написал такое количество книг? Он как-то их собрал? Они переведены во всем мире? Они стали знаменем для определенного количества людей? Они повлияли на общественное мнение или нет?

Вот со Светланой это все произошло буквально с первой книги. На сегодняшний день, кажется, 120 изданий во всем мире ее книг на 20 языках. Огромное количество спектаклей, что важный показатель. Ее книги диалогические и просятся на сцену. Находится масса людей, от школьных театров до профессиональных, которые их ставят. Люди восторженно это смотрят. Это такое ценное качество, которое мало у кого из писателей есть.

Мы к ней относились как к очень крупному, выдающемуся писателю, оценивая абсолютно не

степень стилистических изысков или чрезвычайного художественного таланта, а оценивая степень ее честности и искренности и ее способность влиять на общественные процессы в мире. Все это у нее есть и, слава богу, сохранилось.

Нам повезло, что мы тогда подписали этот договор. Надеюсь, что и Светлане повезло с издателем, потому что мы все же очень старались делать нашу работу хорошо.

Обратите внимание, что у нас вышел пятитомник, и мы сразу сделали его в подарочном варианте. Не предполагая, что это будет юбилейное издание, но очень красивое, с использованием редких для России технологий на суперобложке. Художник Валерий Калныньш очень постарался, когда работал над этим изданием. Это красивое подарочное издание, которое сегодня дарят как нобелевское. Нам осталось на нем поставить только строку «Нобелевская премия по литературе 2015 года» — и подарок был готов.

Да, мы ждали, мы надеялись на эту премию. Не могу сказать, что рассчитывали, не всем везет. А нам повезло.

Дынько: Белорусские официальные власти выбрали позицию публичного игнорирования и самого нобелевского лауреата, и факта вручения ей премии. В России, как отмечает сама Светлана Алексиевич, присуждение ей Нобелевской премии вызвало агрессивную реакцию. Чем вы это можете объяснить, и не повлияет ли это на работу вашего издательства?

Пастернак: Мне кажется, что здесь смешиваются две вещи: реакция на ее книги и на ее выска-

звания. Она честный человек, она чаще всего не смягчает свою точку зрения, если ее просят высказаться. Если вы положите перед любым официальным журналистом или политическим деятелем ее книги и спросите — что в них вы видите такого антироссийского, антибелорусского, антипутинского или антилукашенковского? — то вам ничего не найдут. Это книги бесспорные в этическом плане. Ее книги не об этом. Они о человеке, о сути человека, о его этике, а не об отношении к конкретной власти или руководителю. Но она публичный человек. И когда у нее спрашивают, как вы относитесь к определенным поступкам или высказываниям президента, она говорит, что думает. И вот то, что она думает, это многим не нравится. Что я могу сделать?

Есть люди, которые боготворят президентов, которые говорят об этом вслух. Недавно один прекрасный российский сатирик подарил своему президенту императорскую корону. Наверное, это отражает его точку зрения на президентскую власть. От Светланы этого ждать не приходится, она достаточно жестко высказывается о нынешней власти, о политике, проводимой как в России, так и в Беларуси.

В Беларуси мне очень понравилась реакция, что называется, простых людей. Я видел сам, как люди поздравляли друг друга, обнимались, цветы дарили, шампанское пили. Это здорово. Все воспринимают это как своего, ставшего чемпионом. Это важная консолидация. В конце концов, в Беларуси не так много настоящих героев. Тем более среди интеллектуалов, хотя спортсмены еще есть.

И то, что это воспринимают как победу своего, мне очень нравится.

В России, может, более расколото общество. Может, ее воспринимают не как свою. Это есть. Многие говорят, что она белоруска и что с того, что она пишет по-русски, она «русскоязычная» — такое мерзкое слово. Конечно, она русский писатель, о чем речь. Никто этого не может отменить. Это факт и явление русской литературы. Даже как-то нелепо об этом спорить, хотя споры об этом идут в России. Думаю, что это совершенно наносное, переходное. Пройдет несколько лет, все это успокоится, и ее будут воспринимать как представителя и носителя славной традиции русской литературы. Абсолютно не сомневаюсь.

На моей памяти вручение премии Пастернаку. Я помню это. Помню скандал и истерику на этот счет. Причем что меня наиболее удивляло: некоторые говорили, что он нехорошо поступил, когда передал книгу для публикации за рубеж. Но были серьезные люди, литературоведы, которые говорили об исключительной слабости его поэтического и прозаического таланта: «Как могли за такое слабое произведение дать такую достойную премию?». Позже ровно те же слова мы слышали и о Бродском: «Как могли дать премию такому слабому поэту, ведь понятно, что он даже не в первом ряду, а во втором русской поэзии, есть намного более достойные поэты, которые известны». Где эти люди, которые это говорили? Со Светой будет точно так же.

В социальных сетях запущен флешмоб «Празднуем Нобеля вместе»! (#нобельразам!)

7 декабря 2015

Инна Студинская, Минск

Белтелерадиокомпания, телеканалы ОНТ, СТВ не будут транслировать ни нобелевскую мемориальную лекцию, ни торжественную церемонию вручения Нобелевской премии Светлане Алексиевич. Но альтернатива есть.

7 декабря в 19.30 по белорусскому времени на сайте Нобелевского комитета начнется прямая трансляция из Шведской академии нобелевской лекции по литературе, с которой будет выступать белорусский автор Светлана Алексиевич.

Как сообщает официальный сайт Нобелевского комитета, «лекция будет на русском языке и будет транслироваться в прямом эфире на nobelprize.org. Стенограмма русского текста, а также переводы на немецкий, французский, английский и шведский языки будут опубликованы на сайте 7 декабря. Видео лекции также будет доступно здесь через несколько дней». Позже тексты лекций всех нынешних лауреатов Нобелевский фонд опубликует в специальном томе.

Кроме ретрансляции на сайтах, в Беларуси будут проводиться коллективные просмотры лекции и церемонии с участием Светланы Алексиевич.

В социальных сетях запущен флешмоб «Празднуем Нобеля вместе!» (#нобельразам!).

Блогер Антон Мотолько обратился к руководителям, администраторам популярных клубов, кафе с просьбой организовать на больших экранах просмотр нобелевской лекции и награждения Светланы Алексиевич:

«Я писал владельцам, хозяевам, руководителям учреждений, клубов с предложением запустить в определенное время трансляцию нобелевских торжеств, они отвечали: “Да, мы согласны, мы хотим, мы не против”. Практически все, к кому я обращался, говорили, что подключатся. Несколько человек ответили, что “мы с удовольствием, но попробуем уточнить, как это сделать технически”. Только два человека сказали, что “попытаемся разобраться, как это возможно”, но пока мне не ответили, не подтвердили окончательно. Администратор “Ателье” даже предложила за счет заведения угостить бокалом шампанского тех, кто придет посмотреть трансляцию. Барам, клубам это выгодно и экономически, и они сами с удовольствием посмотрят. Общество давно уже готово к таким вещам. То, что люди так дружелюбно реагировали и соглашались — это тоже показатель».

«В Беларусь легко отправить военный отряд и столкнуть белорусов с поляками»

7 декабря 2015

Александра Дынько, Стокгольм

7 декабря нобелевский лауреат Светлана Алексиевич в зале Городского театра Стокгольма ответила на вопросы министра иностранных дел Швеции Маргот Вальстрём. Инициатором этого события, как пояснил ранее Радыё Свабода нобелевский атташе Стефан Эрикссон, была сама министр, которая читала книги Светланы. Билеты на встречу мог купить любой желающий. Зал был полон, публика очень живо реагировала на слова писательницы.

Предлагаем подборку наиболее ярких высказываний Светланы Алексиевич на встрече.

Нам интересно, как не сходили с ума от того, что убили столько людей

Тот документ, которым я занимаюсь, это не о том, сколько воевало, сколько эшелонов подорвано. А о том, что люди чувствовали. И когда рассказывают люди, они не просто какие-то радиопередатчики, они актеры и творцы. Чтобы добиться как можно большего приближения к реальности, я расспрашиваю сотни людей, и создается высокая температура рассказа, где факт сжигается...

Я занимаюсь историей, которую история как наука обычно пропускает... человеческой душой,

чувствами, переживаниями. Мне кажется, что это самое главное. Нам уже сегодня совершенно не интересно, какие там были фронты, что там происходило, а интересно, что испытывал молодой человек, когда он первый раз убил. Как люди не сходили с ума от того, что столько убивали. Нам интересно человеческое.

Мне один наш историк сказал: «Светлана, вы подрываете основы нашей профессии». А я думаю, что у нас просто разные пространства для работы. Я прихожу к человеку и говорю с ним как с другом.

Правда не помещается в один ум

Я выросла в деревне, мои родители — сельские учителя. После войны в белорусской деревне, где мы жили (это родина моего отца), были только женщины, мужчины погибли. Каждый четвертый белорус погиб. И я даже маленькая помню, что на улице было очень интересно. Эти старые женщины вечером собирались на скамейках, сидели, разговаривали о своих мужьях, о войне, плакали. В доме было много книг, но слушать женщин было интереснее.

Всю жизнь я помню тональность этих рассказов. Я закончила факультет журналистики и потом долго искала себя. Сколько я ездила, я постоянно имела ощущение, что с живыми людьми намного интереснее разговаривать. Это было советское время, печать была партийно-идеологической. Но если ты ночуешь в деревне и начинаешь вечером говорить с хозяйкой, это были впечатляющие часы. Надо сказать о славянской традиции, которая есть и в России, и в Украине, и в Беларуси.

Рассказывать, плакать, говорить друг с другом — это целое искусство.

Такая традиция записывать существовала еще со времен Первой мировой войны. Но это были такие записи разговоров с ранеными, попытки такой устной истории. А потом в Беларуси вышла книга Алеся Адамовича и еще двух писателей, но идея была Алеся Адамовича. Они записали людей, которые остались чудом живы, когда немцы сжигали деревни. И когда я прочитала эту книгу, я сразу услышала голоса своей деревни. Было ощущение, что вот он — путь, так как до этого меня очень мучило, что правда не вмещается в одно сознание, в один ум. А вот из этих голосов ощущение, что это роман.

Сейчас мне человеческий разговор нравится больше, чем книги. Очень жаль, сколько романов исчезает, пропадает вместе с людьми.

Из землянки нельзя одной выбежать «по нужде» — изнасилуют

У поколения в этой книге («У войны не женское лицо». — РС) было две темы, которые они обходили — Сталин и секс. Казалось бы, уже началась перестройка, менялась жизнь, а все равно Сталин — это было что-то, с чем они не могли расстаться, как со своей молодостью. Видимо, таких людей, как они, которые так верили в идеалы революции, уже больше никогда не было и не будет. Это люди, которые в 16–17 лет убегали на фронт. И когда я спрашиваю, что вы брали с собой, они говорили — «чемодан шоколадных конфет». Это было такое наивное, чистое поколение. Даже

сегодня не понять. Все было, и ГУЛАГ проходил рядом с их сознанием, но была эта вера.

И уже понимают с возрастом, когда жизнь изменилась, что их идеалы не совсем соответствовали реальности, но им все равно не хочется с этим расстаться, как не хочется расстаться, даже если человек разлюбил, с образом любимого человека.

И тема секса — это тема, на которую с первой беседы никогда не говорили. На шестой, седьмой раз ко мне появлялось доверие. «Светочка, а это только для тебя, писать это не надо. Ты же знаешь, какие мужчины, четыре года без женщины, им было трудно».

Они начинали рассказывать, как днем ты этого мужчину тащишь из боя, из огня, а вечером боишься выбежать из землянки по нужде, потому что если ты сделаешь это в одиночку, тебя просто изнасилуют...

Девушка рассказывала, как она оказалась в госпитале, а соседки ей говорят: «Что ты все время машешь руками?» — «Когда я живу в палатке с мужчинами, то один лезет ночью, то второй, я то одному дам по морде, то второму. Так сплю и машу руками».

Некоторые осознанно выбирали одного какого-то офицера, чтобы уже кому-то одному принадлежать. Особенно трагической была судьба в партизанах, где вообще никакого контроля. Командир отряда был бог. Что хотел, то и делал с женщинами. Именно война обнажала эти отношения между женщиной и женщиной. Тот уровень отношения к женщине, который был в то время.

Но им все равно так не хотелось об этом говорить, и они больше хотели говорить, когда получалась настоящая любовь. Тут уже существовала целая мифология.

После войны получилось, что мужчины — герои, а женщины — проститутки

После войны, женщины говорят, им было страшнее, чем на войне. Они говорят: мы пришли после войны и думали, что мы такие же герои, как и мужчины, мы спасли страну. А общество патриархальное, оно тут же разделило: мужчины — герои, а вы — самое бранное слово, проститутки. После войны мужчин было мало, и началась война за мужчин, охота. И, конечно, женщины, которые четыре года были на войне, разучились носить туфли, платья, не были такие легкие и улыбчивые, так как они видели много страшного...

Есть время порывов, когда люди оказываются выше самих себя. И есть просто жизнь, более грубая, более реальная. В этой жизни никакие героини были не нужны. От одной женщины, героини с орденами, знаменитой, которая вышла замуж на войне, после войны муж ушел и сказал: «Пойду искать нормальную женщину, чтобы от нее не воняло сапогами».

Этих женщин предало и государство, и мужчины.

Современный писатель не может говорить, что убивать — это хорошо

Есть такой конкурс в России — «Большая книга». Я тоже была там среди претендентов. Там

был такой писатель Прилепин. Первое, что он стал говорить, это как воюют русские люди в Донбассе, какие они герои. У нас на публике был разговор, и я ему сказала, что современный писатель не может говорить, что убивать — это хорошо.

Я видела войну в Афганистане, когда ездила и писала книгу, разговаривала в Киеве с беженцами из Донбасса. Человек не может любить войну. Мы сейчас живем в таком времени, что можно сказать, что мы снова вступили в эпоху варварства. Опять эпоха силы началась. У нас невозможно включить телевизор. Очень много русских каналов идет в Беларуси, где я живу, и там все время диктор в восторге — новый русский самолет, новая русская подводная лодка.

Недавно я сижу в очереди к зубному врачу и слышу, как мужчины говорят друг с другом: «Ты понимаешь, какое оружие сейчас у русских, за полторы тысячи километров в Сирии кого-то убили». Это такое восхищение... Рядом сидели мужчины, и было видно, что им нравится этот разговор, нравится, что это сильное оружие у русских. Но я не видела ни одной женщины в очереди, которой бы это нравилось.

Мне кажется, что мужчины — заложники культуры войны. Вся культура войны делается мужчинами и для мужчин.

Они как-то навязывают нам это мышление. А для меня это варварство.

Убивать надо идеи, а не людей.

Развязать гражданскую войну на нашей территории очень просто

Современная реальность предлагает нам новые формы войны. Мы в руках безумных фанатиков-одиночек. Мне кажется, все равно нужно говорить о ценности человеческой жизни.

Современный человек не хочет умирать.

Когда я была в Украине и без конца спрашивала, кто воюет, кто идет воевать, я слышала, что люди шли воевать из-за денег. Всегда найдутся люди с уголовным сознанием... В России в основном такие люди там воевали. Конечно, там гражданская война, которую развязала Россия, а развязать гражданскую войну на нашей территории очень просто.

Даже в Беларусь можно отправить военный отряд, как это было сделано на Донбассе, и столкнуть поляков с белорусами. Это легко сделать.

Палачи и жертвы перемешались

Есть знаменитый спор в русской литературе между Солженицыным и Шаламовым. Оба они просидели в сталинских лагерях... Идея Солженицына была, что лагерь делает человека сильным, очищает. А Шаламов говорил, что лагерь развращает и палача, и жертву. После того как пала империя, мы видим, что палачи и жертвы перемешались. У них у всех опыт развращенности. Что такое добро, что такое зло — уже люди не различают.

... Зло рассыпано по миру, оно в жизни каждого из нас. Каждому надо делать выбор, и каждый делает его наедине. Вот тут литература может помочь.

Вступительное слово Сары Даниус к нобелевской лекции: Алексиевич — исследователь катастроф и чувств

7 декабря 2015

Вступительное слово к нобелевской лекции Светланы Алексиевич в Биржевом зале Шведской академии 7 декабря 2015 года произнесла постоянный секретарь Академии Сара Даниус. Перевод со шведского Сергея Шупы.

Дамы и господа! Рада приветствовать вас в Шведской академии!

Прошло уже два месяца с того дня в начале октября, когда именно здесь, в Биржевом зале, множество журналистов собралось за несколько минут до первого часа пополудни, чтобы узнать, кто получит премию. Я открыла дверь, поднялась на подиум и какой-то момент стояла молча. Потом я начала говорить, и когда я сказала слово «белорусская», зал взорвался радостью.

Разумеется, все хотели узнать больше о нынешнем лауреате Нобелевской премии по литературе, Светлане Алексиевич. Где она родилась? Где она выросла? Что она такого написала? С чего было начать? Действительно ли она журналистка, и если да — то какая, может, какого-то нового типа? Или, может, она представляет новый тип литературы факта? Я ходила от одного журналиста к другому, тридцать секунд здесь, три минуты там, и часа через три торжество закончилось.

Тем временем я не переставала думать о больших вопросах, которые постепенно возникали за малыми. Никто мне их не задавал. Большие вопросы касаются «красного человека», взлета и падения советского человека. А за этими вопросами возникали еще бóльшие. Почему нас вообще должна волновать история о взлете и падении «красного человека»? Ведь его империя исчезла. Большой эксперимент продолжительностью в семь десятилетий был похоронен. А «красного человека» постепенно начал сменять другой человек, чье имя мы еще и не знаем. Нам его не хватает? Или скорее: почему он должен нас волновать?

Алексиевич поставила перед собой задачу общаться с людьми. Общаться, чтобы услышать, что у них есть рассказать. И она хочет это сделать, пока еще не поздно. Кроме того, здесь всегда речь шла о людях, о которых история вообще бы не узнала, если бы они случайно не попались Алексиевич, если бы не случилось так, что она решила написать об истории женщин во Второй мировой войне, обо всех тех женщинах, целом миллионе, которые добровольно пошли на войну. Что мы о них знали? И если я скажу вам, что два миллиона русскоязычных читателей купили эту книгу, вы можете быть уверены, что даже там люди особенно не знали об этих советских участницах войны. В войну они были санинструкторами, снайперами, артиллеристками, зенитчицами, сапёрами, летчицами... Теперь они были финансистками, лабораторными ассистентками, экскурсоводами, учительницами... Официальная версия Второй мировой войны была такой, какой хотел ее видеть советский че-

ловек. Алексиевич показала, как было в действительности. И это бывает тяжело воспринимать.

А что мы знали о детях всех тех взрослых, мужчин и женщин, которые пошли на войну? Или обо всем том множестве солдат, которые отправились на десятилетнюю войну в Афганистане? Или обо всех тех, кто вернулся в Чернобыль через десять лет после катастрофы, часто в условиях смертельной опасности, чтобы жить дальше? Или обо всех тех людях, всех тех *homo sovieticus*'ах, которых выбросило на берег, когда закончился Советский Союз, одних — растерянных, других — напуганных, иных — настроенных скептически. Некоторые из них по-прежнему верят в *homo sovieticus*'а, другие уже давно перестали.

Мы имеем перед собой подведение итога тех катастроф, которые наложили отпечаток на жизнь «красного человека», от революции 1917 года до коллапса советского коммунизма.

Творчество Алексиевич нужно рассматривать с двоякой точки зрения. С одной стороны, она хотела сказать что-то о «красном человеке», обо всем том опыте, который сделал его таким, каким он есть. С другой стороны, она хотела подождать, пока начнет проявляться настоящий человеческий опыт, свободный от штампов и искаженных версий истории. Где-то здесь мы начинаем приближаться к ключевому моменту.

Ей нужны катастрофы, но ей также нужны эмоции. Если бы катастрофы были лишь инструментом, ей хватило бы одной, этого было бы достаточно. И если бы чувства, которые она искала, были банальны, тоже было бы достаточно одной

книги. Катастрофа указывает путь, как и чувство, хотя каждый раз в другом направлении.

Я задумываюсь над книгой «У войны не женское лицо». У нее большое преимущество: она рассматривает исторический опыт, пережитый уже в далеком от нас времени, и поэтому нам кажется, что мы знаем о нем много. Но уже только начав читать эту книгу, начинаешь понимать, что здесь тебя ждет что-то новое. Во-первых, что целый миллион женщин добровольно пошли на войну, которая называлась Великой отечественной. Во-вторых, что это женское участие способствовало изменению восприятия войны. И в-третьих, что эти участницы и их опыт впоследствии были унижены: мужчин прославляли как героев, а женщинам не осталось ничего. Их не воспринимали серьезно. После войны считалось, что они были проститутками, и относились к ним соответственно.

Когда появилась Алексиевич — тогда от конца войны прошло лет тридцать пять — когда появилась Алексиевич и захотела узнать, как все, собственно говоря, было, она встречала иногда уважение, иногда недоверие. Но требовалось еще много часов самоотверженной работы. Она слушала один раз, два, три, часто и больше — пока наконец не приходил тот волшебный момент, когда человек раскрывал завесы тайны и рассказывал, что чувствуешь, когда первый раз убиваешь человека, когда видишь, как твой друг падает, пробитый вражеской пулей, когда ходишь в сапогах на много размеров больше и таскаешь на себе раненые тела, когда при этом следишь за прической, завиваешь волосы, когда стреляешь метче

мужчин... Все это, оставшееся далеко в прошлом, Алексиевич представляет нам в бесхитростном и при этом многоголосом описании.

Кто бы мог это сделать? Алексиевич отдала своему творчеству почти сорок лет. Она сама называет своих предшественников. Это и великий белорусский писатель Алесь Адамович (1927–1994) — вместе с коллегами он описал Ленинград времен блокады, которая была во Вторую мировую войну и для кошмарного множества людей кончилась голодной смертью — голод был вызван врагом. Это и медсестра-писательница Софья Федорченко, которая за много лет до того, во время Первой мировой войны, оказалась на фронте и описала то, что говорили друг другу русские солдаты, когда думали, что их никто не слышит — они не знали, что за спиной у них медсестра, безымянная и занятая своими делами, на самом деле сидит, слушает и записывает то, что ей удастся услышать. Так что, конечно, предшественники были. Если немножко расширить перспективу, мы заметим и таких историков, как американец Стадс Теркел, который умер в 96 лет всего несколько лет назад и который считается одним из основоположников того, что мы сейчас называем *oral history*, устная история.

Алексиевич сама относится к Адамовичу с глубоким уважением и не раз отмечала его важность для своего проекта. Но она — и я подозреваю, что она сама не согласится с этим — сделала несколько шагов дальше. Она хочет разговаривать с людьми, и я вкладываю в эти слова самый глубокий и широкий смысл. Она любит слово живых людей, все

то, что исчезает, когда собеседник покидает этот мир. Она не хочет иметь дело с фотографиями, дневниками, письмами, газетами, местами событий. Она хочет иметь дело только со словом человека, и поэтому она возвращается. И не только это: она отбрасывает все лишнее и оставляет только ядро, сердцевину. Она ничего не добавляет. Она отнимает. Мы узнаем, как человека зовут, сколько ему лет, чем он занимается — но кроме этого больше почти ничего. И так мы наконец имеем перед собой хоровое произведение, где отдельные голоса связаны между собой. Вот в чем наибольшее достижение Алексиевич.

Но перед писателем остается большой вопрос исторического опыта человека. Почему это нас должно волновать? Алексиевич исследовала одну катастрофу за другой. Она дала оценку Второй мировой войне с точки зрения женщин, которые в ней участвовали. Она исследовала, как войну в Афганистане пережили мужчины и их матери. Она написала об ужасной чернобыльской катастрофе и о том, как она повлияла на тех, кто вернулся в Зону через десять лет. И она проследила за всеми теми людьми, которые так или иначе пережили падение советского коммунизма. Все это — исторические катастрофы. Ни один человек не остается после них цел и невредим, ничего больше в его жизни не будет таким, как раньше.

Почему нам это нужно? Потому что Алексиевич рассказывает что-то о нас самих, о людях, которыми мы, возможно, являемся или могли бы быть, о нас — людях, стоящих на краю истории. Она рассказывает об истории чувства, которое

уплотняется в результате одной катастрофы за другой, о целом регистре чувств человека, который страдает, и особенно о любви, об отчаянной любви к тем, кто когда-то был рядом с нами, к детям, которых мы потеряли, к мужу или жене, к родителям, о раненой любви ко всем тем людям, которых с нами больше нет.

Она рассказывает также о другой любви, об отчаянной любви к родине, любви, которую мы, возможно, хотели бы воспринимать как дар из других времен, но которая, возможно, совсем таким даром не является, о чувстве, которое больше, чем что-то другое, говорит нам что-то о требовании родины к нам: не спрашивай, что страна может сделать для тебя, спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны. И именно здесь, в раненой любви к родине, Алексиевич тоже находит своих современников, всех тех людей, которые так долго жили в надежде на другую, лучшую страну.

Светлана Алексиевич. Нобелевская лекция

7 декабря 2015

Светлана Алексиевич выступила с нобелевской лекцией по литературе в Шведской академии.

О проигранной битве

Я стою на этой трибуне не одна... Вокруг меня голоса, сотни голосов, они всегда со мной. С моего детства. Я жила в деревне. Мы, дети, любили играть на улице, но вечером нас, как магнитом, тянуло к скамейкам, на которых собирались возле своих домов или хат, как говорят у нас, уставшие бабы. Ни у кого из них не было мужей, отцов, братьев, я не помню мужчин после войны в нашей деревне — во время Второй мировой войны в Беларуси на фронте и в партизанах погиб каждый четвертый белорус. Наш детский мир после войны — это был мир женщин. Больше всего мне запомнилось, что женщины говорили не о смерти, а о любви. Рассказывали, как прощались в последний день с любимыми, как ждали их, как до сих пор ждут. Уже годы прошли, а они ждали: «пусть без рук, без ног вернется, я его на руках носить буду». Без рук... без ног... Кажется, я с детства знала, что такое любовь...

Вот только несколько печальных мелодий из хора, который я слышу...

Первый голос:

«Зачем тебе это знать? Это так печально. Я своего мужа на войне встретила. Была танкисткой. До Берлина дошла. Помню, как стоим, он еще мне не муж тогда был, возле рейхстага, и он мне говорит: “Давай поженимся. Я тебя люблю”. А меня такая обида взяла после этих слов — мы всю войну в грязи, в пыли, в крови, вокруг один мат. Я ему отвечаю: “Ты сначала сделай из меня женщину: дари цветы, говори ласковые слова, вот я демобилизуюсь и платье себе пошью”. Мне даже ударить хотелось его от обиды. Он это все почувствовал, а у него одна щека была обожжена, в рубцах, и я вижу на этих рубцах слезы. “Хорошо, я выйду за тебя замуж”. Сказала так... сама не поверила, что это сказала... Вокруг сажа, битый кирпич, одним словом, война вокруг...»

Второй голос:

«Жили мы около Чернобыльской атомной станции. Я работала кондитером, пирожки лепила. А мой муж был пожарником. Мы только поженились, ходили даже в магазин, взявшись за руки. В день, когда взорвался реактор, муж как раз дежурил в пожарной части. Они поехали на вызов в своих рубашках, домашней одежде, взрыв на атомной станции, а им никакой спецодежды не выдали. Так мы жили... Вы знаете... Всю ночь они тушили пожар и получили радиодозы, несовместимые с жизнью. Утром их на самолете сразу увезли в Москву. Острая лучевая болезнь... человек живет всего несколько недель... Мой сильный был, спортсмен, умер последний. Когда я приехала, мне сказали, что он лежит в специальном

боксе, туда никого не пускают. “Я его люблю”, — просила я. — “Их там солдаты обслуживают. Куда ты?” — “Люблю”. — Меня уговаривали: “Это уже не любимый человек, а объект, подлежащий деактивации. Понимаешь?” А я одно себе твердила: люблю, люблю... Ночью по пожарной лестнице поднималась к нему... Или ночью вахтеров просила, деньги им платила, чтобы меня пропустили... Я его не оставила, до конца была с ним... После его смерти... через несколько месяцев родила девочку, она прожила всего несколько дней. Она... Мы ее так ждали, а я ее убила... Она меня спасла, весь радиоудар она приняла на себя. Такая маленькая... Крохотулечка... Но я любила их двоих. Разве можно убить любовью? Почему это рядом — любовь и смерть? Всегда они вместе. Кто мне объяснит? Ползаю у могилы на коленках...»

Третий голос:

«Как я первый раз убил немца... Мне было десять лет, партизаны уже брали меня с собой на задания. Этот немец лежал раненый... Мне сказали забрать у него пистолет, я подбежал, а немец вцепился в пистолет двумя руками и водит перед моим лицом. Но он не успевает первым выстрелить, успеваю я...

Я не испугался, что убил... И в войну его не вспоминал. Вокруг было много убитых, мы жили среди убитых. Я удивился, когда через много лет вдруг появился сон об этом немце. Это было неожиданно... Сон приходил и приходил ко мне... То я лечу, и он меня не пускает. Вот поднимаешься... Летишь... летишь... Он догоняет, и я падаю вместе с ним. Проваливаюсь в какую-то яму. То я хочу

встать... подняться... А он не дает... Из-за него я не могу улететь...

Один и тот же сон... Он преследовал меня десятилетиями лет...

Я не могу своему сыну рассказать об этом сне. Сын был маленький — я не мог, читал ему сказки. Сын уже вырос — все равно не могу...»

Флобер говорил о себе, что он человек-перо, я могу сказать о себе, что я человек-ухо. Когда я иду по улице и ко мне прорываются какие-то слова, фразы, восклицания, всегда думаю: сколько же романов бесследно исчезают во времени. В темноте. Есть та часть человеческой жизни — разговорная, которую нам не удастся отвоевать для литературы. Мы ее еще не оценили, не удивлены и не восхищены ею. Меня же она заорожила и сделала своей пленницей. Я люблю, как говорит человек... Люблю одинокий человеческий голос. Это моя самая большая любовь и страсть.

Мой путь на эту трибуну был длиной почти в сорок лет — от человека к человеку, от голоса к голосу. Не могу сказать, что он всегда был мне под силу, этот путь — много раз я была потрясена и испугана человеком, испытывала восторг и отвращение, хотелось забыть то, что я услышала, вернуться в то время, когда была еще в неведении. Плакать от радости, что я увидела человека прекрасным, я тоже не раз хотела.

Я жила в стране, где нас с детства учили умирать. Учили смерти. Нам говорили, что человек существует, чтобы отдать себя, чтобы сгореть, чтобы пожертвовать собой. Учили любить человека с ружьем. Если бы я выросла в другой стране, то я

бы не смогла пройти этот путь. Зло беспощадно, к нему нужно иметь прививку. Но мы выросли среди палачей и жертв. Пусть наши родители жили в страхе и не все нам рассказывали, а чаще ничего не рассказывали, но сам воздух нашей жизни был отравлен этим. Зло все время подглядывало за нами.

Я написала пять книг, но мне кажется, что все это одна книга. Книга об истории одной утопии...

Варлам Шаламов писал: «Я был участником огромной проигранной битвы за действительное обновление человечества». Я восстанавливаю историю этой битвы, ее победы и ее поражения. Как хотели построить Царство Небесное на земле. Рай! Город солнца! А кончилось тем, что осталось море крови, миллионы загубленных человеческих жизней. Но было время, когда ни одна политическая идея XX века не была сравнима с коммунизмом (и с Октябрьской революцией как ее символом), не притягивала западных интеллектуалов и людей во всем мире сильнее и ярче. Раймон Арон называл русскую революцию «опиумом для интеллектуалов». Идее о коммунизме по меньшей мере две тысячи лет. Найдем ее у Платона — в учениях об идеальном и правильном государстве, у Аристофана — в мечтах о времени, когда «все станет общим»... У Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы... Позже у Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Что-то есть в русском духе такое, что заставило попытаться сделать эти грезы реальностью.

Двадцать лет назад мы проводили «красную» империю с проклятиями и со слезами. Сегодня уже можем посмотреть на недавнюю историю

спокойно, как на исторический опыт. Это важно, потому что споры о социализме не утихают до сих пор. Выросло новое поколение, у которого другая картина мира, но немало молодых людей опять читают Маркса и Ленина. В русских городах открывают музеи Сталина, ставят ему памятники.

«Красной» империи нет, а «красный» человек остался. Продолжается.

Мой отец, он недавно умер, до конца был верующим коммунистом. Хранил свой партийный билет. Я никогда не могу произнести слово «совок», тогда мне пришлось бы так назвать своего отца, родных, знакомых людей. Друзей. Они все оттуда — из социализма. Среди них много идеалистов. Романтиков. Сегодня их называют по-другому — романтики рабства. Рабы утопии. Я думаю, что все они могли бы прожить другую жизнь, но прожили советскую. Почему? Ответ на этот вопрос я долго искала — изъездила огромную страну, которая недавно называлась СССР, записала тысячи пленок. То был социализм и была просто наша жизнь. По крупичкам, по крохам я собирала историю «домашнего», «внутреннего» социализма. То, как он жил в человеческой душе. Меня привлекало вот это маленькое пространство — человек... один человек. На самом деле там все и происходит.

Сразу после войны Теодор Адорно был потрясен: «Писать стихи после Освенцима — это варварство». Мой учитель Алесь Адамович, чье имя хочу назвать сегодня с благодарностью, тоже считал, что писать прозу о кошмарах XX века кощунственно. Тут нельзя выдумывать. Правду нужно

давать, как она есть. Требуется «сверхлитература». Говорить должен свидетель. Можно вспомнить и Ницше с его словами, что ни один художник не выдержит реальности. Не поднимет ее.

Всегда меня мучило, что правда не вмещается в одно сердце, в один ум. Что она какая-то раздробленная, ее много, она разная и рассыпана в мире. У Достоевского есть мысль, что человечество знает о себе больше, гораздо больше, чем оно успело зафиксировать в литературе. Что делаю я? Я собираю повседневность чувств, мыслей, слов. Собираю жизнь своего времени. Меня интересует история души. Быт души. То, что большая история обычно пропускает, к чему она высокомерна. Занимаюсь пропущенной историей. Не раз слышала и сейчас слышу, что это не литература, это документ. А что такое литература сегодня? Кто ответит на этот вопрос? Мы живем быстрее, чем раньше. Содержание рвет форму. Ломает и меняет ее. Все выходит из своих берегов: и музыка, и живопись, и в документе слово вырывается за пределы документа. Нет границ между фактом и вымыслом, одно перетекает в другое. Даже свидетель не беспристрастен. Рассказывая, человек творит, он борется со временем, как скульптор с мрамором. Он — актер и творец.

Меня интересует маленький человек. Маленький большой человек, так я бы сказала, потому что страдания его увеличивают. Он сам в моих книгах рассказывает свою маленькую историю, а вместе со своей историей и большую. Что произошло и происходит с нами, еще не осмыслено, надо выговорить. Для начала хотя бы выговорить. Мы

этого боимся, пока не в состоянии справиться со своим прошлым. У Достоевского в «Бесах» Шатов говорит Ставрогину перед началом беседы: «Мы два существа и сошлись в беспредельности... в последний раз в мире. Оставьте ваш тон и возьмите человеческий! Заговорите хоть раз... голосом человеческим».

Приблизительно так начинаются у меня разговоры с моими героями. Конечно, человек говорит из своего времени, он не может говорить из ниоткуда! Но пробиться к человеческой душе трудно, она замусорена суевериями века, его пристрастиями и обманами. Телевизором и газетами.

Мне хотелось бы взять несколько страниц из своих дневников, чтобы показать, как двигалось время... как умирала идея... Как я шла по ее следам...

1980–1985 гг.

Пишу книгу о войне... Почему о войне? Потому что мы военные люди — мы или воевали, или готовились к войне. Если присмотреться, то мы все думаем по-военному. Дома, на улице. Поэтому у нас так дешево стоит человеческая жизнь. Всё как на войне.

Начинала с сомнений. Ну, еще одна книга о войне... Зачем?

В одной из журналистских поездок встретила женщину, она была на войне санинструктором. Рассказала: шли они зимой через Ладожское озеро, противник заметил движение и начал обстреливать. Кони, люди уходили под лед. Происходило все ночью, и она, как ей показалось, схватила и

стала тащить к берегу раненого. «Ташу его мокрого, голого, думала, одежду сорвало, — рассказывала. — А на берегу обнаружила, что притащила огромную раненую белугу. И загнула такого трехэтажного мата — люди страдают, а звери, птицы, рыбы — за что?» В другой поездке услышала рассказ санинструктора кавалерийского эскадрона, как во время боя притащила она в воронку раненого немца, но что это немец, обнаружила уже в воронке, нога у него перебита, истекает кровью. Это же враг! Что делать? Там наверху свои ребята гибнут! Но она перевязывает этого немца и ползет дальше. Притаскивает русского солдата, он в бессознании, когда приходит в сознание, хочет убить немца, а тот, когда приходит в сознание, хватается за автомат и хочет убить русского. «То одному по морде дам, то другому. Ноги у нас, — вспоминала, — все в крови. Кровь перемешалась».

Это была война, которую я не знала. Женская война. Не о героях. Не о том, как одни люди героически убивали других людей. Запомнилось женское причитание: «Идешь после боя по полю. А они лежат... Все молодые, такие красивые. Лежат и в небо смотрят. И тех, и других жалко». Вот это «и тех, и других» подсказало мне, о чем будет моя книга. О том, что война — это убийство. Так это осталось в женской памяти. Только что человек улыбался, курил — и уже его нет. Больше всего женщины говорят об исчезновении, о том, как быстро на войне все превращается в ничто. И человек, и человеческое время. Да, они сами просились на фронт, в 17–18 лет, но убивать не хотели.

А умереть были готовы. Умереть за Родину. Из истории слов не выкинешь — за Сталина тоже.

Книгу два года не печатали, ее не печатали до перестройки. До Горбачева. «После вашей книги никто не пойдет воевать, — учил меня цензор. — Ваша война страшная. Почему у вас нет героев?» Героев я не искала. Я писала историю через рассказ никем не замеченного ее свидетеля и участника. Его никто никогда не спрашивал. Что думают люди, просто люди о великих идеях — мы не знаем. Сразу после войны человек бы рассказал одну войну, через десятки лет другую, конечно, у него что-то меняется, потому что он складывает в воспоминания всю свою жизнь. Всего себя. То, как он жил эти годы, что читал, видел, кого встретил. Во что верит. Наконец, счастлив он или не счастлив. Документы — живые существа, они меняются вместе с нами...

Но я абсолютно уверена, что таких девчонок, как военные девчонки 41-го года, больше никогда не будет. Это было самое высокое время «красной» идеи, даже выше, чем революция и Ленин. Их Победа до сих пор заслоняет собой ГУЛАГ. Я бесконечно люблю этих девчонок. Но с ними нельзя было поговорить о Сталине, о том, как после войны составы с победителями шли в Сибирь, с теми, кто был посмелее. Остальные вернулись и молчали. Однажды я услышала: «Свободными мы были только в войну. На передовой». Наш главный капитал — страдание. Не нефть, не газ — страдание. Это единственное, что мы постоянно добываем. Все время ищу ответ: почему наши страдания не конвертируются в свободу? Неужели они

напрасные? Прав был Чаадаев: Россия — страна без памяти, пространство тотальной амнезии, девственное сознание для критики и рефлексии.

Великие книги валяются под ногами...

1989 г.

Я — в Кабуле. Я не хотела больше писать о войне. Но вот я на настоящей войне. Из газеты «Правда»: «Мы помогаем братскому афганскому народу строить социализм». Всюду люди войны, вещи войны. Время войны.

Меня вчера не взяли в бой: «Оставайтесь в гостинице, барышня. Отвечай потом за вас». Я сижу в гостинице и думаю: что-то есть безнравственное в разглядывании чужого мужества и риска. Вторую неделю я уже здесь и не могу отделаться от чувства, что война — порождение мужской природы, для меня непостижимой. Но будничность войны грандиозна. Открыла для себя, что оружие красиво: автоматы, мины, танки. Человек много думал над тем, как лучше убить другого человека. Вечный спор между истиной и красотой. Мне показали новую итальянскую мину, моя «женская» реакция: «Красивая. Почему она красивая?». По-военному мне точно объяснили, что если на эту мину наехать или наступить вот так... под таким-то углом... от человека останется полведра мяса. О ненормальном здесь говорят как о нормальном, само собой разумеющемся. Мол, война... Никто не сходит с ума от этих картин, что вот лежит на земле человек, убитый не стихией, не роком, а другим человеком.

Видела загрузку «черного тюльпана» (самолет, который увозит на Родину цинковые гробы с погибшими). Мертвых часто одевают в старую военную форму еще сороковых годов, с галифе, бывает, что и этой формы не хватает. Солдаты переговаривались между собой: «В холодильник привезли новых убитых. Как будто несвежим кабаном пахнет». Буду об этом писать. Боюсь, что дома мне не поверят. В наших газетах пишут об аллеях дружбы, которые сажают советские солдаты.

Разговариваю с ребятами, многие приехали добровольно. Попросились сюда. Заметила, что большинство из семей интеллигенции — учителей, врачей, библиотекарей — одним словом, книжных людей. Искренне мечтали помочь афганскому народу строить социализм. Сейчас смеются над собой. Показали мне место в аэропорту, где лежали сотни цинковых гробов, таинственно блестели на солнце. Офицер, сопровождавший меня, не сдержался: «Может, тут и мой гроб... Засунут туда... А за что я тут воюю?» Тут же испугался своих слов: «Вы это не записывайте».

Ночью мне снились убитые, у всех были удивленные лица: как это я убит? Неужели я убит?

Вместе с медсестрами ездила в госпиталь для мирных афганцев, мы возили детям подарки. Детские игрушки, конфеты, печенье. Мне досталось штук пять плюшевых мишек. Приехали в госпиталь — длинный барак, из постели и белья у всех только одеяла. Ко мне подошла молодая афганка с ребенком на руках, хотела что-то сказать, за десять лет тут все научились немного говорить по-русски, я дала ребенку игрушку, он взял ее зу-

бами. «Почему зубами?» — удивилась я. Афганка сдернула одеялко с маленького тельца, мальчик был без обеих рук. — «Это твои русские бомбили». Кто-то удержал меня, я падала...

Я видела, как наш «Град» превращает кишлаки в перепаханное поле. Была на афганском кладбище, длинном, как кишлак. Где-то посредине кладбища кричала старая афганка. Я вспомнила, как в деревне под Минском вносили в дом цинковый гроб и как выла мать. Это не человеческий крик был и не звериный... Похожий на тот, что я слышала на кабульском кладбище...

Признаюсь, я не сразу стала свободной. Я была искренней со своими героями, и они доверяли мне. У каждого из нас был свой путь к свободе. До Афганистана я верила в социализм с человеческим лицом. Оттуда вернулась свободной от всех иллюзий. «Прости меня, отец, — сказала я при встрече, — ты воспитал меня с верой в коммунистические идеалы, но достаточно один раз увидеть, как недавние советские школьники, которых вы с мамой учите (мои родители были сельские учителя), на чужой земле убивают неизвестных им людей, чтобы все твои слова превратились в прах. Мы убийцы, папа, понимаешь?!» Отец заплакал.

Из Афганистана возвращалось много свободных людей. Но у меня есть и другой пример. Там, в Афганистане, парень мне кричал: «Что ты, женщина, можешь понять о войне? Разве люди так умирают на войне, как в книгах и кино? Там они умирают красиво, а у меня вчера друга убили, пуля попала в голову. Он еще метров десять бежал и ловил свои мозги...» А через семь лет этот

же парень — теперь удачливый бизнесмен, любит рассказывать об Афгане, — позвонил мне: «Зачем твои книги? Они слишком страшные». Это уже был другой человек, не тот, которого я встретила среди смерти и который не хотел умирать в двадцать лет...

Я спрашивала себя, какую книгу о войне я хотела бы написать. Хотела бы написать о человеке, который не стреляет, не может выстрелить в другого человека, кому сама мысль о войне приносит страдание. Где он? Я его не встретила.

1990–1997 гг.

Русская литература интересна тем, что она единственная может рассказать об уникальном опыте, через который прошла когда-то огромная страна. У меня часто спрашивают: почему вы все время пишете о трагическом? Потому что мы так живем. Хотя мы живем теперь в разных странах, но везде живет «красный» человек. Из той жизни, с теми воспоминаниями.

Долго не хотела писать о Чернобыле. Я не знала, как об этом написать, с каким инструментом и откуда подступиться. Имя моей маленькой, затерянной в Европе страны, о которой мир раньше почти ничего не слышал, зазвучало на всех языках, а мы, белорусы, стали чернобыльским народом. Первыми прикоснулись к неведомому. Стало ясно: кроме коммунистических, национальных и новых религиозных вызовов, впереди нас ждут более свирепые и тотальные, но пока еще скрытые от глаза. Что-то уже после Чернобыля приоткрылось...

В памяти осталось, как старый таксист отчаянно выругался, когда голубь ударился в лобовое стекло: «За день две-три птицы разбиваются. А в газетах пишут — ситуация под контролем».

В городских парках сгребали листья и увозили за город, там листья хоронили. Срезали землю с зараженных пятен и тоже хоронили — землю хоронили в земле. Хоронили дрова, траву. У всех были немного сумасшедшие лица. Рассказывал старый пасечник: «Вышел утром в сад, чего-то не хватает, какого-то знакомого звука. Ни одной пчелы... Не слышно ни одной пчелы. Ни одной! Что? Что такое? И на второй день они не вылетели, и на третий... Потом нам сообщили, что на атомной станции — авария, а она рядом. Но долго мы ничего не знали. Пчелы знали, а мы нет». Чернобыльская информация в газетах была сплошь из военных слов: взрыв, герои, солдаты, эвакуация... На самой станции работало КГБ. Искали шпионов и диверсантов, ходили слухи, что авария — запланированная акция западных спецслужб, чтобы подорвать лагерь социализма. По направлению к Чернобылю двигалась военная техника, ехали солдаты. Система действовала как обычно, по-военному, но солдат с новеньким автоматом в этом новом мире был трагичен. Все, что он мог, — набрать большие радиодозы и умереть, когда вернется домой.

На моих глазах дочернобыльский человек превращался в чернобыльского.

Радиацию нельзя было увидеть, потрогать, услышать ее запах... Такой знакомый и незнакомый мир уже окружал нас. Когда я поехала в зону,

мне быстро объяснили: цветы рвать нельзя, садиться на траву нельзя, воду из колодца не пить... Смерть таилась повсюду, но это уже была какая-то другая смерть. Под новыми масками. В незнакомом обличье. Старые люди, пережившие войну, опять уезжали в эвакуацию — смотрели на небо: «Солнце светит... Нет ни дыма, ни газа. Не стреляют. Ну разве это война? А надо становиться беженцами».

Утром все жадно хватали газеты и тут же откладывали их с разочарованием — шпионов не нашли. О врагах народа не пишут. Мир без шпионов и врагов народа был тоже не знаком. Начиналось что-то новое. Чернобыль вслед за Афганистаном делал нас свободными людьми.

Для меня мир раздвинулся. В зоне я не чувствовала себя ни белорусской, ни русской, ни украинкой, а представителем биовида, который может быть уничтожен. Совпали две катастрофы: социальная — уходила под воду социалистическая Атлантида, и космическая — Чернобыль. Падение империи волновало всех: люди были озабочены днем и бытом, на что купить и как выжить? Во что верить? Под какие знамена снова встать? Или надо учиться жить без большой идеи? Последнее никому не знакомо, потому что еще никогда так не жили. Перед «красным» человеком стояли сотни вопросов, он переживал их в одиночестве. Никогда он не был так одинок, как в первые дни свободы. Вокруг меня были потрясенные люди. Я их слушала...

Закрываю свой дневник...

Что с нами произошло, когда империя пала? Раньше мир делился: палачи и жертвы — это ГУ-ЛАГ, братья и сестры — это война, электорат — это технологии, современный мир. Раньше наш мир еще делился на тех, кто сидел и кто сажал, сегодня деление на славянофилов и западников, на национал-предателей и патриотов. А еще на тех, кто может купить и кто не может купить. Последнее, я бы сказала, самое жестокое испытание после социализма, потому что недавно все были равны. «Красный» человек так и не смог войти в то царство свободы, о которой мечтал на кухне. Россию разделили без него, он остался ни с чем. Униженный и обворованный. Агрессивный и опасный.

Что я слышала, когда ездила по России...

— Модернизация у нас возможна путем шарашек и расстрелов.

— Русский человек вроде бы и не хочет быть богатым, даже боится. Что же он хочет? А он всегда хочет одного: чтобы кто-то другой не стал богатым. Богаче, чем он.

— Честного человека у нас не найдешь, а святые есть.

— Непоротых поколений нам не дожидаться; русский человек не понимает свободу, ему нужен казак и плеть.

— Два главных русских слова: война и тюрьма. Своровал, погулял, сел... вышел и опять сел...

— Русская жизнь должна быть злая, ничтожная, тогда душа поднимается, она осознает, что не принадлежит этому миру... Чем грязнее и кровавее, тем больше для нее простора...

— Для новой революции нет ни сил, ни какого-то сумасшествия. Куража нет. Русскому человеку нужна такая идея, чтобы мороз по коже...

— Так наша жизнь и болтается — между бардаком и баракком. Коммунизм не умер, труп жив.

Беру на себя смелость сказать, что мы упустили свой шанс, который у нас был в 90-ые годы. На вопрос: какой должна быть страна — сильной или достойной, где людям хорошо жить, выбрали первое — сильной. Сейчас опять время силы. Русские воюют с украинцами. С братьями. У меня отец — белорус, мать — украинка. И так у многих. Русские самолеты бомбят Сирию...

Время надежды сменило время страха. Время повернуло вспять... Время second-hand...

Теперь я не уверена, что дописала историю «красного» человека...

У меня три дома — моя белорусская земля, родина моего отца, где я прожила всю жизнь, Украина, родина моей мамы, где я родилась, и великая русская культура, без которой я себя не представляю. Они мне все дороги. Но трудно в наше время говорить о любви.

Прощальное слово с оттенком нафталина

7 декабря 2015

Сергей Дубовец, Минск

Лучшее, что могла показать и показала Светлана Алексиевич в своей нобелевской лекции, это себя такую, какая она есть, а не такую, которую кто-то хотел увидеть.

Она действительно советский человек, как и ее герои. Она только перестала или перестает быть «красным человеком». Из лекции мы так и не поняли, имеет для нее смысл независимая страна Беларусь, которую она представляет, или нет.

Она не простилась с Россией, чтобы полностью прийти к Беларуси. Она и не планирует этого делать, ибо «русская культура» ее создала, а Беларусь — только «моя земля».

В этом смысле нобелевская лекция прозвучала как прощание Алексиевич с собой вчерашней. По духу это была вчерашняя лекция с оттенком нафталина. Писательница действительно похожа на Лукашенко с его непреодолимыми комплексами «большой русской культуры» и Беларуси как «куска земли».

Лекция показала, что этот Нобель в понимании лауреата — персонально для Алексиевич, а не для Беларуси — независимой европейской страны с собственной культурой. Но высокий статус с меткой нашей страны дается навсегда. Возможно, после этой прощальной лекции мы услышим когда-нибудь и приветственную, завтрашнюю, обращенную к новой Беларуси, ее культуре и языку.

«Она очень смелая и добрая» — Алексиевич посетила школу в эмигрантском пригороде Стокгольма

9 декабря 2015

Александра Дынько, Стокгольм

Белорусскую писательницу ученики школы Ринкебю ждали утром в библиотеке. Подготовили традиционный концерт, рассказали, что думают о ее произведениях, нарисовали к ним иллюстрации и портрет Светланы, который торжественно вручили ей после встречи.

В событии не было ничего пафосного, разве что для нобелевского лауреата выбрали стул, отличный от других. Никаких официальных выступлений или речей от учителей и директора не было — главными героями действительно были дети, и было понятно — все делается ими и вместе с ними.

Школа в Ринкебю обычная и необычная. В пригороде селятся беженцы, поэтому для многих из учеников шведский язык не родной, а их семьи приехали из совершенно разных стран и частей мира. Во многих семьях свои истории войны и спасения от нее. В этом году встретиться с нобелевским лауреатом впервые пригласили и учеников из классов с особенностями развития.

«Конечно, наша жизнь очень несовершенна. За границами Швеции много войн. Конечно, человек не создан, чтобы убивать другого. Это варварство, как бы красиво это ни называли, — после

мероприятия Светлана Алексиевич обратилась к ученикам. — Я желаю, чтобы у вас в жизни этого никогда не случилось. Жизнь сама по себе очень интересна. Не сдавайтесь жизни. Всегда старайтесь добиваться большего. Потому что это очень интересно — идти дальше, быть сильным и добрым. Будьте счастливы».

«Я очень нервничала и волновалась, у меня даже коленки дрожали», — рассказывает ученица Сехер. «Очень было здорово ее увидеть», — говорит ее подруга Баба. На вопрос, каким человеком показалась им писательница, обе девочки одновременно говорят: «Смелая». «Очень смелая. И в то же время добрая».

Нобелевские лауреаты приходят в эту школу уже 27-й раз. Проект «Нобелевский лауреат в Ринкебю» под лозунгом «Однажды ты можешь получить Нобелевскую премию» придумала писательница Гунилла Лундгрэн, ведет его она вместе с художницей Лоттой Сильверхельм.

«Было здорово! — делится впечатлениями от встречи Гунилла. — Дети смогли высказать свои мнения, и они отнеслись к этому очень серьезно. Замечательно, что Светлана выделила время, чтобы сесть вместе с ними и поговорить. Это был настоящий разговор. Не ритуал и не представление, а искренняя встреча».

Сама встреча с писателем — это лишь кульминация долгой и профессиональной работы с текстами.

«Мы прочитали много историй из “Цинковых мальчиков” и из “Последних свидетелей”, — рассказывает Гунилла. — Не все из них могут хорошо

читать, поэтому я сначала читала им сама. Но некоторые читали сами, и они просили еще и еще. И потом они делали иллюстрации к историям, которые выбирали сами».

Переводы к детским презентациям выполнила переводчица Лидия Стародубцева. Сама родом из Карелии, Лидия уже четыре года живет на юге Швеции и преподает шведский язык иммигрантам:

«Мне кажется, тексты Светланы Алексиевич в таком контексте очень хорошо работают, так как многие из детей, которые учатся в этой школе и приходят в эту библиотеку, либо сами пережили сложные события, связанные с войной, бегством от войны, или растут в семьях, где родители пережили нечто подобное. И это очень заметно в тех текстах, которые написали дети. Они проводят параллели между своей жизнью и тем, о чем писала Светлана», — рассказывает Лидия.

Директор школы Анника Пинтон на вопрос, зачем детям встречаться с нобелевским лауреатом, говорит, что это наилучшее образование.

«Это важно, чтобы дети понимали, зачем им нужно образование. Светлана сегодня нашла для этого прекрасные слова, что вы должны найти цель, понять, что вы хотите делать, и тогда вы будете счастливы. А не только скучная школа, где вас что-то заставляют делать. Мы любим этот проект. Они каждый год так многому учатся от этих встреч, мы видим, как они растут», — говорит Анника.

«Это важно прежде всего для этих детей, для этой школы, для этой библиотеки, чтобы почув-

ствовать, что они находятся в общем культурном контексте, а не представляют собой гетто. Ведь многие представляют себе такие иммигрантские районы как гетто, где ничего не происходит и не может происходить, — считает переводчица Лидия. — Важно и то, что нобелевский лауреат сюда приезжает и видит, что Швеция — это не только Grand Hôtel, не только Шведская академия, но абсолютно другая жизнь буквально в десяти километрах от центра».

Швеция традиционно принимает много беженцев, больше, чем другие страны. Я спрашиваю у Лидии, как шведам удается с этим справляться.

«Мы посмотрим, насколько все будут оставаться людьми после этой новейшей волны. В связи с затяжным конфликтом в Сирии беженцев в Швеции становится все больше и больше, и климат здесь в отношении к ним все более жесткий, — отвечает она. — Мне кажется, что в Скандинавии такие сильные традиции гуманизма, демократии и участливого отношения человека к человеку, что этого надолго хватает. Социальная система так хорошо устроена, что у человека есть возможность получить необходимую помощь. Я работаю в системе языковой интеграции, и эта система работает не идеально. Но я вижу, что большинство людей, которые в этом участвуют, и профессионально, и на уровне энтузиастов, готовы сделать очень много для того, чтобы эта система работала. Мне кажется, на человеческом ресурсе можно довольно много сделать».

Ринкебю — это бедный пригород, где живет много беженцев, повторяет Гунилла Лундгрэн.

«Но Ринкебю — это межнациональная часть Стокгольма. Здесь живут люди разных национальностей, говорящие на разных языках. Мы должны гордиться тем, что в Ринкебю звучат все эти языки. А Нобелевская премия — международная, — говорит писательница. — Мы можем быть впереди всех с таким проектом, и я говорю это детям. Мы никогда не говорим о проблемах, хотя многие из них действительно бежали от войны. Мы говорим о современном, о том, как нам создавать мир, полный знаний».

«Вы хотите быть нобелевскими лауреатами?» — спрашиваю я Сехер и Бабу с помощью перевода Лидии. «Да!» — восторженно отвечают девушки. — «А почему?» — «Это весело!»

«Что, я должна была кричать “Жыве Беларусь!” и скакать на коне?»

9 декабря 2015

Александра Дынько, Стокгольм

Светлана Алексиевич попросила корреспондента Радыё Свабода в Стокгольме передать ее критикам:

«Объясните своим “героям”, что писатель должен говорить на своем языке, а не делать митинг из нобелевской лекции. Что я — должна кричать “Жыве Беларусь!”? Скакать на коне? Скажите об этом от меня. Я все сказала, но как писатель. В банкетной речи будет о Беларуси».

Эту просьбу Светлана Александровна высказала, находясь в районе Стокгольма, где живут мигранты. Сюда она пришла на встречу с детьми.

Некоторые пользователи социальных сетей после нобелевской лекции Алексиевич критиковали ее за русскоязычное выступление и недостаточное внимание к Беларуси.

10 декабря 2015 года в Стокгольме
король Швеции Карл XVI Густав
вручил Светлане Алексиевич
Нобелевскую премию.

Фото АРР

Фото AFP

SVENSKA AKADEMIEN
har vid sin sammankomst den
8 oktober 2015 i överensstämmelse
med föreskrifterna i det av

ALFRED NOBEL

den 27 november 1895 upprättade
testamentet beslutat att 2015 års
Nobelpris i litteratur skall tilldelas

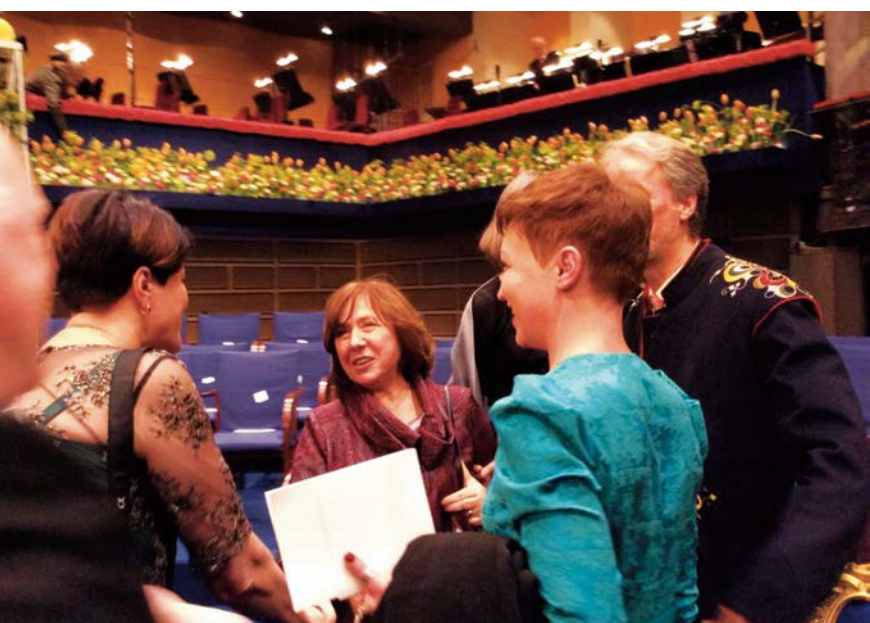
**SVETLANA
ALEKSIJEVIČ**

”för hennes mångstämmiga
verk ett monument över
lidande och mod i vår tid”

• STOCKHOLM DEN 10 DECEMBER 2015 •

Hans B. Jön

Sven Dammås

Светлана Алексиевич получила Нобелевскую премию

10 декабря 2015

Александра Дынько, Стокгольм

Белорусская писательница получила Нобелевскую премию из рук шведского короля Карла XVI Густава.

Награждение состоялось в Стокгольмском концертном зале. Сначала выступила председатель норвежского Нобелевского комитета Каси Кульманн Фиве, а потом король Швеции Карл XVI Густав вручил каждому лауреату специальную медаль с изображением Альфреда Нобеля и диплом. В 21.00 по белорусскому времени — банкет в Голубом зале Стокгольмской ратуши. «В банкетной речи будет о Беларуси», — сказала лауреат Нобелевской премии по литературе Светлана Алексиевич журналистам накануне, 9 декабря, отвечая на упреки тех, кто критиковал ее нобелевскую лекцию.

Выступление председателя Нобелевского комитета по литературе Пера Вестберга

10 декабря 2015

Шведский писатель Пер Вестберг, председатель Нобелевского комитета по литературе, выступил с представлением Светланы Алексиевич на церемонии вручения Нобелевской премии. Перевод Алексея Знаткевича.

Ваши Величества, Ваши Королевские Высочества, уважаемые нобелевские лауреаты, дамы и господа!

Альфред Нобель хотел, чтобы эту премию получал тот, кто создаст наиболее выдающееся произведение идеалистической направленности. Светлана Алексиевич отвечает этому требованию.

«Голоса Утопии» — пять ее книг, описывающих катастрофы XX века — это литературный и нравственный шедевр Алексиевич, картография ментальной истории советского гражданина, связанной для нее с могилами, кровопролитием и бесконечным диалогом между палачами и жертвами, в котором все, что можно, утаивается. Она говорит, что эти произведения — о сдавленном крике России, о прошлом, которое не должно вернуться, о неприемлемом настоящем и о будущем, которое не дает надежды.

Как стенографист в суде высшей инстанции, она перечисляет несправедливости, постигшие неподготовленных и незащитных. Здесь слова

тысяч свидетелей, прозвучавшие первый и единственный раз. Без нее они никогда бы не увидели света.

Она ищет момент, который потрясает личность до самой сути. Как в «Чернобыльской молитве», когда медсестра предупреждает женщину, что ее любимый уже реактор, а не человек, но женщина игнорирует предупреждение, и радиация от тела мужчины убивает ребенка, которого она носит в себе. Книга становится предупреждением о том, как излучение прошлого десятилетиями диктует наши жизни, нашу мораль.

В книге «У войны не женское лицо» Алексиевич расспрашивает пятьсот из бесчисленных женщин, служивших в Красной армии. Они рассказывают, как немцы из окопов показывали отрезанные ноги пленных, о матери, которая утопила своего ребенка, чтобы его плач не выдал деревню, и о том, как женщины делали бигуди из сосновых шишек. А потом дома на них смотрели как на солдатских потаскух, и семьи от них отказывались. Мужчины были героями, а женщинам медалей не давали.

Алексиевич раскрывает обличье зла через процесс обретения истины, в котором «пламя сжигает ложь», и через язык, передающий между строк молчание боли. Она ждет, пока голоса не поселятся в ней и не зазвучат яснее. Это делает ее наиболее чуткой среди современных историков и новатором в избранном ею жанре.

Своей сухой прозаичностью, своими усилиями держать глаза открытыми, а не полными слез, она тревожит нас, своих читателей, — особенно теперь, в год потока беженцев, когда ее истории

упорства и мужества беспомощных более актуальны, чем когда-либо. Воспитанная в культуре печали, точнее говоря — близ «минных лесов» Беларуси, страны, где был убит каждый четвертый — она питает любовь к маленьким людям, а не к великим идеям.

Устный рассказ — это источник литературы. С помощью памяти люди сохраняют очертания своего бытия. Дать истории облик и сделать людей видимыми, одного за другим — это великодушное действие, которое документалистика оставляет в наследство будущему, а также непревзойденное в своем роде художественное достижение.

Используя как свое тайное оружие опросы и слушание, Алексиевич проникает в чувства тех, кто был обойден вниманием истории. Она находит любовь и смерть, жажду власти и неожиданную солидарность. Она называет себя историком души. Предмет ее изучения — тайна человека.

Алексиевич объединяет точность историка с эмпатией поэта в плаче, в котором отзывается эхом весь возможный опыт. Она — детектор лжи и неисчерпаемый источник знаний о послушании как проклятии и о пропаганде как искушении — одним словом, о «человеческом состоянии». Ведь, как она убеждает нас, «есть только один выход — начать любить людей, понимать их с помощью любви».

(по-русски) Уважаемая Светлана Алексиевич, Шведская академия поздравляет вас и просит принять Нобелевскую премию этого года в области литературы из рук Его Величества Короля.

© The Nobel Foundation, 2015

В Стокгольме состоялся нобелевский банкет

10 декабря 2015

Церемония присуждения Нобелевских премий 2015 года завершилась банкетом в Голубом зале Стокгольмской ратуши.

На торжественном банкете в Голубом зале Стокгольмской ратуши Светлана Алексиевич, как и другие нобелевские лауреаты, сидела вместе с членами королевской семьи и влиятельными политиками.

Слева от Алексиевич — Сванте Линдквист, риксмаршал (руководитель придворного ведомства) Швеции, а по правую руку от писательницы — Михаэль Сольман, бывший исполнительный директор Нобелевского фонда.

Место первого белорусского нобелевского лауреата — за четыре кресла от принцессы Софии и за семь кресел от короля Швеции Карла XVI Густава (он сидит по другую сторону стола). А напротив Светланы Алексиевич — министр по делам науки Канады Кристин Дункан, премьер-министр Швеции Стефан Лёвен и спикер шведского парламента Урбан Алин.

Банкетная речь Светланы Алексиевич

10 декабря 2015

Светлана Алексиевич выступила с речью на банкете в Голубом зале Стокгольмской ратуши, которым закончились торжества нобелевской недели.

Я благодарю Шведскую академию за высокую награду, которую не смею себе присвоить, я понимаю ее как поклон многим поколениям советских людей, которые еще недавно жили вместе в огромной стране СССР — марксистской лаборатории светлого будущего. Как поклон их страданиям, их боли. Они уходили в небытие в сталинских лагерях на шахтах Магадана и Воркуты, получали пулю в затылок в застенках НКВД, погибали на фронтах Второй мировой войны и на других войнах, которые вела империя. Великая идея безжалостно пожирала своих детей. Идеям не бывает больно. Жалко людей.

В перестройку мы мечтали о свободе, а оказались совсем в другой точке истории. На постсоветском пространстве вместо свободы расцвел авторитаризм разных мастей — русский, белорусский, казахский... Медленно и неуверенно выбираемся из-под обломков «красной» империи. Одна из героинь моей книги «Время second-hand», у которой вся семья была выслана в Сибирь и там погибла, со слезами на глазах пела, когда мы сидели у нее на кухне:

Утро красит нежным цветом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля...
Кипучая,
Могучая,
Никем не победимая,
Страна моя,
Москва моя,
Ты самая любимая...

Прошлое не выпускало ее из своих хищных объятий. Ее научили верить. В ней все еще жила та девочка, у которой Сталин когда-то забрал все, а она все равно верила. Во что?

Я хочу рассказать о моей стране — Беларуси. В Минске в аэропорту, когда я летела в Варшаву, ко мне подошли две молодые девушки, они плакали: «Спасибо вам! Понимаете, мы теперь есть! Теперь все знают, где Беларусь». Это спасибо я передаю всем вам. После августовского путча 91-го года, когда Беларусь получила независимость, уже выросло несколько поколений. У каждого из них была своя революция, они выходили на Площадь, они хотели жить в свободной стране, их избивали, отправляли в тюрьмы, выгоняли из институтов, увольняли с работы. Наша революция не победила, но герои революции у нас есть.

Свобода — это не быстрый праздник, как мы мечтали. Это путь. Долгий. Теперь мы это знаем.

Мы все живем в общем мире. Он называется — Земля. В этом нашем мире стало неуютно. Включаешь телевизор, и там, захлебываясь от восторга,

диктор рассказывает о новых военных самолетах, кораблях... На русском, английском и других языках. Опять наступила эпоха варварства. Эпоха силы. Демократия отступает. Вспоминаются 90-е годы... Тогда всем нам казалось — и вам, и нам, что мы вступили в безопасный мир. Я помню диалоги Горбачева с Далай-ламой о будущем, о конце истории... Сегодня все это кажется красивой сказкой. Теперь мы свидетели новой схватки добра и зла. Свидетели и участники.

Что может искусство? Цель искусства — накапливать человека в человеке. Но когда я была на войне в Афганистане, и теперь, когда разговаривала в Украине с беженцами из Донбасса, я слышала, как быстро слетает с человека культура и выползает чудовище. Обнажается зверь... Но я пишу... продолжаю писать... Пишу, как учили меня мои учителя, белорусские писатели Алесь Адамович и Василь Быков, которых в этот день я хотела бы с благодарностью вспомнить. Как учила меня моя украинская бабушка, которая в детстве мне читала «Кобзаря» Тараса Шевченко наизусть. Пишу, зачем? Меня называют писателем катастроф, это неправда, я все время ищу слова любви. Ненависть нас не спасет. Только любовь. Я надеюсь...

На прощание я хотела бы, чтобы в этом прекрасном зале прозвучала белорусская речь, речь моего народа:

У адной беларускай вёсачыцы старая жанчына праводзіла мяне са словамі: «Хутка мы разыйдземся з табой у розныя бакі. Дзякуй табе, што ты слухала мяне і панясеш маю больку людзям.

Прашу цябе, калі пойдзеш, агляніся на маю хатку не адзін, а два разы. Другі раз чалавек аглядваецца не на чужынцы, а ўжо з сэрцам...»

Я хочу поблагодарить вас за ваше сердце, за то, что вы слышали нашу боль.

© The Nobel Foundation, 2015

Белорусский Нобель как прощание с фантомами

11 декабря 2015

Сергей Дубовец, Минск

Услышав белорусскую притчу в заключительной речи Светланы Алексиевич в Стокгольме, я заплакал.

Так бывает, когда надежда сбывается. А именно такая надежда была у меня после нобелевской лекции. Это была надежда на сближение позиций — единственное, что позволит нам... не выжить... «Выживать — это любой ценой, а жить — это все-таки более или менее честно» (Янка Брыль).

В преднобелевском интервью Алексиевич говорила, что главное для Беларуси — чтобы общество пришло в движение. Но общество придет в движение, если захочет большего, чем оно имеет. Население Беларуси имеет большой потенциал такого хотения — стать народом — нормальным, современным, европейским, при этом со своей уникальной культурой. Не сомневаюсь, что Светлана Алексиевич хочет того же.

Она искала и не нашла место советскому человеку в современных раскладах. Где его место? В СССР с его великой идеей и всем тем светлым, что помнится? Но на месте СССР — теперь РФ, где нет не то что света, но и отблесков света того, прежнего.

Алексиевич чувствует, что она стоит перед необходимостью идентификации. Выйти из совет-

ского человека и остаться «просто человеком» не получается. Она — белорусская писательница, которая представляет в мире Беларусь и белорусов. Почему это важно? Потому что общество должно прийти в движение. То, как есть и куда все идет «само», не устраивает, так как это катастрофа.

В приветственном слове исчез фантом «великой русской культуры» — как признак светлого советского человека. Исчез, так как он не существует без Великой России (как великая немецкая культура не существует без Великой Германии). Белорусская притча Алексиевич, на которой я заплакал, ничем не ближе к «русской культуре» Достоевского и Чехова, чем к культуре Реймонта или Акутагавы или Авижюса, как и Достоевский с Чеховым ничем не ближе к Белову с Распутиным, чем к Кафке или Сартру или Фолкнеру с Маркесом. Наконец, мне, читателю Алексиевич, проще увидеть ее корни в произведениях Адамовича, Горецкого и в Баркулабовской хронике, чем в книгах Распутина и Белова, даже Чехова с Достоевским. Но будущие интерпретаторы белорусского Нобеля сделают это лучше меня. И лучше Алексиевич.

Алексиевич приближается к Беларуси. Это чисто этический шаг, но он безальтернативный. Альтернатива — идти в ту сторону, которой нет.

«Коварство» ситуации в том, что полученный Алексиевич белорусский Нобель уже живет своей жизнью. У него хорошее будущее. Как у десятков литературных Нобелей разных стран и культур, имена и сочинения владельцев которых давно забыты. Колоссальная возможность ситуации в том, что шаг Алексиевич в сторону Беларуси мо-

жет стать реактивным толчком для нашей культуры, а возможно, и для общества, которое должно прийти в движение.

Новое слово нобелистки прозвучало драматически, но было обращено в будущее и не имело того нафталинового оттенка, который послышался мне в предыдущей лекции. Пропало и основание для сравнения Алексиевич с Лукашенко — именно фантомным советским человеком, который 20 лет держит людей в иллюзии, что они все еще живут в СССР.

Кто-то после слов на нобелевском банкете заметил: «Слава богу, что я живу не в эпоху Лукашенко, а в эпоху Алексиевич». Эти слова — благодарность писательнице, способной объединить моральное большинство общества, которое *«другі раз аглядваеца не на чужыныцы, а ўжо з сэрцам...»*

Дмитрий Плакс: Светлана Алексиевич расставила акценты по-своему

11 декабря 2015

Ян Максимюк, Прага

Писатель и переводчик Дмитрий Плакс, режиссер и драматург радиотеатра Шведского национального радио, о том, как Светлана Алексиевич нарушила этикет и регламент нобелевской церемонии.

Радые Свабода: Дмитрий, что вы думаете о вчерашней речи Светланы Алексиевич во время нобелевского банкета в Стокгольме?

Плакс: Светлана Алексиевич, как всегда, очень ответственно относится к тому, что она говорит. И она, как всегда, очень точно расставляет акценты. Мне кажется, что главное и в ее нобелевской лекции, и в банкетной речи — это акценты.

Здесь на многое можно обратить внимание. Начну с того, что она отвергла общепринятый дресс-код и пришла на нобелевский банкет не в вечернем наряде, а так, как ей было удобнее. Я не знаю, случалось ли такое когда-либо прежде.

То, что она не обратилась к королю, начиная свою речь, — это тоже что-то, вряд ли случавшееся ранее.

Ну, и еще она нарушила регламент, выступая дольше, чем предписано.

Что касается содержания, я думаю, вы сами понимаете, как там все было продуманно.

Радыё Свабода: Речи других лауреатов были, если можно так сказать, калибром полегче. Они рассказывали о каких-то семейных делах, о детстве и учебе в школе... А банкетная речь Светланы Алексиевич была серьезной — и по своей форме, и по содержанию. Она произносила эту речь так, как будто читала нобелевскую лекцию. Или это, по-вашему, тоже было продумано и запланировано?

Плакс: Безусловно. Мне кажется, что она ничего не делает случайно, особенно по таким поводам, как нынешний. И это тоже, как я понимаю, нарушение регламента. Ведь как раз банкетные речи должны быть короткими, легкими, типа «спасибо королю», «спасибо Швеции», «спасибо всем гостям банкета», «мне здесь так приятно», и вдобавок какой-нибудь анекдот из личной жизни. Я думаю, она планировала что-то другое с самого начала. Она выбрала, на мой взгляд, очень концептуальный подход. В нобелевской лекции она говорила о себе, а в банкетной речи — обо всем остальном, что для нее важно.

Радыё Свабода: По-вашему, Светлана Алексиевич привезла эту банкетную речь из Минска или писала ее уже где-то там на месте, в Стокгольме?

Плакс: Я в этом не ориентируюсь очень хорошо. Я знаю, что текст нобелевской лекции надо было написать в Минске, так как конечный срок был 21 ноября или что-то в этом роде. Насчет банкетной речи я точно не знаю, но, зная Светлану, я могу себе представить, что она переписывала ее и дорабатывала до последнего момента. Потому что она так работает — шлифует свои тексты до самого последнего момента.

Трактор от Алексиевич

12 декабря 2015

Дмитрий Бартосик, Минск

Передача из цикла «Путешествия Свободы».

Нобелевская премия по литературе обладает магией волшебной палочки. Причем именно литературная, а не научная.

Потому что книги лауреата, в отличие от научного открытия, можно сразу начать читать. А в места, где литератор рос и воспитывался и которые повлияли на его мировоззрение, можно поехать хоть завтра. И эти места, какими бы неинтересными они ни были вчера, после прикосновения волшебной нобелевской палочки приобретают новые черты.

Дорога среди вымерших полесских деревень становится другой. Ведь это Ее дорога. Не сомневаюсь, что когда-нибудь в Копаткевичи и Ивашковичи поедут литературные туристы. Всем советую из столицы ехать через Любань и Новоселки. Путь короче и узнаешь больше. А в Новоселках вас ждет настоящее открытие. Возможно, лучший памятник партизанам в Беларуси. По крайней мере, меня этот памятник просто ошеломил. Я остановился и стоял перед ним четверть часа. Монумент представляет собой три огромные человеческие фигуры. Каждая высотой с трехэтажный дом. Бетонные богатыри не стоят статично, а показаны в динамике. Три гиганта с суровыми лицами выходят из леса на большую дорогу.

И обычная школа в Копаткевичах, которую окончила в 1965 году Светлана Алексиевич, тоже благодаря волшебному Нобелю перестает быть просто обычной школой. Кстати, школа действительно необычная. Школа выпустила календарик на будущий год, посвященный нобелевскому лауреату. А на доске объявлений на самом видном месте висит информация о знаменитой выпускнице.

Эту работу делает учительница белорусского языка Наталья Калитько.

— Наши учителя всегда поддерживали интерес к ее личности. Хотя по программе она не изучалась особо. Всегда обращали внимание учеников, что у нас была такая выпускница. Есть и стенд, посвященный ей. Наши дети ее знают.

Как много зависит для воспитания чувства Родины от преподавателя белорусского языка и литературы. Белорусский язык Светлане Алексиевич преподавала Александра Антонишина.

— Математику она не любила, белорусский язык она не очень уважала тоже. Она целую сумку, книг десять, таскала с собой. Иногда у меня на уроке читала. Я читала ее книги. Тяжело читаются. Она описывала наихудшие эпизоды. Выбирала таких людей, кто пережил много. О партизанах отзывалась очень плохо. Это неправильно. Партизаны тоже были люди хорошие. Наши Копаткевичи в войну сожгли. Так партизаны обрабатывали огороды. А то, что одежду сдирали... Так люди же сами не давали. Придут немцы, так им от страха давали все. И партизану ничего не дадут. Что им оставалось делать? Надо было грабить!

Партизаны много сделали хорошего. Правда, из-за них людей жгли. Но что поделаешь? Это война.

Представьте себе уроки белорусской литературы без Короткевича и Стрельцова. Без Бородулина и Адамчика. Без Быкова и Адамовича. Потому что они появятся в школьной программе позже. А вот что было. И что не могло не отразиться в памяти юной Светы Алексиевич.

— До нее никак не доходило, что такое «образ народа». Образ отдельного героя — это она понимала. А общий образ не доходил до нее. Это же один народ. Русский и белорусский. Все так считают. Был один и остался один.

А еще волшебная нобелевская палочка прекрасно раскрывает людей. Послушаем слова старой учительницы в адрес своей знаменитой ученицы.

— Я удивляюсь, как она получила Нобелевскую премию. За то, что клеветала на Советский Союз. Выбирала худшее. Почему она хорошее не выбирала? Пусть бы она и одно, и другое описывала. Зачем самое худшее?

Алексиевичи жили в Ивашковичах. В школу Светлана ходила с подружкой, Надеждой Шут. Надежда всю жизнь проработала сельским библиотекарем. И всю жизнь пропагандировала творчество своей подружки.

— Она в самодеятельности участвовала и песни даже писала. Мы пели ее песни.

Колхозные руководители построили в Ивашковичах агроусадьбу. Называется «Матчына хата». Домики в той усадьбе сделаны из срубов хат, где никто уже не живет. Но дом, где жила семья Алексиевич, колхозные власти разрушили и закопали.

И его не воскресит никакая волшебная палочка. В поселке Осовец, где Алексиевичи жили после Ивашкович, тоже не осталось ничего памятного — ни дома, ни школы, где писательница работала свой первый трудовой год.

И это очень меня обрадовало. Я даже нахожу в этом тоже вмешательство волшебной силы. Потому что нечего здесь делать туристам. Ну не слушать же откровения бывших учителей Осовецкой школы. Например, вот такие. От бывшей директрисы, Галины Крысько. Тоже преподавательницы родного языка.

— Как вы восприняли новость о Нобеле?

— Отрицательно. Она как с Народным фронтом связалась, так не ездит к нам. С Быковым, я знаю, она связалась. Быкова я уважаю как писателя. Но его поведение! Отрицательное! Как можно пойти писателю в Народный фронт?! Как можно против народа своего выступать?

Ох, получил бы Быков от Галины Григорьевны по поведению двойку. Но были же золотые времена в Осовецкой школе!

— Мы создали первый в районе музей Ленина! У нас был сделан шалаш. И Ленин был сделан. Сидел на пеньке и писал. Как в большом музее. И мавзолей был сделан!

— А из чего же вы сделали Ленина?

— Вырезали. На пеньке сидел. В одежде. Все как надо.

Жаль, что осовецкий филиал музея мадам Тюссо разрушен. Впрочем, и Нобелевскую премию дали «не по адресу». Какой писательницей

могла бы быть сама Галина Крысько! Если бы не этот мавзолей.

— «У войны не женское лицо» тяжело читается. У нее нет идеи какой-то. Через каждые пять листов новый рассказчик. Так я тоже так писала! Сяду, оформлю, и будет та же книга!

Василий Мартинович, бывший учитель труда, тот самый «папа Карло», который из полена вырезал Ленина, видит секрет Нобеля Алексиевич в душевной дружбе Светланы Александровны с Зеноном Пазыняком.

— Пусть на здоровье получает. Она же работала для этого. Если бы она не уехала во Францию, то не дали бы ей. Есть же и умнее. Но так она нас клевала, клевала. Россию и Белоруссию. Она же с этим Пазыняком все время. Они бэнээфовцы. Ну вот, почему-то дали. Ну, для нас, для Белоруссии, неплохо.

А жена г-на Мартиновича, Анна, секрет успеха Алексиевич находит в сговоре не с Пазыняком, а с Лукашенко. Только не в книгах писательницы.

— Она сама виновата. Она могла бы еще бóльшим авторитетом пользоваться. Если бы она жила в Белоруссии. Писала бы о белорусах. Она выбрала себе такой путь. Конечно, радостно, что Нобелевскую премию дали ей. Но у нее немного книг. Есть писатели, у которых произведения сильнее. Нобелевскую премию она получила из-за того, что много у нее высказываний было о Лукашенко. Но, как бы там ни было, я довольна. Пусть будет у нас в Белоруссии Нобелевская премия.

А бывшая учительница истории Галина Кисель видит причину Нобеля Алексиевич в жидомасонском заговоре...

— Я с этой семьей очень дружила. Отец очень хороший. Но выяснилось однажды, что они все-таки евреи! А я евреев не уважаю. Что они творят в мире? Царские власти не подпускали евреев близко к Москве и Питеру. Вот почему их так много на окраинах. Особенно в Белоруссии. Почему сейчас все российские олигархи евреи? Как и в Штатах!

Так как же «открылась тайна еврейства» Светланы Алексиевич? Оказывается, приехал из Мозыря школьный инспектор. И услышал, как Алексиевич-старшая преподавала осовецким детишкам вместо немецкого языка идиш! А я-то, наивный, думал, что антисемитский бред остался в далеком прошлом.

— Был Зеленин, инспектор. Он сам из Новосибирска. Он не сдержался после ее урока. Шел и кричал: «Как вы смеете на еврейском языке преподавать!»

Алексиевич называет героя своей последней книги «красным человеком». Этому осовецкому человеку мне трудно подобрать цвет.

— Со Светой я поддружиwała. У нас разница небольшая в возрасте. Но мне лично ее книги не нравятся. Не мое. Не наше! Сейчас Нобелевскую премию выдают Штаты. Своим друзьям. За что Горбачеву дали? За то, что Союз развалил. За что Обама дали? За то и Алексиевич дали. Чтобы клеветала на нас. Как можно не любить Родину? Она позорит нас своей премией.

Тайная еврейка, которая, подружившись с Зеноном Пазыняком, связалась с Василем Быковым, чтобы вступить в Народный фронт, чтобы потом получить Нобелевскую премию от Барака Обамы за то, что «клеветает» на Лукашенко. После всего услышанного на родине героини мне очень хотелось отсюда как можно скорее сбежать. Потому что сам уже стал беспокоиться за свое психическое здоровье. Чтобы узнать короткую дорогу, я зашел в машинно-тракторный парк местного СПК, где курили трактористы и механики. Неинтеллигентные, грубые мужики с мозолистыми мазутными руками. Здесь и состоялся диалог, который легче представить себе на минской кухне.

— Вы не знаете Светлану Алексиевич?

— Конечно, знаем.

— У меня даже две книги ее есть. «Цинковые мальчишки», «У войны не женское лицо».

— Теперь белорусы практически ничего не показывают о ней. А по спутнику, по каналу «Белсат» я смотрел, как ее награждали. Нобелевская премия! Это же первый раз такое в Беларуси!

— Мать немецкий язык преподавала, а отец работал военруком.

— И о ней ничего наши новости не показывают. Ничего! А на «Белсате» будет все.

— Вы рады?

— Рады, конечно. Землячка.

— Пусть бы в родной колхоз с того миллиона купила трактор. А мы бы написали на нем «Светлана Алексиевич».

— Это как раньше на танках писали?

— Да, на тракторе бы написали.

Действительно, если на фронте были танки «от Любви Орловой», почему бы не быть трактору «от Светланы Алексиевич»? Есть люди, которые этого заслуживают.

Война и мир Светланы Алексиевич

12 декабря 2015

Что мы услышали с нобелевской трибуны, объединит ли премия белорусов и приведет ли общество в движение? Об этом в передаче «Зона Свободы» на телеканале «Белсат» дискутировали журналисты Радыё Свабода Александра Дынько, Ян Максимюк и Сергей Наумчик. Ведущая Алена Тиханович.

«Беру на себя смелость сказать, что мы упустили свой шанс, который у нас был в 90-е годы. На вопрос: какой должна быть страна — сильной или достойной, где людям хорошо жить, выбрали первое — сильной. Сейчас опять время силы. Русские воюют с украинцами. С братьями. У меня отец — белорус, мать — украинка. И так у многих. Русские самолеты бомбят Сирию... Время надежды сменило время страха. Время повернуло вспять... Время second-hand...»

Тиханович: Это фрагмент нобелевской лекции. Война и мир, и человек Светланы Алексиевич...

Первая в истории независимой Беларуси Нобелевская премия стала заслугой писательницы Светланы Алексиевич. Может быть, потому, что она первая — так много внимания и требовательности к героине в обществе, а с другой стороны, в лагере первого президента так много растерянности и демонстративного невнимания. Так с чем нас, белорусов, можно поздравить? Можно ли го-

ворить, что нация обрела свой новый моральный авторитет? Первый вопрос Александре Дынько, сопровождающей писательницу на протяжении всей нобелевской недели. Какие у вас впечатления от атмосферы, от торжества, как вы восприняли Алексиевич в новом качестве?

Дынько: Вы знаете, эти мероприятия, проходящие во время нобелевской недели — часть из них такая торжественная, пафосная, протокольная и даже старомодная. Вчера была церемония вручения Нобелевской премии, со всеми этими дресс-кодами, когда мужчины приходят обязательно во фраках, а женщины в длинных платьях, участие короля; когда король встает — все встают, а во время нобелевского банкета, например, пока король не встанет, никто не может встать из-за стола, даже в туалет.

И вот эта торжественность и пафос, когда ты там присутствуешь, я не знаю, было ли это видно в трансляции, но на самом деле ты чувствуешь, что это все сделано для того, чтобы почтить величие человеческого духа. Ты видишь на сцене десять нобелевских лауреатов — ты понимаешь, что ты видишь людей, которые так тяжело работали и так много, которые настолько талантливы, что вклад каждого из них изменил мир и твою жизнь в частности. И все эти торжества организованы именно для этого. Не они пришли встретиться с королем, а король пришел как символ Швеции почтить, удостоить их достижение.

Так было со Светланой Алексиевич, она всегда была искренняя — это говорили мне все, с кем я разговаривала после мероприятий с ее участием.

Она была открыта, было видно, что она волнуется, но это волнение не мешало ей говорить о главном, о чем она хотела сказать.

Тиханович: А вам не показалось, что аплодисменты, которыми зал встречал Алексиевич, были самые громкие?

Дынько: Это справедливо. Да, Светлану Алексиевич знают и, я бы сказала, уважают и любят. Там было много шведов, все книги Светланы Алексиевич переведены на шведский язык, многие их читали. Ну, и вы знаете, что нобелевский лауреат по литературе просто ближе к публике, потому что его известность и понимание того, что он сделал, гораздо шире, чем, например, нобелевского лауреата по химии.

Тиханович: Непосредственно перед тем, как Светлана Алексиевич получила свой диплом и золотую медаль из рук шведского короля, председатель Нобелевского комитета по литературе Пер Вестберг назвал ее пять книг литературным и моральным шедевром. Ян, как вы думаете, это сильный аргумент для тех, кто раньше говорил, что то, что пишет Алексиевич, это, мол, не литература?

Максимюк: Наверное. Это сильный аргумент. Я вспоминаю, я был в Белостоке через две недели после объявления нобелевского вердикта насчет премии по литературе, и я увидел в белостокских магазинах четыре книги Алексиевич на польском языке. В книжных магазинах в Праге мы видим ее книги на чешском языке. Вот это и есть аргумент. Люди начинают интересоваться, хотят узнать, что это за писательница. И, я думаю, такое восприятие Алексиевич читателями в других странах, видение

нашей писательницы глазами других будет аргументом и будет убеждать тех, кто говорил: то, что пишет Алексиевич, это журналистика. Начиная со времен перестройки это уже тысячи раз перемололось в публицистике. Я думаю, восприятие Алексиевич иностранным читателем, возможно, позволит и нам увидеть ее в другом свете. И увидеть то, чего до сих пор мы не видели.

Тиханович: А теперь о том, почему над ней вот так в этом году сошлись звезды. Если мы оглянемся на этот уходящий год — в ту же Германию пришел миллион беженцев, когда снова вспыхнула война в Сирии, Россия после Украины бросилась драться с Турцией. Сергей, по-вашему, можно ли назвать решение Нобелевского комитета прозорливым, поскольку премия была присуждена автору, исследующему человека во времена катастрофы? Пишущему литературу нон-фикшн?

Наумчик: Дело в том, что не только этот год — год переломов, катастроф, как вы сказали. Вспомните 2014 год — там вообще вторжение России в Украину, впервые страна — член Совета безопасности ООН совершила агрессию — такого просто никогда не было. Я бы не стал не то что преувеличивать политический фактор, а вообще как-то принимать его во внимание.

Мы знаем, что архивы, стенограммы, протоколы Нобелевского комитета рассекречиваются только через 50 лет, мы с вами уже их не прочитаем, только наши внуки, наверное. Но вот те архивы, которые рассекречены, скажем, до 1964–65 года, показывают, что даже в премии Пастернаку за «Доктора Живаго» политический фактор — мы

помним, какие тогда были дебаты, какие события, они фактически подкосили Пастернака — практически не принимался во внимание. Оцениваются художественные, гуманистические качества.

Если говорить об Алексиевич — я думаю, здесь два фактора. Художественные качества, проблемы гуманизма и то, что мы говорили. После Черчилля впервые за 60 лет автор получил премию за нон-фикшн, за документальную литературу. На Западе нон-фикшн — давно уже признанный литературный жанр, там копыя не ломают по этому поводу. У нас, наверное, пройдет еще 50 лет, пока признают. Но это, конечно, важный момент, просто Нобелевский комитет показал, что да — это литература. Ну и, конечно, Алексиевич — это выдающаяся писательница.

Тиханович: Какие надежды родились у белорусских элит в связи с получением Нобеля? Были ли адекватными надежды, что Алексиевич должна стать голосом и совестью Беларуси и говорить только как белорусская писательница, выступить против «русского мира»?

Максимюк: Я бы сказал, что такие надежды были, но они были немногочисленны. Скорее всего, как вы говорите, большинство сомневалось в том, выступит ли она вообще как белорусская писательница, не говоря о том, будет ли она представлять белорусское видение действительности. Что касается того, белорусская она писательница или какая-то другая, думаю, она точно ответила на этот вопрос в своих и нобелевской лекции, и банкетной речи. Что касается того, может ли она фактически стать голосом и совестью

Беларуси — я бы здесь был осторожен. Думаю, что здесь, естественно, каждый писатель, который получает такую премию, является каким-то образом не только частным лицом, но и голосом народа. Но я не думаю, что Светлане Алексиевич роль такого голоса народа выгодна, она, скорее всего, частный человек.

Тиханович: Мы не можем не заметить того развития, которое Светлана Алексиевич прошла буквально в течение этой нобелевской недели. Я хочу как раз в связи с этим обратиться к Александру как к ближайшему свидетелю. Помните, Александра, сразу после лекции некоторые белорусские авторы начали критиковать Алексиевич за то, что она мало говорила о Беларуси в своей лекции, что не сказала ни слова по-белорусски, и она как раз выбрала вас, чтобы через вас ответить своим критикам. А вот то, что прозвучало как прощальное слово на банкете, разве не показало, что у нее действительно такое мудрое ухо, чтобы и слышать критику, и реагировать?

Дынько: Действительно, эта речь, прозвучавшая на банкете, сделала всю Беларусь счастливой. Одну конкретную страну одной конкретной речью нобелевская героиня осчастливила. Я знаю, эта речь дорабатывалась, изменения в нее вносились буквально за часы до церемонии. Не знаю, в какой конкретно части она была переделана, но то, что Светлана работала над ней до последнего момента — это действительно так, это то, что мне сказали во время банкета. Конечно, я видела потом в социальных сетях, в Фейсбуке, как люди на это реагировали — все были счастливы. Я подошла

потом к Светлане Александровне, сказала, что я плакала во время ее речи — это действительно так, но она, правда, мне ответила: «Ну, Александра, если уж вы плакали...»

Тиханович: Критик *Радыё Свабода* Сергей Дубовец признался в своем блоге, что он тоже, когда услышал белорусский язык с нобелевской трибуны, плакал, что Светлана Алексиевич всех растрогала. Я скажу, что многие критики писали — это была блестящая кульминация.

Бывший посол Швеции в Беларуси Стефан Эрикссон был все эти дни специальным нобелевским атташе лауреата, ее помощником и советчиком. Вот что он сказал в интервью *Радыё Свабода*.

Эрикссон: Прежде всего это очень важный момент для самих белорусов. Для меня эта награда — доказательство того, что Беларусь является частью Европы и остального мира. Что то, что происходило и происходит в Беларуси, это интересно и важно. Это шаг сближения Беларуси с остальным миром. Ведь в чем-то события в Беларуси развивались немного изолированно. Я могу только говорить о Швеции. Конечно, были люди, которые много знали о Беларуси. Видимо, в Швеции даже больше, чем в среднем по Европе. Но, естественно, это событие расширит известность не только Светланы Алексиевич. Люди будут больше знать о и стране Беларусь. Это действительно шанс для страны стать европейской.

Тиханович: Гордитесь ли вы премией, которую получила Светлана Алексиевич? Такой вопрос наш корреспондент задал прохожим на улицах Минска.

— Конечно, горжусь. Это первая для Беларуси Нобелевская премия. Поэтому это очень приятно. Мне, конечно, не близки, наверно, ее оппозиционные настроения. Я считаю, что белоруска все должна писать — и о Беларуси в целом, и какие-то позитивные настроения.

— Я, к сожалению, не смотрела.

Радые Свабода: Что не смотрели?

— Нобелевские премии. Она певица?

— Я за нее рада. Но, к сожалению, извините, не знаю, кто это. Потому что в жизни другие проблемы.

— Нет. Не горжусь. По той причине, что я знаю, всю информацию о ней рассказывают, нет, не горжусь. Не поддерживаю. Не могу это все вам раскрыть, так что нет.

Радые Свабода: Из-за ее политических взглядов?

— Политических.

— Горжусь. Ну почему, потому что хотя она говорит, что она происхождения немного украинского, но белорусское ведь тоже есть.

— Да, конечно же, горжусь. Я просто не гражданин Беларуси, но я горжусь за вас. И ее отношение к Владимиру Владимировичу Путину мне тоже очень нравится.

— Я очень горжусь ей. Во всем мире ее знают, ценят, и мне очень жаль, что в моей родной стране о ней никто даже не знает. И что на самом высоком уровне наш президент даже не поздравил ее, это неизвестно что.

Тиханович: Коллеги, как вы думаете, сбудется ли надежда Стефана Эрикссона, что премия Алексиевич объединит белорусов?

Максимюк: Я скажу так: хотелось бы, чтобы она сбылась, чтобы премия объединила. Хотя, что касается нынешнего политического разделения белорусов, у меня есть сомнения, что она может этому поспособствовать. Когда наступит некое взаимопонимание или сближение, то, скорее всего, я бы сказал, в сфере культуры, так как Светлана Алексиевич доказывает своим творчеством, своей личностью и тем, о чем она говорила в Стокгольме на этой неделе, что можно быть воспитанным в русской культуре, можно в Беларуси писать по-русски и при этом быть белорусской писательницей и говорить в своем творчестве о своем народе, а не только о русских или о советском народе в целом.

Тиханович: Сергей, а как вы прокомментируете тот взгляд, что некоторые белорусы считают Алексиевич оппозиционной писательницей? Помните, какой страх был и растерянность белорусского телевидения, которое отказалось транслировать нобелевскую лекцию? Но, по существу, в лекции не было ничего, чего нельзя было бы показать по белорусскому телевидению. Там не было ни Путина, ни Лукашенко. Вы сказали — ну и хорошо, лекция должна быть аполитичной. Какие важные акценты добавила та прощальная речь?

Наумчик: Я не считаю, что лекция должна быть аполитичной, я просто вижу, что могут быть разные лекции — и с политическим уклоном, и с объяснением творческого метода. Алексиевич выбрала последний вариант, это ее право. Ничего удивительного в таком подходе некоторых людей, опрошенных на улице, нет, потому что уже

более двадцати лет в Беларуси существует такая тенденция, навязываемая властями через государственные СМИ. На этом выросло поколение, даже, может, уже второе растет поколение, что те, кто не с Лукашенко, — те против всего. Вот не пошла она на поклон к Лукашенко — значит, она оппозиционер, хотя как раз таки я бы сказал, если проанализировать интервью Светланы Алексиевич, начиная с 90-х годов, она далеко не во всем поддерживала, например, Белорусский Народный Фронт. Я бы сказал, что она вообще БНФ не поддерживала. Критиковала некоторых лидеров Народного Фронта, при том, что она, безусловно, человек демократических убеждений.

Наш коллега Юрий Дракохруст метко заметил: если бы там в администрации сидели более умные люди, они бы «Время second-hand» напечатали двух-трехмиллионным тиражом и сделали бы обязательным чтением в школах, потому что эта книга показывает 90-е годы как действительно годы абсолютной трагедии. А мы знаем, что 90-е годы были и другие...

Тиханович: Мы знаем, что в тех надеждах, которые высказывались современными белорусами, как раз делался упор на то, что не хватает современных реалий, не хватает их оценки. Она это сделала в своей прощальной речи.

Наумчик: Если вы имеете в виду творчество, то как писательница она имеет право выбирать любую тему, показывать как ей хочется. Мы не можем предъявлять претензии, извините, к Достоевскому, что он показал какие-то темные стороны Петербурга или того времени. Я думаю, что

сейчас мы должны воспринимать и нобелевскую лекцию, и ее банкетную речь в комплексе. Нобелевская лекция была скорее о творческом методе и гуманистических идеалах, а вот банкетная речь уже имела более актуальный, более политизированный и, как мы видим в завершении, уже национальный уклон. Единственное, что я скажу, я согласился бы с теми ее критиками, которые сказали, что все же в нобелевской лекции, поскольку она остается навсегда, можно было сказать о проблемах белорусского языка, о проблемах нации.

Тиханович: То, что моя страна — Беларусь.

Наумчик: Да, она говорила об этом, что Беларусь ее страна, а вот банкетная речь — я тоже очень эмоционально ее воспринял, особенно когда услышал, что она упомянула — в нобелевской лекции она упомянула Адамовича, а тут еще Василя Быкова.

Тиханович: Александра, у меня вопрос к вам, потому что, как я уже сказала, Алексиевич выбрала вас как медиатора, который бы передал от нее ответ на критику. Как вы думаете, мы знаем Алексиевич, что она человек взглядов, человек твердый, верна себе. Король хотел, чтобы она пришла в вечернем платье до пола. Этого требует и регламент Нобелевского комитета. Алексиевич удобнее в брюках — она пришла в брюках. Белорусы хотели, чтобы больше сказала о Беларуси, чтобы сказала по-белорусски, и она проявила гибкость. Как вы думаете, почему?

Дынько: У Светланы Александровны есть такие качества, которыми хотелось бы, чтобы владели наши политики. Она действительно идеально

умеет формулировать проблемы современности, и если есть обвинения относительно того, что она как-то неидеально и недостаточно высказалась о своей политической позиции, то это абсолютно не так. Говорят, что она над политикой — ну, это просто несправедливо, так как вокруг этих событий были розданы миллионы интервью, в которых она была прозрачна в своем отношении к тому, что происходит и в Беларуси, и в России, и в конфликте между Россией и Украиной. У нее очень большое политическое чутье, умение видеть проблему, видеть, чего хотят люди, умение искренне и ясно обращаться к этим людям. Я имела возможность наблюдать ее в разных аудиториях, она для каждого находит свои слова.

Тиханович: А нельзя ее обвинить в том, что она, как и Лукашенко, немного популист?

Дынько: Абсолютно нет. Абсолютно нет такого впечатления, я уже говорила, что все обращали внимание на ее искренность, на ее верность себе, и вы только что сказали, что эту верность себе можно и внешне проследить. Замечу, что во время этой банкетной речи она должна была обратиться к королю по этикету — она этого не сделала.

Тиханович: В одном из интервью *Радыё Свабода* Алексиевич употребила такую фразу: если бы я была президентом. Может быть, это такая фигура речи? Сергей, как вы оцениваете политические амбиции Алексиевич?

Наумчик: Я очень слабо лично знаю Алексиевич, знаком с ней, но 22 года назад последний раз с ней встречался. Ну, кроме как по телефону. Мне трудно сказать, но я чувствую, она абсолютно че-

ловец индифферентный к активной политике. У нее была возможность сто раз участвовать в политике, идти на какие-то выборы, депутатом и так далее, она этого не делала. Я думаю, она просто чувствует свое призвание — это литература. Безусловно, никто не оспаривает, что Нобелевская премия — это историческое событие для Беларуси, это то, что останется, и уже от нас, от граждан Беларуси зависит, сможем ли мы воспользоваться тем, что дает премия Светланы Алексиевич.

Тиханович: А если говорить о ее довольно жестких оценках, которые звучат? Перед отлетом в Стокгольм она сказала: мы живем как в партизанском отряде, другие вещи. С другой стороны, она выражает надежду, что общество придет в движение. Сам этот Нобель, сама Алексиевич, какой она стала, — способно ли это быть таким толчком, чтобы общество пришло в движение?

Максимюк: Наверное, да. Если говорить о перспективах участия в политике Алексиевич, я бы сказал, что я себе могу представить, как она может прийти на митинг, где собираются люди, и сказать свое слово теперь уже в совсем ином качестве. Но я не думаю, что она бы принадлежала к тем, кто такой митинг организовал. Когда я с ней говорил два года назад, она сказала, что ей еще хочется написать две книги. А зная, как Светлана Алексиевич работает, не спеша, переписывая все время, энергия, которая остается, у нее на эти две книги и пойдет. О политике я бы здесь не говорил.

Тиханович: Александра, кто сейчас самый знаменитый белорус?

Дынько: Я вернусь к вашему предыдущему вопросу. Я искренне считаю, что на данный момент Светлана Алексиевич уже победила Александра Лукашенко. И теперь, когда будут представлять Беларусь в мире и говорить «Я из Беларуси», первое, что люди будут вспоминать — не Лукашенко, не последнюю диктатуру Европы, а то, что Беларусь — страна нобелевского лауреата. Это сделала Светлана Алексиевич.

Тиханович: Мир оценил Светлану Алексиевич за то, что она услышала, что собрала голоса жителей советской утопии, что разделяла их боль и иллюзии, что, наконец, сама с этими иллюзиями простилась. Ну, а белорусы получили моральное удовлетворение от того, что она сказала и о стране, и о языке, что вынесла нашу обиду, наши надежды, как Купала говорил, «на свет целый».

Один из важнейших вопросов, который подняла писательница в своей нобелевской лекции, остается открытым: почему все наши страдания и обиды не конвертируются в свободу? Это вопрос, о котором мы думаем, спорим, ищем ответы вместе.

14 апреля 2016 года в Минске во
Дворце Республики состоялась
презентация книги «Святлана
Алексіевіч на Свабодзе».

Исторический день — первая встреча нобелевского лауреата с читателями в Беларуси

14 апреля 2016

Стенограмма

Первое после Нобелевской премии публичное выступление Светланы Алексиевич в Минске прошло во Дворце Республики. Презентацию книги «Святлана Алексіевіч на Свабодзе» вели директор Радыё Свабода Александр Лукашук и председатель Союза белорусских писателей Борис Петрович.

Лукашук: Дорогие друзья, уважаемые дипломаты, писатели, журналисты! Мы рады приветствовать вас в этот исторический день.

Петрович: Дорогие друзья, с того памятного октябрьского дня прошло почти полгода. С тех пор Светлана Александровна успела побывать в разных странах, встретиться с читателями, выступить на презентациях. И вот сегодня наконец-то мы имеем возможность увидеть ее в Минске. Встречайте — лауреат Нобелевской премии по литературе 2015 года Светлана Алексиевич!

Алексиевич: Дорогие друзья! Мы наконец встретились, я рада вас всех видеть. Я чувствовала вашу поддержку, несмотря на то, что мы живем в смутные времена, и испытаний у каждого очень много, и каждому из нас нужно мужество. Как я всегда говорю — мужество идеализма, иначе не

выжить. Поэтому спасибо вам, я вас всех очень люблю.

Лукашук: Уважаемые друзья! Многие из вас уже успели получить и держат сейчас в руках нашу книгу «*Святлана Алексіевіч на Свабодзе*». Это хроника не только событий, но и эмоций, портрет не только людей, но и идей. Повседневность журналистских поводов превращается в этой книге в историю, где все пути ведут в Стокгольм.

Сегодня первая после нобелевских торжеств публичная встреча Светланы Алексиевич со своими читателями в Беларуси. На этой сцене вы увидите трех выступающих от Союза писателей и трех от *Радыё Свабода*. Мы попросили их выбрать и прочесть по фрагменту произведения Светланы Алексиевич, сказать несколько слов о ней, задать ей свой вопрос. Вопросы вы также сможете задать и из зала.

Главный голос сегодня на нашей встрече — это голос Светланы Алексиевич.

Петрович: Дорогие друзья! Наша встреча происходит накануне 30-летия страшной трагедии — чернобыльской катастрофы. Вы знаете, что одна из самых сильных, из самых искренних книг об этом была написана Светланой Алексиевич — «Чернобыльская молитва». В Беларуси эта книга выходила по-белорусски только однажды. Издателем ее был Сергей Иванович Законников, тогдашний редактор журнала «Полымя». О том времени, о книге теперь слово скажет поэт, лауреат Государственной премии Сергей Законников.

Законников: Дорогая Светлана! Дорогие друзья! Я очень рад стоять на этой сцене и говорить

об этом человеке, симпатичном, милом... Дело в том, что когда я услышал новость о присуждении Нобелевской премии Светлане Алексиевич, она абсолютно не была для меня неожиданной. Это событие готовилось ею, в первую очередь. А во вторую — всем тем, что наработала литература. Литература не только белорусская, украинская, русская, а вся литература, литература человечества. Потому что Светлана выходит в своих произведениях на общечеловеческие проблемы, те, которые волнуют каждого землянина, и она это делает отлично. Недаром Нобелевский комитет, когда давал премию, отмечал, что она награждается «за многоголосное творчество, памятник страданию и мужеству в наше время». Светлана очень глубоко исследует человеческую душу, исследует сегодняшнее, современное общество. Когда читаешь ее книги, настолько чувствуешь, как Светлана выворачивает всю свою душу, чтобы углубиться во все эти проблемы. Дело в том, что она часто повторяет: советский человек никуда не ушел, он еще здесь, и все мы, жившие в советское время, несем отпечаток того времени. И нам нужно, чтобы наши дети и внуки избавлялись от того отрицательного, что было в то время. И Светлана как раз работает на это, она не знает, удастся ли нам в этом плане что-то сделать, но она это делает, и она права в этом.

Еще я хочу сказать о книге «Чернобыльская молитва», вышедшей в 1999 году. Литературно-художественный фонд «Гронка», который выпускал такие значительные, знаковые книги, первой выпустил книгу Василя Быкова «Крестный

путь». Второй была книга Светланы Алексиевич «Чернобыльская молитва», которую очень хорошо перевел Микола Гиль. У нас со Светланой были разговоры насчет не только этой книги, но и вообще вокруг этой проблемы. Скажу правду: чернобыльскую проблему среди наших писателей она проанализировала, осмыслила глубже всех. Дело в том, что голоса народа, которые она вытягивает, которые она подслушивает, которые она перелопачивает своей душой, эти голоса нам несут действительно ту правду, о которой Алесь Адамович говорил: «Мы приближаемся к сверхлитературе». Думаю, что книги Алексиевич приближаются к сверхлитературе, которая потрясает человечество и человека до такой степени, что он начинает думать: «В чем смысл нашего существования?». По таким высоким меркам рассуждает и пишет Светлана Алексиевич.

Вот я смотрю на Свету... Света никогда не болела звездной болезнью. Я абсолютно уверен: у нее отличный иммунитет против этого. И ту славу, которая обрушилась на нее, она несет очень достойно, она очень умный, искренний человек, который щедро делится своим талантом. А о ее таланте говорили Василь Быков и Алесь Адамович, из их уст я слышал это. Дорогая Света! Успехов тебе! На Нобелевской премии все не кончается. Творчество продолжается.

Лукашук: Сергей Иванович не воспользовался своим правом задать вопрос Светлане. Но вопрос у него прозвучал: когда было тяжелее писать — до Нобеля или после Нобеля?

Алексиевич: Писать всегда тяжело. Я не думаю, что большие премии, даже такие, как Нобелевская, каким-то образом могут повлиять. Правда, я знаю, что есть такие случаи — об этом мне говорили в Шведской академии — когда писатели, получив премию, переставали писать. Может быть, из-за страха, я не знаю. Но нет. Мне интересно жить, мне интересно писать. Как-то я об этом не задумываюсь.

Лукашук: Спасибо, Светлана. Следующий человек, который выйдет на сцену по моей просьбе... Мы ему обязаны тем, что здесь с вами находимся. Повод нашей сегодняшней встречи — презентация книги *«Святлана Алексіевіч на Свободзе»*. История издания этой книги достаточно драматична. Сразу же после того, как был объявлен лауреат Нобелевской премии, мы поздравили Светлану и написали ей об идее издать такую книгу. Светлана ответила отказом: это не очень хорошая идея, она против. Над словом произнесенным нужно очень много работать, чтобы оно читалось как произнесенное.

Знаете, в культуре очень важны авторитеты. Иногда человека хвалят: вот он не обращает внимания на авторитеты, нарушает каноны... Но когда никто не будет оглядываться на авторитеты, не будет культуры. Поэтому мнение Светланы мы просто приняли к исполнению: если она сказала «нет», значит, не будем. Но тем временем мы книгу подготовили. И решили сделать Светлане личный подарок — напечатали в одном экземпляре. И человек, который сейчас будет выступать, летел в Стокгольм по личному приглашению лауреата.

И мы попросили эту книгу захватить с собой и передать Светлане. Что произошло потом, как Светлана изменила свое мнение — это, как говорят в таких случаях, уже история. А сейчас мы приглашаем на сцену драматурга, педагога, литератора, одну из героинь творчества Алексиевич и единственную из ее героинь, которая была на нобелевской церемонии — Юлию Чернявскую.

Чернявская: Я хочу нас всех поздравить, пусть и с опозданием, с этим великим для страны праздником, с этим большим для всех интеллектуалов мира днем, а больше всего я хочу поздравить всех тех, кто болел за Светлану и желал ей победить. Я Светлану знаю много лет. И, как говорил Сергей Законников, ей абсолютно чужда звездная болезнь, но наша любовь ей необходима. Любовь читателей и любовь среды — писательской, литературной — она просто необходима. А сейчас я бы хотела прочитать несколько фрагментов из книги Светланы Алексиевич «Время second-hand» [...]

Недостаточно вопить на форумах «Это вы, читающие Алексиевич — совки, а я никакой не “красный человек”, я по заграницам поездил, я языками владею, я преуспеваю в материальном смысле, вообще не хочу негатива, я хочу позитива!». Вот это как раз и есть тот самый «красный человек». Во-первых, он мучительно боится тяжелого знания, во-вторых, он предпочитает верить в уютную утопию. И потом, человек, который делит мир на черное и белое — «вы — совки, а мы — новая консьюмеристская элита», — это как раз идеал «красного человека» и есть. Единственный способ мышления у него — баррикадный. Но эти

феномены — это вовсе не изобретение СССР, они таятся в человеческой природе. Светлана сорок лет пытается до нас донести это, а мы предпочитаем думать, что все дело в некоей среде. Менять среду — дело человека и дело общества. А менять ее можно, только помогая тем, кому повезло меньше, чем тебе.

И, наконец, вопрос. Светлана, мы об этом говорили, но мне бы хотелось, чтобы это прозвучало здесь и сейчас. Мы пытаемся (может, это и наивно для постмодернистов) — нести нечто разумное, доброе, вечное, как-то воспитывать учеников, студентов, читателей, общество. Почему то, что мы несем, усваивается так плохо, а — мы это видим на примере постсоветского пространства особенно — навыки бить, заламывать руки, унижать — они передаются так легко?

Алексиевич: Я не знаю... На этот вопрос, наверное, даже Достоевский не ответил. Он так заглядывал, в такие глубины, в которые в мировой литературе заглянуть никому не удалось. И он, пораженный, останавливался перед этой бездной, не зная, что это.

Я единственное абсолютно поняла за эти сорок лет, что мерить все только советским временем — это наивно. Это все, конечно, дальше, глубже в человеческой природе. Помню, как я была в Германии и меня провожала на поезд немецкая издательница, и где-то что-то произошло — как сейчас терроризм. В общем, я не смогла войти в поезд. Там была такая давка, что даже то, что происходит у нас, мне показалось меньше, разве что в послевоенное время такое было. Я спрашиваю: «А что это?»

Я не узнаю немцев, как это может быть такое?» А она говорит: «Вот, таков человек, когда ему плохо, когда ему что-то надо, когда чего-то мало, когда надо делить. А вы думаете, что только у вас, советских, такие проблемы?»

Поэтому я думаю, что вот это зрение... единственное, что я могла и хотела бы, и надеюсь, что литература на это способна — убедить людей, что на вещи нужно смотреть шире. Что действительно мир не так прост. Есть такая темная сторона искусства, и с точки зрения искусства одинаково интересен и Берия, и тот герой из моей книги, который говорил, что он командовал теми энкавэдэшниками, кто расстреливал. И он говорил, что люди уставали, не могли работать, пока он не добился такой должности у себя в отряде — массажиста, который массажировал указательный палец. Вот с точки зрения искусства они все одинаковы... Потому что это человек, где-то же он и отец, может, у него и внучка растет, он, наверно, тоже что-то ей говорит. Я просто хотела сказать, что мир очень сложен, а мы тоже из советского времени. Нам хочется точных и быстрых ответов. Мы хотим знать — это, это, это... А мир — чем более серьезно вглядываешься в него, тем меньше однозначных ответов. Ответов четких нет вообще. Конечно, добро и зло борются в человеческом сердце, как говорил тот же Достоевский. Но все равно, это рассредоточенное, рассыпанное в мире добро не сфокусировано так явно: вот здесь химически чистое зло, а здесь химически чистое добро. Нет.

Любимый мой пример из книги — история, когда мальчик любил тетю Олю, она была краси-

вая, а мальчики влюбляются в красивых. И вот он влюбился в нее. И только когда он вырос, уже перестройка была, мама сказала ему, что тетя Оля донесла на родного брата, и тот погиб на Колыме. Это было очень важно для этого мальчика, он был уже студент. Он приехал к тете Оле, и несмотря на то, что она была уже тяжело больна, спросил: «Тетя Оля, зачем ты это сделала?» Она сказала: «Попробуй найти в сталинское время честного человека». Он задал ей второй вопрос: «Ну а все-таки, что ты помнишь о 1937 годе?» Она вдруг улыбнулась, у нее было счастливое лицо, и сказала: «Это был самый счастливый год в моей жизни. Я любила, меня любили...» Понимаете, зло — это не только Берия, но и тетя Оля. Вот на этом мир стоит.

Петрович: В нобелевской речи Светлана Алексиевич сказала: «Я написала пять книг, но мне кажется, что это одна книга, книга об истории одной утопии. Красной империи нет. А “красный человек” остался». Завершила это пятикнижие книга «Время second-hand», которая в 2013 году вышла по-белорусски. На презентации отрывки из этой книги зачитала народная артистка Беларуси Зинаида Бондаренко. И тогда появилась идея, что эта книга должна быть не только на бумаге, не только в электронном варианте, а эта книга должна и звучать. Недавно завершилась запись этой книги. Начитала ее Зинаида Александровна Бондаренко. И у нас есть возможность услышать сегодня, как это звучит.

Бондаренко: Моя дорогая коллега! Может, вы не знаете, что в свое время Светлана была ведущей некоторых программ. В 1980-е годы, после

смерти Машерова, ее пригласили на телевидение, и несколько передач она провела. И правильно тут говорили, что Светлана никогда не заболит звездной болезнью. Мы можем быть спокойны: Светлана будет всегда с нами, будет простым, обаятельным человеком, которого мы видим сегодня.

В 2006 году, когда шла война в Чечне, мне очень запомнился эпизод, который крутили по всем российским каналам. Рязанские милиционеры были направлены в Чечню по службе, а когда они вернулись обратно в Рязань, встречали их как героев. Но из этой книги я теперь точно знаю о трагической судьбе одного человека, который не вернулся живым в город Рязань [...]

Мы, как сказал великий Нил Гилевич, никак не дойдем до Беларуси. И многие из нас еще не дошли, к сожалению, до ваших книг, до вашего таланта. Но я уверена: дойдем, дойдем мы, белорусы.

Лукашук: Зинаида Бондаренко не задала вопрос, но раскрыла тайну: вы действительно были ведущей на телевидении. Расскажите, пожалуйста...

Алексиевич: Есть время, когда пробуешь себя во многих вещах. Был такой момент, когда мне не хватало слова. Мне казалось, что исчезает пластика человека, исчезают его глаза, лицо, и мне захотелось попробовать. Я даже, по-моему, и на радио что-то делала, а потом и на телевидении. Там был еще такой момент, что первая история, которую мне предложили, — это история Машерова. И меня совершенно потрясла его жена. Сначала я пошла с таким предубеждением: такой коммунист, и всё... И вдруг я прихожу в этот дом, где по

нынешним временам вообще никакой мебели почти не было, только книги, книги. Машеров очень любил книги. Но самое главное — вот эта красивая женщина, его жена. Она сидела и даже не мне рассказывала (хотя я не думаю, что я первая у нее спрашивала), она весь вечер проговорила о любви. Она говорила: «Мне стыдно признаться, Света, мне стыдно признаться, но я его любила больше детей. Для меня в мире ничего не существовало, кроме него». Далеко не все вошло в эту передачу, да уже и ничего не сохранилось, но теперь, когда я делаю книгу о любви, думаю, как жаль, что уже нет этой женщины, что я не сохранила ее рассказ.

Вот меня часто упрекают, что у меня в книгах люди очень красиво говорят. Мол, это автор... Я просто застаю человека в тот момент... Я всегда ищу человека потрясенного. Я застаю людей или возле смерти, или в состоянии любви. Тогда человек поднимается на цыпочки, он выше себя, он тогда самый хороший — лучше он уже не бывает в жизни! И тогда он очень хорошо говорит.

И еще у меня такой принцип — не брать в герои своих книг людей известных. Вот даже сейчас в книгу о любви мне предложили взять историю семьи Горбачевых. Я как-то встречалась с Горбачевым... Но, знаете — нет. Нет. Я все-таки не изменю маленькому человеку. Я все-таки буду писать о нем.

Но что такое эти, условно говоря, большие люди, какие они? Это как дача Януковича: кажется, что-то там такое невероятное за этой фигурой, за этой аурой власти, а потом вам откроют двери и покажут, как он жил. Вы увидите этот зо-

лотой батон, невероятные простыни с портретами собственными... Я думаю, мы еще такое увидим тоже... (*аплодисменты*). И вы просто ахнете, насколько это тоже маленький человек...

Лукашук: Спасибо, Светлана. Мы на сайте *Радыё Свабода* опубликовали викторину: «Что вы знаете о Светлане Алексиевич?». Когда мы формулировали, мы поставили себе задачу: такие вопросы задать, на которые даже сама Светлана не ответит. На один из них, может, вы нам все-таки ответите? Там был вопрос: почему вас с первого раза не приняли в Союз писателей — потому что рифмы у вас были неправильные, потому что кворума не было, или потому что вы пришли в джинсах?

Алексиевич (*смеется*): Кажется, джинсы были виноваты, насколько я помню. Да-да, джинсы. Это было такое время... Старые писатели — я ничего против них не имею, сама уже приближаюсь к их возрасту, но тогда это было какое-то засилье — это поколение несет свою эстетику, свое понимание. Наверное, я не понравилась им своей демократичностью. Я все-таки выросла в деревне, среди простых людей, и до сих пор обожаю старых людей, они сейчас умирают. Особенно люблю женщин, эти лица. Это, наверное, мои самые любимые воспоминания. Я помню, как мы с бабушкой идем (это еще в Украине было), она говорит: «Вот это наши бураки». А мне страшно смотреть, где они кончаются, эти бураки... Бабушка очень хорошо пела. Идут женщины и поют, а сзади идет мужик-бригадир и плачет. Спрашивает кто-то из его мужиков, чего он плачет. А он отвечает: «А

ничего за работу они не получают. Я им палочку-трудодень поставлю, но ничего они не получают». И вот эта память. Каждое поколение существует в своем понимании, в своей эстетике. И вот я сейчас вспоминаю поименно всех писателей: они все-таки были более строгие, целомудренные, что ли, они держались своего понимания жизни. А вот эта размашистость, которая была уже в моем поколении и, может быть, в моем характере, была для них чужестранная... Я даже не знаю, я такие вещи не запоминаю. Это мое счастье, что я многие вещи просто пропускаю мимо себя, особенно зло, ревность. Для меня это не существует. Для меня все интересно на уровне интеллектуального разговора. Даже зло. Если что-то на темном, банальном уровне — из моего сознания это исчезает.

Лукашук: Такая книга, как «Святлана Алексіевіч на Свабодзе», не возникает сама по себе. Составитель, редактор этого издания находится в Праге, но тем не менее мы услышим и увидим его выступление. Сергей Наумчик.

Наумчик (*живое включение по видеосвязи*): Мне вспомнился разговор со Светланой в 1994 году. Перед президентскими выборами проходил конгресс ПЕН-центра, и Василь Быков и Карлос Шерман пригласили меня как соратника Пазыняка приехать в Ислочь и рассказать, что происходит. И вот после встречи, это уже было не в здании, Светлана Алексиевич говорит: «А вот почему вы так уверены в победе? Народ, люди в своей массе настроены за Лукашенко!»

Я не помню, что я отвечал, но помню свои ощущения. Я подумал: боже мой, что она говорит?

Какой народ? Мы с Пазыняком объездили всю Беларусь — около ста районов, и не только райцентры — деревни, в залах набивались сотни людей, в моих родных Поставах пришло несколько сот, зал на 1200 мест в Витебске был заполнен до отказа. Конечно, мы понимали, что это не весь народ, но...

И вот прошло два месяца, и народ пришел на избирательные участки.

Это большинство пришло и проголосовало так, как считало нужным.

Вот в этой книге есть дискуссии — почему так произошло и могло ли произойти иначе. Можно добиться каких-то решений активным меньшинством — трудно удержать их меньшинством. Почему меньшинство не делается большинством? Ответ на этот вопрос ищет Алексиевич и ищут ее собеседники.

И вот Алексиевич слушала этих людей и услышала их.

Вот это умение — слушать — оно меня поразило, когда я работал над этой книгой. И, знаете, не только слушать, но и ее талант превращать услышанное в очень емкие образы. Это может быть короткая человеческая история, некое обобщение, наблюдение. Причем вы можете не соглашаться с ее выводами, но вот эта философичность образов — она впечатляет. Меня она очень впечатлила.

И второе, что меня поразило.

Вот что было самым трудным в работе над этой книгой — даже не придумать композицию, хотя композиция очень важная вещь, потому что в книге представлены самые разные жанры. Самым трудным для меня было сокращать, так как книга

вырастала до тысячи страниц. Саму Алексиевич я не сокращал, оставлено каждое ее слово. А вот ее собеседников, участников дискуссий — пришлось сократить, чисто по техническим причинам, причинам объема.

Почему было тяжело это делать? Ведь каждый из них — по своим аргументам, по энергетике мышления — был равным героине книги. Вот когда Светлане Алексиевич помогло в работе умение слушать — надо было выслушать и услышать эти сотни людей, которые стали персонажами книг, — но и ее собеседникам в дискуссиях понадобилась эта способность — услышать и воспринять аргументы оппонента.

И о Нобелевской премии. Невозможно захватить страну, у которой есть ядерное оружие. И я вижу определенный символ в том, что именно Алексиевич, которая называет своим учителем Алеся Адамовича — а Адамович наиболее активно выступал за вывод ядерного оружия, вообще за безъядерность — именно она получила нобелевскую медаль. Очень трудно в наше время, информационное время, когда авторитетное слово чрезвычайно много весит — очень трудно аннексировать страну с нобелевским лауреатом. И в этом смысле, как это ни парадоксально прозвучит, вот эта нобелевская медаль Светланы Алексиевич равна 40 или 80, сколько их там у нас было, ядерным боеголовкам.

И вопрос к Светлане — по алгоритму будет почти таким же, как она у меня спросила 22 года назад.

Светлана, вот вы лауреат Нобелевской премии по литературе, на ваши встречи собираются полные залы. Но эти люди, которые приходят — как тысячи, которые собирались на наши митинги, так и эти люди — это те, кто читает. А вот знаете ли вы ту часть населения, которая совсем не читает? И я имею в виду прежде всего молодое поколение, которому телефоны-айфоны заменили и «Войну и мир», и «Знак беды», и «Время second-hand», и все что угодно. Вся та философия, которую накопили поколения — она часто сжимается до 140 символов в твиттере. Светлана, выживет ли книга, как вы думаете?

Алексиевич: За последние три месяца я была в пяти европейских странах, и мне везде говорили одну интересную вещь: «Сейчас опять время книги». Вот представьте — эти европейские общества, о которых можно говорить, что технически они более «продвинутые», все говорят о том — и никто не может найти этому объяснение — что люди опять стали читать книгу. Не электронную, а людям нужна именно книга. Я даже это вижу по своим тиражам, и здесь не только «нобелиатство» сыграло роль, а сыграло какое-то поветрие...

Мы же не знаем, как мы связаны с другими людьми. Сегодня благодаря технике мир действительно маленький. И мы все связаны друг с другом, несмотря на то, что одни могут жить в феодализме, другие — при совершенно развитом капитализме, еще другие — в обществе, которое уже проглядывает за капитализмом — ему еще не нашли названия, но оно уже проглядывает. И тем не менее — вот книга. Так что книга начала

вторую жизнь. Это говорят издатели, это говорят писатели. У нас, я думаю, и не было такого разрыва с книгами.

Что касается молодого поколения... Я вам честно скажу, опять я касаюсь своей новой книги, книги о любви, самое сложное для меня — понять молодых и мужчин. Рассказы мужчин о любви для меня — это очень сложно. Или я не могу «влезть в их шкуру» и четко понять... Ведь в том жанре, в котором я работаю, — это не интервью, как некоторым хочется, когда в России после премии была травля против меня, пытались унижить жанр, — я уже не буду говорить о себе. Считают, что это, вот, подумаешь — взяла интервью. Нет, это не так. Я прихожу к человеку, и это разговор о жизни. И если я чувствую, что это тот человек, тот кирпич, которого еще не хватает в моей книге, то я прихожу к нему и пять, и семь раз. Это очень сложная работа.

И для того, чтобы из человека «достать» новое, вы должны прийти к нему прежде всего интересным человеком и не обходиться банальностью, которой нам обычно хватает. И более того — вы должны вместе с ним пройти этот путь падения внутрь себя, потому что именно в разговоре, при этом «электричестве» рождаются иногда какие-то догадки, какие-то слова, смыслы сцепляются. Это все очень сложно, чтобы добыть новые знания, так как известные добывать не имеет смысла.

Я, кстати, почему не очень хочу сейчас выступать. Ведь выступлений много, и я уже устала от самой себя. Мне надо время, чтобы прислушаться к себе, как-то «обжить» это состояние. Ведь Нобе-

левка существует отдельно, я существую отдельно. Я же не такая сумасшедшая, чтобы сказать: да, я такая великая — я же все-таки адекватный человек. А к человеку нельзя прийти полупустым, с наработанными приемами. Да, конечно, я уже как бы профессионал, но профессионализм — это то, что как раз во время работы надо забыть. То есть вы должны прийти и иметь «дрожание тайны», как сказано у кого-то из философов. Вы должны до такой степени освободиться, что и вам это неизвестно, к примеру, война или любовь. И вместе с человеком познавать, чтобы у него появился и азарт, и кураж. Ведь для того, чтобы начать из себя что-то «доставать», надо, чтобы сошлось очень много вещей.

Да, можно сказать: началась война, все советские женщины пошли на фронт, и мы, девочки, тоже — это одно. А вот чтобы человек вдруг вскрикнул и сказал: «А ты знаешь, что я взяла на войну? Пошла, на все деньги купила шоколадных конфет — и поехала с этим чемоданом на войну». Она должна подумать и вдруг понять, что бытие, высота — она рождается не из каких-то напыщенных вещей. Вот сидит человек весь напыщенный такой и говорит какие-то общеизвестные вещи — нет. Она рождается из того, что ты вдруг оглядываешься и видишь, что жизнь какая-то загадочная, она совершенно таинственная вещь, ничего нельзя предсказать. Раньше все ждали будущего, теперь все боятся этого будущего. А прошлое уж — ясное дело, совершенно непредсказуемо, тут уж кто во что горазд, у каждой партии своя

трактовка этого прошлого. Так что это все очень сложно.

А молодежь — та категория, о которой говорит Наумчик, — ну, это тоже... Как их Платонов называл — это свежее время. Эти люди, которые оказались на 40–50 лет младше тебя — совершенно другие. Совершенно среди других одежд, машин, другой техники. И, конечно, у них совершенно свои ценности, как никогда — абсолютно полный разрыв с советскими ценностями, в которых мы выросли. И даже с теми ценностями национальными, к которым мы не пришли. Все это где-то разбросано, и они не в состоянии все это схватить. И они просто заняты жизнью — большинство из них, это культ частной жизни.

Я сначала была к этому высокомерна, а потом поняла, что смотрю на частную жизнь не как художник. Частная жизнь — это потрясающе интересная вещь. Просто мы никогда не жили частной жизнью. Мы всегда где-то на улице, мы всегда или ни с чем, или у нас полные карманы какого-то барахла. А тут, оказывается, вот оно твое, метафизическое, и оно очень интересно: и любовь, и красота вещей, и красота квартиры, желание поехать даже в тот же Египет — боже мой, эти верблюды, лица этих погонщиков очень интересны... Ведь радость жизни, смысл жизни — его же можно черпать не обязательно из Маркса-Ленина или из каких-то национальных откровений.

Мне кажется, что молодежь сегодня больше этим увлечена. И понять это очень сложно. Когда начинаешь с ними говорить, то у них это не осмыслено, они говорят поспешно, перечисляют дви-

жения, действия, они еще не всегда в состоянии это осмыслить. Потому что когда я приходила к пятидесятилетней женщине, которая прожила тридцать лет после войны, то она в свои воспоминания о войне уже вложила всю себя: счастлива она или нет, что читала, что думала — там очень много всего уже.

Я занимаюсь документом чувств, но этот документ не существует как паспорт, к примеру, где указано имя, фамилия человека, адрес, где родился. А документ души — это когда человек рассказывает и творит себя: там немного иллюзий, там он немного себя придумывает — там очень много всего. Но для этого надо тренированности жизни, испытаний душевных — этого пока у молодежи нет. Конечно, мы говорим — айфоны, они там в твиттере сидят... Когда я иногда захожу и смотрю этот твиттер, то у меня такое впечатление, что за всей этой массой обменов информацией — и неумение, и страх перед этой новой жизнью, или непонимание, или желание от нас уже как-то отгородиться. Во всяком случае, для меня очень сложно вытащить оттуда какой-то смысл.

Так что, если говорить о новой книге, когда я ушла, когда человек был еще полусоветский, когда было конкретное событие — такое, как война, распад империи, — то был еще какой-то магнит, вокруг которого еще можно было собрать события. А тут две книги, которые я сейчас делаю: любовь мужчины и женщины — попробуй расскажи, как легко прийти и спрашивать. Я всегда думаю: какие прекрасные люди, которых я спрашиваю. А расспросил бы кто-нибудь меня — как это было

бы сложно рассказать... И вторая книга — о старости и смерти — вот этот кусок жизни, подаренный цивилизацией — какая в этом философия? Конечно же, не только на даче с детьми, крутить эти банки... Это не философия, это философия не жизни, а философия непонимания себя, неценности себя. И теперь мне гораздо труднее собрать то, что может быть литературой, книгой. Так что я всегда, когда выступаю, говорю, что если есть такие люди, которые как-то думают об этом и хотели бы об этом поговорить — со мной, например — я была бы очень рада.

Лукашук: Фантастическое предложение. Вы понимаете, что сказала сейчас Светлана Алексиевич? Что она готова поговорить с вами о любви. Не забудьте.

Петрович: Мне вспоминается сейчас бесснежный декабрьский вечер в Стокгольме: концертный зал, на сцене король Швеции Карл XVI Густав и королева. Напротив нобелевские лауреаты, и среди них наша Светлана Алексиевич. Когда назвали ее имя, когда проходило ее награждение, в зале были самые большие, самые громкие аплодисменты. И даже более того: обычно сдержанные шведы выкрикивали «браво» и «ура». И все эти дни главным героем на шведском телевидении и радио, в печати была Светлана Алексиевич. Было такое впечатление, что премию получила шведская, а не белорусская писательница.

И, к сожалению, вот эта новость, что мы наконец имеем своего нобелевского лауреата, в Беларуси была воспринята тихо и скромно. В одном из своих интервью Светлана Алексиевич сказала, что

у нас нет культуры счастья — мы не умеем радоваться. Пусть у нас будет больше причин для радости, пусть у нас будут новые нобелевские лауреаты.

Вы знаете, что за последние десять-пятнадцать лет среди номинантов были несколько белорусских писателей: Василь Быков, Рыгор Бородулин, Алесь Рязанов, Владимир Некляев. Алесь Рязанов и Владимир Некляев остаются среди номинантов, и я думаю, что у нас еще будут причины, чтобы радоваться, и мы научимся радоваться и своим, и чужим успехам.

Многие наши писатели встретили эту новость за пределами Беларуси. Мне интересно было бы услышать, как восприняли соседи тот факт, что сегодня мы имеем своего нобелевского лауреата. Писатель, поэт, прозаик, лауреат многих международных премий Владимир Арлов в это время был в Литве, ему слово.

Арлов: Дорогие друзья! Я думаю, что если бы мы сегодня получили самый большой в нашей стране зал, то он был бы тоже заполнен. Спасибо за это Светлане Алексиевич.

Теперь пришло время сказать несколько слов о книге, которая собрала нас сегодня здесь. Обычно, когда в книге есть именной указатель, то невольно находишь свою фамилию и читаешь соответствующие страницы. И эти страницы напомнили мне мое личное знакомство со Светланой: после «Дедов» 1988 года меня ловила милиция за проживание без прописки, а Светлана пыталась меня прописать на своих метрах. Естественно, что ее заявление положили под сукно, но время было выиграно.

Позже это приятное знакомство продолжалось: мы вместе слушали в Праге на международном конгрессе ПЕН-клуба блестящую речь Вацлава Гавела, позже нас вместе выбрасывали из школьных программ, потом мы ездили вместе в разные города, где нас не пускали в книжные магазины, библиотеки и школы.

Если же говорить о книге, то эта книга — о верности Светланы Алексиевич своим взглядам, своей гражданской позиции, своей теме и своему жанру, своему стремлению идти в сторону пятой и шестой стран света, ведь кроме четырех известных, есть еще направление в небо и в глубину. Эта книга — о верности Светланы своей этике и эстетике, которая и привела ее к Нобелевской премии. Мне очень приятно, что благодаря вот этому именному указателю я выяснил, что я это предсказывал еще 31 мая 2004 года, на странице 60.

Действительно, радостная новость из Стокгольма застала меня на международном литературном фестивале. Безусловно, не только журналисты кинулись брать интервью, но и коллеги начали поздравлять с разной долей искренности или зависти. Один известный поэт из соседней страны сказал: поздравляю, Володя, тебя, поздравляю Беларусь, но сейчас нам Нобеля не дадут никогда — там знают географию. Кто-то из очень далекой страны сказал — мол, наш претендент был сильнее, мы разочарованы. Таких поздравлений было много, и в итоге я изобрел универсальный ответ для подобных разговоров: безусловно, вам тоже дадут литературного Нобеля, но сначала опять

нам. На этой оптимистической ноте я и завершу свое выступление.

Лукашук: Книга, которую мы держим в руках, состоит из двух частей: до Нобелевской премии и после Нобелевской премии. Первую часть составляют репортажи, интервью, дискуссии с участием Светланы, подготовленные десятками корреспондентов *Радыё Свабода* за последние четверть века. А вот вторая часть имеет одного ведущего автора: это нобелевский корреспондент *Радыё Свабода* Александра Дынько.

Дынько: Благодаря Светлане Александровне у меня очень счастливая журналистская судьба. Потому что когда мы ожидали приезда уже нобелевского лауреата на пресс-конференцию в крохотную редакцию «Нашей Нівы», на встречу, помню, в подъезде на меня навалились крепкие парни с тяжелыми видеокамерами, я подумала, что вот сейчас раздавят и меня, и нобелевского лауреата, которая как раз шла впереди. Затем была абсолютно фантастическая, незабываемая нобелевская неделя в Стокгольме, и благодаря Светлане Александровне довелось побывать на настоящем балу с платьями, королями — действительно, не каждый в своей жизни такое переживает. Когда меня попросили выбрать отрывок из произведений Светланы Алексиевич, я не смогла сразу, так как каждый фрагмент, который я пыталась читать вслух, вызывал у меня слезы. Я все же выбрала отрывок из книги «У войны не женское лицо». Это самая близкая мне книга Светланы Алексиевич и голос, который я тоже считаю близким [...]

Я была благодарна за возможность выступить здесь еще и потому, что моей полжизни назад я написала в журнале ARСHE, что Светлана Алексиевич коллекционирует человеческую боль. Писательница десятки лет проговаривала наши страдания и исторические, и личные: измены, убийства, потери детей и любимых. В деталях она описывает, как большая и преступная страна убивает своих граждан и в агонии умирает в каждом из них. Мне казалось, что этот каталог катастроф и трагедий приучает нас к тому, что такое с нами будет всегда. Что на другое мы не способны и ничего большего не достойны. Ведь чем еще можно объяснить концентрацию той боли в пространстве и времени: война, афганская война, Чернобыль, смерть, развал империи — все это выпало на долю одного белорусского человека, или на долю одной белорусской писательницы.

Тогда казалось, что все это написано не о нас, а если о нас, то хотелось, чтобы кто-то описал наши достижения, написал о нашей радости, о способности любить и создавать. «Очень трудно говорить о моментах счастья, — услышала я от Светланы Александровны в Киеве. — Счастье — это длинная дорога, дворец, где много помещений, дверей, нужно много ключиков. Этого нет, и нет даже в литературе — продолжения этой радости, продолжительности во времени и в жизни — этого нет, это новое для нас».

И вот я сижу на нобелевском банкете, в королевском дворце, в длинном платье, слушаю, как Светлана Алексиевич говорит по-белорусски, и плачу над их королевским десертом. И знаю, что в

этот момент в Беларуси сотни людей сидят в кафе и барах и смотрят прямую трансляцию из Стокгольма, как раньше они собирались на футбол или биатлон. И я понимаю, что вот уже несколько месяцев я переживаю моменты истинного счастья. И эта радость идет от человека, который передает голос боли. Светлане Алексиевич удалось почти невозможное: она заставила белорусов быть счастливыми. И эта радость и честь останутся с нами навсегда. Большое спасибо.

Лукашук: Спасибо всем, кто выступил. А сейчас — вопросы из зала.

Татьяна Миронова, Движение солидарности «Вместе»: Светлана Александровна, в вашей книге «Время second-hand» вы очень хорошо подметили, что советское общество разделилось на две части: одна часть читала Маркса, а вторая его поняла. Наше белорусское общество, по вашему мнению, к какой части относится — к первой или ко второй?

Алексиевич: Боюсь, что есть еще одна часть: не читала и не поняла. Я думаю, что нас задержали во времени, конечно. Когда мы учили марксизм-ленинизм, роль личности в истории по работе Плеханова, где говорится, что массы — главные действующие лица в истории, — так вот мы с вами свидетели, что масса, в общем-то, немного может. И это для меня было главное послесоветское открытие — что масса может немного, массе кто-то отливает форму, и тогда она становится той формой, которую из нее отлили. И хорошо сказал сам русский народ, есть такая у них поговорка о себе, что из народа можно сделать и дубину, и икону.

Думаю, что-то похожее можно сказать и о нас, хотя у нас нет такой решительности в ментальности.

Но можно сказать, что будь у нас Вацлав Гавел, либо на его месте Алесь Адамович... Я всегда считаю, что это был бы наш Вацлав Гавел, он подходил к этой роли. У него был европейский взгляд на мир. Сколько я его видела, он всегда был на равных с любым человеком: с европейцем, с нашим простым человеком — действительно, эту европейскость, возможно, только в Алесе Адамовиче я и видела. И если бы вот этот человек был во главе — назовем его Вацлав Гавел — то это было бы другое общество, и за эти двадцать лет мы проделали бы другой путь.

С другой стороны, вот говорят: Путин, Путин — демонизация такая — а на самом деле речь идет о коллективном Путине. Этот человек наверху аккумулирует то, что спрятано в душе этих миллионных масс, и он каким-то образом потом это формирует. Наверняка то же произошло и с нами — один человек накрыл все это наше время, и мы оказались не там, где думали.

И народ наш... Когда едешь, говоришь с людьми, то это очень интересно и жалко... Всегда уезжаешь с внутренними слезами, думаешь: боже мой, сколько натерпелись люди, сколько пережили... И вот этот страх, который делает из людей покорную массу. Почему наши страдания не конвертируются в свободу, я не знаю. Может быть, страдания, которые начиная с Достоевского моего любимого стали «культом». Страдания и в православии, и в нашей литературе действительно культ страдания. Но мне все больше кажется — может

быть, я и не права, но мне кажется, что страдание корежит человека, страдание задерживает человека, страдание ломает человека, страдание уменьшает человека. И в том великом споре русской литературы, когда Шаламов с Солженицыным спорили: Солженицын считал, что страдания, лагерь возвышают человека, а Шаламов говорил, что лагерь развращает и палача, и жертву. Для меня очень важны эпиграфы к книге «Время second-hand», где говорится, что жертва и палач — они слипаются в своем падении.

Я могу сказать — я так вижу мир — что что-то похожее произошло и с нами. Конечно, можно на кухне немножко стебаться, подсмеиваться над тем, что происходит, но нельзя не признать, что мы все соучастники этого. Я так и назвала предисловие — «Записки соучастника». Я тоже думаю, что... ну сколько диссидентов пошло откровенно в бой, сколько погибло? Не так много. А мы все всё-таки заключали какое-то пари с той жизнью, в которой мы оказывались.

Я атеист, я не религиозный человек в том понимании, которое сейчас распространено, особенно в России. Я считаю, что это такие сокровенные отношения с Богом, если Он есть, с небесами... Вот у меня умерла сестра, и куда смотреть? Только на небо. Куда идти? Только в церковь, потому что нет даже такого другого человека, к которому можно с этим прийти.

Точно так же, наверное, и с любовью. Как говорила мне одна героиня: «Когда я влюбилась, я могла это рассказать только одной маленькой девочке на пляже. Она сидела, ей было пять или

семь лет, я ей рассказывала о любви, а она сидела и слушала». Все-таки отношения с небесами — они более сложные...

Свобода — это долгий путь. Да, мы бегали по площадям в 90-е годы, кричали: «Свобода, свобода!», думая, что свобода родится из этих наших восклицаний, из этих наших кухонных бдений каких-то. А оказалось, что это более жестокая вещь — свобода, более жесткая, более прагматичная, более материальная. Это глупость, что мы к этому не приспособлены, мы просто не знаем, что это такое. И у нас нет людей, которые могут этому научить.

Когда я вернулась через десять лет, пока здесь не жила, то первое, что я спросила у своих друзей: кого читают, о ком спорят? Адамович и Быков умерли — кто остался?

Говорят, что это время прошло. Когда-то мы с Акудовичем спорили, и он говорил: мол, мне наплевать, что происходит с народом (хотя это абсолютно неправда, ему далеко не плевать), потому что я интеллигент и занимаюсь чистыми вещами. Я думаю, что до такого инопланетянского состояния мы еще не дошли — у нас не то время и не тот народ. Мы очень связаны с тем, что с нами происходит, и я думаю, что от элиты все-таки многое зависит. И очень жалко, что нет тех людей. Если когда-то Ивашкевич писал колонку в газете, то ее вся Польша читала и обсуждала. Я очень жалею, что нет таких людей...

Какая-то внутренняя сдача произошла в каждом из нас и родила ту возможность, что этим пространством завладевает некий монстр, а мы

там сидим где-то все по углам. Я бы сказала, что эта несвобода — это культурное понятие. Что чего-то не хватает в нашей культуре, и мы как носители этой ущербности, согласности с этим — это мы и представляем собой. Я никого не обвиняю, я тоже это собой представляю.

Я когда-то по молодости к своему отцу, который прожил почти девяносто лет и до конца жизни был коммунистом, и даже просил положить партбилет ему в гроб... Несмотря на то, что у него была болезнь Альцгеймера, он это точно помнил и все время рассказывал, как он за мамой ухаживал, и как победили под Сталинградом, и как он там в партию вступил — это с ним было намертво. В этом поколении эти вещи понятны. Он учился в институте журналистики до войны и со второго курса ушел на фронт. А после первых каникул из пятнадцати человек преподавателей осталось только пять, а остальные уже были... где-то. И я ему говорю: как вы могли, как вы молчали? И когда я поехала в Афганистан, вернулась и сказала ему: папа, мы убийцы, мы убиваем людей, нас там называют «шурави-гитлери». И у него не было аргументов, он заплакал.

Так вот сегодня я не была бы так жестока с моим отцом, которого я очень любила, хотя мы и были по разные стороны баррикад. Я бы не задавала этих вопросов, потому что сегодня я на его месте, можно сказать, и такой вопрос можно задать и мне — почему, почему? Потому. Потому что надо время, и это долгий путь. Мне кажется, что это один из главных ответов.

Петрович: Записка с вопросом не подписана, но я догадываюсь, что это вопрос от Сергея Шапрана. Светлана Александровна, вы рассказывали однажды о Геннадии Николаевиче Буравкине, что когда он возглавлял Гостелерадиокомпанию, вы написали сценарий о старой белорусской женщине. «Мне сказали: кому нужна старуха? Я пошла к Буравкину, он прочитал сценарий, кино было снято». Можно попросить вас подробнее рассказать об этом? И каким человеком остается в вашей памяти Геннадий Николаевич?

Алексиевич: Мы встречались с ним за несколько месяцев до его смерти, и я бы никогда не могла подумать, что такое может быть, потому что это был очень молодой человек, с молодой энергетикой. Разговаривали обо всем, и у него были планы, у него было желание что-то делать. Мне кажется, что он всегда был таким, несмотря на чиновничий вид. В советской жизни это особенно было видно: лощеность чиновников — они имели лучшие костюмы, лучшие машины — это все было. Я помню, что когда я пришла к нему, то сказала — вы почитайте, не может быть, чтобы вы, белорусский поэт, были к этому равнодушны. И действительно, фильм был снят. И, насколько я слышала, таких поступков со стороны Буравкина было много, у него была твердая белорусская линия, которую он вел, насколько это было возможно в то время. Мне кажется, что это был очень светлый человек.

Дмитрий Лукашук, журналист Европейского радио: Идя на эту встречу, я посмотрел в магазине, есть ли ваши книги. Они есть, но, к примеру, «У

войны не женское лицо» стоит 360 тысяч — почти 20 долларов. Я понимаю, что хорошие вещи должны хорошо стоить. Но на сегодняшний день для сегодняшних белорусов адекватная ли это цена, как вы думаете? И что с этим можно сделать?

Наши руководители часто говорят: посмотрите, что в Украине, хорошо, что у нас не так. Там, мол, нет порядка ни в Верховной Раде, ни между собой, там у них гражданская война. Вы только что вернулись из Украины, общались с людьми, каковы ваши ощущения? Действительно не следовало делать то, что они делали? Стоит ли нам бояться «русского мира», который так наступает на Украину? Нужно ли нам этого бояться? Как нам прийти к своей национальной идее, с которой у нас не очень хорошо?

Алексиевич: Знаете, если бы я знала ответы на ваши вопросы, я была бы лидером нации. Я хочу сказать, что я приехала потрясенная из Украины. Я раз в полгода там бываю, и каждый раз испытываю чувство такого потрясения — не только потому, что я там стала почетным доктором Киево-Могилянской академии, мантию мне дали, красивые такие старые условности...

Но такая деталь. На встречу со мной пришел один министр, второй... Министр культуры говорит на английском, поскольку встреча была в швейцарском посольстве. Министр какой-то технический тоже говорит на английском. Журналистка одна, вторая — говорят на английском. Студенты тоже. Я спрашиваю: что это значит? Мне отвечают: да у нас вся страна учит английский, мы хотим в будущее, мы хотим в Европу, мы хотим в

новый мир. Как это здорово видеть! Вот эта энергетика — она слышна.

А то, что делает российское телевидение — это просто преступление, это все неправда. Про фашизм, про «Правый сектор», о котором уже давно никто не говорит — там было какое-то жалкое количество людей, потому что как всегда, когда возникают революционные ситуации, бог знает что вылезает. И чаще всего на поверхность вылезает все темное. Оно вылезает и в обычной жизни... Вот посмотрите, в Москве... Не обязательно революционная ситуация.

В Украине люди хотят новой жизни, они говорят об этом, они готовятся. Знаете, я была на Майдане, где этот самодеятельный музей «Небесной сотни», подходят простые люди, вспоминают, никто там не знал, кто я. Одна вспоминает, как она пирожки таскала и ее в руку ранило, вторая носила бинты, все рассказывают удивительные вещи, о киевской церкви, как она достойно вела себя, как майдановцев принимала, там людей перевязывали, не пускали спецназовцев туда. Это такая общая память, это совершенно другое самоощущение народа, этому можно только позавидовать.

Конечно, все это страшно: горящие шины, убитые люди... Но кто их убил? Это же не Янукович. И много есть доказательств, всем известно, что там была эта «третья сила», которая свои интересы преследовала. Сейчас то же самое происходит, война на Донбассе, это понятно — Россия не хочет терять Украину, идут такие геополитические войны, здесь участвуют и сверхдержавы...

Но народ, который я знаю с детства (у меня мать украинка, а отец белорус), народ, несмотря на то, что они беднее одеты, но они устремлены в будущее, они как-то из этой материальности примитивной выскочили, они заняты другими вещами. Так что я желаю, чтобы они смогли победить. А все остальное есть.

Это не гражданская война ни в коем случае. Если быть честными — мы все живем на этой земле, — если привезти сюда пару грузовиков оружия, несколько десятков танков, мы абсолютно можем столкнуть Западную Беларусь с Восточной. Эти старые инстинкты, угли — католицизм, православие — это все можно раздуть, это очень примитивно, классика — как это делается.

Это все было, и они все отрицают, что это гражданская война. Они говорят: «Без России мы бы это все решили. Решили иначе». С кем ни поговоришь, и с беженцами, и с кем-то из киевской элиты — они все об этом говорят.

Но, конечно, олигархат не уступает. Конечно, олигархату нужно такое смутное время, чтобы делать свои дела. Потому что Украина, в отличие от Беларуси, очень богатая страна, там есть что делить, там есть что отдавать. И, я думаю, эти схватки у них быстро не кончатся. Вот Саакашвили, известны его выступления, когда он говорит, что нужна политическая воля, а этой воли Порошенко не хватает...

У меня должна была быть встреча с Порошенко, он даже просил, чтобы я задержалась, он был в Японии, а я не могла задержаться. Но не в этом дело. А дело в том, что вот украинский президент

хотел со мной встретиться, немецкий президент нашел время со мной встретиться... Это очень сложно все...

Мы же имеем дело с мифами. Как устроена сегодня жизнь: телевидение создает мифы в интересах тех, в чьих руках это телевидение. Жалко, что наши журналисты не могут так, как польские — ездить в Украину, разговаривать с людьми, рассказывать, что происходит на самом деле. Политический репортаж очень развит в Польше, журналисты ездят по всему миру. Почему-то это очень нужно полякам, а нам не нужно... Поэтому там есть другая нация, культура которой имеет другой, больший захват, и потом это сказывается на всем. А мы же такие... ну вот, сидим и слушаем, кто где сколько надоил. Надо же о другом говорить с нацией. Особенно с нами, которые вышли из лагеря, с нами надо говорить о других вещах.

И должны говорить люди, которым нация доверяет. Я когда жила в Швеции, в Германии: там кризис, и там самые разные люди — писатели, экономисты — и денно и нощно на разных каналах говорят об этом. У нас же никто об этом не говорит — кто-то один где-то там решил, и все. Утро начинается с того, что — а что там он решил? Мы все глупеем, культурная жизнь у нас устроена как-то неправильно, и в результате политическая жизнь устроена неправильно...

О ценах на книги. Для меня загадочно, почему у нас книга столько стоит — в России книгу можно купить гораздо дешевле. Для меня загадочно, почему и откуда такие цены. Такое ощущение, что книгу дали — и, попутно, одна из форм, чтобы ее

меньше покупали. Моя Наташа работает в колледже и получает 220 евро — как она может купить книгу за 20 евро? А если пять книг? Это значит, что нужно отдать половину зарплаты. Меня потрясает, когда наверху что-то происходит и мне разрешают быть на книжной ярмарке, наверное, какие-то игры с Европой — ко мне подходят люди с пятью книгами. Я спрашиваю — как вы смогли это купить? И человек говорит: «Я учитель, я должен это купить». Вы знаете, это лучшие слова любви для писателя.

Анна-Лена Лаурен, московская корреспондентка Dagens Nyheter: У меня два вопроса. Какие чувства у вас возникают, когда вы выступаете здесь, в Минске? Отличается ли это от других выступлений? И второй вопрос о Чернобыле. Тридцать лет будет скоро. Как вы сегодня, спустя тридцать лет после Чернобыля, смотрите на эту катастрофу, чему вы научились?

Алексиевич: О чувствах, когда я выступаю... У меня больше двухсот изданий по всему миру, около семидесяти языков. Это все потрясающе и приятно для меня. Но быть среди своих людей — я ведь почему и вернулась из Европы, я могла бы остаться и в Германии, и во Франции — но я хотела жить дома. Мои родители умерли без меня, это все очень грустно — жить вне родины, во всяком случае, таково мое устройство. Европейские люди к этому немного иначе относятся, они больше живут в общем мире. Но я пишу об этом мире, и мне надо это слышать, не только по интернету читать. Поэтому я сюда приехала, и я радостно слушаю, встречаюсь с нашими людьми. Это мой мир, это

моя земля. Мой главный читатель наверняка здесь. Хотя я вообще люблю человека. Я люблю японского читателя, немецкого, шведского. Они, в общем-то, в чем-то все одинаковы, все люди хотят понять свое время, понять его страхи, его опасности, как сохранить себя, мужество какое надо, чтобы жить. Во всем мире люди вычитывают это из моих книг, и я этому очень рада.

Что касается Чернобыля, я благодарна, что меня сделали почетным руководителем оргкомитета Чернобыльского шляха. Я думаю, что Чернобыльский шлях — это то малое, что еще сохранилось из нашего сопротивления тому, чтобы Чернобыль забыть. Атомная станция строится у нас, как будто у нас нет Чернобыля и как будто мы не знаем, чем это опасно. И как будто мы не знаем, какую цену заплатили за этот «мирный атом». Но диктатура, авторитарная любая власть опасна тем, что она примитивная. Она упрощает все проблемы, стоящие перед ней. У нее остается только одна проблема — это проблема власти, здесь бы Макиавелли мог быть равным тому, что происходит, настолько все это внушает удивление. Те проблемы, которые перед нами стоят, они очень сложные. Для власти нет проблем культуры, нет чернобыльских проблем. Это все как бы отсутствует, а если и присутствует, то в каких-то упрощенных вариантах.

Ну как я могу серьезно относиться к министру информации Ананич, у которой спрашивают: «А почему нет книг Алексиевич по-белорусски?» А она говорит: «А все права у русского издательства». Ну, если ты руководишь, то ты должна знать,

что русское издательство интересуют только русские права, ему совершенно не нужны белорусские права. Или когда у главного редактора «Мастацкай літаратуры» спрашивают, почему нет книг Алексиевич, он говорит: «Она не принесла рукопись». Ему задают второй вопрос: «А если она принесет рукопись?» — «Знаете, у нас пятьсот рукописей, на пять лет». Власть же не существует так, что сидит во главе один человек — это целая цепочка, происходит какой-то подбор. Это очень сложное существование — и наше в нем тоже.

Что касается Чернобыля. Проблема эта станет перед нами. Недавно я разговаривала с японцами, и они сказали, что многие вещи у нас похожи: «У нас власть вела себя так, как ведет себя ваша власть. Много чего мы не знали. Но мы были вооружены вашими знаниями. Без Чернобыля мы были бы не так готовы к Фукусиме». Все-таки чернобыльский урок в мире остался. Есть такой анекдот, немного грубый: «Если бы Чернобыль взорвался у папуасов, весь мир бы знал, кроме папуасов». Наша власть иногда мне напоминает таких папуасов... (*Аплодисменты.*)

Все происходит, дети умирают... Вот я приехала, а меня не было десять лет, — многие мои друзья, человек десять-двенадцать, умерли от рака. Кто в пятьдесят с чем-то лет, кто в шестьдесят — это все-таки не тот возраст. Но самое главное — одна и та же болезнь. Это и предсказывалось. Профессор Бандажевский начинал испытания и изучение того, что с нами будет. И где сейчас Бандажевский после тюрьмы, и что с ним? И как это все было разгромлено? Чернобыль — это проблема, кото-

рую мы не поняли и не изучили. А поскольку мы живем в авторитарном обществе, под тотальным контролем, сопротивление атомной энергетике очень слабое, очень мало людей этому сопротивляется.

Я думаю, экологические проблемы сегодня выходят на первый план, а тем более экология, связанная с такими технологиями. Собственно, это новая форма войны. Поэтому Чернобыльский шлях, я считаю, — это дело каждого белоруса, если он думает о своих детях. Хотя бы продемонстрировать, что мы помним, мы знаем и мы хотим, чтобы эти проблемы решались. Дозиметры, как обещали, так и не дали. Дали в нескольких деревнях, насколько я знаю, а эти дозиметры трещали день и ночь — и решили больше их не давать. Пункты, где проверяли еду, сократили из экономии. Никто нас не защитит, если мы не защитим сами себя.

Татьяна Короткевич, лидер кампании «Говори правду»: Наверное, неспроста вы так интересуетесь судьбой маленького человека, потому что, мне кажется, сегодня каждый белорус хотел бы, чтобы на него обратили внимание. Он как бы кричит и хочет внимания всего общества, чтобы обратили внимание на его проблему. Но мне бы хотелось заглянуть немножко глубже и дальше, вперед. Как вы думаете — среди всех тех историй, которые вы выслушали, написав свои пять книг — что белорусов объединяло раньше, объединяет сегодня и сможет объединить в будущем? Какие темы, идеи или проблемы?

Алексиевич: Мы говорили, одна из проблем — это Чернобыль. Если наша власть «окультурилась»,

то это будет одна из главных наших проблем, потому что мы пострадали больше всех. Эта проблема на несколько поколений, это несомненно.

Конечно, национальная проблема — одна из главнейших проблем. Проблема языка, литературы, культуры, чтобы мы стали полноценной нацией, чтобы мы заявили о себе. В Украине в советское время все говорили по-русски, а теперь, когда я была там недавно — я не слышала там русской речи, все говорят по-украински. По-украински и по-английски. Значит, это можно. Может нация сделать такой рывок. Это возможно. У нас с кем ни встретиться — врачи, таксисты, случайные люди — все умные, все всё понимают. Но почему-то каждый сидит, как крот, в своем углу. Что они там роют, я не знаю. Так что национальная проблема самая главная, и Чернобыль — проблемы, которые надо решить в ближайшее время, у нас не так много времени, мы и так опоздавшая нация, мы всё решаем позже, а время убыстряется, мир очень глобализируется.

Денис Кучинский, президент студенческого представительства ЕГУ: Я хотел бы вернуться к такому понятию, которое не имеет антонимов — любовь. В древнегреческом языке даже несколько слов есть, чтобы описать это: агапэ, филия, эрос... У меня два вопроса. Что есть любовь для Светланы Алексиевич? И второй вопрос: возможна ли любовь без жертвы и страдания?

Алексиевич: Ох, с этими жертвами и страданиями, мы не можем без этого... Конечно, есть метафизические страдания. Но только бы без крови. Потому что я из тех людей, которые... Это здо-

рово — Майдан, но мне ближе Ганди, пацифизм. Могла бы я позвать людей на Площадь? Сама бы я могла пойти, а позвать детей — не знаю. Для меня это большой вопрос — имею ли я право на чужую жизнь, то, что политики решают без проблем. Да, я пойду, у меня «корочки» Алексиевич, мне дадут по голове где-нибудь, но на второй день, надеюсь, выпустят. Хотя тоже все может быть. Но дети... Дети, эти страдания... Когда я писала «Время second-hand», искала героев, то видела людей, которые съезжались со всей Беларуси на своих стареньких машинах — простые матери и отцы — и плакали под стенами тюрьмы. Это было невыносимо... Я боюсь, что у нас еще все может быть. Это очевидно. И Россия такая огромная, она может втянуть нас в воронку. Украину никто не пускает в Европу, а кто уж нас отпустит?

Все очень сложно, времена тревожные. Но это все не отменяет нашу единственную жизнь, потому что другого случая, что каждый из нас с нашим сознанием попадет на эту землю — гарантии нет. Поэтому, конечно, надо быть счастливым, надо попробовать, постараться.

А что такое любовь для меня? Да как и для всех... Это, наверное, такое утешение от Бога, чтобы не страшно было умирать.

Петрович: Вопрос в записке такой. Планируете ли вы написать книгу о лагерях, о репрессиях, об их влиянии на нынешнее белорусское общество, о Куропатах?

Алексиевич: Я почти сорок лет писала вот эти свои пять книг, такую энциклопедию «красной утопии», и мне кажется, что все, что я могла, я

сказала. ГУЛАГовцев, я думаю, уже в живых не осталось. Даже те, кого я застала, уже были древние старики, уже даже не с кого было спросить. Ты с ним говоришь про ГУЛАГ, а он тебе начинает говорить, что у него сегодня желудок болит. Человек уже в таком обличье, в такой немощи, а ты знаешь про него страшные вещи. Оказывается, есть некая черта возраста, когда это уже не тот человек, это уже другой человек. Формально он как бы тот, который все это делал, а говорить с ним нельзя, потому что он уже весь в биологии, к нему уже пробраться невозможно... Не знаю, с тем взглядом, как я смотрю на вещи, я думаю, что все, что я могла, я в своих книгах уже сказала.

Когда я подумала, о чем бы я могла еще написать, — а мой жанр требует такого эпического простора: должно быть много людей, это должна быть такая тема, где, как говорил Бродский, очень много метафизики. Когда его спрашивали, чем хорошая литература отличается от средней, он отвечал: «Вкусом к метафизике». Так вот, для этого жанра должна быть тема «со вкусом к метафизике». Таких тем только две. Собственно, наша жизнь вертится возле двух вещей: любви и смерти. А социальные вещи — это наше, это потому, что мы еще не пришли к себе как к человеку, которым он должен быть, мы еще на пути к этому. Сейчас я буду эти две темы разрабатывать: любовь — и старость, смерть. Я пишу очень медленно, я же не пишу, я проживаю книги, я обживаю идею, тему. Это очень долгий путь, много людей, размышлений, это и книги прочитанные. Это же не так, что

пришел, взял какую-то тему и сделал... У меня еще лет на двадцать работа есть.

Лукашук: Вопросы становятся все более философскими. Наша встреча приближается к более материальной части: к автографам. Светлана, прежде чем начать подписывать книги, вам — заключительное слово.

Алексиевич: Я хочу просить прощения у журналистов, что очень мало даю интервью. Я, конечно, должна проделать этот нобелевский марафон — я же не могу получить медаль и закрыться в башне из слоновой кости. Нет. Очень много книг выходит во всем мире, я по правилам должна быть на презентациях. И за границей, и здесь я даю немного интервью по той простой причине, что я устала от самой себя. Мне неинтересно, скучно, я уже абсолютно себя, мне кажется, знаю. Поэтому мне тоже надо время и тишины, и какого-то обдумывания... Когда-то мне в одном монастыре в Японии подарили ложку, и что-то пронзительное было в том монахе — я получила абсолютно то, что мне нужно. Там была написана притча, как сын приехал к отцу и начал ему хвастаться, какой он успешный, как у него все потрясающе. Отец слушал его молча, бесстрастно, и сын спрашивает отца, почему тот не радуется, а отец отвечает: я радуюсь, но ты иногда имей время подождать свою душу. Это состояние очень надо в себе беречь — и, мне кажется, я как раз в таком состоянии, и поэтому, пожалуйста, прошу не обижаться на меня. Ведь вопросы, как кажется, одни и те же, а для того чтобы ответить, нужно «электричество»,

разговор. А что ж я буду тиражировать саму себя в бесконечных вариантах...

В конце я хотела бы сказать еще такую вещь: жить очень интересно. Несмотря ни на что, надо помнить, что есть твоя единственная жизнь. Нам приходится существовать в двух вариантах — с одной стороны, иметь гражданскую позицию, быть человеком своего времени — из своего времени никуда не выскочишь, ты к нему привязан, приколотен, ничего с этим не сделаешь... Хотя находятся чудаки, я с одним разговаривала в Германии, он поселился где-то в глуши, без ничего — ну, это тоже как-то не очень... Мы все-таки более нормальные люди, будем жить, как всегда люди жили. Надо находить силы оставаться человеком. В конце концов, много людей — мы даже видим сегодня — находят силы быть людьми даже в невероятных обстоятельствах. Вот как, например, украинская летчица Надя Савченко. Я когда написала книгу «У войны не женское лицо», я думала, что таких людей больше никогда не будет. А вот, пожалуйста — моя героиня.

И, конечно, надо обязательно постараться быть счастливым. Потому что, я еще раз повторяю, жизнь единственная. Есть много радостей даже в этих обстоятельствах. Я вспоминаю рассказ — печальная концовка будет у моего выступления — рассказ одной женщины о любви в лагере. Там мужчины и женщины были отдельно, но какие-то места, где можно было справлять определенные нужды, были рядом. И вот она успевала с ним на протяжении нескольких лет где-то там сбежаться. И она произнесла такую фразу: «И все равно я

была очень счастливая — я его видела. И благодаря этому я выжила». Надо обязательно найти в жизни то, за что можно зацепиться. А главное — сейчас, в наши смутные времена важно сохранить в себе человека. Не согнуться.

Будут новые времена, и им нужны будут новые люди.

Шесть ручек Алексиевич

16 апреля 2016

Александр Лукашук

Кто не попал в зал Дворца Республики на встречу со Светланой Алексиевич, мог посмотреть видеотрансляцию на сайте Радыё Свабода. А здесь — о том, что туда не попало.

Нобелевская аренда

— Почему вам дали Дворец?!

Этот вопрос задают знакомые, малознакомые и незнакомые.

— Дали, потому что Союз белорусских писателей — авторитетная организация, — авторитетно отвечает председатель союза Борис П., который заключал договор аренды от имени СБП.

Я пытаюсь отделаться душой, которую продали дьяволу, но журналисты оказываются атеистами и сразу спрашивают о коммерческой тайне — за сколько.

Дворцовое начальство многочисленно и разнообразно, и версии ответа варьируют от невероятного удивления самой постановкой вопроса («А что тут такого, у нас вот даже группа “Раммштайн” выступала!») до констатации более вероятной и почти очевидной реальности («Пустуют залы, нечем заполнить, на треть уже штат сократили...»). Доходит даже до правдивых намеков («Мы сами принимаем решение полностью самостоятельно, но было еще несколько инстанций, не знаем сколько»).

Не спрашивает одна Светлана, она сразу отвечает: видимо, всё же хотят в Европу.

Нобелевская расческа

Такси со Светланой не пропускают через шлагбаум, и мы с Борисом П., писательницей и ее подругой обходим Дворец по кругу. Идти долго. Ветер, дождь, на входе толпа, друзья, знакомые, для каждого — отличительная черта Алексиевич — она находит время, слово, задает вопросы, выслушивает, причем все это как-то без суеты, спокойно, даже неспешно. Но все же как-то пробиваемся, проходим за сцену и попадаем в гримерку. И тут Светлана вспоминает, что забыла расческу.

Первый с краю в зале сидит известный критик Тихон Че, и я прошу одолжить расческу. У критика расчески нет.

— В нашем союзе критика непричесанная, — авторитетно объясняет Борис. — А во втором все лысые.

Выручает девушка в сиреновой кофточке. Светлана причесывается перед зеркалом, потом я возвращаюсь в зал — девушки нет. Отдаю расческу Тихону Че.

Что-то теперь будет с критикой?

Нобелевское фойе

Как только была объявлена автограф-сессия, половина зала оказалась на сцене, и живая очередь оплела Светлану слева, справа, сзади, спереди, а некоторые особо энергичные лица устроили очередь сверху, над лауреатом.

— Высокого полета люди, — авторитетно объясняет Борис. — Это ничего, главное, чтобы из подполья не никто не полез.

Время аренды заканчивается через час, становится ясно, что даже половина желающих не получит автограф (сцену нужно демонтировать и подготовить к следующему мероприятию). Я предлагаю людям в конце очереди поставить нобелевское факсимиле — Светлана разрешила сделать печать с ее подписью. Подходят несколько человек, которые больше не могут ждать, им надо на поезд или автобус — я ставлю десятка два печатей. Остальные на искушение не поддаются и стойко ждут чуда.

И небольшое чудо случается: нам дают бонус, полчаса, а потом разрешают продолжить сессию в фойе.

— Дожили, — говорит одна дама. — Нобелевский лауреат подписывает книги в коридоре.

— Не в коридоре, а в фойе, — авторитетно поправляет Борис. — Потом табличку повесят: здесь работала Светлана Алексиевич.

Над возвращением в Европу, хочется добавить мне.

Нобелевские объятия

Светлана подписывает книги, будто в очереди не сотни людей, а один человек.

Спрашивает имя, откуда, где учится, на кого. Одна девушка говорит, что изучает статистику. И как потом, можно прожить с таким образованием? Алексиевич спрашивает с таким искренним ин-

тересом, что у меня мелькает мысль, не хочет ли она сама сменить профессию.

— Подписывает книги так, как их пишет, — авторитетно объясняет Борис. — Для одного и об одном. Главное, чтобы обнимались по одному.

Светлану действительно все время обнимают, особенно молодежь — обнимут и щелкают сэлфи. Борис рассказывает, как после возвращения из Стокгольма один член союза в порыве чувств так сжал лауреата, что та потом неделю из дома не могла выйти. Я с ужасом вспоминаю, что когда встречал Светлану у шлагбаума на улице, тоже обнял ее.

— Ты же в костюме выскочил, Светлана видела, что замерз, — авторитетно объясняет Борис. — Издалека можно было подумать, что это она тебя обняла.

Я ему верю.

Нобелевские охранники

Третий час автограф-сессии подходит к концу, последние две книги Светлана подписывает своему любимому корреспонденту *Радые Свобода* Дмитрию Бартосику, который стал в очередь второй или третий раз — первый раз народ закричал, чтобы больше двух книжек в одни руки не подписывали. Светлана с сочувствием цитирует репортаж Бартосика из ее школы, где он признается, что после бесед с ее бывшими учителями чуть не сошел с ума.

Я в этот момент думаю, что с ума сойдем мы: из-за угла и колонн на нас движется группа сотрудников дворцовой охраны в спецформе. Бу-

дут брать, со страхом думаю я — и не ошибаюсь. Пришли брать автографы.

У каждого по несколько книг «*Бібліятэкі Свабоды*» в руках, просят себе, детям, один говорит, что для отца, тот был директором школы.

— И мой отец был директором школы, — говорю я.

— Правда? И мой тоже был директором школы, — Светлана смотрит на меня и охранника с солидарностью, пока я собираюсь сделать фото двух директорских детей.

— Нас фотографировать запрещено, уберите камеру, — вдруг строго говорит охранник.

— Поэтому их так и зовут — бойцы невидимого фронта, — авторитетно объясняет Борис.

Светлана даже бровью не ведет.

Нобелевские ручки

Вполне возможно, что в этот день рождается новый нобелевский рекорд.

Люди пришли на встречу с книгами разных лет издания, на разных языках, плюс каждый еще получил в подарок экземпляр книги «*Святлана Алексіевіч на Свабодзе*». Это была первая в Беларуси публичная встреча нобелиантки с читателями после церемонии в Стокгольме, и Светлана устроила марафон — подписывает всем всё. Час, второй, третий...

Потом я у нее спрашиваю, умеет ли она доить корову — просто чтобы ручку держать столько времени, надо иметь очень сильную руку. Ну, как у доярки. Светлана говорит, что никогда не доила, ничего практического руками делать не умеет,

берет мою руку и изо всех сил жмет — но нобелевское рукопожатие не сокрушительное, просто уверенное, нормальное такое пожатие. И я так могу. Даже сильнее.

— Писатели пишут не рукой, — авторитетно объясняет Борис.

— Ручкой! — догадываюсь я.

Точнее — ручками. Один из рекордов дня — шесть исписанных нобелевских ручек. У Светланы было две или три, исписались, одолжили еще одну, потом еще, и в конце на столе лежало шесть исписанных ручек.

Я их собрал и положил себе в карман — во-первых, кому нужны исписанные ручки. Во-вторых — а вдруг там еще что-то осталось.

Пригодятся для следующего раза.

Именной указатель

А

- Абрамов Федор 57
Абрамович Роман 191, 357
Авижюс Йонас 641
Аврамчик Микола 343
Аврутин Анатолий 375
Адамович Алесь 6, 7, 10, 214, 231, 313, 314, 343, 352, 353, 373, 374, 420, 463, 464, 467, 468, 474, 480, 491, 522, 524, 532, 594, 603, 611, 638, 641, 647, 663, 670, 681, 693, 695
Адамчик Вячеслав 369, 385, 647
Аденауэр Конрад 188
Адорно Теодор 532, 611
Азарёнок Юрий 76
Аксак Валентина 28, 34, 219, 278
Акудович Валентин 101, 103, 108-113, 116, 117, 119, 327, 338-341, 695
Акутагава Рюноске 641
Александр III 425
Алин Урбан 635
Алферов Жорес 488-492, 506
Амин Хафизулла 22, 23
Ананич Лилия 703
Андреев Леонид 421
Андрич Иво 436, 498
Андропов Юрий 301
Андрухович Юрий 504
Антоний Сурожский 482
Антонишина Александра 646
Антонович Иван 11, 12
Апелинская Ариадна 145
Аристотель 183
Аристофан 610
Арлов Владимир 19, 49, 93, 131, 219, 442, 451, 512, 688
Арон Раймон 610
Архангельский Александр 538
Архангельский Андрей 537
Астафьев Виктор 315
Ататюрк Мустафа Кемаль 251
Атрахович Игорь 491
Ахматова Анна 79

Ахметов Ринат 256
Ахромеев Сергей 134

Б

Бабина Наталка 222
Бандажевский Юрий 325, 328, 329, 704
Барбюс Анри 216
Бартосик Дмитрий 645, 715
Басинский Павел 538
Бахаревиц Альгерд 459
Беккет Сэмюэл 433
Белл Тимоти 261
Белов Василий 641
Бергсон Анри 532
Бердяев Николай 77, 80
Березовский Борис 191, 560
Берия Лаврентий 471, 539, 548, 674, 675
Берлускони Сильвио 314
Битов Андрей 533
Бичель Данута 100
Блок Александр 525
Бобков Игорь 72, 75, 76, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 459
Богданкевич Станислав 188
Богданович Максим 520
Богушевич Франтишек 43
Бондарев Юрий 422
Бондаренко Зинаида 675, 676
Бородулин Рыгор 49, 93, 95, 96, 442, 447, 526, 647, 688
Борхес Хорхе Луис 385
Борщевский Лявон 449
Бочоришвили Елена 533
Брежнев Леонид 17, 200, 314, 349, 356, 556
Брейвик Андерс 304
Бровка Петрусь 491
Бродский Иосиф 258, 433, 489, 490, 531, 589, 708
Брыль Янка 118, 231, 343, 369, 385, 480, 532, 640
Буковский Владимир 22
Булацкий Григорий 217
Булгаков Валерий 38, 45, 50, 51, 53, 64
Бунин Иван 433, 467, 488, 522, 534
Буравкин Геннадий 85, 86, 89, 91-93, 95, 97, 98, 102, 113, 219,
242, 374, 375, 442, 521, 697
Буш Джордж-младший 54

Быков Василь 6, 14, 17, 20, 47, 49, 61, 73, 93, 144, 231, 242, 283, 313-315, 343, 344, 388, 415, 420, 442, 447, 455, 463, 464, 466-468, 474, 488, 491, 494, 512, 522, 524, 526, 638, 647, 648, 651, 663, 669, 670, 679, 688, 695

Быков Дмитрий 537

В

Вальстрём Маргот 579, 592

Вестберг Пер 632, 655

Вик Ханс-Георг 92

Вирильо Поль 212

Вишневская Екатерина 213

Войтешонок Мария 241, 345, 446

Вольтер 355

Г

Гавел Вацлав 351, 540, 543, 562, 689, 693

Гамсахурдия 315, 523

Ганди Махатма 707

Гаршин Всеволод 421

Геббельс Йозеф 385

Герасимович Ирина 334

Герцен Александр 195, 208, 536

Гершман Карл 563

Гессе Герман 351

Гилевич Нил 110, 442, 676

Гиль Микола 670

Гитлер Адольф 96

Глебка Петро 491

Глоба Павел 261, 301

Гобл Пол 23

Гомбрович Витольд 501

Гончарик Владимир 102

Горбачев Михаил 14, 249, 352, 392, 615, 638, 650, 677, 641

Гранин Даниил 491, 532

Грачев Павел 398

Григорьев Владимир 469

Грин Александр 26

Гронкевич-Вальц Ханна 431

Грушевой Геннадий 148-152, 155, 157, 160

Гусейнов Гасан 538

Гутенберг Иоганн 44

Д

- Давыдько Геннадий 551
 Далай-лама 638
 Даниус Сара 599
 Дашкова Полина 144
 Дашук Виктор 463
 Дащинский Алесь 320, 392-397, 540, 541, 542, 543, 544
 Демакова Хелена 65
 Джигун Валерий 548
 Джойс Джеймс 352, 353, 434
 Диковицкий Алексей 550
 Диоген 46
 Дмитрий Донской 185
 Домрачева Дарья 469, 477
 Достоевский Федор 7, 124, 144, 195, 208, 312, 353, 434, 500, 517, 522, 538, 559, 612, 613, 641, 662, 673, 674, 693
 Драгунский Денис 538
 Дракохруст Александр 344
 Дракохруст Юрий 38-42, 45, 50, 51, 53, 54, 56, 58, 60, 61, 62, 63, 68, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 80, 82, 85, 88, 90, 92, 94, 96, 98, 101, 102, 103, 105, 107, 108, 110, 112, 113, 115, 116, 117, 148, 149, 151, 154, 155, 157-159, 173-175, 177, 180, 181, 183, 184, 187-190, 220, 246-248, 250, 251, 253, 256, 257, 271, 272, 274, 275, 283-287, 289, 290, 292, 293, 295-297, 299, 300, 302, 304-307, 517, 662
 Дранько-Майсюк Леонид 219
 Дробыш Виктор 507, 516
 Друнина Юлия 134
 Дубенецкая Ирина 340, 341
 Дубовец Сергей 16, 289, 290, 295- 298, 301, 302, 441, 442, 552, 568, 624, 640, 659
 Дубовская Юлия 550
 Дункан Кристин 635
 Дынько Александра 467, 555, 557-561, 567, 570, 578, 579, 581-584, 587, 592, 625, 630, 631, 653-655, 658, 663, 664, 666, 690
 Дынько Андрей 52, 92, 95, 96, 246-248, 250-254, 256-258

Е

- Евтушенко Евгений 449
 Екатерина II 355, 387
 Ельцин Борис 123, 239, 240, 281
 Ергович Миленко 497

Ж

Жанна д'Арк 545, 546
Жданко Валентин 505
Жжёнов Георгий 423

З

Забужко Оксана 400, 493, 504
Завада Анджей 312
Задорнов Михаил 529
Зайковская Екатерина 408, 511
Законников Сергей 139, 219, 442, 668, 672
Зандер Хельке 263
Заремба-Белявский Мацей 431
Зарецкий Михась 402
Зеленин, инспектор 650
Зенькович Николай 122
Зинатов Тимерян 134
Зингер Исаак Башевис 498
Зиссер Юрий 342, 555, 570
Знаткевич Алексей 235, 236, 238, 239, 240, 241, 242, 244, 632
Зуёнок Василь 442

И

Иван I Данилович Калита 185
Ивашкевич Ярослав 695
Ипатова Ольга 110, 113, 219
Искандер Фазиль 533

Й

Йейтс Уильям 437

К

Кабаков Илья 128
Кадаре Исмаил 501
Кадыров Рамзан 240
Казько Виктор 385, 512
Калиновский Кастусь 103
Калитько Наталья 646
Калныньш Валерий 587
Калякин Сергей 102
Камоцкая Кася 338, 339

- Кампанелла Томмазо 610
Канетти Элиас 433, 498
Капица Петр 506
Капуцинский Рышард 429, 431, 479-481, 501, 502
Карбалевиц Валерий 494
Каримов Ислам 129
Карл XVI Густав 549, 631, 635, 655, 663, 687
Карпенко Геннадий 105
Кафка Франц 641
Качинский Лех 117
Кашин Олег 470, 537
Квятковский Северин 338
Киплинг Редьярд 40
Киркоров Филипп 472
Кисель Галина 650
Кислик Наум 344
Кит Борис 325
Клима Иван 359
Клинов Артур 574
Клинтон Билл 66
Кобяков Андрей 494
Козулин Александр 104, 105, 107, 108, 110, 112, 113, 117, 118,
163, 164
Колас Якуб 434, 435, 470, 491, 512, 524, 559
Колесник Владимир 480, 532
Коломайнен Роберт 31
Копелев Лев 351
Короткевич Владимир 231, 647
Короткевич Татьяна 474, 561, 705
Кортасар Хулио 385
Костюкевич Павел 380
Коялович Михаил 536
Краль Ханна 480, 481
Крапива Кондрат 491
Краснова-Гусаченко Тамара 375
Крол Джордж 98
Крупин Владимир 534
Крысько Галина 648, 649
Кудравец Анатолий 136, 442
Кудрицкий Алесь 334
Кулешов Аркадий 491
Кульманн Фиве Каси 631
Кундера Милан 344

Куневич Георгий 34
Купала Янка 18, 19, 36, 43, 205, 434, 435, 441, 512, 666
Курейчик Андрей 566
Курлович Савва 122
Кучинский Денис 706
Кучма Леонид 129

Л

Лавровская Ирина 127
Лазарчук Андрей 529
Ламмерт Норберт 351
Ландау Лев 506
Лаурен Анна-Лена 702
Ле Пен Жан-Мари 74
Лебедько Анатолий 102
Лёвен Стефан 635
Левенталь Вадим 530, 531, 532
Ленин Владимир 22, 192, 291, 349, 611, 615, 648, 649, 685
Леонов Василий 257
Лимонов Эдуард 528, 529, 530
Линг Сергей 253
Линдгрен Астрид 351
Линдквист Сванте 635
Литвиненко Александр 240
Литтелл Джонатан 386
Лопатка Якуб 30
Лукашенко Александр 38-40, 46, 50, 51, 54-58, 60, 63, 66, 82, 86, 89, 95, 98, 101-104, 107, 111, 117, 118, 120, 122, 129, 130, 138-140, 142, 145, 164, 172, 177, 178, 183-187, 199-202, 223, 237-239, 246-249, 251-258, 261, 264, 267, 280, 281, 285, 291-295, 297, 298, 300, 309, 310, 328, 333, 335, 344, 350, 355, 357, 378, 387, 394, 395, 397, 398, 407, 417, 457, 469, 470, 474-477, 481, 486, 494, 495, 502, 505, 507-517, 519, 520, 526, 536, 540, 543, 553, 556, 558, 559, 561-566, 568, 576, 624, 642, 649, 651, 661, 662, 664, 666, 679
Лукашук Александр 8, 10, 14, 18, 38-41, 43, 44, 46, 352, 441, 442, 552, 667, 668, 670, 671, 676, 678, 679, 687, 690, 692, 709, 712
Лукашук Дмитрий 697
Лундгрен Гунилла 626, 628
Лыньков Михась 491

М

- Макаревич Андрей 527
Макиавелли Никколо 703
Маккейн Джон 40
Максимюк Ян 248, 354, 355, 356-373, 433, 439, 572, 643, 653,
655, 657, 661, 665
Маленков Георгий 314
Мамардашвили Мераб 208
Манаев Олег 309, 310
Манн Томас 434
Мао Цзэдун 56, 300
Маринина Александра 144
Маркес Габриэль Гарсиа 205, 385, 434, 437, 522, 641
Марк Карл 611, 685, 692
Марочкин Алексей 455
Мартинович Анна 649
Мартинович Василий 649
Марчук Георгий 435
Машеров Петр 356, 676
Машерова Полина 676, 677
Медвед Наташа 504
Мень Александр 428
Меркель Ангела 360, 527, 541
Милинкевич Александр 102-106, 108, 110, 113, 116, 117, 120, 142
Милош Чеслав 448, 493
Минаев Борис 538
Миронов Сергей 122
Миронова Татьяна 692
Мистраль Фредерик 433
Михник Адам 431
Мицкевич Адам 466
Мицкевич Жанна 271, 272, 275
Модиано Патрик 433
Моммзен Теодор 532
Мор Томас 610
Мотолько Антон 591
Муравьев Михаил 536
Муссолини Бенито 348

Н

- Наполеон 422
Наумчик Анна 440

Наумчик Сергей 22, 121, 122, 146 192, 313, 440, 488-492, 521,
653, 656, 661-664, 679, 685
Некляев Владимир 101, 103-105, 107-111, 113, 117, 118, 219, 281,
290, 435, 447, 452, 688
Нечаев Сергей 538
Никулин Николай 423
Ницше Фридрих 217, 347, 612
Ниязов Сапармурат 251
Нобель Альфред 484, 631, 632
Новиков Евгений 137-139
Новодворская Валерия 313

О

Обама Барак 398, 414, 527, 650, 651
Огинский Михал Клеофас 466
Окуджава Булат 242, 518
Ольшевский Михал 431
Орехво Николай 192
Орлова Любовь 652
Остин Джейн 434
Оуэн Роберт 610

П

Павел апостол 203, 482
Павлов Савелий 11
Пазыняк Зенон 20, 66, 82, 88, 111, 116, 117, 120, 192, 474, 649,
651, 679, 680
Памук Орхан 351, 402, 498
Панкратова Елена 36
Пас Октавио 438
Пастернак Борис 467, 488, 506, 522, 533, 534, 656
Пастернак Борис Натанович 584, 587
Пашкевич Алесь 110
Петкевич Сергей 261
Петр Сильвестрович 57, 59, 252, 290, 291, 292, 297, 301, 543, 561
Петрович Борис 352, 380, 447, 574, 667, 668, 675, 687, 697, 707,
712-717
Петрович Владимир 410
Петросян Мариам 533
Петрушевская Людмила 533
Пец Инго 333, 335
Пинтон Анника 627

Плакс Дмитрий 572, 573, 574, 575, 576, 643
Платон 610
Платонов Андрей 424, 685
Плеханов Георгий 692
Поллак Мартин 431
Положанко Наста 289, 293, 295, 296, 298, 299, 302, 303
Поляков Юрий 535
Порошенко Петр 700
Прилепин Захар 408, 409, 423, 470, 485, 530, 534, 535, 538, 597
Проханов Александр 530, 534
Путин Владимир 43 66, 107, 117, 239, 240, 378, 393, 394, 397,
398, 411, 414, 417, 429, 470, 471, 476, 478, 486, 509, 519, 517,
527, 539, 540, 541, 543, 544, 566, 660, 661, 693

Р

Радкевич Елена 325, 326, 327, 329, 330
Разгон Лев 329
Разин Степан 163
Распутин Валентин 641
Рассел Бертран 532
Рейган Рональд 77
Реймонт Владислав 641
Ремарк Эрих Мария 385, 422
Розанов Василий 195, 208
Романов Николай 211
Рондарев Артем 390
Ротман Давид 148, 154, 157, 158
Рузвельт Теодор 396
Руцкой Александр 11
Рязанов Алесь 49, 688

С

Саакашвили Михаил 700
Савченко Надежда 411, 412, 414, 545, 546, 547, 548, 567, 710
Садовский Петр 173, 175, 176, 179, 181, 183, 186-189
Саевич Томаш 211
Сапега Лев 185
Сарамагу Жузе 344
Сартр Жан-Поль 641
Сасим Игорь 49

- Сахаров Андрей 24, 506
Свинаренко Игорь 532
Северинец Павел 448
Сёдерберг Мария 574, 579, 580
Семашко Иосиф 536
Сен-Симон Анри 610
Сенкевич Генрик 433, 448
Серафим Саровский 482
Сервантес Мигель 434
Сергий Радонежский 185
Силицкий Виталий 92
Сильверхельм Лотта 626
Синицын Леонид 253
Скобла Михась 374, 375
Скорина Франциск 552-554
Смолонская-Красковская Светлана 549
Снайдер Тимоти 564, 565
Соколов Ефрем 11
Солженицын 258, 329, 360, 392, 393, 473, 483, 488, 489, 498,
499, 506, 533, 598, 694
Солодуха Александр 416
Сольман Михаэль 635
Сорокин Владимир 408
Сорокин Игорь 271, 274
Соусь Анна 32, 259, 261, 262, 264, 265, 267, 280
София, принцесса 635
Сталин 41, 56, 216, 246, 249, 254, 263, 300, 344, 346, 349, 386,
420-422, 471
Сталин 509, 535, 539, 548, 556, 594, 611, 615, 637
Станкевич Юрий 136
Станкевич Юрий 368, 369
Старикевич Александр 52, 53
Стародубцева Лидия 627-629
Стоппард Том 531
Стрелко Валерий 352, 380
Стрельцов Михась 385, 647
Струве Елена 165-171
Студинская Инна 70, 222, 268, 342, 376, 399, 463, 545, 549, 590
Сурвилла Ивонка 466, 521
Сыс Анатолий 219
Сэй-Сёнагон 210

Т

- Тагунская Галина 213
Тарас Валентин 344
Твардовский Александр 57
Теркел Стадс 603
Тимошенко 396
Тиханович Алена 653, 655-666
Толстая Татьяна 529, 530
Толстой Иван 313, 315
Толстой Лев 195, 422, 482
Трус Павлюк 159
Тюрина Татьяна 323

У

- Уилсон Хуанита 278
Улитенок Александр 224, 225, 227, 229-231
Улицкая Людмила 530, 535, 538

Ф

- Федоренко Андрей 368, 369
Федоров Николай 124
Федорченко Софья 603
Федута Александр 122, 123, 246, 247, 253, 256, 258, 484
Флинн Джеймс 278
Флобер Гюстав 6, 169, 434, 609, 641
Франко Франсиско 300
Франциск Ассизский 482
Фрейд Зигмунд 167, 217
Фростенсон Катарина 580
Фурье Шарль 610

Х

- Хаданович Андрей 93, 334, 460, 574
Хайям Омар 350
Халай Наталия 555, 702
Халай Яна 555
Хантингтон Сэмюэл 40
Хасбулатов Руслан 11
Хейг Александр 77
Хемингуэй Эрнест 210, 522
Херлинг-Грудзинский Густав 501

Херцог Роман 265
Хини Шеймас 437
Хлебников Велимир 69
Холмогоров Егор 535, 536, 538
Хольм Керстин 336
Хоменко Олег 93
Христос Иисус 19, 441
Хрущев Никита 314

Ц

Цацан Фикрет 500
Циолковский Константин 124
Цыганков Виталий 415

Ч

Чаадаев Петр 616
Чарухин Константин 459
Чаушеску Николае 300
Чергинец 127, 131
Чергинец Николай 375, 450, 513
Чернявская Юлия 343, 458, 525, 555, 672
Чернякевич Тихон 380, 713
Черчилль Уинстон 490, 491, 532, 657
Чехов Антон 6, 195, 208, 559, 641
Чигирь Михаил 253
Чорный Кузьма 144, 385
Чудаева Валентина 263
Чудакова Мариэтта 538

Ш

Шагал Марк 466
Шаламов Варлам 328, 329, 392, 393, 598, 610, 694
Шапран Сергей 697
Шаров Владимир 408
Шарый Андрей 419, 420, 422, 424, 425, 427
Швейцер Альберт 351
Шевченко Тарас 638
Шекспир Уильям 500
Шеремет Павел 52, 53, 329
Шерман Карлос 442, 679
Шиманец Виржини 388

Ширак Жак 74
Шишкин Михаил 533
Шмеман Александр 428
Шнип Виктор 704
Шойгу Сергей 471
Шойинка Воле 438
Шолохов Михаил 488, 489, 506, 533, 534
Шпильхаген Эдит 262
Шредтер Элизабет 40
Штайнмайер Вальтер 425
Шупа Сергей 317, 318, 319, 331, 334, 497, 572, 599
Шут Надежда 647
Шушкевич Станислав 66, 102, 120, 511

Э

Эренбург Илья 388
Эрикссон Стефан 578-583, 592, 659, 660
Эрхард Людвиг 188

Ю

Юнг Карл 56

Я

Явлинский Григорий 252
Якубович Павел 50, 51, 53, 54, 57-61, 64, 66, 173-176, 178, 179,
181, 183, 184, 186, 189, 453, 454
Яновский Казимир 25
Янукович Виктор 426, 677, 699
Ясперс Карл 351

Светлана Алексиевич

Родилась в Станиславе (ныне Ивано-Франковск) в Украине, мать — украинка, отец — белорус. В 1950 г. семья переехала в Беларусь. Окончила среднюю школу в Копаткевичах Петриковского района Гомельской области, а в 1972 г. — факультет журналистики Белорусского государственного университета. Работала в районных газетах в Наровли и Березе, в «Сельской газете», заведовала отделом очерка и публицистики журнала «Неман». Член Союза писателей СССР (1983). Член Белорусского ПЕН-центра (1989).

Автор книг «У войны не женское лицо», «Последние свидетели», «Цинковые мальчики», «Зачарованные смертью», «Чернобыльская молитва», «Время second-hand (Конец красного человека)».

В 2015 г. Светлане Алексиевич присуждена Нобелевская премия в области литературы «за ее многоголосное творчество — памятник страданию и мужеству в наше время».

Summary

In 2015, the Swedish Academy honored Sviatlana Alexievich with the Nobel Prize in Literature, distinguishing the Belarusian author “for her polyphonic writing, a monument to suffering and courage in our time.”

In current day Belarus, Alexievich’s books remain unpublished by state presses, and are absent from recommended reading lists of schools and universities. An outspoken critic of the Lukashenka government, Alexievich is *persona non grata* on Belarusian state radio and tv.

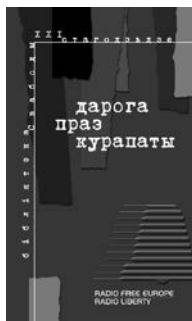
Since the early 1990s, Sviatlana Alexievich has been a frequent guest of RFE/RL. She has been the subject of interviews and reports, and has participated in numerous discussions and on-line conferences.

Compiled on these pages are transcripts of those appearances, critiques of her works by various reviewers, and reports on her meetings with RFE/RL audiences.

«Бібліятэка Свабоды. XXI стагодзьдзе» — кніжны праект Беларускай службы Радыё Свабода. Чытайце ў інтэрнэце: www.svoboda.org

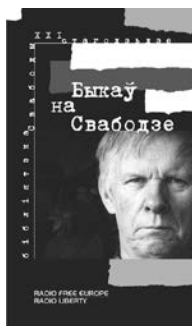
Верш на Свабоду.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2002. —
464 с.

**Дарога
праз Курапаты.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2002. —
464 с.: іл.

**Poems on Liberty:
Reflections for
Belarus.**
*Пераклады Веры
Рыч.*
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2004. —
312 с.

Быкаў на Свабодзе.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2004. —
536 с.: іл.

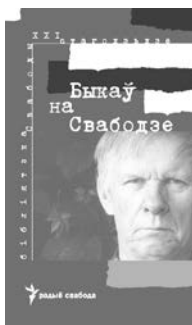
Быкаў на Свабодзе.
Збор выступаў
клясыка беларускай
літаратуры ў этэры
Радыё Свабода.
Аўдыёдыск.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2004.

**Дуліна
ад Барадзіліна.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2004. —
254 с.: іл.

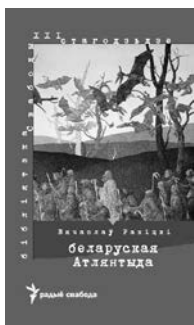
Аляксандар Лукашук.
Прыгоды АРА ў Беларусі.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2005. —
500 с.: іл.

Быкаў на Свабодзе.
2-е выд.,
дапоўненае.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2005. —
662 с.: іл.

Сяргей Дубавец.
Вострая Брама.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2005. —
520 с.

Вячаслаў Ракіцкі.
**Беларуская
Атлянтыда.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2006. —
504 с.: іл.

**Плошча, 19.03—
25.03.2006.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2006. —
400 с.: іл.

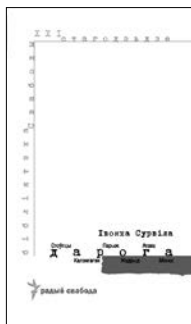
Вінецзь Мудроў.
Альбом сямейны.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2007. —
232 с.: іл.

**Начная чытанка.
50 аўтараў з этэру
Радыё Свабода.**
Мультымэдыйны
дыск.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2007.

Уладзімер Арлоў.
Імёны Свабоды.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2007. —
576 с.: іл.

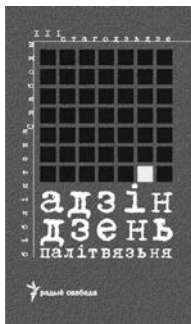
Івонка Сурвіла.
**Дарога. Стоўпцы -
Капэнгаген -
Парыж - Мадрыд -
Атава - Менск.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2008. —
144 с.: іл.

Пётра Садоўскі.
Мой шыбалет.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2008. —
426 с.: іл.

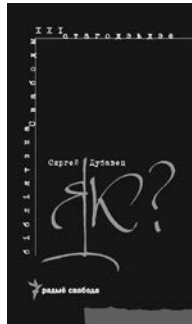
**Начная чытанка 2.
50 аўтараў з этэру
Радыё Свабода.**
Мультымэдыйны
дыск.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2009.

**Адзін дзень
палітвязьня.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2009. —
364 с.: іл.

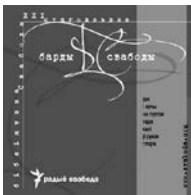
Юры Дракахруст.
Акцэнтны Свабоды.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2009. —
430 с.: іл.

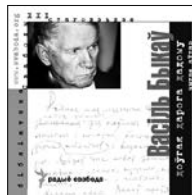
Сяргей Дубавец.
**Як? Азбука
паводзінаў.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2009. —
252 с.: іл.

Міхась Скобла.
Вольная студыя.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2009. —
554 с.: іл.

Барды Свабоды.
Зборнік гутарак
і песень 50
удзельнікаў
аднайменнай
перадачы
Радыё Свабода.
Мультымэдыйны
DVD-дыск.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2010.

Васіль Быкаў.
**Доўгая дарога
дадому.**
Чытае аўтар.
Мультымэдыйны
дыск.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2010.

Вячаслаў Ракіцкі.
**Беларуская
Агінтыда.**
Кніга другая.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2010. —
352 с.: іл.

Сто бардаў Свабоды.
Зборнік гутарак і песень 100 удзельнікаў перадачы «Барды Свабоды». Мультымедычны DVD-дыск. Радыё Свабодная Эўропа/Радыё Свабода, 2011.

Галіна Руднік.
Птушкі пералётныя.
Радыё Свабодная Эўропа/Радыё Свабода, 2011. — 192 с.: іл.

Галасы Салідарнасці.
Міжнародная падтрымка беларускай дэмакратыі. Мультымедычны DVD-дыск. Радыё Свабодная Эўропа/Радыё Свабода, 2011.

Вячаслаў Раціцкі.
Сто адрасоў Свабоды.
Радыё Свабодная Эўропа/Радыё Свабода, 2011. — 330 с.

Саўка ды Грышка.
Год першы.
Калекцыя 50 песьняў – падзеі году ў сатырычным дуэце Лявона Вольскага з самім сабой на Радыё Свабода. Радыё Свабодная Эўропа/Радыё Свабода, 2011.

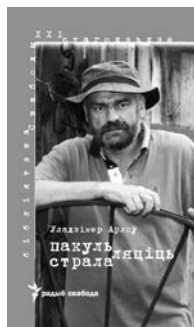
Альгерд Бахарэвіч.
Малая мэдчыная энцыклапедыя Бахарэвіча.
Радыё Свабодная Эўропа/Радыё Свабода, 2011. — 320 с.: іл.

Аляксандар Лукашук.
След матылька.
Освальд у Менску.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2011. —
390 с.: іл.

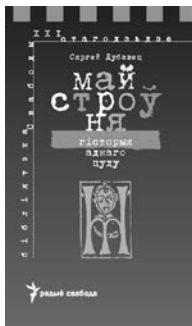
Адзін дзень
палітвязьня.
2009—2011.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2011. —
328 с.: іл.

Уладзімер Арлоў.
Пакуль ляціць
страла.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2012. —
400 с.: іл.

Уладзімер Арлоў.
Імёны Свабоды.
Аўдыёкніга.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2012.

Сяргей Дубавец.
Майстроўня.
Гісторыя аднаго
цуду.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2012. —
464 с.: іл.

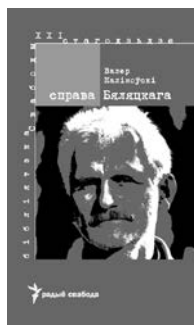
Слоўнік свабоды.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2012. —
516 с.

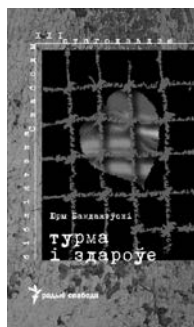
**Саўка ды Грышка.
Сто песень.
2010-2012.**
Поўны збор запісаў
сатырычнага дуэту
Лявона Вольскага з
самім сабой на Ра-
дыё Свабода. Радыё
Свабодная Эўропа/
Радыё Свабода,
2012

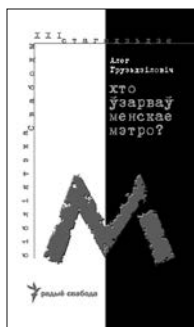
**Альгерд Бахарэвіч.
Гамбургскі рахунак
Бахарэвіча.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2012. —
428 с.: іл.

**Валер Каліноўскі.
Справа Бяляцкага.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2012. —
364 с.: іл.

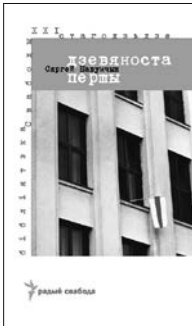
**Юры Бандажэйскі.
Турма і здароўе.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2013. —
250 с.: іл.

**Алег Грузьдзіловіч.
Хто ўзарваў менскае
мэтро?**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2013. —
354 с.: іл.

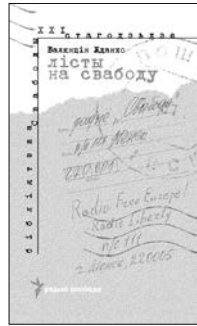
**Юрась Бушлякоў.
Жывая мова.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2013. —
294 с.: іл.

Сяргей Навумчык.
Дзевяноста першы.
 Радыё Свабодная
 Эўропа/Радыё
 Свабода, 2013. —
 536 с.: іл.

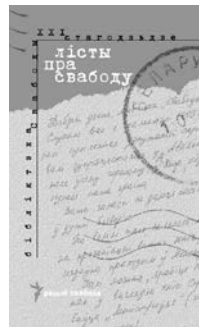
Анатоль Лябедзька.
**108 дзён і начэй у
 засьценках КДБ.**
 Радыё Свабодная
 Эўропа/Радыё
 Свабода, 2013. —
 434 с.: іл.

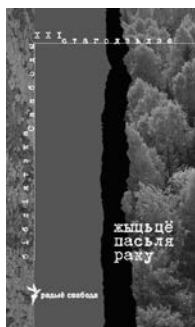
Валянцін Жданко.
Лісты на Свабоду.
 Радыё Свабодная
 Эўропа/Радыё
 Свабода, 2014. —
 428 с.

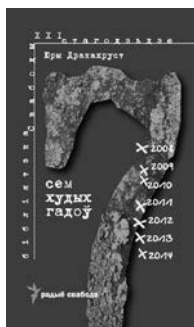
Альгерд Бахарэвіч.
Календар Бахарэвіча.
 Радыё Свабодная Эўропа/Радыё Свабода,
 2014. — 464 с.: іл.

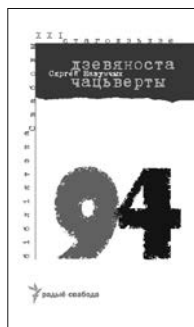
Лісты пра Свабоду.
 Радыё Свабодная
 Эўропа/Радыё
 Свабода, 2014. —
 314 с.

Жыцьцё пасьяля раку.
Радые Свабодная
Эўропа/Радые
Свабода, 2014. —
220 с.

Юры Дракахруст.
Сем худых гадоў.
Радые Свабодная
Эўропа/Радые
Свабода, 2014. —
406 с.

Сяргей Навумчык.
**Дзевяноста
чацьверты.**
Радые Свабодная
Эўропа/Радые
Свабода, 2015. —
350 с.: іл.

(НЕ :)
вясёлыя карцінкі.
Радые Свабодная Эўропа/Радые Свабода,
2014. — 64 с.: іл.

Уладзімер Арлоў.
Імёны Свабоды.
3-е выд., дап.
Радые Свабодная
Эўропа/Радые
Свабода, 2015.
668 с.: іл.

Сяргей Абрамэўка.
Мой Картаген.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2015. —
316 с.: іл.

Сяргей Навумчык.
Дзевяноста пяты.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2015. —
324 с.: іл.

**Святлана
Алексіевіч
на Свабодзе.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2015. —
722 с.: іл.

Вінцук Вячорка.
**Па-беларуску зь
Вінцуком Вячоркам.**
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2016. —
364 с.: іл.

Сяргей Навумчык.
Дзевяноста першы.
2-е выд., дап.
Радыё Свабодная
Эўропа/Радыё
Свабода, 2016. —
544 с.: іл.